Russian Academy of Sciences

Department of Historical and Philological Sciences

Scientific Council on the Fundamental Problems
of Russian and Foreign History

Section for the Problems of Agrarian History

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences

Voronezh State University

THE AGRARIAN HISTORY OF EASTERN EUROPE YEARBOOK 2019

Problems of agrarian development of Russia in the XIV—XX centuries

Voronezh Publishing and printing center "Nauchnaya kniga" 2020 Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет РАН по фундаментальным вопросам
российской и зарубежной истории
Секция по проблемам аграрной истории
Институт российской истории РАН
Институт славяноведения РАН
Воронежский государственный университет

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 2019 год

Проблемы аграрного развития России XIV—XX вв.

Воронеж Издательско-полиграфический центр «Научная книга» 2020 УДК 94(4):338.43.02 ББК 63.3(4)-21+65.32-18 Е36

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» — издание Секции по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия:

О. В. Горбачев, А. А. Горский (ответственный редактор), В. А. Ильиных, М. Д. Карпачев, А. И. Комиссаренко, В. В. Кондрашин (ответственный редактор), Л. Н. Мазур, В. Н. Никулин, В. Д. Назаров,

Н. В. Соколова (ответственный секретарь), Д. А. Хитров, С. В. Черников, Е. Н. Швейковская

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-22014

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Пробле-836 мы аграрного развития России XIV—XX вв. / Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории; отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. — 252 с. — ISBN 978-5-4446-1505-8. — Текст: непосредственный.

ISSN 2305-5057

В очередном томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» представлена часть материалов XXXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы за значительный хронологический период — с XIV по XX в. Статьи сочетают конкретные тематические разработки широкого диапазона с историографическим и источниковедческим анализом.

УДК 94(4):338.43.02 ББК 63.3(4)-21+65.32-18

ISSN 2305-5057

- © Коллектив авторов, 2020
- © Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, 2020

ISBN 978-5-4446-1505-8

© Изд. оформление. Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. Л. Грязнов «КНЯЗЬ, ЯКО ПОД СВОЕЮ РУКОЮ ИМЕША МАНАСТЫРЬ». КНЯЖЕСКИЕ МОНАСТЫРИ НА БЕЛООЗЕРЕ И В ВОЛОГДЕ В XIV—XVI ВВ
Е. Н. Швейковская РОЛЬ СЕРВИТУТОВ В ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ XVI—XVII ВВ.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА
Д. Е. Гневашев ЯМСКОЕ СТРОЕНИЕ В ВОЛОГОДСКОМ УЕЗДЕ В СЕРЕДИНЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII В32
В. И. Иванов ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСТВО ВОЛОГОДСКОГО СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В
М. С. Черкасова СЕВЕРНОРУССКИЕ ПОРЯДНЫЕ XVII — НАЧАЛА XVIII В.: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
3. А. Тимошенкова СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩИННЫХ СТРУКТУР С МОНАСТЫРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В
Ю. Н. Смирнов РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ЗЕМЛЯХ БАШКИР В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ В XIX В
Л. М. Артамонова НАДЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН И ДРУГИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗЕМЛЯМИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ВОЙСКА В СЕРЕДИНЕ XIX В
М. Д. Карпачев СОЦИАЛЬНЫЙ МИР РУССКОЙ ДЕРЕВНИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В
О. В. Смурова ВКЛАД КРЕСТЬЯН-ОТХОДНИКОВ В РАЗВИТИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД)98
Н. М. Александров КРЕСТЬЯНСКИЕ ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ И СЕЛЬСКИЙ ПОРЕФОРМЕННЫЙ СОЦИУМ
Г. А. Николаев ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ 113

В. Н. Никулин ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НОВГОРОДСКИХ ПОМЕЩИКОВ-ДВОРЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ121
Е. П. Баринова ПРОЕКТЫ «НАСАЖДЕНИЯ ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ» В СИБИРИ И ИХ СУДЬБА138
С. В. Беспалов СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС РУССКОЙ ДЕРЕВНИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ В ВОСПРИЯТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА145
Д. А. Сафонов АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РОССИЙСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ152
В. А. Саблин ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РОССИИ В АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917—1921 ГОДОВ 158
О. М. Семерикова СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНОК В УРАЛЬСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ КОММУНАХ (1918—1924 ГГ.)170
В. В. Наухацкий ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР СЕЛА В ПЕРИОД НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ)177
А. В. Берлов УЧЕНЫЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ В 1920-Е ГГ. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА186
О. А. Сухова ИТОГИ ОБЩИННОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СССР В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.: СТАДИЯ ТЕРМИДОРА ИЛИ РЕБРЕНДИНГ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ?193
В. В. Кондрашин КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА И НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УСПЕХА В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ СТАЛИНСКОЙ «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ»
О. Б. Мозохин К ВОПРОСУ О «ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ»
В. Б. Лапердин РАЙОННЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 1930-Х ГГ
И. В. Логунова «ПСЕВДОСОБСТВЕННИКИ» КАК ЯВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1990-Х ГГ 230
О. М. Вербицкая АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1990-Х ГГ.: НАСТРОЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ237

CONTENTS

"PRINCE, YOU HAVE A MONASTERY UNDER YOUR HAND". MONASTERIES ON BELOOZERO AND VOLOGDA IN THE XIV—XVI CENTURIES PATRONIZED
BY PRINCES
Shveikovskaya E. N. THE ROLE OF SERVITUDES IN LANDHOLDING AND LAND USE IN RUSSIA IN THE XVI AND XVII CENTURIES
Gnevashev D. E. ARRANGEMENT OF STAGE STATIONS IN THE VOLOGDA DISTRICT IN THE MIDDLE OF THE XVI — EARLY XVII CENTURY
Ivanov V. I. LAND OWNERSHIP AND PEASANTRY OF VOLOGDA PRILUTSKY MONASTERY OF OUR SAVIOUR IN THE XVI — FIRST THIRD OF XVII CENTURIES
Cherkasova M. S. NORTH-RUSSIAN PEASANT "CONTRACTS" ("PORIADNYE") OF THE XVII — EARLY XVIII CENTURIES: SOCIAL AND LEGAL ASPECTS
Timoshenkova Z. A. AREAS OF INTERACTION BETWEEN COMMUNITY STRUCTURES AND MONASTIC ADMINISTRATION IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN THE SECOND HALF XVII — EARLY XVIII CENTURIES
Smirnov Y. N. THE SOLUTION OF THE QUESTION OF THE LANDS OF THE BASHKIRS IN THE STEPPE TRANS-VOLGA REGION IN THE XIX CENTURY
Artamonova L. M. DISTRIBUTION OF THE LANDS OF THE STAVROPOL KALMYK REGIMENT TO PEASANTS AND OTHER MIGRANTS IN THE MID OF XIX CENTURY
Karpachev M. D. THE SOCIAL LIFE OF THE RUSSIAN VILLAGE AND THE PROBLEM OF FOOD SECURITY AT THE SECOND PART OF THE XIX AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURY82
Smurova O. V. THE CONTRIBUTION OF SEASONAL MIGRANTS IN ST. PETERSBURG TO THE DEVELOPMENT OF THE RURAL INFRASTRUCTURE IN THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY (MICRO HISTORICAL APPROACH)
Aleksandrov N. M. PEASANT SEASONAL WORKS AND RURAL SOCIETY AFTER THE ABOLITION OF SERFDOM

<i>Nikolaev G. A.</i> LABOR MIGRATION OF THE CENTRAL VOLGA PEASANTRY IN THE SECOND HALF OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY: SOCIO-CULTURAL ASPECT113
<i>Nikulin V. N.</i> LAND TENURE OF NOVGOROD'S LANDOWNING NOBLES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY121
Barinova E. P.
THE PROJECTS OF "DEVELOPING PRIVATE LAND OWNERSHIP" IN SIBERIA
Bespalov S. V. SOCIAL CRISIS OF THE RUSSIAN COUNTRYSIDE AT THE TURN OF THE XIX—XX CENTURIES IN THE PERCEPTION OF REPRESENTATIVES OF THE NOBILITY145
Safonov D. A. THE AGRARIAN REVOLUTION: THE RUSSIAN VERSION152
Sablin V. A. THE ELIDODEAN MODELLOE DUCCIA IN THE ACD ADIAN DEVOLUTION OF 1017, 1021, 150
THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE AGRARIAN REVOLUTION OF 1917—1921 158 Semerikova O. M.
THE FATE OF PEASANT WOMEN IN THE URAL AGRICULTURAL COMMUNES (1918—1924)170
Naukhatskiy V. V.
EVOLUTION OF SOCIAL STRUCTURES OF THE RURAL AREAS DURING THE NEP PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM THE NORTH CAUCASUS TERRITORY)177
<i>Berlov A. V.</i> SCIENTISTS OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN EUROPE IN THE 1920S ON THE ECONOMIC ASPECTS OF THE BEHAVIOR OF THE PEASANTRY
Sukhova O. A.
THE RESULTS OF THE COMMUNAL REVOLUTION AND THE PROSPECTS FOR
AGRARIAN MODERNIZATION IN THE USSR AT THE END OF THE 1920S: THE THERMIDOR STAGE OR THE REBRANDING OF MOBILIZATION PROJECTS? 193
Kondrashin V. V.
PEASANT COMMUNITY AND FORCED COLLECTIVIZATION: TO THE QUESTION
OF THE REASONS FOR THE SUCCESS IN THE SOVIET VILLAGE OF THE STALINIST
"REVOLUTION FROM ABOVE"
Mozokhin O. B. ON THE QUESTION OF THE "LABOR PEASANT PARTY"216
Laperdin V. B.
REGIONAL AUTHORITIES OF WEST SIBERIAN TERRITORY IN THE GRAIN PROCUREMENT CAMPAIGNS OF 1930S223
<i>Logunova I. V.</i> "PSEUDO-OWNERS" AS A PHENOMENON OF AGRARIAN REFORM IN THE 1990S230
<i>Verbitskaya O. M.</i> AGRARIAN REFORMS OF THE 1990S IN THE OPINIONS OF THE RURAL SOCIETY 237
SUMMARY246

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый том Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы входит часть материалов XXXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы за значительный хронологический период — с XIV по конец XX в. Статьи сочетают конкретные тематические разработки широкого диапазона с историографическим и источниковедческим анализом.

Период XIV — первой половины XIX в. представлен в томе статьями: о строительстве княжеских монастырей на Белоозере и в Вологде в XIV—XVI вв.; о социальном составе крестьянства и рентных отношениях в церковно-монастырских земледельческих хозяйствах Устюжско-Сольвычегодского края в XVII — начале XVIII в.; о взаимодействии монастырской администрации и крестьянской общины в XVI — начале XVIII в.; о земельных и этнических аспектах аграрной колонизации Степного Заволжья в конце XVIII — первой половине XIX в. Историографический интерес для исследователей, занимающихся всеми периодами аграрной истории России, вызывает помещенная в данный хронологический блок работа с постановкой проблемы о роли сервитутов в землевладении и землепользовании деревни в XVI—XVII вв. Во всех статьях по феодальному периоду российской истории традиционно присутствует фундированный источниковедческий анализ.

В блоке, посвященном актуальным проблемам аграрного развития России во второй половине XIX — начале XX в., основное внимание уделено экономическим и социокультурным аспектам трудовых миграций крестьян. Авторы статей по данной теме пришли к общему выводу о в целом позитивном влиянии отхожих промыслов на экономическое положение крестьянства и культурный уровень сельского населения. Ряд работ посвящен «дворянскому вопросу». В них освещены неудавшиеся проекты насаждения частной дворянской земельной собственности в Сибири, реконструирована трактовка дворянскими публицистами причин и последствий социального кризиса русской пореформенной деревни. Дискуссионный характер имеет статья, в которой определена роль крестьянской общины в обеспечении продовольственной безопасности. Автор считает исторически неизбежным кризис крестьянской общины, не располагавшей ресурсами для решения хронической в российской пореформенной деревне продовольственной проблемы. Экономическая несвобода крестьян-общинников являлась базовым препятствием для развития эффективной аграрной экономики.

В хронологическом блоке, посвященном дискуссионным проблемам советского и постсоветского периода отечественной историографии, основное внимание уделено анализу содержания, хода и последствий аграрной (общинной) революции 1917—1921 гг.; экономическим, социальным и ментальным предпосылкам перехода советского государства к политике радикальной модернизации сельского хозяйства в конце 1920-х гг.; поведенческим стратегиям и тактикам сельского социума в усло-

виях проводимой государством радикальной аграрной реформы в конце XX в. Важное теоретическое значение имеют выводы о факторах успеха аграрной революции «сверху» в начале 1930-х гг. Причинами поражения крестьянской общины в ее борьбе с большевистским режимом являлись «зачистка» деревни от потенциально опасных властям лиц, раскол деревни по социальному и возрастному признаку, выделение и организационное оформление групп, активно поддерживающих политику государства, ликвидация сельского самоуправления.

В конкретно-исторических статьях по советскому периоду исследованы гендерные аспекты функционирования уральских сельскохозяйственных трудовых коммун в 1918 — первой половине 1920-х гг.; проанализированы взгляды ученых русской эмиграции в 1920-е гг. на экономическое поведение крестьянства; показан механизм конструирования органами безопасности несуществующей «Трудовой крестьянской партии»; реконструированы отношения между районными властями и руководством Западно-Сибирского края при проведении хлебозаготовительных кампаний в 1930-е гг.

Редколлегия

«КНЯЗЬ, ЯКО ПОД СВОЕЮ РУКОЮ ИМЕША МАНАСТЫРЬ». КНЯЖЕСКИЕ МОНАСТЫРИ НА БЕЛООЗЕРЕ И В ВОЛОГДЕ В XIV—XVI ВВ.²

В статье рассматривается традиция строительства монастырей и покровительства им разными представителями династии Рюриковичей в XIV—XVI вв. на примере Вологодско-Белозерского региона.

Ключевые слова: монастыри; агиография; княжество; удел; вотчина.

На протяжении длительного периода российской истории монастыри были неотъемлемым элементом сельского ландшафта. Одним из районов, отличавшихся высокой плотностью монастырей, был Вологодско-Белозерский регион. Традиционно в отечественной историографии применяется деление духовных корпораций в зависимости от размера их благосостояния (экономической мощи и духовной роли), определяемого через размер вотчин: крупные, средние и малые³. Такой подход вполне оправдан, тем не менее он подразумевает оценку монастыря в относительно «зрелом возрасте», т. е. уже как итог его экономического и социального развития. За скобками остаются события и факторы, повлиявшие на раннюю историю и сам факт возникновения монастыря. Кроме того, практикуется изучение монастырей по отдельным регионам⁴. Предлагаются и другие критерии для систематизации монастырей [31, с. 116—121; 22, с. 316]. Определение причин и обстоятельств возникновения монастырей, критериев при выборе их расположения, выявление связи между датой и местом основания, функциями монастыря позволит уловить процессы, протекавшие в обществе в XIV—XVII вв. Используя такой подход, можно выделить несколько групп монастырей [9]. Жестких границ в такой классификации нет, и отдельные категории могут взаимно пересекаться, что связано как с лапидарностью источников, так и с трудностью точного определения веса разных факторов в ранней истории монастырей, а также эволюцией самих монастырей. На Руси самым ранним типом монастырей были княжеские [6, с. 56].

 $^{^1}$ Грязнов Анатолий Леонидович, НП «НИЦ «Древности», rubicon-2@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

 $^{^2}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Вологодской области в рамках научного проекта № 19-49-350001.

 $^{^3}$ Применительно к вологодским монастырям, например, такую градацию применял еще В. Н. Сторожев [33].

⁴Для Вологодского уезда можно привести ряд примеров [16; 35; 38].

Древнейшим монастырем Вологодского края¹ был Спасо-Каменный. Сказание о Спасо-Каменном монастыре, составленное Паисием Ярославовым, связывает его возникновение с путешествием кн. Глеба Борисовича, внука великого кн. Константина Всеволодовича. Источникам князь с таким именем неизвестен и в историографии он отождествляется с белозерским, а затем ростовским кн. Глебом Васильковичем. Однако это не единственная ошибка Паисия Ярославова. Действительно, путь из Белозерья, одной из частей владений Глеба Васильковича, в Великий Устюг, другую часть его владений, пролегал через Кубенское озеро, и наверняка Глеб Василькович бывал в этих местах. Однако дата путешествия князя, указанная в Сказании — 6849 (т. е. 1340/41 г.), значительно отстоит от времени жизни Глеба Васильковича, скончавшегося в 1278 году. Кроме того, в Сказании говорится о том, что на Каменном острове уже жило 23 монаха, князь же повелевает строить церковь и назначает игумена. В этом известии Паисий смешивает черты реальных взаимоотношений князя-учредителя с патронируемой им обителью и свои представления о внутренней структуре монастыря. На острове уже есть довольно значительный коллектив монашествующих, что отсылает нас к практике общежительных монастырей, что для XIII в. является анахронизмом, но у этих монахов нет игумена, что малообъяснимо. Неясно, как и зачем они попали на остров, что делают и чем питаются, поскольку ресурсы крошечного острова не дают возможности прокормиться такому значительному числу людей. Значит, у монахов должны быть угодья на материке, но откуда они у них могли бы взяться? Назначение князем игумена выдает в новом монастыре именно княжеский монастырь, в котором определяющую роль играет владелец/ ктитор. Не объясняется в Сказании и то, почему вместо ростовских или белозерских князей (потомков Глеба Васильковича) место владельцев-ктиторов островной обители заняли князья Ярославской династии. Все это заставляет внимательней обратиться к более позднему периоду истории монастыря.

Сохранившиеся акты свидетельствуют о тесной связи Спасо-Каменного монастыря с представителями Ярославской княжеской династии уже в самом начале XV в. Представители ее старшей линии свободно распоряжаются вотчинами монастыря, как жалуют их, так и изымают, производят обмены. Например, кн. Федор Васильевич «взял... землю спаскую Баскаче» и в духовной грамоте велел своему сыну Александру вместо нее передать в монастырь другие владения. Позднее кн. Александр Федорович произвел обмен землями с монастырем, изъяв вотчины, данные в монастырь его людьми. Менялся землями с монастырем и его сын Данило Пенко [3, № 263, 264, 271, с. 280—281, 285]. Свидетельства актов можно истолковать в том плане, что хотя отношения между князьями и монастырем и были довольно тесными, но не выходили за рамки отношений монастыря и вкладчика. Проясняет статус Спасо-Каменного монастыря в середине XV в. сообщение Иосифа Волоцкого, который в одном из своих посланий приводит пример Троице-Сергиева и Спасо-Каменного монастырей, которых «под своею рукой имеша» местные князья — Василий Ярославич Серпуховской и Александр Федорович Ярославский. По свидетельству Иосифа Волоцкого, Александр Федорович, приходя в монастырь, приводил с собой своих псов и в монастыр-

¹Из последних работ, касающихся именно истории княжеств и княжеского землевладения в районе Вологды, см.: [8; 10; 23; 36].

ской трапезной требовал кормить их той же пищей, что и его самого (правда, стоит учитывать, что это полемический выпад, который может содержать некоторую долю преувеличения). Такое отношение побудило игумена и старцев обратиться к Василию II с просьбой взять монастырь под свое покровительство [27, с. 201—202].

Покровительство Спасо-Каменному монастырю оказывали представители и другой ветви ярославских князей. В рукописи XV в., содержащей материалы для Сказания Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре, говорится, что кн. Дмитрий Васильевич Заозерский (брат князя Федора Васильевича) дал в Каменный монастырь село Ивановское и деревню Лахмокурье [25, с. 88]. Позднее пострижеником монастыря стал его сын Андрей, канонизированный под именем Иоасафа Каменского [30, с. 42, 54—58]. Спасо-Каменный монастырь действительно находился вблизи владений кн. Дмитрия Заозерского, в восьми с небольшим километрах от его резиденции, а монастырская вотчина, упомянутая в этом известии, составляла ближайший к монастырю владельческий комплекс, располагаясь по правому берегу Кубены до ее впадения в Кубенское озеро.

Благодаря расположению на острове Каменный монастырь был, с одной стороны, экстерриториален (т. е. вне пределов владений конкретной линии Ярославских князей), а с другой — к нему был возможен доступ всех князей, владения которых выходили к берегам Кубенского озера. Поэтому его можно считать общим богомольем князей Ярославской династии, владевших уделами в районе Кубенского озера. Традиция эта, судя по всему, восходит ко временам кн. Василия Давыдовича Грозные Очи, поскольку в заметках, послуживших основой для составления Сказания о Спасо-Каменном монастыре, содержится известие о его вкладе в Спасо-Каменный монастырь [25, с. 63—64, 90], что отсылает нас в первую половину — середину XIV в. и соотносится с указанием Сказания о Спасо-Каменном монастыре на 1340 г. как на дату его основания. В свете этой информации более весомым выглядит предположение А. А. Турилова о том, что под основателем Спасо-Каменного монастыря кн. Глебом Борисовичем имелся в виду сын Василия Давыдовича Ярославского Глеб Васильевич [34]. Правда, скорее всего, дата основания монастыря, данная в Сказании, была высчитана самим Паисием Ярославовым, поскольку в подготовительных заметках сюжет с кн. Глебом датируется 6759 годом, т. е. связан с летописным сообщением о его поездке на Белоозеро. Причем, как показала О. Л. Новикова, в ряде летописей, из которых, судя по всему, и было заимствовано это известие, тоже было указано ошибочное отчество кн. Глеба — Борисович [25, с. 46—50].

Выделение на рубеже XIV—XV вв. владений в районе Кубенского озера разным линиям ярославских князей формирует новые уделы и, соответственно, административные и политические центры в них. Именно в это время Спасо-Каменный монастырь становится очагом распространения монастырского строительства. Выходцами из этого монастыря были Дионисий Глушицкий, Александр Куштский, Евфимий Сямженский и Пахомий Великоозерский, деятельность которых на рубеже XIV—XV вв. связана с землями, находившимися под властью князей Ярославской династии, и даже выходит на сопредельные территории.

Считается, что житие Александра Куштского составлено в 70-х гг. XVI в. и использует историческую информацию Сказания о Спасо-Каменном монастыре и жития Дионисия Глушицкого. Скорее всего, это мнение справедливо для окончательной

редакции жития, однако в нем есть значительный пласт информации, существенно расширяющий наши знания о социально-политической ситуации в Заозерье в первой половине XV в. и обстоятельствах основания Александро-Куштского монастыря. В редакции В жития Александра Куштского сообщается о том, что сначала он основал пустынь на Сямжеме, но потом пришел в Закушье в пустынь к преподобному Евфимию. Через некоторое время Александр и Евфимий решили поменяться своими монастырями. Евфимий ушел на Сямжему, а Александр остался в Закушье. Землями в этом районе владел князь Дмитрий Заозерский, который вместе с супругой Марией и стал оказывать поддержку монастырю. Редакция А жития Александра не содержит сюжета об обмене монастырями.

Редакция жития, содержащаяся в Тулуповской минее, содержит больше конкретных сведений. В ней отсутствует сюжет об обмене монастырями, но подробнее дается линия отношений Александра Куштского и заозерских князей. По этой редакции в устье Кубены землями владели князья Дмитрий и Семен¹. Кн. Дмитрий дал все потребное на создание обители, в том числе евангелие и иконы. После его смерти княгиня Анна еще при жизни Александра неоднократно посещает обитель, беседует с преподобным и дает в монастырь деревни Горку, Окулинино и Лавы. Особо в житии указано, что боярин Василий Коляба дал деревню Колябино [30, с. 282—283]². Эти сведения отсутствуют в других более ранних агиографических сочинениях и находят подтверждение в писцовой книге 1626—1628 гг. По ней в Закушской волости за Александро-Куштским монастырем числились сц. Колябино, д. Лавы, д. Окулинино, сц. Горка, пустоши Спасское, Каблуково и Соколово [32, с. 270—271]. Поскольку Колябино располагалось недалеко от Куштского монастыря и с. Чиркова, то Василий Коляба, надо полагать, был боярином именно заозерских князей³.

Сведения о вкладах, изложенные в житии Александра Куштского, могли восходить как от реальных преданий, сохранившихся в стенах обители, так и быть реконструированы на основе документов, хранившихся в монастыре. Однако против такой интерпретации говорит то, что в житии упомянуты не все владения Куштского монастыря. Сами владения расположены именно в Закушье, на территории удела заозерских князей, и не составляют единой земельной дачи⁴, т. е. налицо следы разновременных пожалований и вкладов. В целом, в данном случае вполне отчетливо видно,

¹ В. А. Кучкин считает, что в данном случае под вторым из братьев имеется в виду не брат Дмитрия Васильевича Заозерского Семен Новленский, а один из его сыновей [20, с. 294].

² В публикации жития в заголовке «О князи Димитрии, иже на Устии» осталось не прочитанным последнее слово (отмечено многоточием), а во фразе о вкладе в монастырь княгини Марии неверно прочитаны названия деревень. Вместо «по душе деревню Горку Шкуликино, и славы и доныне» в тексте жития читается «по душе деревню Горку, Окулинино и Лавы и доныне» (ОР РГБ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 677. Л. 66 об.).

³ Реальность существования боярина Василия Колябы возрастает, если учесть, что еще одно Колябино находилось в Грибцовской волости и принадлежало Спасо-Каменному монастырю. Эта вотчина была небольших размеров и, скорее всего, тоже связана с вкладом этого боярина или его ближайших потомков.

⁴ Основная группа поселений в вотчине Куштского монастыря (Колябино, Горка и Лавы) располагалась в пределах одной земельной дачи, в 3,5—4,5 км от Чирково. Отдельные земель-

что на раннем этапе значительную роль играло стремление семьи заозерских князей построить и поддержать монастырь, обеспечить его движимым и недвижимым имуществом.

Житие Евфимия Сямженского ограничивается только информацией, почерпнутой из жития Александра Куштского, и поэтому не содержит никаких сведений относительно связи Спасо-Евфимьева Сямженского монастыря на раннем этапе его истории с каким-нибудь покровителем. Складывается ощущение, что монастырь существует и растет как бы естественным путем. Однако источники XVI в. позволяют скорректировать эту картину. В жалованной грамоте Ивана IV 1541 г. говорится о том, что ранее (как минимум ранее 1512 г.) довольно крупную вотчину (11 деревень и починков) в волости Мола Сямженскому монастырю пожаловал кн. Василий Иванович Голенин. 1526 г. датируется жалованная грамота кн. Василия Даниловича Пенкова, давшему в Сямженский монастырь четыре деревни в Васьяновском станке. В 1530 г. эта грамота была подтверждена его вдовой Анной и сыном Иваном [36, с. 97, 99]. В первой трети XVII в. вотчины Ефимьева Сямженского монастыря располагались в пяти волостях Вологодского уезда [32, с. 37—42], но о великокняжеских пожалованиях именно земельными владениями неизвестно. Поскольку монастырь располагался вблизи владений двух княжеских ветвей (Пенковых и Голениных), то он, судя по всему, получал пожалования от обеих и был именно княжеским монастырем. В этом отношении возможны параллели с Дионисиево-Глушицким монастырем.

По свидетельству Повести о Борисоглебском Ростовском монастыре, Никольский монастырь в Святой Луке был построен в конце XIV в. преподобным Федором Ростовским. Однако через некоторое время из-за противодействия местных жителей он был вынужден уйти [26, с. 9]. Возрождение Святолуцкого монастыря связано с деятельностью Дионисия Глушицкого и Пахомия Великоозерского в начале XV в. Позднее Дионисий тоже ушел, чтобы основать новый монастырь на Глушице, а Пахомий остался на Святой Луке [30, с. 106, 142]. В середине XV в. Святолуцкий монастырь был филиалом Ростовского Борисоглебского монастыря, а позднее великая княгиня Мария Ярославна передала его в веденье Спасо-Каменного монастыря [4, № 268, с. 283]. Следовательно, в это время Борисоглебский монастырь и, соответственно, его филиал Святолуцкий были «княжескими» монастырями. Сравнительно большая вотчина Спасо-Каменного монастыря в Бохтюге, отсутствие в его архиве документов о формировании этой вотчины и указание грамоты великой княгини Марии Ярославны о том, что Святолукский монастырь передается Спасо-Каменному монастырю вместе «з деревнями», свидетельствуют о том, что бохтюжская вотчина Спасо-Каменного монастыря как монастырское владение сформировалась еще до этой передачи. Следовательно, Святолуцкий монастырь обладал сравнительно большой вотчиной, располагавшейся поблизости от монастыря, в верховьях Сухоны. Сформироваться она могла в результате пожалований бохтюжских князей и их служилых людей в первой половине XV в.

Житие Дионисия Глушицкого связывает начальный этап существования *Дионисиево-Глушицкого монастыря* с просьбой преподобного к Дмитрию Васильевичу За-

ные дачи составляли сам Куштский монастырь, д. Спасская и пожня Лавская (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 120. Л. 156 об., 157 об.).

озерскому о предоставлении помощи. В ответ заозерский князь послал Дионисию «древоделов». В дальнейшем покровительство монастырю оказывал уже кн. Юрий Иванович Бохтюжский [30, с. 109, 115, 145, 154—155]. О покровительстве Глушицкому монастырю свидетельствуют жалованная грамота самого кн. Юрия и данные грамоты его сына Семена, 1430-х — 1460-х гг. [4, № 259—262, с. 279—280]. Эти грамоты не исчерпывают весь объем вкладов, поступивших в Глушицкий монастырь в XV в. Судя по расположению вотчин монастыря в XV—XVII вв., часть актов, фиксирующих земельные вклады, была утрачена. Тем не менее размер владений Глушицкого монастыря в его ближайшей округе подразумевает княжеское пожалование, которое, судя по всему, было сделано кн. Юрием Васильевичем еще в начальный период существования обители¹.

В округе Кубенского озера существовали еще и монастыри, княжеский статус которых восстанавливается по косвенным признакам. В первую очередь, это Богородице-Рождественский монастырь на Лысой Горе, располагавшийся рядом с с. Чирково, владельческим центром князей Заозерских. Дата его возникновения неизвестна, как и имена подвижников, связанных с его историей. В первой трети XVII в. этот монастырь уже запустел, а его храм был превращен в приходскую церковь. Тем не менее память о монастыре сохранялась, а при проведении писцовых работ бывшая вотчина монастыря была приписана к этой церкви [14, с. 402; 34, с. 369]. В целом, размер вотчины был мизерным — четыре пустоши, но гораздо больше о ранней истории монастыря говорит не размер владений, а их география. Пустоши располагались в Закушской, Березницкой, Грибцовской и Пустораменской волостях [14, с. 403; 34, с. 370]. Первые три из этих волостей в первой трети XV в. точно входили в состав Заозерского княжества [25, с. 88] (хотя этим владения заозерских князей не исчерпывались — к ним еще должна относиться волость Корна). Следовательно, можно согласиться с мнением А. Дьяконова о том, что возникновение Лысогорского монастыря и наделение его земельными владениями могло относиться ко времени правления Дмитрия Заозерского [14, c. 402].

Лысогорский монастырь находился в трех километрах от Александро-Куштского, и возникает вопрос в причинах близкого расположения двух обителей. Особенно если предполагать, что появились они примерно в одно время. Возможно, ответом является то, что Лысогорский монастырь был женским. Во всяком случае, об этом свидетельствует запись в синодике Дионисиево-Глушицкого монастыря: «Род старицы Ефросинии Лысые Горы» [5, с. 462]².

К числу небольших монастырей, располагавшихся во владениях семьи кн. Дмитрия Заозерского, относится *Свято-Успенский Песношский монастырь*. Он находился в полутора километрах от села Кубенского — центра волости Кубена и, судя

 $^{^1}$ Подробнее о взаимоотношениях Глушицкого монастыря с бохтюжскими князьями см.: [5; 8].

 $^{^2}$ Пример существования парных мужского и женского монастырей находим в истории Дионисиево-Глушицкого монастыря, поблизости от которого находился женский Леонтьевский монастырь.

по всему, в более раннее время — Кубенского княжества¹. Дата основания Песношского монастыря также неизвестна², но и в этом случае определенную подсказку нам дает его землевладение. Во второй половине XVIII в. за Песношским монастырем числилось семь деревень и пустошь, находившиеся неподалеку от села³. О способах и времени их приобретения ничего не известно, но на этот счет можно высказать одно соображение. Небольшой монастырь, удаленный от города и не связанный с деятельностью какого-либо известного подвижника, вряд ли мог надеяться на получение земельных пожалований от великих князей. Во всяком случае, раздробленность монастырских владений (фиксируется не менее трех отдельных частей) подразумевает их разновременное получение. Вхождение Воздвиженской волости в число дворцовых и вероятное отнесение к этой же категории соседних Перебатинской и Кубенской волостей исключает в XVI—XVII вв. существование в их пределах вотчин местных служилых людей. Следовательно, формирование вотчины Песношского монастыря произошло ранее.

Сама Кубена была связана с семьей кн. Дмитрия Васильевича Заозерского. По сообщению родословных, его сын Андрей (будущий Иоасаф Каменский) получил Кубену в приданое от кн. Ивана Дея [28, с. 104]. Судя по всему, именно этот династический брак имеется в виду в житии Андрея/Иоасафа, когда говорится о том, что родители вынудили его жениться. По сообщению той же родословной, Кубена была конфискована у Андрея великим князем. Как бы то ни было, он постригся в монастырь, а фамилию Кубенские усвоили потомки его брата Семена.

Древнейшим монастырем Белозерья был *Троицкий Усть-Шехонский*. В связи со своим положением вблизи города и отсутствием в его ближайшей округе других духовных центров в XV—XVI вв. он функционировал как пригородный монастырь. Тем не менее на раннем этапе своего существования это был типичный монастырь, связанный с местной княжеской династией. Источником по ранней истории монастыря является Повесть о Троицком Усть-Шехонском монастыре. В ней говорится, что недалеко от города Белоозеро существовала Троицкая церковь, в которой явилась чудотворная икона, исцелившая сына кн. Глеба Васильковича Михаила. В благодарность князь отстроил Троицкую церковь и основал на этом месте монастырь. Кроме финансирования монастыря и обеспечения его церковной утварью кн. Глеб поставил в нем игумена. Сын кн. Глеба Михаил продолжил покровительство монастыря и воздвиг в нем Благовещенскую церковь, а игумен крестил его сына Федора [30, с. 319—320]. О связи монастыря с местной княжеской династией говорят не только Повесть и Кормовая книга Усть-Шехонского монастыря⁴, но и расположение его земельных вла-

¹ О том, что в Кубенском действительно располагался владельческий центр, говорят материалы археологических раскопок [2, с. 191—193].

 $^{^2}$ Монастырь уже существовал на рубеже XV—XVI вв., поскольку известна грамота Василия III 1506/7 г. [35, с. 39].

³РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 102. Л. 268, 470 об., 475 об.

⁴ Кормовая книга Троицкого монастыря — вполне самостоятельный источник, но именно сюжет с князем Глебом и его семьей является дословным заимствованием из Повести о Троицком Усть-Шехонском монастыре [21, с. 201—206].

дений. Кроме вотчин в нескольких волостях, за ним числился большой владельческий комплекс в Заболотской волости, расположенный в непосредственной близости от Старого Белоозера. Судя по всему, это было княжеское пожалование, восходящее еще ко временам существования Старого Белоозера в качестве столицы Белозерского княжества.

Угасание местной княжеской династии и переход Белозерья в руки князей московской династии должны были бы сказаться на статусе Усть-Шехонского монастыря. И действительно, крупных пожалований в пользу монастыря уже не обнаруживается. Тем не менее статус монастыря в это время раскрывается в истории, изложенной в судном деле конца XV в. По показаниям старожильцев, деревню Крохинскую, расположенную недалеко от Усть-Шехонского монастыря, князь Андрей Дмитриевич конфисковал после бездетной смерти местного боярина Гаврилы Лаптева, а затем пожаловал Троицкому монастырю. Через некоторое время «монастырь оскудел, игумена не стало», а деревню Крохинскую князь Иван Андреевич пожаловал Ферапонтову монастырю [3, № 332, с. 313—314]. В новом пожаловании князя Ивана Андреевича видим свободное распоряжение землей монастыря князем-ктитором, из чего можно сделать вывод о том, что и во второй четверти XV в. Усть-Шехонский монастырь продолжал оставаться княжеским. Хотя позднее монастырь возродился, конфискация вотчины князем Иваном Андреевичем, судя по всему, знаменовала собой утрату им статуса княжеского монастыря.

Крупнейшей обителью Белозерского края был Кирилло-Белозерский монастырь. В аспекте рассматриваемой темы первостепенное значение имеет судное дело между князем Михаилом Андреевичем и ростовским архиепископом Вассианом Рыло о подсудности Кирилло-Белозерского монастыря, разбиравшееся в 1478/79 г. митрополитом Геронтием [3, № 315, с. 279—282]. Притязания ростовских архиепископов на власть над Кирилловым монастырем были отвергнуты как не имеющие исторического обоснования (хотя позднее под давлением это решение было пересмотрено). Сам монастырь, по мнению представителя белозерского князя дьяка Ивана Ципли, был вотчиной его государя. Князья Андрей Дмитриевич и Михаил Андреевич еще со времен преподобного Кирилла судили игуменов «опрочь духовных дел», ростовские же архиепископы имели над игуменами монастыря власть только по духовным делам и не могли «всылать» в монастырь своих приставов и десятильников. Кроме того, белозерский князь смещал неугодных ему игуменов монастыря и ставил новых. В пользу реальности описываемой ситуации говорят не только сравнительно щедрые пожалования Кириллову монастырю со стороны князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича, но и послание кн. Андрею Дмитриевичу и духовная грамота преподобного Кирилла [3, № 312, с. 273—275; № 314, с. 277—278]. В них он называет кн. Андрея Дмитриевича господином и господарем и благодарит за милостыню, оказываемую монастырю. Кроме того, в духовной Кирилл поручает монастырь его заботе и просит подтвердить пожалования и наказывать тех из братии, кто не будет слушать нового игумена.

Таким образом, в случае с Кирилло-Белозерским монастырем в полный рост видна фигура князя-ктитора, имеющего власть над жизнью монастыря, его благосостоянием и внутренним устройством. Причем эта власть передается по наследству и осуществляется на протяжении восьми десятилетий. В некотором роде такую картину

размывает послание Кирилла к великому кн. Василию Дмитриевичу. В нем он тоже обращается к правителю в уничижительной манере, благодарит за милостыню и называет господином [3, № 311, с. 271—273]. Причина переписки белозерского старца и великого князя и великокняжеской милостыни далекому монастырю кроется, судя по всему, не только в давнем знакомстве Кирилла с великокняжеской семьей. Здесь важна датировка самого послания Василию І. Традиционно она укладывается в промежуток между 1399 и 1403 гг. и приходится на тот период, когда кн. Андрей Дмитриевич еще не вступил во владение своим уделом, и Белозерье находилось под управлением Василия І. Таким образом, великий князь в момент переписки с Кириллом Белозерским, судя по всему, обладал статусом владельца-ктитора Кириллова монастыря. После выделения удела кн. Андрею Дмитриевичу государем и господином Кириллова монастыря стал уже он¹.

Откуда могла появиться такая связь князей московской династии с молодым белозерским монастырем? В одной из жалованных грамот кн. Михаила Андреевича говорится о пожаловании Кириллову монастырю села Сандыревского великой княгиней Евдокией Дмитриевной [3, № 223, с. 144]. Сандырево действительно обнаруживается в составе вотчин Кириллова монастыря и находилось от него всего в пяти километрах. С чем же связан интерес вдовой великой княгини к только что основанному белозерскому монастырю? Традиционная дата основания Кириллова монастыря, высчитываемая по житию Кирилла, — 1397 г., а великая княгиня Евдокия скончалась в 1407 г. Следовательно, пожалование состоялось в первое десятилетие существования монастыря. Дело в том, что по завещанию Дмитрия Донского волости Городок и Волочок (позднее Федосьин Городок и Волок Славенский) передавались его вдове Евдокие Дмитриевне [12, № 12, с. 35]. Таким образом, Кирилло-Белозерский монастырь был основан на землях, принадлежавших вдовой великой княгине, выходцем из московского Симонова монастыря. Княгиня же была и первым вкладчиком обители. Монастырь располагался в 8,5 км от центра княжеских владений Городка Федосьина на Шексне, и, судя по всему, инициатором его основания была именно великая княгиня. От нее статус владельца монастыря перешел к ее детям Василию I и Андрею Можайскому.

Сооснователем Кирилло-Белозерского монастыря был преподобный Ферапонт. По свидетельству жития, через год он ушел, чтобы основать новый монастырь, получивший название Ферапонтов. Мотив этого поступка в житии описывается довольно туманно. Однако на этот счет можно сделать предположение. Новый монастырь был основан на окраине волости Волок Славенский, которая, как и Федосьин Городок, принадлежала великой княгине Евдокие Дмитриевне. Вполне возможно, что строительство и Ферапонтова монастыря было осуществлено при ее поддержке, и, таким образом, он тоже был княжеским. Во всяком случае, немного позднее, в начальный период правления кн. Андрея Дмитриевича, Ферапонт стал очень близок к князю и по его приглашению занялся строительством Лужецкого монастыря под Можайском. Ферапонтов же монастырь, как и Кириллов, владел землями в районе

 $^{^{1}}$ В послании Юрию Звенигородскому Кирилл тоже употребляет по отношению к адресату термин «господин» и говорит о милостыне, однако предупреждает князя, что не хочет с ним встречаться и покинет монастырь, если тот все же приедет туда [3, № 313, с. 275—277].

Волока Славенского и в Федосьином Городке, которые могли быть связаны с пожалованиями великой княгини Евдокии Дмитриевны. Уже упоминавшееся выше пожалование Ферапонтову монастырю д. Крохинской свидетельствует о сохранении княжеского статуса монастырем и в 1430-е гг.

В актах начала XV в. упоминается *Никитский монастырь*, который располагался на правом берегу Шексны прямо напротив Городка Федосьина¹. Известны и его небольшие вотчины в этом районе. Вероятно, игумен именно этого монастыря назван первым в числе послухов в купчей новгородского боярина Андрея Захарьинича у княгини Федосьи (владелицы волости Городок) [3, N° 1, с. 15] и, скорее всего, был одним из ее приближенных.

В общей сложности на территории Вологодско-Белозерского региона удается выявить 11 княжеских монастырей, основанных в XIV—XV вв. Однако с ликвидацией уделов и переходом местных князей в страту служилых князей великих князей Московских традиция строительства и покровительства монастырей в княжеских владениях не угасла. Удается выявить еще несколько монастырей, возникших на территории княжеских вотчин уже в XVI в.

По свидетельству жития преподобного Филиппа Ирапского, в начале XVI в. на землях кн. Андрея Васильевича Шелешпанского он основал Филиппо-Ирапскую пустынь². Князь дал землю, а позднее пожертвовал в церковь книги и утварь. К этому времени говорить об уделах белозерских князей уже нет оснований. Однако пустынь располагалась в непосредственной близости (менее 2 км) от центра Андомской волости — села Никольского. Здесь же, судя по всему, располагались владельческие центры княжеских вотчин, образовавшихся в результате дробления Андомского удела.

Судя по всему, с личностью Германа Подольного, собеседника и адресата посланий Нила Сорского, связан Николо-Подольный монастырь, располагавшийся в низовьях Уфтюги. Автор одного из посланий Герману писал, что его отец старец «приказывал», чтобы Герман «совета не держал с Пенкою» [1, с. 51, прим. 8]. Н. К. Никольский предположил, что в данном случае имеется в виду кн. Данила Александрович Пенко. К этому мнению присоединилась М. С. Черкасова [24, с. 164; 35, с. 49]. Подольный монастырь находился в 2 км от с. Никольское Заболотье, т. е. на территории владений князей Пенковых. В известной по упоминанию жалованной грамоте Ивана IV братии Подольного монастыря от 1562/63 г. предписывалось поминать князей Пен-

¹ Взаимное расположение Городка Федосьина, Никитского монастыря, с. Сандырева (первой кирилловской вотчины) и д. Мигачево и Городище (первой ферапонтовской вотчины) см.: [7, с. 54—55].

² О житии Филиппа Ирапского см.: [15; 17, с. 274—275; 13; 18; 19]. Исследователями отмечалось, что в родословных росписях князя с таким именем в это время не обнаруживается, что может снижать достоверность жития. Родовые владения князей Шелешпальских располагались в Пошехонье [11]. Ирапский же монастырь основан на территории родовых вотчин князей Андомских. Скорее всего, под князем Андреем Васильевичем в житии подразумевается кто-то из представителей этой фамилии. К началу XVII в. род Андомских пресекся, а поместьями в Андомской волости на протяжении XVII в. владели некоторые представители рода Шелешпальских. Возможно, это и стало причиной того, что в житии вместо Андомских появились Шелешпанские.

ковых (Ивана и Василия Даниловичей и Ивана Васильевича)¹, что прямо свидетельствует о связи монастыря с Пенковыми в более раннее время.

С князьями Пенковыми связан и *Никольский Катромский монастырь*, тоже располагавшийся на территории их обширной вотчины. В 1530-х — 1540-х гг. монастырь получил пожалования нескольких представителей этого рода. Например, в 1531/32 г. кн. Иван Данилович выдал жалованную грамоту на 20 деревень, а 1539/40 г. датируется его же духовная грамота с завещанием Катромскому монастырю еще одной своей вотчины. В июне 1549 г. княгиня Анна, вдова кн. Василия Даниловича Пенкова, вместе с сыном Иваном дала монастырю рыбные ловли, а в своей духовной (1562 г.) кн. Иван Васильевич подтвердил прочность владения вотчинами, пожалованными ранее Катромскому монастырю Пенковыми [29, с. 252—253].

Дробление княжеских вотчин на протяжении XV—XVI вв. уже не оставляло большинству представителей княжеских родов возможностей для претензий на владение крупным уделом, одним из атрибутов которого был монастырь. Тем не менее, несмотря на наличие храмов непосредственно в селах, у некоторых линий белозерских князей на общих землях существовали свои монастыри. Они упоминаются во владениях Ухтомских (ц. Николая Угодника, ц. Бориса и Глеба), Согорских (Троицкий мон.) и Шелешпальских (ц. Всех Святых).

Традиция строительства и покровительства монастырей разными представителями династии Рюриковичей, широко распространенная еще в домонгольский период, продолжала существовать на протяжении XIV—XVI вв., трансформируясь под влиянием изменения социального и экономического положения князей-ктиторов. В целом, типы и хронология монастырского строительства отражали социально-экономическую ситуацию в регионе, структуру землевладения, освоенность территории. Если в домонгольский период строительство новых духовных обителей было в основном сконцентрировано вокруг городов, то в конце XIV — середине XV в. генеалогическая ситуация среди Рюриковичей Северо-Восточной Руси привела к тому, что при разделе «отчины» между наследниками каждому из них уже не доставалось по отдельному городу. Большинство из княжичей получали только волости, и владельческим центром нового политического образования становилось село. В такой ситуации князья предпринимали ряд действий, направленных на обустройство своей резиденции и превращение ее в полноценную столицу. Одним из возможных и наиболее четко фиксируемых аспектов этой деятельности являлось создание и покровительство монастыря в ближайшей округе новой столицы. С другой стороны, наличие монастыря на территории, относимой к тому или иному удельному княжеству, позволяет более уверенно говорить о существовании этого княжества.

Инициативу в основании монастырей проявляли местные князья, которые были их первыми покровителями и вкладчиками. Монастырь располагался на некотором расстоянии от удельного центра. Вотчины на раннем этапе были небольшими, а сами монастыри появлялись на периферии освоенного пространства. Один и тот же князь мог покровительствовать нескольким монастырям. Каждый следующий монастырь появлялся на большем удалении от владельческого центра. Князь являлся полным владельцем монастыря, мог распоряжаться его земельными владениями,

¹ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1683. Л. 8.

оказывать влияние на назначение настоятелей, занимался финансовым обеспечением обители. Земельные владения — не очень крупные, но их размер зависел от длительности существования монастыря под властью «своей» княжеской семьи. Лишение политической независимости при сохранении земельных владений не прерывало связь местных княжеских династий со «своими» монастырями. Прослеживаемая со времен Ярослава Мудрого традиция строительства княжеских монастырей в конце XV — XVI в. трансформировалась в традицию строительства монастырей в княжеских вотчинах.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский / А. С. Архангельский. Санкт-Петербург, 1882.
- 2. Археология севернорусской деревни X—XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Москва, 2007. Т. 1.
 - 3. АСЭИ. Москва, 1958. Т. II.
 - 4. АСЭИ. Москва, 1964. Т. III.
- 5. *Башнин Н. В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв. / Н. В. Башнин. Москва ; Санкт-Петербург, 2016.
- 6. *Бълхова М. И.* Монастыри на Руси XI середины XIV века / М. И. Бълхова // Монашество и монастыри в России. XI—XX века : Исторические очерки. Москва, 2002.
- 7. *Грязнов А. Л.* Белозерские акты XIV—XVI вв.: Исследование и перечень / А. Л. Грязнов. Вологда, 2019.
- 8. *Грязнов А. Л.* Бохтюжское княжество и землевладение Дионисьево-Глушицкого монастыря в XV в. Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории / А. Л. Грязнов // Средневековая Русь. Москва, 2014. Вып. 11. С. 327—399.
- 9. *Грязнов А. Л.* Монастыри на Белоозере, в Пошехонье и Вологде. Причины возникновения и выбор расположения / А. Л. Грязнов // Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники/землевладельцы и земледельцы: XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений, Воронеж, 22—25 сентября 2020 г. Москва, 2020. С. 12—15.
- 10. *Грязнов А. Л.* Расположение и границы северных владений ярославских князей / А. Л. Грязнов // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: мат. Всероссийской науч.-практ. конф., 26 июня 2015 года. Ярославль, 2016. С. 179—192.
- 11. *Грязнов А. Л.* Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV—XVI вв. / А. Л. Грязнов // Историческая география. 2014. № 2. С. 105—151.
 - 12. ДДГ. Москва ; Ленинград, 1950.
- 13. Дмитриев Л. А. Житие Филиппа Ирапского / Л. А. Дмитриев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград, 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 341—342.
- 14. Дьяконов A. Исторические заметки / А. Дьяконов // ВЕВ. 1906. Прибавления к № 14.
- 15. Житие преподобного Филипп Ирапского, составленное иноком Германом. Санкт-Петербург, 1879.

- 16. *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. : Историко-географическое исследование по материалам монастырей / Л. И. Ивина. Ленинград, 1985.
- 17. *Ключевский В. О.* Древнерусския жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. Москва, 1871.
- 18. *Крушельницкая Е. В.* Житие Филиппа Ирапского и записка инока Германа о Филиппе / Е. В. Крушельницкая // ТОДРЛ. Санкт-Петербург, 1996. Т. XLIX. С. 112—121.
- 19. Крушельницкая Е. В. Житие Филиппа Ирапского: вторая редакция (публикация текста) / Е. В. Крушельницкая // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. Санкт-Петербург, 2005. С. 648—666.
- 20. *Кучкин В. А.* Формирование государственной Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. / В. А. Кучкин. Москва, 1984.
- 21. *Макаров Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья / Н. А. Макаров, Н. А. Охотина-Линд // Florilegium : К 60-летию Б. Н. Флори. — Москва, 2000.
- 22. *Назаров В. Д.* Монастыри и династическая война московских Рюриковичей / В. Д. Назаров // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. Москва, 2020.
- 23. *Назаров В. Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского государства / В. Д. Назаров // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Москва, 2015. Вып. 4.
- 24. *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625) / Н. К. Никольский. Санкт-Петербург, 2006. Т. 2.
- 25. *Новикова О. Л.* Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре / О. Л. Новикова // Очерки феодальной России. Москва; Санкт-Петербург, 2008. Вып. 12.
- 26. Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века. Санкт-Петербург, 1892.
 - 27. Послания Иосифа Волоцкого. Москва ; Ленинград, 1959.
 - 28. Редкие источники по истории России. Москва, 1977. Вып. 2.
- 29. Савваитов П. И. Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненна-го Катромскаго Николаевскаго монастыря / П. И. Савваитов // ВЕВ. 1870. Прибавления к \mathbb{N}^2 7.
 - 30. Святые подвижники и обители Русского Севера. Санкт-Петербург, 2005.
- 31. *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.) / Н. В. Синицына // Монашество и монастыри в России. XI—XX века: Исторические очерки. Москва, 2002.
- 32. *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке / В. Н. Сторожев. Петроград, 1918. Вып. 2.
- 33. Сторожев В. Н. Монастырское землевладение на Вологде по данным 1627—1630 годов: историко-статистический этюд / В. Н. Сторожев // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. Москва, 1909. Ч. І. С. 359—408.
- 34. *Турилов А. А.* К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Спасо-Каменного монастыря (из истории Ярославских уделов в XIV в.) / А. А. Турилов // ДРВМ. 2007. N° 3. С. 110—111.

- 35. *Черкасова М. С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв. / М. С. Черкасова. Вологда, 2012.
- 36. Черкасова М. С. Кубено-Заозерский край в XIV—XVI веках / М. С. Черкасова // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда, 2004.
- 37. *Шадрин И*. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, что на Песочном Вологодского уезда Вологодской губернии / И. Шадрин. Вологда, 1897.
- 38. *Шамина И. Н.* Монастыри Вологодского уезда в XVI—XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: дисс. ... канд. ист. наук / И. Н. Шамина. Москва, 2003.

РОЛЬ СЕРВИТУТОВ В ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ XVI—XVII ВВ.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Статья впервые обращается к практически неизученной в историографии теме о сервитутах в аграрной системе России XVI—XVII вв. Ее цель состоит в привлечении внимания ученых, занимающихся всеми периодами истории России, к исследованию разных аспектов действия и регулирования сервитутов. Тема важна для познания функционирования земельной собственности.

Ключевые слова: аграрное освоение; сельское расселение; землевладение; землепользование; сервитуты.

Предлагаемая для обсуждения тема, по моему мнению, заслуживает исследовательского внимания. Российская историческая наука за период со второй половины — последней трети XIX в. по конец XX в. прошла длительный, сложный и неоднозначный, особенно в мировоззренческом отношении, путь. В то же самое время она, безусловно, накопила значительные массивы фактического материала как по различным периодам общественного развития, так и по многим принципиально значимым проблемам бытия прошлого [1—12, 14—22, 24—25]. В их число включаются, разумеется, количественные показатели и разнообразные суждения о характере и сущности землевладения и порядках землепользования, тесно связанных между собой. Долговременный процесс осмысления и трактовки данных, извлекаемых из источников и вводимых в науку, а также совокупность взглядов и точек зрения исследователей, как мировоззренческих, так и конкретно-исторических, схожих и/или различающихся, способствовали выработке определенных концепций по тем или иным аспектам проблем землевладения и землепользования. Разумеется, со временем воззрения ученых трансформировались, а потому получаемые доказательства и основанные на них характеристики по названной теме входили в конкретно-исторические исследования. Они постепенно дополнялись, уточнялись, совершенствовались, радикально изменялись или даже изживались, оставаясь при этом в арсенале историографии.

На разных стадиях долговременного средневекового периода аграрная, главным образом, экономика базировалась непосредственно на эксплуатации естественно-природных ресурсов, прежде всего земли как основного условия труда. Ее обработка удовлетворяла потребности населения — земледельцев и землевладельцев, да и горожан — в получении некоторого количества злаковой и мясомолочной про-

¹ Швейковская Елена Николаевна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, inslav@inslav.ru, Россия, г. Москва.

визии, обеспечивавшей их жизнь. Скудный же в целом пищевой рацион дополнялся продуктами, которые сельские и городские жители промышляли в реках и лесах, и ранние источники, как хорошо известно, содержат сведения о рыбных ловлях, бобровых гонах, охотничьих путиках, бортях.

В любой из периодов длительного Средневековья сельское расселение — первостепенный показатель земледельческого освоения пригодных для него территорий и аграрного развития в целом¹. Оно (расселение) формировалось из разномерных локусов в поселенческие системы, располагавшиеся, по преимуществу, вдоль речных артерий, которые служили основными транспортными путями при слабом развитии сухопутных дорог; вместе с тем складывание систем расселения зависело от различия природно-зональных и пространственных условий, следовало ландшафтным особенностям и конкретной микроландшафтной специфике. В первую очередь осваивались удобные приречные пространства и безлесные открытые ополья, и значительно позднее во вторую — лесные участки на водораздельных пространствах, требующие значительных затрат труда.

Однако естественный ход расселения нарушали эколого-климатические, внутриполитические, военные факторы, которые отрицательно действовали на эволюционно складывавшиеся поселенческие системы. Природные катаклизмы, как то заморозки и снегопады поздней весной или ранней осенью, засухи либо проливные дожди летом и тому подобные явления, вызывали довольно частые неурожаи, и они охватывали отдельные местности и/или значительные области тогдашней Руси. Вследствие низких урожаев вообще, усугублявшихся недородами, сопутствующих им эпидемий, «моров» происходили локальные местные голодовки, перераставшие временами в сильный голод, распространявшийся на значительные территории. Экономической и демографической стабильности не способствовали частые распри и усобицы между князьями в XIV—XV вв. за первенство, кульминационно выразившиеся в событиях феодальной войны 1425—1450-х гг., военные действия с татарскими ханами и другими неприятелями, так же как и политика опричнины 1565—1572 гг. с перетасовкой привилегированных землевладельцев, приведшая к хозяйственному упадку 1680-х гг., а затем разноэтапные события Смуты (1603—1617 гг.) как выражение династического, политического и экономического кризиса. Все названные обстоятельства вызвали демографический спад, деформацию систем расселения, проявлением которой стало не только запустение дворов и селений, сельскохозяйственных угодий, но и их количественное исчезновение. Восстановление после кризисов социальной структуры, численного состава разных слоев и групп тогдашнего населения, а также экономических основ требовало, разумеется, соответствующего времени. Значимые изменения, тем не менее, происходили в социально-политической и экономической сферах, и одним из них было развитие и рост привилегированного землевладения, что существенно влияло на расселение и социальное положение земледельцев. Направления, темпы, плотность расселения, смена конфигурации и типов поселений

¹ Значению природно-климатических условий как фактору социально-экономического развития Европейской России в докапиталистическую эпоху уделил впервые основательное внимание Л. В. Милов. Он в умеренном поясе этой территории выделил, базируясь на климатических и почвенных сведениях, 12 климатических зон [13, с. 9—17].

указывают на трансформации, происходившие в обществе, с присущей ему внутренней градацией и дифференциацией. Следует отметить один из важных показателей, присущих аграрной экономике второй половины XV — XVII в. Это постоянно шедшая колонизация: первичная, с освоением новых территорий большего или меньшего размера или совершенно новых участков в районах давнего хозяйствования, и вторичная, когда заново восстанавливалось запустевшее ранее сельское хозяйство в прежде уже хорошо освоенных областях.

О совокупно совершавшихся процессах на протяжении этапов большой длительности ученые судят на основании данных археологии IX—XIII вв. и, разумеется, письменных источников рубежа XIV—XV вв. В историографии прочно закрепилось утверждение об интенсивном становлении и развитии в Центральной и Северо-Западной Руси во второй половине XV — XVI в. частновладельческих вотчин — светских и церковных, а также поместий. Такой поступательный процесс существенно влиял как на аграрное развитие в целом, так и на составляющие его компоненты, а именно системы расселения, землевладения и землепользования.

Эволюционные изменения по пути доминирования частно-феодального землевладения были в свое время обстоятельно освещены в историографии второй половины XX — XXI в. в работах С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, А. Д. Горского, А. А. Зимина, В. Л. Янина, А. И. Копанева, Г. Е. Кочина, Ю. Г. Алексеева, Л. В. Даниловой, Л. И. Ивиной, В. Д. Назарова, А. А. Юшко, С. З. Чернова, Н. А. Макарова и многих других ученых. Они (изменения) свидетельствовали о соответствующих сдвигах в социальном устройстве и аграрном развитии, что выражалось в ориентации на формирующиеся частновладельческие вотчины с хозяйствующими центрами — господскими селами. Земельные комплексы привилегированных владельцев, частных и корпоративных (патриарших, монастырских), множились численно и масштабно, они сосуществовали наряду с черными и дворцовыми землями, прирастая за их счет. В ходе данного процесса совершалось коренное управленческо-хозяйственное замещение, при котором общинные центры теряли свою организационную функцию, и она переходила к господским селам с их руководящей ролью. Со второй половины XVI в. частное вотчинное и условное поместное землевладение, как известно, стали преобладающими формами в Центре и на Северо-Западе страны, вытеснив черносошное на северо-восточную периферию (Русский Север). От Центра и Северо-Запада этот обширный регион отличало превалирование землевладения лично не закрепощенных черносошных крестьян. Столь характерные для центральных областей виды частного землевладения, как светская вотчина и, тем более, поместье, не получили в нем распространения (монастырские владения были минимальны)1.

Разумеется, экономическим фундаментом аграрного хозяйствования в едином Русском государстве XVI—XVII вв. продолжала оставаться земля, главным образом, обрабатываемая крестьянами и приносящая доход, как в частновотчинных, так и в черносошных владениях. Крестьяне, независимо от принадлежности к поместно-вотчинной или черносошной категории, обладали наделом/участком пахотной и сенокосной земли. Все же в черносошных областях они потомственно возделывали участки «государевой» земли, в которых был аккумулирован трудовой вклад се-

¹Подробнее см.: [23].

мейных поколений. Однако земельные наделы, которые обрабатывали крестьяне любой категории, находились в их индивидуально-подворном пользовании или во владении. Они располагались в деревенской округе большего или меньшего размера, в которой также находились выгоны, выпасы, водопои и другие угодья. Она (округа) пространственно включала в себя окрестности каждой деревни или совокупности нескольких близлежащих деревень.

Площади культивируемых земледельцами угодий, как соседствующих, так и удаленных, постепенно слагались в пространные массивы на территории волости, будь она черносошная или внутривотчинная. В ходе земледельческого освоения, а в целом оно происходило разновременно, неравномерно, прерывисто, с сохранением выпаханных земель в перелоге, а то и полным их забрасыванием, формировалась сложная сеть полей и угодий. Часто их геометрически неправильная конфигурация зависела от свойств ландшафтного комплекса, а конкретные формы были представлены землями разной значимости и неодинакового размера: полями, польцами, полосами, жеребьями, лоскутами, закраинами, репищами, лужками, пожнями, наволоками. Естественно, что с течением времени в волостном микрорайоне границы возделываемых площадей, принадлежавших крестьянам разных деревень или даже различных землевладельцев, подступали близко друг к другу, становились сопредельными. Усложняли топографию деревенских угодий различные способы их реализации, например купля — продажа, обмен, которые применяли как землевладельцы, так земледельцы. Складывалось положение, при котором одна из соседствующих сторон по многу лет, порой в течение двух-трех поколений крестьян, обрабатывала пограничные участки, считая их «своими»; земледельцы же другой стороны, случалось, вторгались в смежные угодья, куда пахота соседа как бы «врезалась». Такие обстоятельства приводили к затяжным земельным спорам, судебным и правовым конфликтам, о чем явственно, например, свидетельствуют правые грамоты XVI в. Выходом из подобных ситуаций было обновление имевшихся, но устарелых межей и/или их установление и устройство вновь с документальным утверждением, то есть меры, хорошо известные по судебным актам XV—XVI вв.

Случавшиеся конфликты, предположительно, могли разрешаться как на обычноправовой, так и на законодательной основе. Регулировались ли спорные или им подобные отношения в досудебном порядке и в течение какого времени, а если конфликт не получал разрешения, то через какой временной промежуток одна из сторон обращалась в судебную инстанцию, а также какими способами, какие доказательства приводили и чем их обосновывали противные стороны — сюжеты, которые в историографии исторической науки второй половины XX в. и позднее специально не ставились. Они оказались на периферии социально-экономических исследований, возможно, по причине своей правовой направленности и концентрации усилий в отечественной истории на выявлении роста феодального землевладения и усиления закрепощения крестьян. Полагаю, что при создании исследовательского нарратива назрела необходимость применения социально-экономических практик в сочетании с обращением к правовым аспектам. Важно задаться вопросами, бытовали ли в землепользовании некие порядки, как они действовали в случаях регулирования взаимоотношений между соседями, причем на разных владельческо-хозяйственных уровнях: а) между волостными крестьянами, б) между частными землевладельцами разных рангов, в) между черносошными крестьянами и вотчинником (помещиком), г) между зависимыми крестьянами разных земельных владельцев и т. п. Дальнейшие рассуждения в этом направлении убеждают в том, что следует допустить существование в позднесредневековой России сервитутных отношений как темы, значимой для изучения аграрной истории.

Ведь в сфере человеческого взаимодействия при совершении индивидами каких-либо одинаковых социальных поступков на них возникают постепенно, а никак не одномоментно, сходные реакции. Они инициируют определенные правила поведения и ряд одинаковых действий, которые диктуются конкретной ситуацией. Повторяемость одних и тех же акций и накапливаемый опыт реагирования на их проявление ведут к постепенному закреплению наиболее целесообразных решений. На их основе общество вырабатывает результативные способы для регулирования отношений между отдельными лицами, в которые они вступают по тем или иным социально индивидуализированным поводам. Все вместе взятое способствует складыванию обыденной нормы и закреплению ее в качестве правовой. Сказанное относится и к области регулирования поземельных контактов. Сервитутные отношения могли складываться естественным образом при наличии общих выгонов, междеревенских в том числе, и выпасов, водопоев, прогонов к водопою и пастбищу. Отмечу, что сервитутное пользование появилось еще в Древнем Риме, его нормы постепенно разрабатывались и шлифовались в римском праве. Наиболее распространенным типом является земельный сервитут, основанный на праве пользования чужим земельным участком с оговоренными условиями и обязательствами. Сервитут в современном понимании — это пользование чужим имуществом в определенных пределах, признаваемое законодательством и регулируемое правом. Юридическим основанием сервитута считаются правовой обычай, договор, завещание, судебное решение, способы, возникшие и пришедшие из римского права.

В России сервитутные отношения начали складываться после отмены крепостничества, а активно — с конца XIX в., тогда же формировалась и судебная практика в этой правовой сфере. Однако в гражданском законодательстве того времени общее положение о сервитутах отсутствовало, хотя на практике оно было остро необходимо.

Сведения для исследования такой многоаспектной темы, как сервитуты в период с XVI до начала XVIII в., могут содержать источники законодательного характера, актового, например правые грамоты, кадастровые материалы, как наказы писцам, так и книги писцовые, межевые, возможно, отдельные, а также другие. В разновидовой источниковой совокупности необходимые сведения могут содержаться как прямо, так и опосредованно, что потребует от исследователя тщательного просеивания данных для выявления латентной информации, особенно во втором варианте.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд / Ю. Г. Алексеев Ленинград, 1966.
- 2. Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Москва, 2007—2009. T. 1—3.

- 3. *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. / С. Б. Веселовский. Москва; Ленинград, 1936.
- 4. *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси / С. Б. Веселовский. Москва ; Ленинград, 1947. Т. І.
- 5. *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. / А. Д. Горский. Москва, 1960.
 - 6. Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. / Ю. В. Готье. Москва, 1937.
- 7. Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. / Л. В. Данилова. Москва, 1955.
- 8. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV XVI в.) / А. А. Зимин. Москва, 1977.
- 9. *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси / Л. И. Ивина. Ленинград, 1979.
- 10. *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. / А. И. Копанев. Москва—Ленинград, 1951.
- 11. Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII XVI в. / Г. Е. Кочин. Москва—Ленинград, 1965.
- 12. *Макаров Н. А.* Средневековое расселение на Белом озере / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А. П. Бужилова. Москва, 2001.
- 13. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. Москва, 1998; 2-е изд., доп. Москва, 2006.
- 14. *Назаров В. Д.* Из истории вотчины Северо-Восточной Руси XV в.: «Грамоты ослобожоные» / В. Д. Назаров // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: Источники и методы исследования: мат. XXXIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.
- 15. Назаров В. Д. К истории светской вотчины «первой генерации» в Северо-Восточной Руси / В. Д. Назаров // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X—XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений, Брянск, 24—28 сентября 2018 г. Москва, 2018.
- 16. Назаров В. Д. Формы и виды земельной собственности как факторы внутренней колонизации (XV середина XVI в.) / В. Д. Назаров // Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI в.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений, Уфа, 20—23 сентября 2016 г.:. Москва, 2016.
- 17. Русь в IX—X веках. Археологическая панорама / Колл. авторов. Москва—Вологда, 2012.
- 18. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. / Л. В. Черепнин. Москва, 1960.
- 19. Черепнин Л. В. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX—XV вв. / Л. В. Черепнин // Пути развития феодализма. Москва, 1972.
- 20. Чернов С. 3. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII—XV вв. и происхождение волостной общины / С. 3. Чернов // Советская археология. 1991. № 1.

- 21. *Чернов С.* 3. Волок Ламский в XIV первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации / С. 3. Чернов. Москва, 1998. (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования; т. 1).
- 22. *Чернов С. 3.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества) / С. 3. Чернов. Москва, 1987.
- 23. *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. Москва, 1997.
 - 24. Юшко А. А. Московская земля IX—XIV вв. / А. А. Юшко. Москва, 1991.
 - 25. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина / В. Л. Янин. Москва, 1981.

ЯМСКОЕ СТРОЕНИЕ В ВОЛОГОДСКОМ УЕЗДЕ В СЕРЕДИНЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII В.

В статье проанализированы этапы ямского строительства в Вологодском уезде и история отдельных ямских слобод в контексте истории России середины XVI начала XVII в.

Ключевые слова: Вологодский уезд, ямская слобода, ямские охотники, землевладение.

Максимально быстрое, дешевое и безопасное перемещение людей, грузов, капитала и информации было и остается залогом эффективности управления, роста экономики, политического, экономического, социокультурного единства любой страны. В особенности актуально это требование времени звучало для того огромного, с массой местных различий, географического пространства, на котором строилось в XVI в. Московское царство. Верховная власть осознавала задачу связности страны во всех названных измерениях. Ее решение в условиях ограничений, налагаемых уровнем технического прогресса и развития производительных сил, могло проводиться только за счет более-менее эффективного использования уже известной в государстве с XIV в. системы ямской гоньбы — натуральной извозной повинности тяглого населения, эксплуатировавшего рукотворные и естественные коммуникации (сухопутные и водные пути) и традиционные виды транспорта (гужевой и водный).

Несмотря на достигнутые успехи в исследовании системы ямской гоньбы, начало которому положено классической монографией И. Я. Гурлянда и затем продолжено работами Ю. В. Анхимюка, М. М. Бенцианова, С. М. Каштанова, Д. В. Лисейцева, О. В. Семенова, М. С. Черкасовой по локальным сюжетам истории ямского дела и управления им в России XVI—XVIII вв., малоизученным остается вопрос включения протяженных территорий Русского Севера в общегосударственную систему ямской гоньбы во всей конкретике действий власти и ямских сообществ: выбор маршрутов и обустройство ямских дорог, строение ямских слобод, ресурсное обеспечение ямской гоньбы, источники землевладения ямских охотников и корпоративный характер их службы, взаимодействие ямских миров с окружающим социумом по разным вопросам и т. д.

На примере ямского строения в Вологодском уезде в середине XVI — начале XVII в. отчасти можно осветить данную тему. Однако следует подчеркнуть, что си-

¹ Гневашев Дмитрий Евгеньевич, Государственный архив Российской Федерации, gnevashev@bk.ru, Россия, г. Москва.

стемно изучать реализацию ямской реформы середины XVI в. на вологодской земле и последующие преобразования в данной сфере нельзя из-за скудного количества источниковой информации. К примеру, даже в удовлетворительно сохранившихся вологодских писцовых книгах 1627—1630 гг. полностью отсутствуют описания ямских слобод, хотя известно, что они подвергались описанию наравне со всеми остальными категориями земель. За небольшими исключениями фактически для анализа привлекаются только поздние источники XVII—XVIII вв., содержащие ретроспективную информацию о состоянии ямского дела в уезде в предшествующем веке, в связи с чем некоторые выводы настоящей статьи будут иметь в известной мере условный характер. Но можно полагать, что набор мероприятий власти в Вологодском уезде укладывался в общую логику преобразований в области ямского строительства, и эти мероприятия, изученные по другим уездам страны, были типичными и для Вологодского.

Вологда уже в XV в. была значительным городом, стоявшим на пересечении транспортных маршрутов, связывавших центр страны с отдаленными северными и восточными окраинами. Особенно роль города возросла после установления в 1553—1554 гг. регулярных сношений царского правительства с Англией при посредничестве английской торговой Московской компании. Наличие в Вологодском уезде ямов как пунктов на больших дорогах для перемены лошадей в конце XV — первой половине XVI в. гипотетически выводится из данных имеющихся источников, прежде всего жалованных грамот, освобождавших местных грамотчиков от ямщины и подводной повинности. Однако количество и расположение этих ямов неизвестно, за исключением одного — находившегося в самой Вологде. География средневековой Вологды изучена в недостаточной степени, чтобы судить наверняка о точном расположении на карте города ямского съезжего двора и, возможно, слободы с жилищами ямских охотников. Сведения писцовых и переписных книг города и посадов Вологды XVII—XVIII вв. не дают оснований для надежной локализации ямской инфраструктуры в ней в XV—XVI вв. 1 Можно полагать, что местонахождение Вологодского яма с течением времени могло меняться в зависимости от текущих градостроительных потребностей, как это, к примеру, было с ямом в соседнем Ярославле². Нет сведений и о землях, которые были приписаны к Вологодскому яму для обеспечения его функционирования.

 $^{^1\}Pi$ исцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. М., 2008. Т. 1—2; Вологда, 2018. Т. 3.

² В спорном деле ярославских ямских охотников с Б. М. и М. М. Салтыковыми содержатся любопытные сведения о переносе яма на новое место в 1551/52 г.: «При царе... Иване Васильевиче всеа Русии дано дедом и отцом их [ямских охотников — Д. Г.] село Пятницкое, Тугова гора, на пашню и на выпуск со всеми угодьи. И владели де тем селом деды и отцы их и они 65 лет. А во 125-м году то село... взяли себе в вотчину боярин Борис Михайлович да крайчей Михайло Михайлович Салтыковы». Произведенным обыском было установлено, что «при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, как был Ярославской ям на посаде, и то село Пятницкое было за Дмитреем Балакшиным. А как ям перевели за реку за Которость, и то село приписали к Ярославскому яму, а Дмитрею в то место дано село Лучинское» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 32. Л. 77—78, 78а).

Первое упоминание конкретных ямов (Комельского и Обнорского) относится к 1557 г. Оба они лежали на пути из Вологды в Москву (подробнее см.: [3, с. 109—111]). Других сведений о ямах в Вологодском уезде в доопричное время не выявлено. Значительно больше источников, освещающих этап развития ямского дела в уезде, хронологически совпавший с любопытнейшим «опричным» периодом вологодской истории.

Сохранившиеся источники позволяют выделить два значимых периода в истории ямского строения в уезде во второй половине XVI в. Они достаточно точно определяются хронологически:

- [1568—1569 гг.] устроение в ближайшей округе Вологды 300 ямских охотников в двух ямских слободах по Московской и Кирилловской дорогам, а также организация на месте старых ямов Комельской и Обнорской слобод;
- [1586—1587 гг.] разукрупнение трех вышеназванных слобод и ликвидация Комельской слободы, а также создание Шуегородской ямской слободы на 25 охотников. Рассмотрим каждый период подробнее.

Преобразования в годы опричнины местной инфраструктуры, обеспечивавшей ямскую гоньбу, безусловно, следует воспринимать в общем контексте мероприятий опричного переустройства Вологды и Вологодского уезда: строительство крепости и кафедрального собора, постройка государева двора «на приезд», испомещения опричных дворян в уезде. Создание двух ямских слобод по Московской и Кирилловской дорогам на 300 ямских охотников вписывается в этот ряд. Устроение слобод на этих направлениях объяснимо. Московская и следующие за ней Комельская и Обнорская слободы обеспечивали связь Вологды с городами центра (Ярославль, Ростов, Переславль, Александрова слобода, Троице-Сергиев монастырь, столица), а Кирилловская открывала путь на имевший большое значение для рода правящих Рюриковичей и царя лично Кирилло-Белозерский монастырь и далее — на Белоозеро, Тихвин, Новгород. При этом «устюжско-холмогорское» направление гоньбы не получило развития на этом этапе (очевидно, сообщение Вологды с портом на Двине, как и во время путешествия Э. Дженкинсона в 1557 г., шло преимущественно в период навигации по Северной Двине и Сухоне).

Об учреждении двух пригородных ямских слобод известно из списка указной грамоты вологодскому воеводе от 21 сентября 1630 г., направленной Поместным приказом по челобитью вологодского архиерея. Дадим слово источнику: «При прежних де государех и великих князех дано было... в дом пречистыя Богородицы софейские вотчины под городом деревни и пустоши за версту и за две и за три. И... царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русии велел устроить на Вологде две ямские слободы. А в них устроено было триста охотников. И тое софийскую вотчину, подгородные деревни, велел отдать охотником» Хронология этих событий конкретизируется двумя документами, дошедшими в списках: отдельной грамотой вологодского воеводы кн. И. М. Долгорукого и дьяка Л. В. Ефимьева игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Иоакиму на дер. Сычево² в Комельской волости от 5 октября 1574 г. и обыском воло-

¹ ОР РНБ. Г.І.788. Л. 333.

² Деревня Сычово ранее принадлежала опричному помещику Борису Поливанову и была дана в монастырь взамен отписанной под слободу монастырской деревни Лихарева.

годских воевод кн. И. М. Вадбольского, Г. Б. Ярцова и дьяка Φ . Александрова о пригородных вологодских владениях Кирилло-Белозерского монастыря от 11 октября 1586 г.

В октябре 1586 г. привлеченные к обыску о землях Кириллова монастыря приказчик ямской слободы по Кирилловской дороге вологодский сын боярский З. С. Порошин, ямской староста М. В. Цыбинский и 57 десятских и рядовых охотников объясняли невозможность дать более подробные показания тем, что «мы, государь, люди сошлые, ведаем по те места, как слобода стала, тому осмнатцать лет...» Буквальное понимание этого свидетельства относит учреждение ямской слободы по Кирилловской дороге к октябрю 1568 г.¹

Отдельная грамота 1574 г. сохранила показания прилуцкого игумена Иоакима, рисующие время и обстоятельства устроения этой же слободы: «Деялось де в прошлом в 77-м году; отписали де под ямскую слободу, что по Кириловской дороге, их монастырскую деревню Лихарево. А осталися де у тое деревни два луга по реке по Вологде. А ставитца де на тех лугех сена восмьсот копен. А они [игумен с братьею. — Д. Г.] де те луги косили с 77 году по 82-й год. И отписал де те луги Василей Ошанин и приказал де ведать на государя Ивану Бутур[л]ину². А им де против их монастырские деревни Лихарева в омену не дано нигде»³. Итак, снова назван 1568/69 г. как время учреждения слободы по Кирилловской дороге. К этому же году, очевидно, следует приурочить и устроение слободы по Московской дороге.

Приведенное свидетельство о количестве ямских охотников в 300 человек красноречиво говорит о серьезности намерений Ивана IV наладить бесперебойную доставку грузов, документов, движение посольств, гонцов из и в свою новую резиденцию — Вологду. Возможно, такое значительное количество охотников было обусловлено расчетом на постепенное увеличение потребностей в ямской гоньбе, с запасом на будущее; реальные нужды в конце 1560-х гг., надо думать, были скромнее.

Достоверно неизвестно время устроения Комельской и Обнорской слобод, последовательно лежащих на московской трассе. Первые известия об организации ямских слобод в России относятся ко времени не позднее 1557 г. (Переяславль Рязанский и Переяславль Залесский) [1, с. 287—288], поэтому одинаково возможными выглядят допущения о преобразовании в слободы Комельского и Обнорского ямов как в 1550-е гг. (время активизации северного направления в связи с деятельностью Московской торговой компании и русско-английскими посольствами), так и в годы опричнины. И все же мы склоняемся ко второму, «опричному» варианту, предполагая системность и синхронность переустройства ямского дела в уезде во второй половине 1560-х гг. Вариант, при котором периферийные Комельская и Обнорская слободы были устроены на 10—15 лет раньше, нежели пригородные Московская и Кирилловская слободы, выглядит менее убедительным. К этому склоняет и установленный И. Я. Гурляндом факт обустройства ямских слобод в Ярославском и Рос-

¹ ОР РНБ. Q.IV.113б. Л. 417 об.

 $^{^2}$ Боярин И. А. Бутурлин († 1575 г.) исполнял должность воеводы/наместника в Вологде, вероятно, до лета 1574 г. (когда ему были приказаны отписанные на государя сенокосы дер. Лихарева). Затем его сменил кн. И. М. Долгорукий.

³ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 6. Л. 4 об.—5 об.

товском уездах как раз в 1565—1569 гг. [2, с. 89—91]. Ростовские, ярославские и вологодские события в области ямского строения, безусловно, следует рассматривать в тесной взаимосвязи.

Вполне прозрачны мотивы слободских стройщиков при выборе места расположения слобод: сами ямские станции (собственно, ямы) должны были располагаться на трассе через 25—40 км друг от друга, а жилые деревни, приписанные к слободам, — в непосредственной близости к ямам. Кроме того, ямские деревни должны были иметь обильные сенокосные угодья для обеспечения фуражом ямских лошадей в достаточном объеме. Устроение слобод в 1560-х гг. потребовало значительного земельного фонда, который не всегда имелся в необходимой мере. Сложившаяся к 1560-м гг. структура землевладения в уезде, бывшая особенно пестрой и чересполосной в ближайшей округе города, осложняла задачу ямских стройщиков по обеспечению слобод землей. Из-за отсутствия свободной пригодной земли отмечаются случаи реквизиции земель у соседних владельцев (архиерейская кафедра и Спасо-Прилуцкий монастырь), при этом компенсации за утраченные земли сразу не производились. В этой связи любопытна тактика властей при выборе источников земельного обеспечения слобод.

Так, слободу по Московской дороге составили земли пригородного дворцового села Горки с деревнями и отписанная у вологодского епископа смежно лежавшая вотчина (сц. Сметьево и дер. Бобылино, Маурино, Бывалово с пустошами) (в обоих комплексах — не менее 1580 дес.). Слобода по Кирилловской дороге была сформирована за счет земель другого пригородного дворцового комплекса — села Говорова с деревнями, отписанной монастырской дер. Лихорева и, вероятно, нескольких соседних черносошных деревень (не менее 1880 дес.)¹. Для устройства Комельской и Обнорской слобод были выделены земли из черных одноименных волостей. Из-за отсутствия писцовых описаний Комельской и Обнорской слобод в материалах XVI — первой трети XVII в. сложно судить об их первоначальной территории. По данным Генерального межевания XVIII в., к Обнорской слободе тянуло шесть деревень с пустошами и лугами (всего около 1580 дес.)². Надо полагать, что земельный комплекс Обнорской слободы сложился еще в конце XVI в., после возможного сокращения ямских охотников в 1580-е гг., и сохранился неизменным до времени Генерального межевания.

Упомянутые четыре ямские слободы функционировали во все время правления Ивана IV в том виде, как они были устроены в 1568/69 г. Ситуация поменялась в середине 1580-х гг., когда в ходе ревизии итогов земельной политики Ивана Грозного (в том числе в части ямских земель) штат ямских охотников Московской и Кирилловской слобод был сокращен почти вчетверо (с 300 до 80 человек), видимо, до реальных потребностей ямского разгона в Вологодском уезде по этим маршрутам. Предполагаем, что сокращение коснулось и Обнорской слободы. Комельская слобода, очевидно, была расформирована полностью. Ставшие избыточными для обслуживания деятельности слобод земли были возвращены в дворцовое ведомство или

¹ Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589—1590 гг. (публ. Н. И. Федышина) // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 73—78.

²РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 110. Л. 36 об., 52, 53. № 22, 275, 289, 291.

пущены в поместную раздачу детям боярским, переведенным на службу в Вологду из других служилых «городов». Москвичи В. Кузьмин и М. Остолопов получили в поместье бывшие ямские деревни Кирилловской и Московской слобод¹, белозерцы Г. Гневашев и Я. Монастырев и вологжанин Р. Розварин, иноземцы Я. Чапский и Ф. Фринденберх — земли упраздненной Комельской слободы². С этого времени бывшая Комельская слобода усвоила наименование Старой охотничьей слободы, превратившись в пашенную деревню³.

Одновременно с процессом разукрупнения и ликвидации старых ямских слобод, рожденных вологодским опричным «проектом» Ивана IV, шел обратный процесс. В 1587 г. была устроена Шуегородская ямская слобода, располагавшаяся на левом берегу Сухоны напротив устья речки Шуи (фактически в Тотемском уезде). Численность ее штата была определена в 25 охотников⁴. Сохранилась в подлиннике жалованная грамота царя Федора Ивановича (скреплена дьяком Ямского приказа С. Сумороковым) приказчику слободы вологодскому сыну боярскому Н. Головкину и ямским охотникам от 29 декабря 1587 г. Грамота освобождала охотников от уплаты дани, посохи, ямских приметных денег, всех видов оброков, денег за городовое дело, а также от возки «сору и дров» к зелейному амбару⁵. Создание слободы показывает усиление внимания правительства к северному маршруту в связи с основанием Архангельска и активизацией морской заграничной торговли.

При устроении Шуегородской слободы также возникли сложности с изысканием свободного земельного фонда, поскольку ближайшие к слободе земли на левобережье Сухоны были необжитыми и незаселенными, а правобережье было занято обширной вотчиной ростовских архиереев (волость Шейбухта) и вотчиной Троице-Авнежского монастыря. Под слободу были определены земли села Никольского Старого в Авнежской волости, ранее принадлежавшего опричнику Ф. А. Басманову. В конце 1570-х — начале 1580-х гг. бывшее поместье Басманова было пущено в поместную раздачу, поэтому для организации Шуйской слободы пришлось реквизировать земли у недавно испомещенных здесь помещиков Е. Гневашева и С. Напольского. Всего было отведено под слободу шесть деревень. Их выбор был определен, вероятно, близостью деревень к трассе, по которой шло движение из Вологды к Шуйскому яму, на ее участке «Село Никольское Старое — Шуйский ям». Сложилась любопытная ситуация, когда ям и приписанные к нему жилые земли и угодья находились друг от друга

¹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1998. Т. II, № 227; ОР РНБ. F.I.788. Л. 333—336; Вологодские архиереи на протяжении всего XVII в. с переменным успехом боролись с помещиками Остолоповыми за возвращение кафедре утраченных в опричнину земель (см.: ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1, Д. 4567. Л. 1).

 $^{^2}$ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14883. Л. 174—179 об., 221—222. № 94, 95, 111; Оп. 2. Кн. 14864. Л. 34—40. № 5; Кн. 14865. Л. 74—78. № 16. Впрочем, за Комельской ямской слободой осталась какая-то часть земли, и слобода, видимо, продолжала функционировать в качестве дорожной станции (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14723. Л. 412).

³РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 110. Л. 42 об. № 126, 127.

⁴К 1621 г. штат Шуйского яма был увеличен до 40 человек.

⁵ ОР РГБ. Ф. 178. № 10935/11а.

на значительном удалении¹. Видимо, из-за этой географической разобщенности даже к 1621 г. слободы вокруг яма не возникло, хотя ямской стройщик выделил под дворы охотников соответствующую землю. Впрочем, здесь следует учитывать и недавние явления Смутного времени, ставшие разрушительными для всех отраслей хозяйства страны. Писцовая выпись из книг писцов ямских земель Б. С. Дворянинова и подьячего П. Максимова от 1 августа 1621 г. дает следующее описание слободы: «Шюйскоя ямъская слобода на реке на Сухоне. А в слободе: двор государев пригонной, двор ямъского приказщика да сорок мест пустых охотничьих, да место пусто ямского дьячька. Пашни и сена под слободою нет»².

Создаваемые в целях решения насущных государственных задач или в связи с личными проектами государя ямские слободы в силу своего особого финансово-податного статуса и профессионального профиля их жителей к концу XVI в. сформировались в обособленные территориальные образования общинного типа. Их появление в той или иной волости уезда вольно или невольно «взламывало» устоявшуюся структуру поземельных и владельческих отношений, создавая новый социальный пейзаж.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Анхимюк Ю. В.* Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года / Ю. В. Анхимюк // Русский дипломатарий. Москва, 2001. Вып. 1. С. 286—292.
- 2. *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века / И. Я. Гурлянд. Ярославль, 1900.
- 3. $\it Kaumahos C. M.$ На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI века) / С. М. $\it Kaumahos$ // Археографический ежегодник за 1997 год. Москва, 1997. С. $\it 107$ —119.

¹В указной грамоте от 9 января 1667 г. так обрисована эта ситуация словами самих ямских охотников: «Построено де их на Шуйском яму сорок вытей, а живут де они от яму верст по пятнатцати и по дватцати» (ОР РГБ. Ф. 178. № 10935/12. Л. 1).

² ОР РГБ. Ф. 178. № 10935/11б. Л. 1.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСТВО ВОЛОГОДСКОГО СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

Анализируется состав земельных владений и сельского населения крупнейшего вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в XVI—XVII вв. Особое внимание уделено изучению положения крестьян-порядчиков, которые составляли основную часть монастырского населения.

Ключевые слова: крестьянство; порядчики; землевладение; монастыри; Вологодский уезд.

По писцовым книгам 20-х гг. XVII в. выявлены 32 монастырских владения (2126 крестьянских и бобыльских дворов) [9, с. 359—408]². Кроме монастырей в уезде владели землями церковные иерархи: Вологодский архиепископ (307 дв.) и его приказные люди и дети боярские (92 дв.); митрополит Ростовский (174 дв.); патриаршие дети боярские (8 дв.)³. Еще крестьянские дворы отмечены на церковных землях погостов (3 дв.)⁴. Если объединить все вышеназванные земельные владения (2126 дв. + 584 дв.), то общая сумма церковно-монастырских владений будет равна 2710 крестьянских и бобыльских дворов. Это составит 25 % всех земельных владений Вологодского уезда (церковных и светских служилых) [10, с. 42]. Соответствующие показатели дворовладения по восьми уездам Замосковного края в 20-е гг. XVII в. в среднем на треть выше (без данных по северо-западной части Московского уезда), а по размерам земельных угодий духовенства данные по 12 уездам дают 33 % (подсчет наш. — В. И.) [1, с. 252—253].

Крупнейшее монастырское владение в уезде принадлежало Спасо-Прилуцкому монастырю. Самое раннее описание его владений представлено в сотной 1543/1544 г. К 1630 г. состав владений монастыря и население претерпели серьезные изменения — и не только количественные. В начале этого периода в пяти зе-

¹ Иванов Владимир Иванович, доктор исторических наук, Краснодарский социально-экономический институт, ivanovst@mail.ru, Россия, г. Краснодар.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 14726—14728.

 $^{^3}$ Там же. Д. 14727. Л. 129—132 об.; Д. 936. Л. 31—32 об.; Д. 14726. Л. 599—639; Д. 14727. Л. 10 об.—45; Д. 14727. Л. 4—10 об.

⁴Там же. Д. 14728. Л. 810 об.—812.

 $^{^5}$ Шумаков С. Сотницы (1537—1597 гг.), Грамоты и записи (1561—1696 гг.). М., 1902. С. 67—74.

мельных комплексах монастырские владения включали: монастырек «Дмитрия Прилуцкого заимище» [8, с. 6] 1 , слободку, три сельца, 52 деревни, 26 починков (один из них пустой), семь займищ и три пустоши, т. е. 81 живущее поселение и 11 пустых. Обращает на себя внимание значительная доля починков (они соотносились с деревнями как 1:2), что говорит об активной внутренней колонизации монастырских земель в то время [7, с. 170—226]. Доля пустых селений (займищ и пустошей) достигала от 12 % общего числа.

В 1620-е гг. по писцовым книгам в девяти земельных владениях Спасо-Прилуцкого монастыря (подмонастырское село Выпрягово-Коровничье с деревнями в Городском стане; Троицкий Угол Городского стана; село Богородское с деревнями в Городском стане; Тошинская вол. Верховая треть; Лоскомская вол.; Водожская вол.; Оларевская вол.; Комельская вол.; Авнежская вол.) находились: два погоста, четыре села, две слободы, 6,3 сельца, 65,5 деревни, один починок живущий, 90 пустошей, одна пустошь, припущенная в пашню, т. е. 80,8 живущих поселений и 91 пустое, что составит 53 % к общему числу селений и пустошей. В сумме живущие и запустевшие селения (171,8) почти в два раза превзошли показатели 1540-х гг., при этом численность живущих селений практически не изменилась. Следует обратить внимание на формирование в монастырских владениях таких крупных поселений, как села (ранее их не было), и на удвоение числа селец (с 3 до 6,3).

представить общую структуру населения монастырских в 1543/1544 г., то окажется, что из 401 дв. (не считая трех церковных и семи монастырских) и 421 чел. (не считая монахов и духовенство) пашенные крестьяне составляли только около 40 % всего населения — 154 дв., 167 чел. Половниками населены были 53 дв., 56 чел. (13 %), а крестьян «безпашенных» выявлено 11 дв., 11 чел. (3 %). Эти последние отмечены только в трех деревнях в Тошне, наряду с просто крестьянами или половниками, которые жили рядом с ними в тех же деревнях. Отсутствие пашни является обычно признаком бобыльства, но в этой сотной название «бобыль» не встречается. Значительную долю составляли крестьяне торговые и мастеровые: 139 дв., 143 чел. — 35 %! Монастырские мастеровые люди (конюхи, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники и др.) — 27 дв. и 27 чел., близкие им «молотчии люди» сельца Выпрягова, которые «живут на монастырской земле, кормятся о монастыре», — 13 дв., 13 чел. (составляли вместе около 10 % населения). Различие между «крестьянами торговыми и мастеровыми» и «мастеровыми людьми монастырскими» нам представляется существенным: первые были тяглыми крестьянами, активно занимались промыслами и торговлей, а вторые — профессиональные мастера-ремесленники, обслуживающие монастырь.

В писцовых книгах 1620-х гг. население монастырских владений разделено писцами на два основных разряда — крестьян (270 дв., 376 чел.) и бобылей (196 дв., 229 чел.), в соотношении 3:2. Никаких других категорий сельского населения источник не называет. Возле монастыря описаны дворы монастырской «служни» (28 дв., 29 чел.), конюхов (4 дв., 5 чел.), мастеров портных и сапожных, а также служебников

¹ Считается, что этот монастырек в 30 верстах от Вологды был основан самим Димитрием Прилуцким до Спасо-Прилуцкого монастыря и назывался Воскресенским; на его землях значатся восемь починков и четыре займища, 17 дв.

(24 дв., 25 чел.) и детенышей (9 дв., 9 чел.)¹. Монастырские мастера и работники — 68 чел. — составили 10 % населения. Общая численность монастырского населения равняется: 531 дв., 673 чел. В 1620-е гг. в монастырских владениях было зафиксировано на треть больше дворов и на 60 % больше людей. Доля крестьян составляла около половины всего населения монастырской вотчины, а бобылей — немногим более трети. Однако особенности понимания бобыльства в государственных писцовых и переписных книгах XVII в. весьма специфичны [5, с. 25—38]. Сопоставление данных государственных и вотчинных описаний обычно обнаруживает серьезные различия и в количестве крестьянского населения, и в понимании его стратификации [3, с. 230—242].

Сохранившаяся внутривотчинная документация Спасо-Прилуцкого монастыря дает возможность более подробно исследовать особенности состава и положения монастырских крестьян. В архиве этого монастыря выявлен уникальный комплекс крестьянских порядных актов [6, с. 21—40]. На сегодня известно 55 порядных записей за период с 1552 г. по 1600 г. Самоназвания их различны: кабала, запись, рядная запись, порядная. Наиболее типичной формой ранних прилуцких порядных записей является кабала (около 80 % актов называют себя именно так). Эти акты заметно отличаются и от обычных заемных кабал, и от обычных порядных [2, с. 61—71].

Массовый характер заключения порядных договоров с крестьянами привел к появлению специальных «порядных книг». Они были введены в научный оборот в 40-е гг. ХХ в. [4]. Данные этих книг (1598, 1599 и 1605 гг.) использовала в своей монографии Л. С. Прокофьева [8, с. 95—116], которая позже девять книг XVI в. под названием «окладные книги» опубликовала². Отнесение этого источника к разновидности окладных книг нельзя признать справедливым. Лучше всего использовать их самоназвание «порядные книги». Именно так они названы в помете на первой из них: «Книги порядные монастырским крестьяном 107-го году». При архивной обработке этой единицы хранения книги были расположены в хронологической последовательности, вследствие чего «помета» с общим названием оказалась на третьей по счету книге — Богородского ключа [4, с. 24]. Близкими по содержанию к этим «порядным» книгам являются монастырские дозорные книги начала XVII в. Самая ранняя из них датируется 1608 г. На ее близость к порядным указывает сам заголовок: «Книга вместо поряды дозорные монастырские вотчины крестьяном 117 году». Это описание, кроме указаний о размерах пашни «в живущем», «в пусте» и «на льготе», ничем не отличается от «порядных» книг конца XVI в. В дальнейшем, судя по всему, монастырские власти перестали осуществлять коллективный поряд крестьян и составлять порядные книги, а описания крестьянских хозяйств получают названия дозорные, переписные или окладные книги.

¹РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 14727. Л. 283 об.—312.

 $^{^2}$ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2. С. 367—404.

³ГИМ ОПИ. Ф. 61. Д. 15. Л. 63—66 об., 69, 71—76.

За 1598 г. сохранился, по-видимому, полный комплект порядных книг, охватывающих все основные земельные владения монастыря в Вологодском уезде: шесть сел, одну слободу, полусельцо и 61 деревню, всего 68 живущих селений (в писцовых книгах 1620-х гг. их насчитывалось около 80). Каждая из семи порядных книг фиксировала крестьянское население отдельного ключа¹. По данным этого источника в семи монастырских ключах насчитывалось 248 дворов с населением 287 человек, а также семь бобыльских дворов, семь чел. Из всего состава крестьян-порядчиков нам удалось выявить только 30 дворов (36 чел.), которые не имели ни денежной, ни семенной задолженности перед монастырем. Их доля будет равняться примерно 12 %. Они зафиксированы в пяти из семи монастырских ключах: Бурдуковском (четыре чел., братья), Великорецком (девять чел.)2, Сергиевском (два чел.) и Подмонастырском (19 чел.; основная их часть проживала в двух деревнях — в Никитино и Обакумово). В Домшинском ключе крестьян, свободных от долговых обязательств, не осталось, но первоначально у Гр. Иванова в дер. Кожевниково значилось: «Симян головных и денег нет», однако потом дописано: «Симян четь ржи, 2 чети овса»³. С учетом этой записи за всеми порядчиками в этом ключе числились головные семена, а 35 чел. (70 % от населения этого ключа) имели еще и головные деньги⁴. В Богородском ключе только один порядчик не имел долговых обязательств перед монастырем — это священник Михей Васильев⁵. Денежные долги, в целом, имели две трети населения (66 %) семи ключей, в среднем он составлял 63 коп. на человека; долг по семенной ржи имели 78 % порядчиков, в среднем по 2,5 четверти на человека, а по овсу — 69 %, в среднем по 5,1 четверти на человека.

В декабре следующего 1599 г. вновь составлялись порядные книги. На сегодня известны книги только двух ключей⁶. Поименное сопоставление порядчиков 1598 и 1599 гг. показывает, что за один год состав порядчиков Подмонастырского и Сергиевского ключей сменился почти на 30 %. Более детальное исследование раскрывает особенности этого процесса. В обоих ключах через год из «старых» порядчиков продолжали жить 84—86 % человек, но при этом население пополнилось крупной партией новых порядчиков (58 чел.), что составит к числу оставшихся старых порядчиков почти 60 %. Так что «смена» населения за этот год происходила больше за счет притока новых порядчиков, а не ухода старых.

 $^{^{1}}$ Ключ — это территориальная хозяйственно-административная единица в системе монастырского управления.

 $^{^2}$ У одного из крестьян дер. Кокшарово С. Игнатьева значился головной рубль, но был зачеркнут — см.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2. С. 387.

 $^{^3}$ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2. С. 370.

⁴Там же. С. 367—371 (подсчет наш. — В. И.).

⁵ Там же. С. 376.

⁶Там же. С. 394—404.

По имеющимся данным, за период с 1598 г. по 1605 г. население в монастырских владениях (в 58 селах и деревнях) сменилось более чем наполовину [9, с. 110]. За период с 1599 г. до 1608 г. в селе Сергиевском и 10 деревнях этого ключа, по нашим подсчетам, убыло 38 чел. — это почти две трети крестьян (64 %). В Сергиевском ключе в 1608 г. числилось 52 двора с население 56 чел., не считая детей и племянников (отмечаются три раза без указания числа) 1 . Среди них сами крестьяне или их дети, проживавшие в тех же селениях в конце XVI в., составят 23 чел. (включая двух сыновей), т. е. за десять лет население сменилось почти на 60 %. В Домшинском ключе соотношение старых и новых поселенцев примерно одинаковое: старых, с 1598 г. — 21 чел., новых — 20 чел. 2 , т. е. население сменилось наполовину. Сопоставление имен крестьян, проживавших в 35 селах и деревнях в 1615 г., с именами жителей, числившихся в этих же селениях по порядной книге 1605 г., показало, что к 1615 г. осталось только 36 % крестьян [9, с. 118]. Как показывают эти данные, мобильность населения в период Смуты резко возросла.

При скрупулезном изучении выявляются деревни, в которых за один только год население почти полностью менялось. Так, в дер. Никитино (Подмонастырского ключа) из девяти крестьян 1598 г. за год убыло семь чел., а вместо них в 1599 г. поселяются семь новых. В дер. Гридинское (Сергиевского ключа) убыли четыре чел. из семи, а поселились девять новых³. В 1608 г. здесь продолжали жить трое человек из состава 1598 г. и один из поселенцев 1599 г. ⁴ Такие единовременные «массовые» переселения позволяют предположить существование своеобразных общин крестьян-порядчиков, которые переходили от одного землевладельца к другому.

Сопоставление порядных книг 1598 г. и 1599 г. с дозорной книгой 1608 г. по Сергиевскому и Домшинскому ключам говорит о том, что среди крестьян-порядчиков, длительное время (до 10 лет) проживавших на одном месте, отмечается тенденция к увеличению размеров запашки (общий баланс изменений у семи чел. — +1,252 плуга) и уменьшению всех видов задолженности («головных денег» у девяти чел. — на 4 руб. 30 коп.; семян ржи у 10 чел. — на 4,33 чети, а овса у восьми чел. — на 9,16 чети)⁵. При этом общее распределение земельных наделов между крестьянскими дворами в на-

¹ГИМ ОПИ. Ф. 61. Д. 15. Л. 71—75 об.

² Там же. Л. 63—66 об., 69.

 $^{^3}$ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574 — 1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2. С. 391, 401, 374, 395.

⁴ГИМ ОПИ. Ф. 61. Д. 15. Л. 71 об.—72 об. Возможно, еще одного или двух человек — Ивана и Завьяла Пантелеевых — можно отнести к старожилам, если признать, что один из них записан в 1599 г. как «Пинайко(?) Пантелиев».

 $^{^5}$ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2. С. 367—375, 394—397; ГИМ ОПИ. Ф. 61. Д. 15. Л. 63—66 об., 69, 71—76. В Сергиевском ключе средняя на одного человека задолженность возросла: по головным деньгам с 49 коп. до 60 коп. и по овсу с 4,2 четей до 6 четей; оставаясь по ржи примерно одинаковой — 2,8—2,75 чети. Однако в Домшинском ключе отмечается небольшое снижение уровня задолженности по день-

чале XVII в. имело явную тенденцию к уменьшению. Так, в 1598 г. в среднем на один двор, по нашим подсчетам, приходилось пашни 0,47 плуга; а в 1615 г. — 0,35 выти [9, с. 101, 119]. Можно говорить и об общем усилении долговой зависимости прилуцких крестьян, особенно семенной. Выявленных на сегодня хлебных кабал 1590-х гг. в три с половиной раза больше, чем денежных за эти же годы [2, с. 20, 74].

Данные порядных книг 1598 и 1599 гг. (и дозорной книги 1608 г.) о количестве селений и дворов в разных ключах при сопоставлении с данными писцовых описаний (1543/1544 и 1620-х гг.) переписи монастыря 1593 г. приводят к выводу о том, что в разных монастырских ключах доля порядчиков колебалась от 40—55 % в Подмонастырском ключе (в селе Выпрягове — около 10 %) до 50—60 % (Домшинский, Великорецкий, Богородский), 75—85 % (Лоптуновский), 80—85 % (Сергиевский), 100 % (Бурдуковский) всего крестьянского населения. В среднем доля крестьян-порядчиков могла составлять около 60—70 % сельского населения. Статус и положение остальных крестьян неизвестно и требует специального исследования. Часть из них могла относиться к так называемым старожильцам, крестьянам-вотчинникам, которые оказались в монастыре вместе со своими земельными владениями.

В ходе бурных событий Смутного времени произошли катастрофические изменения в составе крестьянского населения. Многие деревни запустели, в других владениях население полностью сменилось. Система кабальной зависимости крестьян-порядчиков, созданная во второй половине XVI в., была во многих владениях Прилуцкого монастыря разрушена. В 1625 г. «после литовского и казачья разоренья» монастырские власти «досмотрили и переписали крестьян, хто на чем живет». При описании Домшинского сельца с дер. Родионцово оказалось, что у крестьян нет никаких долгов перед монастырем. Оказывается, «головных симян ржы и овса сказали за ними ни за кем нет и денег головных нет же», «а старые де головные деньги и симяна ржаные и овсаные были за старыми жыльцы и те де жыльцы вымерли». Новые крестьяне после разорения «подымались своими симяны, а инные имали у посельских старцов на симана ржы и овса взаимы да заплатили»⁴. Население этого ключа, получается, полностью сменилось в бурные годы Смутного времени и не имело никаких кабальных долгов.

Система долговой зависимости стала возрождаться только после стабилизации обстановки. В книге денежных кабал 1638 г. из 110 крестьянских кабал, самые ранние — конца XVI в., более половины (56 актов) относились к 30-м гг. XVII в., а кре-

гам с 66 коп. до 61 коп. и по овсу с 2,3 чети до 1,7 чети, при росте ржаного долга с 1,1 чети до 1,5 чети на человека.

 $^{^1}$ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2. С. 367—404; ГИМ ОПИ. Ф. 61. Д. 15. Л. 63—66 об., 69, 71—76.

 $^{^2}$ Шумаков С. Сотницы (1537—1597 гг.), Грамоты и записи (1561—1696 гг.). М., 1902. С. 67—74; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 14727. Л. 278—390 об.

 $^{^3}$ Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. Исследование и тексты / Отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера. 2011. № 1. С. 41—42.

⁴ГИМ ОПИ. Ф. 61. Д. 15. Л. 86.

стьяне-должники (118 чел.) составляли только 36 % всех монастырских крестьян [9, с. 127]. В конце XVI в., напомним, доля должников среди крестьян-порядчиков была в два с половиной раза выше.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Готье Ю. Г. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. Г. Готье. 2-е просмотр. изд. Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
- 2. Дадыкина М. М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI XVII в. Исследования. Тексты / М. М. Дадыкина. Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2011.
- 3. Дмитриева 3. В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в. (к проблеме достоверности данных писцовых книг) / 3. В. Дмитриева // Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград, 1991. Вып. 22.
- 4. *Емельянов А. С.* Новопорядные крестьяне вологодской монастырской вотчины второй половины XVI в. : дисс. ... канд. ист. наук / А. С. Емельянов. Ленинград, 1947.
- 5. Иванов В. И. Бобыли русской северо-западной деревни конца XV XVII века: происхождение и «тайны» трансформаций / В. И. Иванов // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузов. темат. сб. науч. тр. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. Вып. 22. С. 21—40.
- 6. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря XVI века / В. И. Иванов // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузов. темат. сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Вып. 25. С. 21—40.
- 7. *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей / Л. И. Ивина. Ленинград, 1988.
- 8. Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря / Сост. П. И. Савваитовым ; испр. и доп. И. Н. Суворовым. Изд. 4. Вологда, 1914.
- 9. *Прокофьева Л. С.* Вотчинное хозяйство в XVII веке (по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря) / Л. С. Прокофьева. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959.
- 10. *Сторожев В. Н.* Монастырское землевладение на Вологде по данным 1627—1630 гг. (Историко-статистический этюд) / В. Н. Сторожев // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. Москва, 1909.
- 11. Черкасова М. С. Сельское население Вологодского уезда в конце XVI первой половине XVII века (система учета, типы источников, уровни анализа) / М. С. Черкасова // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузов. темат. сб. науч. тр. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. Вып. 20.

СЕВЕРНОРУССКИЕ ПОРЯДНЫЕ XVII — НАЧАЛА XVIII В.: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены половничьи порядные записи из архивов городских церквей Великого Устюга XVII — начала XVIII в. Изучение проведено на широком сравнительно-историческом фоне с уже известными порядными XVI—XVII вв. из монастырских архивов Русского Севера и с привлечением правовых памятников конца XIV — XVI в. Показаны особенности социального состава крестьянства и рентных отношений (отработочных, денежно-оброчных) в церковно-монастырских земледельческих хозяйствах Устюжско-Сольвычегодского края.

Ключевые слова: крестьянство; половники; поряды; крестьянские переходы; повинности.

Порядные грамоты/записи в большом количестве дошли до нас в составе архивов духовных корпораций Русского Севера (вологодского Спасо-Прилуцкого, устюжских Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского, сольвычегодского Николо-Коряжемского, важского Богословского, двинских Николо-Корельского, Соловецкого, Михайло-Архангельского и Антоньево-Сийского, новгородского Николо-Вяжищского, ряда других монастырей). В научной литературе накоплен продуктивный опыт их изучения [2; 4; 6; 7; 11; 14—15; 18; 20].

М. А. Дьяконов отметил оформление порядных «по противням» [6, с. 48—49]. Ю. С. Васильев назвал порядные из архива важского Богословского монастыря монастырско-крестьянскими, они действительно оформлялись для каждой договаривающейся стороны «по противням слово в слово» [2, с. 82—88]. Г. В. Демчук аналогичное мнение высказала об изученных ею порядных Двинского уезда XVI—XVII вв. из архиерейских, монастырских и церковных архивов [4, с. 25]. С. М. Каштанов относил порядные к договорным по виду частным актам трудового найма [12, с. 151—152]. Е. И. Колычева писала о порядных-поручных второй половины XVI в. [13, с. 172]. В самом деле, соединение элементов поруки и поряда в формуляре спасо-прилуцких заемных кабал наблюдается уже с 1580-х гг. («Се яз, имярек и се яз, имярек, поручилися есми по таком-то, что он порядился Прилутцкого монастыря у казначея…»)². В двинских порядных на тяглые монастырские земли, как заметила Г. В. Демчук, ста-

¹ Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

 $^{^2}$ Архив П. Строева. Т. 1 // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXXII. Пг., 1915. Стб. 622—623.

тьи о поручительстве не было, поскольку монастыри сами осуществляли административно-судебные прерогативы на своих старинных землях [5, с. 185, 243].

В прилуцких порядных с 1557—1570 гг. сочетаются денежный/хлебный заем и поряд с отработкой долга «исполу»¹. Близость некоторых прилуцких поручных записей к порядным и заемным кабалам XVI в. отметил также В. И. Иванов [9, с. 18—38]. Он же дал подробный анализ прилуцких порядных XVI в. с редким, как считает автор, симбиозом кабально-ростовщических и феодально-зависимых отношений. В результате до 90 % крестьян в Спасо-Прилуцкой вотчине к концу XVI в. были порядчиками, связанными долговыми обязательствами [10, с. 21—40].

В одной из наших статей рассматривались порядные записи из архива Успенской соборной церкви в Великом Устюге [26, с. 192—194]. Это были, по сути, договоры трудового найма, которые заключались между соборным причтом (в лице протопопа и ключаря «з братией») и крестьянами, поступавшими в работники-половники в соборные деревни за пределами города. Порядные анализировались нами по изданию 1892 г. Удалось также выявить до полусотни новых порядных записей и приходо-расходных книг старцев-порядчиков из архива Николо-Коряжемского монастыря XVII — начала XVIII в., отражение в них практики крестьянских переходов [24, с. 20—39; 25, с. 43—47]. Эта группа порядных (как самих записей, так и книг) дополняет большую их совокупность, рассмотренную в свое время в монографии М. А. Островской [19].

Трудно согласиться с мнением Г. Н. Лохтевой, изучившей свыше 500 порядных Троице-Гледенского монастыря за 1623—1678 гг. (РГАДА. Ф. 1178) и утверждавшей ограниченность документальных источников о половничестве [16, с. 119, 121—122, 135]. З. А. Огризко выявила еще больше — 900 — гледенских порядных из того же фонда за 1616—1700 гг. [17, с. 8—38]. Отметим, что, помимо РГАДА, в Гос. архиве Вологодской области (ГАВО) также имеется Гледенский фонд, включающий десятки еще не введенных в научный оборот порядных записей — и в отдельном виде, и в составе копийных сборников за первую половину XVIII в. Кроме того, заметная часть документации образует фонд этого монастыря в Секторе письменных источников Вологодского гос. музея-заповедника (ВГМЗ)³.

Значительный потенциал для расширения корпуса порядных имеется и в других региональных архивах. Например, несколько сотен порядных в разных фондах (архиерейских, монастырских, церковных) Архангельского областного архива указано Г. В. Демчук [4; 5]. Работы названных исследовательниц о половниках, относящиеся к Двинскому, Устюжскому и Вологодскому уездам, представляют для нашей темы несомненную ценность, поскольку показывают ряд общих черт с порядными из других регионов Севера. Продуктивна также методика рассмотрения порядных с привлечением приходо-расходных и других хозяйственных монастырских книг — денежных и хлебных.

 $^{^1}$ Дадыкина М. М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI — XVII в. М. ; СПб., 2011. Тексты. С. 115, 117, 119—121, 314, 316, 319.

 $^{^2}$ Акты Архангелогородской и Устюжской епархий. Т. 1 // РИБ. Т. XII. СПб., 1892. № 12, 41, 53, 54, 67, 81.

³ ГАВО. Ф. 693. Оп. 1. 114 ед. хр.; ВГМЗ. Ф. 5. Оп. 1. 26 ед. хр.

В данной статье анализируются неопубликованные порядные записи из архивов двух церквей Устюга: 1) вмц. Варвары; 2) свв. Жен-Мироносиц середины — второй половины XVII в. Их топографическое расположение представлено в монографии В. П. Шильниковской по межевому плану 1772 г. [28, с. 73]. Варварская церковь находилась в пределах Большого острога, а Мироносицкая — недалеко от нее на нижнем посаде, обе — поблизости от гостиного двора и левого берега р. Сухоны. Наличие порядных в церковных архивах и ранее было известно (Лодомской Богоявленской и Спасской церквей в Нижнем Подвинье¹), однако в данном случае речь идет не о сельских, а о городских церквях с их землевладением (в виде нескольких деревень и других угодий) в Устюжском и Сольвычегодском уездах. Лишь отдельные наблюдения о порядных из городских церквей находим в краеведческой литературе XIX в. [20, с. 95—97].

Рассматриваемые порядные были выявлены в ГАВО, ф. 1260 (Коллекции столбцов), оп. 3, 7. Они еще не привлекали внимание специалистов, в отличие от тех, что отложились в архивах названных выше северорусских монастырей. Большинство из них (числом до 20) происходит из архива Варварской церкви. В Нововышлом стане Устюжского уезда ей принадлежала дер. Потаповская, в две половины которой регулярно поряжались крестьяне-половники, чаще всего «к полуторе лошади». Под последней можно понимать и определенный оклад в рамках церковно-монастырских повинностей, и, как считает 3. А. Огризко, единицу измерения земли, соотносимую с размером получаемого порядчиком участка [18, с. 16]. По Мироносицкой церкви до десятка порядных относятся к 1693—1699 гг. Ее старосты поряжали работников на половину и четверть мироносицких деревень Остров (в Шемогодской вол. Устюжского у.), Коншево (в Петровском селце Сольвычегодского у.) и некоторые «казенные полянки».

Срок поряда составлял обычно 2—4 года, прекращение обязательств половника либо их продление, переоформление предусматривалось в традиционный Юрьев день осенний (26 ноября ст. ст.). Год, в который, по условиям поряда, половник могуйти из церковной/монастырской деревни (точнее, ее половины/трети/четверти), назывался выходным-вырядным-выездным-выхожим, вариант «останошное срочное лето выхожее», «останошной отжилой год». В порядную могла включаться просьба крестьян к монастырским властям «не выряжать их, держать до смерти и детей наших до отказу, пока сами не откажем»².

Г. Н. Лохтева приводит термин «выезжий половник», лошадь которого, если ее ему предоставил когда-то монастырь, переходила новому порядчику [16, с. 126]. Но под «лошадью» здесь может пониматься земельный надел определенного размера и связанный с ним «оклад» повинностей, суммарно включающий в себя рентные по сути обязательства — денежно-оброчные и обработочные. Последние, что интересно, — при отсутствии полевой барщины классического вида, обработка которой была бы разверстана по вытям — порядок, известный по центральнорусским крупно-земель-

¹Эти порядные (а еще празговые и оброчные) указаны: [10, с. 35—37].

² Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря XVI—XVII вв. // Исторический архив. М., 1953. Т. VIII. С. 59.

ным духовным корпорациям. Если в них домен был сконцентрирован в селах в виде целостных земельных массивов господской пашни, то в Устюжско-Сольвычегодском регионе он выглядит «мелкооконтуренным» и рассредоточенным по немногочисленным малым селениям.

Поступление в половники сопровождалось взятием у церкви (в лице церковного старосты), иногда их могло быть два, и прихожан «подмоги» деньгами (4—5 руб.) и/или зерном (рожь, овес, ячмень) для посева. Зерно в порядных указывается в «мерах». Это была самая распространенная единица вместимости в Устюжско-Сольвычегодском крае. Она использовалась применительно не только к зерну и хлебопродуктам (крупа, толокно), но и огородным, садовым культурам, «дарам леса» (лук, чеснок, репа, огурцы; яблоки; орехи) [22, с. 112—119]. Как единица учета посеянного и собранного хлеба на Устюге и на Ваге мера была изучена Г. Н. Лохтевой и Ю. С. Васильевым. Она включала половину официальной (московской) четверти, т. е. осьмину, в зависимости от ее размера (6—8 пудов), получается 3—4 пуда [3, с. 73, 75; 16, с. 125 — прим. 23; 22, с. 115]. Прямое указание на 4-пудовый вес «меры ржи» находим в одной опубликованной Г. Н. Образцовым порядной².

«Приполонный хлеб» (урожай зерном — «добрым, ядреным, сухим, дарованным всевышним Богом», вариант: «как Бог верхом хлеб согреет»; «как Бог хлеб возрастет») в порядных из Варварской церкви должен был делиться в соотношении «на пятеро»: две меры половнику (одному или с его «складником»/товарищем/работными людьми), а три меры — церковному старосте с прихожанами и причтом. В порядных из Мироносицкой церкви приполонный хлеб делился «на трое»: половнику одна мера, старосте с прихожанами — две³, причем всегда подчеркивалось, что церковь/монастырь получают лучший хлеб и сено. Приполонный хлеб своей пахоты половники везли на собственных лошадях возами-подводами из церковных деревень на посад к соответствующей церкви. К ней же направлялись их возы, груженные заготовленными дровами («еловыми добрыми, ядреными») — на год по 1—2 сажени трехаршинной с четью⁴. В отличие от них, монастырские половники везли приполонный хлеб в монастырь (Троице-Гледенский, Николо-Коряжемский) или в его житницы в деревнях. Невольно напрашивается аналогия с требованием к псковскому «старому изорнику возы возить на государя» (ст. 75а ПСГ)⁵.

Порядные записи отражают аграрные технологии в северной деревне — использование приемов как подсечно-огневого земледелия, так и трехполья. О первом свидетельствуют упоминания *новин* (впервые вспаханной целины), обязанности новины/новочисти дочистить, осеки выжечь; «сетчи лес в те три годы

 $^{^{1}}$ О «лоскутности», микроландшафтности аграрного пейзажа на севере см.: [27, с. 36—37 и др.].

² Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 184.

³ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 32.

⁴Там же. Оп. 3. № 79; Оп. 7. № 71, 80.

⁵Памятники русского права (ПРП). М., 1953. Вып. 2. С. 296.

одному человеку 20 дней, а высекши тот лес и выжетчи, выпрятать пот сенные покосы, как мочно косить»; «на сенных покосех кустарники чистить и ветошь палить»¹. Постоянны указания на *притеребы* (расчищенные от леса и кустарника участки), «вопчую *новочисть* с соседями» (общиной? — *М. С.*), четвертая часть которой обрабатывалась половником². В порядных Антоньево-Сийского монастыря, часть землевладения которого размещалась в Устюжском уезде, говорится о посеве половником «в первой год на готовой подсеке в лесе меры ржи», расчистке пожен и полей, чтобы они не зарастали лесом, о выкорчевывании пней (1621, 1646 гг.)³.

В двинских порядных Г. В. Демчук отмечает частые упоминания о «новоросчистях», на их основе не в последнюю очередь сложился фонд оброчных земель [5, с. 232, 241, 247, 252]. Половники должны были также «присекать леторосль/леторосник и кустарник», которым быстро зарастали поля, отсюда требование в порядных «сенных покосов лесом не заростить». Леторосником называли молодые побеги деревьев, выросшие за один год — «лето», а шипичники — это колючие кустарники [27, с. 38—41 и др.].

В ст. 174-й Судебника 1589 г. запрещалась пахота леса-молодняка «прежних выпашей», который считался общим достоянием деревни, без раздела со складниками-однодеревенцами. М. М. Богословский обнаружил в одном земельном споре 1640 г. по Устьянским волостям прямое указание на применение именно этой статьи [1, с. 272, 274]. В отличие от «молодей», черный лес в суземьях (пространствах вдоль рек) по ст. 175-й разрешалось рубить и распахивать индивидуально. «Осек выжечи, новочисть дочистити, репище вычистить» — эти и другие работы половников также фигурируют в порядных⁴. «Осеками» назывались ограды, отделяющие деревенские земли от черного леса. В ст. 23 Судебника 1589 г. предусматривалось возведение осека из семи «добрых колодин»⁵.

В монографии Е. Н. Швейковской приведено много сведений о неустанной борьбе северных земледельцев с последствиями мощных речных разливов и ледоходов, песчаных и иловых заносов сельскохозяйственных угодий [27, с. 27—30]. С этим была связана включаемая в порядные обязанность половников «в полях от застойной воды борозды приезжать»; «меж поль борозды вновь копать и старые чистить, борозд около поль не заростить»; «у пожни старая борозда выкопать и вода с той пожни выпустить в р. Сухону»; «огороды от песку крепить»⁶. Сильные северные ветры представляли опасность также и для человеческого жилья: «На которой домине кровлю ветром

 $^{^1}$ Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 162; Архив Петербургского института истории РАН. Ф. 72. Оп. 1. № 238. Благодарю Н. В. Башнина за предоставление коряжемских порядных из этого фонда.

² Подробнее о лексемах «новина», «притеребы», «новочисть» см.: [23, с. 83—94].

³ Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 119, 123. О расчистках см. также: [27, с. 46—48].

⁴ВГМЗ. Ф. 4 (Николо-Коряжемский монастырь). Оп. 1. № 94.

⁵ Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952. С. 357.

⁶Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 172—173, 182.

ростепет, и мне, половнику, починивати»; «кровли на хоромах, где от ветру погнутца, и мне, живучи, починивать» 1 .

Ряд исследователей понимает подсеку на Севере не как архаичный пережиток, а как рациональное дополнение других систем земледелия и как способ получения более дешевого и доступного, чем навоз, качественного удобрения в виде золы [8, с. 476]. На трехполье указывают упоминания «паренины», «паров троеных» (т. е. трижды вспаханных) и сам состав зерновых культур — яровых овса и ячменя (еще яровой овсяной соломы и мякины); паровой соломы и озимой ржи — основы крестьянского хозяйства и рациона, имея в виду ржаной хлеб и квас. В порядных Антоньево-Сийского монастыря различались пары горные и луговые, которые следовало «орати на три ряды», «земля парити ежегод, пары орать по трижды». Отсюда, возможно, шло определение «пары троеплужные». Реже обработка пара была менее напряженной: «Пары орать по дважды на всякой год». Иногда порядчики-третники и вовсе обязаны были «пары орати летом четырежды» или допускались варианты: «…пары парить, четверить и троить». Трехкратная обработка паров предполагала и их унавоживание: «Пары парити доброю пашнею с назмом, орати по трижды на лето и боронити» ².

Огородничество как непременная отрасль хозяйства зафиксировано постоянными упоминаниями в порядных капустников и конопляников, иногда посадок репы — «репищ». Кроме этого, половники сеяли на себя и на каждого из клирошан своей церкви лен на паровом поле «по решету на лошадь или сколко старосты повелят»³. У Антоньево-Сийского монастыря порядчики-третники сеяли также по решету конопли, иногда — полмеры на огородец⁴. Конкретную «вместимость» решета определить трудно, оно считается сравнительно мелкой весовой единицей [22, с. 116]. В некоторых хозяйственных книгах вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря объем «решета» указан в «восемь чаш»⁵, но неизвестно, каким был в данном случае вес одной чаши. Неизвестна и вместимость «коробицы/коробиц» в устюжских порядных, которыми учитывались посевы семени конопляного, а еще «ставцов монастырских» при посеве льна⁶. Возможности порядных для расширения сведений по древнерусской метрологии несомненны.

О связи льноводства с земледелием говорят народные приметы: «Лен с ярью не ладит»; «Овсы да льны в августе смотри»; «Земля при запашке коренится, лен будет волокнистым». В мироносицких порядных ржаное поле отождествляется с корнем, половники поряжаются на «готовый корень и троеные пары», а в выходном году, насеяв готовый корень и перетроив пары, оставляют их, обещая не претендовать на будущий урожай («до коренины мне дела нет»).

¹ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 36, 57; ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 34.

² Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 124, 127, 129, 142, 148, 158, 172, 196.

³ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 75.

⁴Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 127, 160.

⁵ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 349. Л. 1.

⁶ Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 160.

В церковных и монастырских порядных переплетены работы, имеющие личностно-сеньориальный оттенок, и мотивы послушания, повиновения. В порядных из Варварской и Мироносицкой церквей на первый план выведены активисты приходской общины — выборные церковные старосты, олицетворявшие собой стоявшее за ними приходское духовенство: священника, дьякона, «всех клирошан» и приходскую посадскую общину. От церковных и монастырских половников требовалось подчиняться церковным старостам, соборным протопопу и ключарю «з братьею», монастырским ключнику, старцу-порядчику, «посельщику/посельнику» («на изделья/зделья/дело ходить, не огурятца»; «на посельщика садить капусты по гряде в год»; «на посельников стряпать и рубахи мыть и коров доить»; «дров ставить к посельщикове келье по сажене с лошади»; «всякое деревенское дело делать в пору с людми без ослышания»; «на ядреца овса делать по 2 четверти на лошадь, а ячмени по полуосмине»¹).

В порядных между частными лицами читаем: «...мне, половнику, водитца около хозяйского скота»². В церковных же порядных хозяйственные распоряжения отдавали церковные старосты, а ими, как правило, были наиболее состоятельные торговые люди Устюга («...сенник перенесть на новое место; ...подрубить столко рядов, сколко старосты повелят»³). В монастырских порядных предусматривались дополнительные (видимо, нерегулярные) натуральные взносы с половников в рамках епархиального налогообложения: «а буде архиерейской указ о масле и о яйцах, и мне, половнику, масло и яйца по розводу давать»⁴. В порядных Антоньево-Сийского монастыря говорилось о праве игумена с братией «волно смирять половников за непослушание и озорничество/дурость»⁵.

Материальную культуру северного крестьянства отражают сведения порядных о «дворовом приряде» — составе жилых и хозяйственных построек, которые должны были возводить (либо ремонтировать) половники в церковных/соборных/монастырских/хозяйских деревнях (изба «с нутром», сарай, амбар, сенник, обновление кровли, ее утепление-«потыкивание», как и бревен избы, мхом, копка колодца и/или ямы — погребной, под-овинной). В порядных встречается немало строительных терминов: драницы — еловые или сосновые колотые доски длиной обычно в сажень (214—216 см) для покрытия кровли «без капи»; слеги — горизонтальные бревна или брусья, на которые настилался пол; охлупень — продольный брус с коньком (князьком) на крыше; самцы — бревна, из которых собирались фронтоны, несущие конструкции крыши; скалы — широкие полотнища бересты для утепления дома; повети — крытые навесы во дворе для хранения хозяйственного инвентаря и всякого рода пристройки к избе; заплоты — заборы, а еще сложенные из полубревен стены избы. В порядных также отражены диалектные варианты терминов: вицы и вичи — длинные гибкие ветки/ветви/хворостины, молодые побеги ивы, черемухи, березы,

¹Архив СПб-го ИИ РАН. Ф. 72. Оп. 1. № 96.

²ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 80.

³ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 74.

⁴ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 94.

⁵ Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 125, 138—147.

можжевельника, ели; производное от них *вичье, вичить* — связывать, скручивать; курицы и *куричины* — деревянные приспособления к укреплению желобов (как водосток от крыши дома); корень — коренина; пар — паренина.

Термин «приряд» не покрывал весь объем разнообразных строительных и ремонтных работ половников. Так мог называться и труд земледельца по расширению пашенных площадей: «...в ту 10 лет тое новую роспашь пахать и новь розчищать и прибавливать пахотной земли около двора»¹. В одной половничьей порядной из Христофоровой пустыни (приписной к Николо-Коряжемскому монастырю в Сольвычегодском уезде) 1630-х гг. говорилось о «поставке приряду по полумере на год к полю пенья ломати, а за непоставку прирядных земель новых за полумеру дати по полтине на год»². Здесь мера и полумера фигурируют как единицы площади земли, соотносимые, вероятно, с объемом посеянного на них хлеба. «На меру мне, половнику, ржаную вычистити лесу в поле, а как вычищу, рожью посеять, а симяна монастырские»³.

Труднее объяснить сочетание про работу на церковной земле силами «полутора человеком» (? — М. Ч.). Возможно, это был «половинный» объем работ, соответствующий «полуторе лошади» как окладу и участку земли, если принять, что на второй такой же половине деревни работало «полтора человека», т. е. всего на данную деревню порядились трое складников. Видимо, это и есть третники? Иногда половник согласует полагающийся ему вид работы со вторым порядчиком: «Житница мне монастырская подрубить с другим половником вместе, кто порядится в другую половину в ту ж деревню, и подрубить повыше рядов десять, чтоб вода большая не подняла...»⁴. Половины деревень Антоньево-Сийского монастыря, в которые поступали порядчики, учитывались «двумя веревками», с каждой из которых им следовало платить оброк по 1 руб. в монастырскую казну плюс «государева посопного стрелецкого хлеба с мирских веревок ржи и жита по вся годы беспереводно». При поступлении в 1696 г. крестьянина Ровдогорской волости И. Т. Рудакова с детьми в одну деревню указывалось, что «тяглом она полторы верви», включая «севчую землю, луговую и горнюю, сенные покосы и хоромы — все без вывета». От веревки/верви, скорее всего, шло определение «посыпной веревочный хлеб»⁵.

Нормативно-правовой (отчасти напоминающий уставные грамоты крупных северно- и центральнорусских монастырей) характер порядных выражался в том, что за невыполнение половниками ремонтных и строительных работ в порядных предусматривались штрафные взимания («застава», «заряд»). Обращалось внимание на качество работ — они должны были выполняться «добро, безохульно, как ся в людех ведет», землю следовало пахать «добро, мастерски», сенные покосы косить «с людми в пору ниско и глатко, закрайков в пусте не метать, стожья огородить накрепко и бе-

¹ Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 152.

²ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 2. № 2.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 72. Оп. 1. № 86, 87, 94, 96.

⁴Там же. № 96.

⁵ Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 147, 178, 186.

речь до зимнего пути» 1. Важную часть хозяйственных повинностей половников составлял вывоз «натравы» / «назема» (навоза) из гумна и сора со двора и улицы, сооружение изгородей («огород») между дворовыми и пахотными участками, чтобы «гобины (урожая. — M. Y.) не стравить и не обронити, стравленое — мое, половничье, целое — их, церковное». Назем/сор/натрава должны были «дочиста» вывозиться половниками с посада, от церкви в деревни «по 300—600 возов на год и рассыпаться в поля по надобным местам и на задние полосы» 2.

Спорным представляется мнение Г. Н. Лохтевой, считавшей, что условия поряда выражались в записях крайне расплывчато, и земельные собственники могли произвольно распоряжаться временем и трудом половников [16, с. 137]. Напротив, все виды отработок в рамках «порядно»-договорных отношений работника с приходской или соборной церковью/монастырем/частным хозяином описаны в них предельно конкретно, иногда с интересными бытовыми подробностями. Условия хозяйствования и требования к отдельным видам работ детально оговариваются: «Которая заплотина под сараем объявится гнилая, и ту выбросить вон, а в то место положить новая»; «под окном половину огородца на себя половнику садить под капусту — вдоль 10 сажень, а поперег 6 сажень»; после снятия конопли мятую и «отмоченную» отдать монастырю, «а посконь — вся половникова»; «хлев поставить новой 3 сажен печатных, высота от земли до матицы пол-4 аршина... да от избы до клети доспеть сарай новой лехкой на один скат на 10 столбах, столбы ронить в 10 и в 9 вершков в отрубе...»; «лавки доспеть плотно и вытесать и выскоблить, в семи окошках четверть зделать в закрой плотно»³. Порядчики-третники у Антоньево-Сийского монастыря получили в 1649 г. трех коров, масти которых подробно описаны, «а четвертая — нетель»⁴. В случае приплода от коровы третники должны были выкармливать теленка молоком, а хлеб ему давать из монастырской казны⁵.

Если половник не брал на себя обязанностей по «приряду», каждый из видов сельскохозяйственных, строительных и ремонтных работ выражался в денежном эквиваленте, вносимом в порядную: за невывозку навоза за воз по 1 алт. (при норме 100 возов на «лошадь»), за жердь — по гривне (при норме 100 жердей на «лошадь»); за непоставленную «перетыку» (средние колья в изгороди) — по 2 ден., за сажень дров — по 10 алт.; за неявку на «церковное зделье» — по полуполтине за день. Допускалась также замена одного вида отработок другим — «за поскотинные дни печь бил». Имелось в виду невыполнение таких видов работ и их денежный эквивалент, как 1) «за поскотинную невысечку по 2 алт. за день» или 2) «за лесную невычистку от поскотины по 2 гривны за сажень» 6. В приходной книге коряжемского старца-по-

¹ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 2. № 7.

² ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 80, 81, 83, 84.

 $^{^3}$ Архив СПбИИ РАН. Ф. 72. Оп. 1. № 238; ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 32, 36, 57, 69; Оп. 2. № 8; ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. № 342 (порядная из архива Успенской соборной церкви).

⁴Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 128.

⁵ Там же. С. 160.

⁶BΓM3. Φ. 4. Oπ. 1. № 69, 76, 81, 94.

рядчика 1694 г. находим запись о взятии им с половника за поскотинную невычистку гривны 1 .

Такой же принцип действовал в отношении «приряда» в целом, который мог быть заменен уплатой «пожилого» в размере 1,2 руб. (120 коп. = 40 алт.) либо 1,5—2,0 руб. за год. Напомним, что известное по Судебникам 1497, 1550 и 1589 гг. «пожилое» составляло 25 коп. за год проживания и работы крестьянина, значит, величина его, судя по устюжским порядным второй половины XVII в., существенно возросла. Записи о выплате пожилых и подможных денег («подмоги в отдачю»), как и поэтапного выполнения «приряда», регулярно заносились на оборотной стороне церковных и монастырских порядных, хотя в последних эта делопроизводственная сторона выглядит более отработанной, совершенной, чем у Варварской и Мироносицкой церквей. Учет выданного хлеба и подмоги отражен в переписной книге Николо-Коряжемского монастыря 1668 г.: «За половниками по порядным записем подможных денег 274 руб. 12 алт., да по тем же записем хлеба ржи 138,5 четв., овса 72,5 четв.»².

Во всех порядных указывался один (реже — два) послуха и содержалась традиционная фраза: «...хто с сею, порядною церковных старост станет, тот по ней и истец» (или «Где меня ся порядная застанет, тут по ней суд и правеж, все убытки монастырские/церковные сполна на мне, половнике»). В конце XVII в. наряду с одним послухом в устюжские порядные стала включаться статья о поручителях. Есть некоторые данные о правовом значении этого института. В одной челобитной из архива Николо-Коряжемского монастыря 1643/44 г. отмечен поручитель Михалко Дурапов — родной брат порядчика Трофимки Дурапова. По ним обоим и еще нескольким крестьянам из слободки Пырской Едомы (в районе современного Котласа) должен быть прислан пристав, чтобы доставить их на суд коряжемского игумена Александра (Вятского) с братией «по порядным записем и памяти в подможных денгах и в подможном хлебе и в приряде дворовые поставки»³.

В октябре 1693 г. в порядной Павла Семенова сына Барсуковских на половничество в казенную полянку Мироносицкой церкви в качестве поручителя был указан его родной брат и тоже половник Петр Семенов Барсуковских. Истец мог апеллировать к порядчику или поручителю («которой из нас исцу люб»), их ответственность на случай судебного разбирательства считалась равной⁴. О включении в состав поручителей близких родственников по двинским порядным пишет Г. В. Демчук. Ею же отмечено увеличение числа поручителей в конце XVII в. до 5—7 чел., выплата ими за порядчиков «празговых денег» в церковную казну и то, что этот институт был формой контроля приходской общины над хозяйственной деятельностью порядчиков [4, с. 25, 32]. В 1691 г. суд игумена был предусмотрен

¹ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q. IV-396. Л. 10.

² Там же. Л. 37 об.

³ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 40.

⁴Там же. № 92.

по иску посадского человека Соли Вычегодской на половнике, жителе коряжемской Шалимовой слободки, по порядной 1 .

В порядных Антоньево-Сийского монастыря поручители начали указываться с 1668 г., и на них возлагалась ответственность за выплату половниками «оброчных денег и хлеба всех сполна и с убытки». В 1689 и 1699 гг. поручители обязались в том, что порядчик не запустошит монастырскую деревню, не допустит невыпашки, невыплаты «празговых денег» и выхода из деревни до срочного года².

Конфликтные ситуации между порядчиком и монастырем, церковью, частным хозяином возникали обычно в момент «выхода-выезда», прекращения правоотношений, как это известно и по «отроку изорника» в ПСГ («запрется изорник отрока государева, ино ему правда дать» — ст. 42a; 44; ст. 51 — «А коли изорник имет запиратся у государя покруты...»; ст. 76³). В одной порядной из Варварской церкви 1681 г. предметом возможного разбирательства указаны «прирядные дрова, жерди, пожилые деньги и убытки, и волокиты все безрозвытно»⁴. Известен случай 1708 г., когда казначей Николо-Коряжемского монастыря и старец-порядчик за невыполнение «дворового приряда» половником отправили его сына в Петербург на работу, приравняв это к 5 руб. За такими действиями стояли решения монастырских властей, вытекающие из заключительных фраз в порядных о том, что именно они (старец-порядчик, ключник) — истцы по делам о нанесенных им убытках. В случае смерти половника, не успевшего расплатиться по подмоге, обязательства эти переходили на его вдову и сыновей, опять-таки аналогично псковским «изорникам в записи» (ст. 85 ПСГ⁶), однако сколько-нибудь развернутых текстов об этом обнаружить не удалось. Сам перенос обязательства можно предполагать в кратких записях приходных книг Николо-Коряжемского монастыря «судных и поднаказных пошлин и езду» 1631/32 и 1665/66 гг.⁷ Несколько примеров уплаты подмоги и других взносов за умерших половников их женами, матерями, сыновьями в монастыри привела М. А. Островская [19, с. 308]. По порядным из городских церквей Устюга подобная практика нам не встречалась.

Большинство церковных порядных имели светское происхождение, написаны площадными («казенными») подьячими Устюга, среди которых чаще всего фигурирует Данилко Бутусов. Некоторые порядные были написаны церковными и волостными дьячками (Вондокурской и Шемогодской волостей Устюжского уезда). Упоминание церковных дьячков может указывать на оформление порядных в трапезных приходских храмов, но напрямую об этом в выявленных нами источниках не сообщается. В отличие от них, практически все монастырские порядные оформлялись и текущие записи на них делались в крепостной казне духовных корпораций или в ведомстве

¹ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 32.

² Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 148, 177—178, 195.

³ПРП. Вып. 2. С. 292—293, 296.

⁴ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. № 85.

⁵ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 111.

⁶ПРП. Вып. 2. С. 297.

⁷ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 29. Л. 8 об.—9; Кн. 50. Л. 1—12.

старцев-порядчиков. Кроме того, на некоторых порядных имеются пометки XIX в., отражающие интерес местных краеведов к ним как историческим источникам, а также пребывание в церковных архивах длительное время.

В порядных предусматривались меры противопожарной безопасности («с лучиною с огнем по двору в темное время суток, поутру рано, ввечеру и в ноче не ходить, быть от огня бережливу/осторожливу»). Некоторые имели даже религиозную обусловленность «в воскресные дни и Господские праздники овинов не сушить»: во избежание пожара. В этом запрещении отражен момент церковно-религиозного дисциплинирования крестьян, за что грозил штраф. Если «судом Бога праведного» овин и хлеб сгорят, возмещение убытков возлагалось на половника. Если же пожар погубит хлеб и овин в обычные дни, то подобные выплаты не взимались¹. Также не возлагалась на половников и ответственность, «если какову скотину зверь убьет — лошадь, корову, овцу»².

Условия проживания половников в монастырских/церковных деревнях строго регламентировались. К мерам дисциплинирования следует отнести обязательство порядчиков «с воровскими людми не знатца и никаким воровством не воровать, ни за каким дурном не ходить, костию и в карты не играть, ни костарей не держати, жити смирно»; вариант: «корчмы (иногда с добавлением: «ни блядни, ни худых людей») и зерни не держать; винной и табачной курехи не держать». Еще один любопытный момент: «живучи половнику, властем худословья/недобрые огласки не принесть/не навести». Последнее влекло за собой пеню за «их, властелинское бесчестье»³. В Петровское время в формуляр порядных включается обязательство половникам «беглых солдат и воровских людей не держать»⁴.

Разобранные порядные были не единственными документами в архивах двух устюжских церквей — Варварской и Мироносицкой. Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г., составленная по распоряжению администрации приказа Большого дворца, отметила их наряду со множеством других актов (духовных, данных, заемных, закладных, поступных) и делопроизводственной документации (приходо-расходных тетрадей). В той же переписной книге обрисован экономический потенциал церквей, например, у Мироносицкой за период «старощенья» И. В. Мотохова и Гр. Ногина в 1693—1695 гг. приход денег составил свыше 631 руб., а хлеба: ржи — 358, овса — 496, ячменя — 268, пшеницы — 22 меры⁵. Разумеется, такие денежные и хлебные ресурсы позволяли церкви предоставлять нуждающимся денежные и хлебные ссуды, заниматься торговлей и вести собственное земледельческое хозяйство трудом порядчиков-половников.

Помимо монастырей и городских церквей, труд половников использовался также в вотчине образованного в 1682 г. Устюжского архиерейского дома. Его хозяйствен-

¹ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 32.

² Образцов Г. Н. Указ. публ. С. 128.

³ Там же. С. 134, 138, 174, 192—193, 195.

⁴ВГМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 36; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. № 112 (1718 г.).

⁵ РГАДА. Ф. 236 (Патриарший дворцовый приказ). Оп. 1. Кн. 76. Л. 103—104.

ная организация была отражена в переписной книге стольника Монастырского приказа А. С. Вешнякова в сентябре 1701 г. Архиерейскому дому принадлежало 130 дворов (78,5 крестьянских и 51,5 половничьих) в двух уездах — Устюжском и Яренском. Крестьяне были крепки архиерею «по писцовым книгам», а половники — по порядным записям. Денежный оброк составлял от 2,75 до 6,0 руб. с крестьянского двора, а выплаты половниками «пожилого» — 1,0—1,5 руб. со двора. Это позволяет считать половников людьми, экономически менее обеспеченными, а их «пожилое» — по сути денежной рентой. Старцы-порядчики вели приходные книги «оброчных половничьих денег». «Приполонного» хлеба половники вносили из расчета: три части в архиерейский дом, две части — на себя. Крестьяне и половники платили стрелецкую рублевую подать, а еще привлекались к сенокосам и другим сезонным работам на господской земле [21, с. 25—27].

В 1702 г. стольником А. М. Вешняковым было также проведено описание хозяйств волостных церквей Сольвычегодского и Яренского уездов. Отмеченные в их деревнях половники разделялись, согласно сказкам церковных старост, на две группы: 1) жившие на дворовом приряде и не платившие пожилых денег; 2) не выполнявшие «приряда» и платившие пожилое, т. е. денежный оброк. И те и другие вносили подати царя и великого князя «с мирскими людьми в ряд»¹. В порядных же из городских церквей податной статус половников четкого отражения не нашел. В переписной книге Николо-Коряжемского монастыря того же стольника давалось своего рода обобщение: «Как по порядным своим половники урочные годы отживут, и они выходят поволно в ыные места на сторону, хто куды похочет. А буде по договору хто похочет вновь на том же месте порядитца на колко лет, и те половники живут так же по договором»².

Итак, при рассмотрении севернорусских порядных по Устюжско-Сольвычегодскому краю были выделены некоторые социально-правовые, социокультурные, источниковедческие, метрологические аспекты. Обращение к актовым собраниям городских церквей Устюга позволило расширить корпус этих ценных источников, что создает возможность для последующей их классификации, типологии, сравнительно-исторического изучения. Широкая представленность феномена половничества в системе социальных связей, в организации труда — все это привносило несомненную особенность социальному миру деревни и города на Севере, их социально-экономическому взаимодействию.

На основе порядных были приведены данные о расценках за разные виды земледельческих и строительно-ремонтных работ. Неожиданным «воспоминанием о прошлом» выглядят многочисленные указания порядных на правовое регулирование крестьянских переходов на Севере во второй половине XVI — в начале XVIII в. Обновляются наши представления о городских церковно-приходских сообществах как «хозяйствующих субъектах», особенностях экономической организации и рентной направленности малых и средних по масштабу севернорусских монастырей, длительности и трудности земледельческого освоения, комбинации разных приемов

¹РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. 1. Кн. 42. Л. 359—363.

²Там же. Л. 311 об.

аграрных технологий на фоне рискованных природно-климатических факторов жизнедеятельности человека на Русском Севере. В плане теоретическом порядные как исторические источники снова побуждают к размышлениям о сочетании экономических и правовых компонентов в структуре отношений земельной собственности [27, с. 82—83 и др.].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Богословский М. М.* К вопросу о Судебнике 1589 г. / М. М. Богословский // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССLXXII. 1905. Декабрь.
- 2. *Васильев Ю. С.* Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в. / Ю. С. Васильев // Археографический ежегодник за 1976 год. Москва, 1977.
- 3. *Васильев Ю. С.* Четверть и мера сыпучих тел на севере России XVI—XVII вв. / Ю. С. Васильев // Избранные труды по истории Европейского Севера России XII—XVII вв. Вологда, 2013.
- 4. Демчук Г. В. Крестьянский поряд на русском севере (по документам ГААО) / Г. В. Демчук // Русский север в документах архива : мат. научной конференции, посвященной 75-летию Государственного архива Архангельской области. Архангельск, 1998.
- 5. Демчук Г. В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII в. / Г. В. Демчук. Екатеринбург, 2002.
- 6. Дьяконов М. А. Половники поморских уездов в XVI и XVII веках / М. А. Дьяконов // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХСІХ. 1895. Май.
- 7. *Дьяконов М. А.* Очерки по истории сельского населения в Московском государстве в XVI—XVII вв. / М. А. Дьяконов. Санкт-Петербург, 1898.
- 8. Жегалова С. К. Материалы по истории земледелия и земледельческой техники Европейского Севера XIX в. / С. К. Жегалова // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
- 9. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики русской северо-западной деревни XVI в. / В. И. Иванов // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузов. сб. науч. тр. Калининград, 2018. Вып. 24.
- 10. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики Спасо-Прилуцкого монастыря XVI в. / В. И. Иванов // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузов. сб. науч. тр. Калининград, 2019. Вып. 25.
- 11. *Камкин А. В.* Порядные крестьян-половников поморских уездов XVI—XIX вв. / А. В. Камкин // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970.
 - 12. Каштанов С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. Москва, 1988.
- 13. Колычева Е. И. Крестьянские поряды в монастырские вотчины второй половины XVI в. / Е. И. Колычева // Крестьяне и сельское хозяйство России в XIV—XVIII веках : сб. науч. тр. Москва, 1989.
- 14. Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. / А. И. Копанев. Ленинград, 1978.
- 15. Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев. Ленинград, 1984.
- 16. *Лохтева Г. Н.* Половники Троице-Гледенского монастыря в XVII в. / Г. Н. Лохтева // Исторические записки. Москва, 1962. Т. 72.

- 17. *Огризко З. А.* Зерновое хозяйство Троице-Гледенского монастыря в XVП в. / З. А. Огризко // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР : сб. IV. Москва, 1960.
- 18. *Огризко З. А.* Из истории крестьянства на Севера России (Особые формы крепостной зависимости) / З. А. Огризко // Труды ГИМ. Москва, 1968. Вып. XLI.
- 19. *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII вв. / М. А. Островская. Санкт-Петербург, 1913.
- 20. Попов К. А. Половники / К. А. Попов // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1862 и 1863 гг. Вологда, 1863. Вып. 2.
- 21. *Суворов Н. И.* Устюг Великий в конце XVII в. / Н. И. Суворов // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1864 год. Вологда, 1864.
- 22. Судакова С. В. Из истории метрологии Устюга Великого XVII в. (единицы измерения сыпучих тел) / С. В. Судакова // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
- 23. Чайкина Ю. И. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского уезда XVI—XVII вв. / Ю. И. Чайкина // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
- 24. *Черкасова М. С.* Порядные записи из архива Николо-Коряжемского монастыря XVII начала XVIII в. / М. С. Черкасова // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузов. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2009.
- 25. *Черкасова М. С.* К изучению крестьянских переходов на Севере в XVII начале XVIII в. / М. С. Черкасова // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: мат. к конференции. Москва, 2009.
- 26. *Черкасова М. С.* К изучению социально-правового статуса севернорусских соборных церквей в XV—XVII вв. (на примере Великоустюжского Успенского собора) / М. С. Черкасова // История и культура Ростовской земли 2009. Ростов, 2010.
- 27. *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. Москва, 1997.
- 28. Шильниковская В. П. Великий Устюг: Развитие архитектуры города до середины XIX в. / В. П. Шильниковская. 2-е изд. Москва, 1987.

СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩИННЫХ СТРУКТУР С МОНАСТЫРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

Статья посвящена взаимодействию мирского самоуправления и монастырской администрации в сфере определения форм и объема крестьянских повинностей и степени реализации договоров на практике. Документы позволяют проследить политику администрации в формировании зависимого населения вотчины и его общественных структур, влияние на характер общин, их структуру, представления крестьян о справедливости, способах достижения своих целей.

Ключевые слова: община, мирское самоуправление, коллективные челобитные, «суйм».

Одной из особенностей развития крупного феодального землевладения на Северо-Западе России в XVII в. было значительное расширение владений монастырей. На монастырских землях проживало более четверти зависимого населения [2, с. 103, 112]. Наряду с корпорациями, имевшими многовековую историю, во второй половине века здесь появляются новые монастыри. Вотчины Иверского и Крестного монастырей сформировались за счет государственных и дворцовых земель, а также передачи земель от старых монастырей [5, с. 46]. К середине века постепенно восстанавливается численность крестьянского населения, в том числе благодаря его притоку из-за шведского рубежа. Природно-географический фактор, традиции, статус землевладельца, структура вотчины и ее размеры, особенности формирования корпуса зависимого населения, разные модели монастырского хозяйства определяли характер и сферы взаимодействия монастырской администрации с крестьянской, а в иверской вотчине — и с мещанской общиной с. Валдая.

В жизни вотчины Иверского монастыря заметную роль играли традиции проживания крестьян на дворцовых землях. Кроме оброчных и приходо-расходных книг мирских старост, в фонде монастыря сохранились материалы мирских сходов, в первую очередь приговоры, «счетные письма» и памяти старост, челобитные крестьян и документы монастырской администрации, в которых отразились разные аспекты «диалога» монастырских властей и населения вотчины [6, с. 534—542].

На территории Иверской вотчины были общины, различавшиеся как по размеру территории, так и по степени и объему воздействия на жизнь крестьян и противо-

¹ Тимошенкова Зоя Александровна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, zoyatim67@mail.ru, Россия, г. Псков.

стояния вотчинной администрации. Многоступенчатость общины прослеживается только в той ее части, которая относилась к Старорусскому уезду. В период, непосредственно предшествовавший передаче старорусских погостов монастырю, и в первые годы существования вотчины наряду с погостскими старостами (низшая ступень) действовали «верхние» старосты — старосты половин (уезд делился на две половины — Петровскую и Ловацкую). Со второй половины 80-х гг. во главе обеих половин стоял один староста, одновременно активно действуют волостные (погостские старосты). Община на территории Старорусского уезда была наиболее активна в регулировании отношений между администрацией монастыря и зависимым населением вотчины, что проявлялось в установлении системы договорных оброков, последовательном отстаивании своих интересов; требования общины выражались в коллективных челобитных [3, с. 56—67]. Выборные возглавили в 70-х — начале 80-х гг. борьбу крестьян за возвращение в разряд дворцовых [7, с. 300—317].

Во время выборов на «суйме» присутствовали представители от погостов и отдельных деревень (в Старорусском уезде — около 300 человек при общем количестве более 1,5 тыс. крестьянских дворов). В 1690/91 г. крестьяне Старорусского у собирались на «суймы» шесть раз. Приходо-расходные книги содержат записи о расходах, связанных с пребыванием крестьян в Старой Руссе (как правило, в течение двух дней). В Валдайской округе избирались старосты кустов деревень с компактно проживающим русским или карельским населением, в других частях Новгородского уезда — старосты сел с несколькими тянувшими к ним деревнями в с. Богородицыно (Валдае) — мещанский и крестьянский старосты. В начале XVIII в. в этом селе был и особый бобыльский староста, свои выборные сборщики и окладчики, свой особый «суйм». Монастырские власти не присутствовали на сходах, но после их завершения избранные представали перед местной администрацией.

Сборы в погостах целовальники собирали в соответствии с «боровыми памятями» старост, но часть сборов взимал и сам староста. В своей хозяйственной деятельности крестьяне использовали тяглую, пятинную и оброчную землю, которая достаточно свободно передавалась внутри погоста. Фиксируется, в частности, передача тяглых участков по духовным грамотам¹. В условиях роста платежей крестьяне были заинтересованы в сокращении размеров своих тяглых наделов: «Живут на полужеребьях и на четвериках человека по три и по четыре, а тягла принять не хотят, чтобы вашей работы не работать, и нанимают пашню на стороне, пустые жеребья в деревнях, разделив, пашут на себя»². На тех же условиях крестьяне стремились использовать пустые участки и в своих деревнях: «С пустых их дворов гной возят и делят землю по себе без вашего властиного указу»³. Администрация монастыря, стремясь удержать крестьян от бегства, сохранить земли в окультуренном состоянии и получать минимальный доход, согласилась с использованием пустых участков из оброка, с платежем отсыпного хлеба или из пятины. В 1655—1660 гг. в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря при измерении земли было увеличено число вытей, но стремление

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3255. Сст. 16.

² Там же. Д. 2008. Сст. 1.

³ Там же. Д. 2051. Сст. 3.

крестьян оставить все «по старине» привело к тому, что увеличения тяглых наделов и платежей с них не произошло [1, с. 202].

Вопросы эволюции повинностей во второй половине XVII в. в вотчине Иверского монастыря и борьба крестьян за приемлемые их формы рассматривались А. Л. Шапиро, Л. Н. Семеновой, Д. И. Раскиным [3, с. 56—67; 4, с. 356—359; 7, с. 300—317]. Во всех частях вотчины повинности имеют договорной характер. Первые договорные записи относятся к концу 50-х годов. Инициатива исходила из крестьянской среды и отражала связь крестьянских хозяйств с промыслами, приверженность крестьян традиционным видам ренты и их стремление сохранить устоявшееся соотношение различных повинностей. Играло свою роль и влияние общины как защитницы крестьянских интересов.

Оформление договорной записи приводило к ликвидации мелких натуральных сборов и отработок. Основными видами ренты стали денежный оброк и отсыпной хлеб, при преобладании первого. В старорусской вотчине с 1657 г. повинности составили 3 тыс. рублей и 500 четвертей отсыпного хлеба. В 1658 г. «в силу их недавнего поселения, бедности и малосемейности» на денежный оброк были переведены крестьяне и бобыли Локоцкого погоста, в 1659/60 г. — с. Щучье с деревнями, с уплатой 150 руб. «за зделье и за угодья и рыбные ловли». На следующий год крестьяне вынуждены были согласиться на его повышение до 170 руб. «за зделье, угодья, сенной покос, рыбную ловлю и дрова». В конце 1650-х гг. оброк в размере 60 руб. платили крестьяне с. Низина. Договоры заключались как с крестьянами ряда деревень, так и с жителями одной деревни. В 1664/65 г. была заключена договорная запись с крестьянами дер. Бор, «почем в который год в монастырскую корзину отсыпать хлеб и сколко»¹. Крестьяне с. Боровичи, Потерпелец, Спасского и Березовского рядков, а также Вышнего Волочка и Выдропуска с деревнями в 80—90-е гг. стремились также избавиться от уплаты мелкого дохода. В январе 1697 г. «ныне и впред» администрация монастыря удовлетворила просьбу крестьян, стремясь к тому, «чтобы впредь нам докуки и челобитья не было»². В 1698 г. служка писал из с. Щучья, что староста и крестьяне волости «разложили меж собою собрать за... Петровщину деньгами», потому что у многих «скудных крестьян коровы нет, а яиц за дальним путем в монастырь отправить не мочно»³.

Наряду с долгосрочными договорными грамотами на протяжении изучаемого периода заключались и краткосрочные, на срок от 1 до 3 лет в связи с пожарами, разорением крестьянами соседних феодалов. Так, договор с крестьянами Щученской волости 1667 г. снижал денежный оброк на треть и предусматривал разделение крестьян на три категории: от уплаты оброка освобождались разоренные «до основания» и погоревшие. Те же, что разорены и погорели «не гораздо», должны были платить «по своему мирскому рассмотренью, чтоб было вмочь, смотря по остаточным животам». Предполагалось, что основную часть оброка выплатят крестьяне, которые не

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Карт. 152. Кн. 11. Л. 64.

² Там же. Д. 4803.

³ Там же. Карт. 97. Д. 87. Крестьяне в отношении платежей ослушны «горланят и его слушку не слушают».

погорели и не были разорены, «разложа по тяглу»¹. В январе 1666 г. была составлена сговорная запись монастырских властей с крестьянами корельских деревень Сельско, Фалево и Усадье «впредь на год». В отличие от предшествующих, она предполагала поставку работников для выполнения строительных и сельскохозяйственных работ в монастыре². В подмосковной вотчине монастыря с. Богородицком крестьяне к 1698 г. должны были вместо оброка платить на московское подворье по 30 четвертей ржи, 5 четвертей овса, 2 четверти жита и четверть пшеницы на год. Однако условия таких договоров вскоре пересматривались по инициативе монастырских властей или их представителей на местах. Землевладельцы шли как по пути сокращения доходных статей для крестьянского хозяйства, так и наложения дополнительных оброков и требования выполнения не предусмотренных договором работ.

Целый ряд договорных записей с крестьянами отдельных частей вотчины появился в конце 1668—1669 гг. Изменения платежей в это время в большей степени отвечали интересам крестьян. Монастырь не только отказывался от платежей и работ, которые были введены в нарушение договоров, но и снижал их по сравнению с предыдущей договорной записью. Как видим, крестьяне стремились свести свои обязанности в отношении монастыря к уплате денежной ренты и отсыпного хлеба. Денежные средства они получали благодаря занятию промыслами. Крестьяне Старорусского уезда обеспечивали необходимыми железными и деревянными изделиями и дровами старорусские варницы и сами участвовали в солеварении. В 1675 г. монастырские власти добились передачи поставки дров к государственным старорусским варницам на десять лет «без перекупки». Дров надо было поставить 4 тыс. сажен «по цене прошлых лет». Подрядная цена на все десять лет была постоянной и составляла 6 алтын за сажень. Эти деньги шли в монастырскую казну, а затем подрядчики — крестьяне получали деньги уже «из варничных доходов... без передачи по настоящей меньшей цене». Монастырь же из получаемых 18 коп. за сажень больше половины денег оставлял себе, так как сам платил заготовителям дров за сажень только по 6—7 коп. Таким образом, благодаря этой операции монастырь поддерживал дровяной промысел своих крестьян, контролировал объем заготовок и пополнял свою казну. Дровяной промысел был важным подспорьем в крестьянском хозяйстве, крестьяне отмечали, что «ис того дровяного промыслу у нас оброк и мирские подати». Доходы от него позволяли выстоять во время недорода³.

Крестьяне стремились влиять на формы ренты и номенклатуру платежей и в XVIII в. Так, крестьяне дер. Опалево сообщали в 1702 г.: «Живем на денежном оброке... вместо монастырской работы платим денежный оброк с доли по 3 рубля» Крестьяне с. Низина по договору в 1706 и 1707 гг. платили оброк по 40 руб. в год, столько же, что и в XVII в. В 1731 г. представители администрации на местах сообщали об отказе крестьян дер. Булдакова работать на Мшенской пустыни: «От всяких

¹Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 984. Л. 26 об.—27.

² Там же. Оп. 1. Д. 1077.

³ Там же. Д. 2627. Сст. 48.

⁴Там же. Д. 5577.

работ отрицаютца ... и обыкли жит в напрасном покое»¹. Крестьяне с. Яжелбицы, жалуясь на «умаление угодий» из-за того, что часть земель была передана Крестецкому яму вместе с 26 «лучшими» крестьянскими дворами, красочно описывали свое состояние: «Живем мы в селе своем яко скот с поля загнан в неволю, в тесное место, на двор, и пропитатца ему нечим»². В качестве компенсации они просили передать им пустошь Болотицу на р. Холове, чтобы переселиться на нее. Недовольство по поводу раскладки и сбора повинностей выражалось в обвинении некоторых представителей мирского самоуправления: «Всякие крамолы ставятся в мире и вымыслы в челобитьях все от него Карпушки с советчики... а его карпушкинской плутни в мире много» ³.

В Иверском монастыре крестьян и бобылей к выполнению работ сверх договора привлекали оплатой деньгами или солью, хотя изредка использовался и способ «толоченья». Так, монастырские власти предложили строителю Духова Боровичского монастыря в августе 1664 г. «попросить у крестьян жнецов в помощь и кормить их монастырской пищей»⁴. Когда летом 1670 г. в Боровичах не хватало рабочих рук для боронования паренины, для сенокоса и для работы на подсеке, монастырские власти велели прикащику «толока сделать и быка убить и крестьянам челом побить, чтоб поработали, а скудным крестьянам указано в заем хлеба дать до нови»⁵. В отличие от Иверского, в Псково-Печерском монастыре «толока», или «толоченье», использовалась широко, при этом привлекались не менее 75 крестьян. Н. Н. Масленникова рассматривала ее как своего рода барщину [2, с. 118]. Угроза подачи коллективной челобитной на имя царя, а также поддержка крестьян воеводой и посадской общиной Старой Руссы заставила монастырь признать нарушение договора и договориться, что в случае возникновения у монастыря нужды в работниках такие работы должны компенсироваться за счет снижения оброчных обязательств⁶.

Разверстка оброков и работ в монастыре осуществлялась поземельно, подымно (подворно) и поголовно. При этом семьянистые крестьяне и прожиточные просили раскладывать повинности по тяглу, а малосемейные и скудные — поголовно или по тяглу. Крестьяне дер. Веряска просили денежные подати брать поголовно, а не подымно, а стрелецкий хлеб и монастырские подати — по тяглу, а не поголовно⁷.

Таким образом, документы из архива Иверского монастыря позволяют исследовать важнейшие функции общины, характер взаимоотношений внутри общины и с феодалом.

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Карт. 137. Д. 74.

² Там же. Карт. 169. Д. 64.

³ Там же. Оп. 2. Кн. 75. Л. 24.

⁴Там же. Оп. 1. Д. 852. Сст. 8.

⁵ Там же. Д. 1592.

⁶Там же. Д. 591. Сст. 37.

⁷ Там же. Д. 4702.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Дмитриева 3. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. / 3. В. Дмитриева. Санкт-Петербург, 2003.
 - 2. История крестьянства Северо-Запада России. Санкт-Петербург, 1994.
- 3. Раскин Д. И. Формирование традиции антифеодальной борьбы у монастырских крестьян северо-запада России во второй половине XVII первой половине XVIII в. / Д. И. Раскин // История крестьянства северо-запада России в XVII—XIX вв. Ленинград, 1983. С. 56—67.
- 4. Семенова Л. Н. Борьба старорусских крестьян за изменение форм феодальной ренты в первой половине XVIII в. / Л. Н. Семенова // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Ленинград, 1967.
- 5. *Тимошенкова 3. А.* Землевладение Иверского монастыря в XVII веке / 3. А. Тимошенкова // Вестник Псковского вольного университета. 2000. Т. 3., \mathbb{N}° 1—3.
- 6. Тимошенкова З. А. Община в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII начале XVIII века / З. А. Тимошенкова // Российское государство в XIV—XVII вв. : сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. Санкт-Петербург, 2002. С. 534—542.
- 7. Шапиро А. Л. Волнения старорусских крестьян в 1671 г. / А. Л. Шапиро // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Ленинград, 1967. С. 300—317.

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ЗЕМЛЯХ БАШКИР В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ В XIX В.

Статья посвящена участию башкир в освоении Степного Заволжья наряду с другими народами. Их земли в Самарской губернии были самыми западными в России, где компактно проживало башкирское население. Вопрос о статусе и принадлежности этих земель решался различными путями и на разных уровнях власти в течение первой половины и середины XIX в.

Ключевые слова: история России в конце XVIII — XIX в., Самарско-Саратовское Поволжье, локальная история, этническая история, колонизация, земельные споры.

Этнический состав Степного Заволжья кардинально изменился и сложился заново в ходе его освоения в составе России в XVIII—XIX вв. В заселении территорий, лежащих к югу от р. Самары, наряду с представителями других народов приняли участие и башкиры. Специалисты называют здешних башкир по протекающим тут степным рекам иргизско-камеликскими. Их земли в современных Самарской и Саратовской областях являются самыми западными, где компактно проживает башкирское население. Определенная изоляция этой группы башкир наложила свой отпечаток на ее облик. На нем также сказались особенности процесса ее формирования.

Башкиры явились одним из элементов единого общероссийского процесса освоения юго-восточной окраины Европейской России. Частью этого процесса стало движение на южные земли Степного Заволжья, оставленные калмыками-ламаистами после их исхода из России в 1771 г. [13, с. 83]. Башкирский этнический компонент участвовал в их массовом заселении вместе с русскими крестьянами и казаками, немецкими и другими иностранными колонистами, украинскими чумаками и казахами Букеевской орды.

История складывания и функционирования в разноэтничном окружении этой особой группы иргизско-камеликских башкир стала в последнее время объектом внимания историков [8; 10]. В настоящей работе поставлена задача дать историческую реконструкцию обсуждения и решения вопроса о землях этой группы башкир, занятых ими в конце XVIII — первой половине XIX в.

Участие башкир в общероссийском колонизационном процессе имело важные последствия для этого народа. Модернизация в России XVIII—XIX вв. транслирова-

¹ Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

лась в среду этнических групп населения страны, включая кочевые народы, преимущественно через российские управленческие, языковые, образовательные и иные практики. Так, заметным явлением было использование западноевропейского и российского опыта при обучении башкирских детей, их прием в учебные заведения, организованные имперскими властями [4]. Яркой страницей взаимодействия и взаимовлияния культур стало длительное пребывание среди иргизских башкир Л. Н. Толстого, который приезжал сюда для лечения кумысом, что, возможно, спасло гения мировой литературы от преждевременного ухода из жизни из-за чахотки [1].

В этнографической литературе было высказано предположение о начале формирования этой группы башкир с XVI в. [16, с. 212]. Оно не нашло прямого подтверждения в письменных источниках. Также оно не соответствует реальной обстановке, сложившейся в XVII—XVIII вв., когда степи к югу от р. Самары контролировались более многочисленными и сильными калмыками. Представить на землях, занятых ими, существование территорий постоянного обитания или регулярных кочевок башкир невозможно. До 1771 г., когда основная масса калмыков ушла за российские пределы, здесь могли появляться время от времени лишь одиночки или небольшие группы скотоводов и охотников из башкир.

То обстоятельство, что на реки Иргиз и Камелик, а далее на Чижи и Узени башкиры продвинулись именно в XVIII в., было отмечено Р. Г. Кузеевым и интерпретировано им как «возвращение» на земли, где в древности кочевали их предки. Однако этот автор на страницах своей работы, противореча сказанному выше и не приводя убедительных доказательств, повторил тезис о наличии в течение XVII—XVIII вв. многочисленных групп башкир в южных заволжских степях. Он также полагал, что изоляция иргизско-камеликских башкир сложилась в результате «обтекания» мест их давнего обитания новыми переселенцами в XIX в. Выселение башкир с Узеней и Чижей им отнесено к 1911—1913 гг., что следует считать ошибкой [9, с. 142, 256—257].

В отличие от упомянутых этнографов местный краевед П. Я. Русяев, опираясь на архивные данные, формирование этой группы башкир представляет более точно: «Башкиры переселились... в конце XVIII века. В 1804 году их здесь насчитывалось всего 125 семейств. Поселившись по Иргизу, они затеяли тяжбу о владении землей, пастбищами, рыбными ловлями с соляными возчиками — украинцами слобод Пестравка и Порубежка. Наиболее древнее селение — деревня Муратшино — возникло в 1797 году... Часть башкир осела здесь в 30-х годах XIX века, прибыв из Белебеевского уезда Уфимской губернии, другие в 1866—1868 годы перекочевали с берегов реки Чижи (Узень) Новоузенского уезда. До сих пор различают «старых» (XVIII век) и «новых» башкир (XIX век)... Деревни Кочкиновка, Утекаевка, Имилеевка и Муратшино Имилеевской волости основали «старые» башкиры; Денгизбаево, Хасьяново, Кинзягулово и Таш-Кустьяново — «новые». В настоящее время деревни Муратшино и Таш-Кустьяново входят в состав Большеглушицкого, остальные — Большечерниговского района» [12, с. 15—16]. Две главные этапные даты, 1797 и 1865—1868 гг., в переселении башкир на степные территории бывшего Николаевского уезда Самарской губернии подтверждают статистики XIX столетия [14, с. XV].

Противоречия в литературе, созданной уже после завершения формирования рассматриваемой группы башкир, заставляют обратиться к архивным и опубликованным источникам первой половины и середины XIX века. Первостепенными по значению среди них следует признать два. Во-первых, официальная политика властей раскрывается в деле, возникшем по докладу комиссии генерал-майора Черкасова и полковника Бутовского (1834—1839). Он вызвал возражения со стороны В. А. Перовского в рапорте военному министру от 29 мая 1840 г. с приложением особого «Мнения Оренбургского генерал-губернатора о заключении Комиссии, Высочайше утвержденной для размежевания Саратовских башкир, Букеевских киргиз и Уральских казаков...»¹.

Во-вторых, наблюдения очевидца и современника отражены в очерке «Башкирцы», написанном в августе 1854 г. казачьим офицером и историком И. И. Железновым. Он хорошо знал в силу служебных обязанностей состояние дел в Башкирском отделении Уральского войска в середине XIX в. [6].

«Первоначальное поселение их на настоящей земле, носящей название «Башкирское отделение», — замечает Железнов, — завелось с разрешения и утверждения Правительства в конце прошедшего или в начале нынешнего столетия. Так, по крайней мере, говорят старожилы, помнящие времена переселения; но и письменных документов нет, да и быть не может в отделении у такого народу, каковы башкирцы, боящиеся, как чумы, всякой формальной письменности». Кроме рассказов очевидцев о переселении, он отметил в башкирских преданиях и более древний пласт: «По преданию башкирцев, знакомство их с этими землями современно построению г. Уфы. Когда построилась Уфа, и когда в окрестностях ее стали селиться русские и другие народы, — башкирцам сделалось тесно тут ... а потому, ища добычи, они ходили за ней за пределы своих владений, и таким образом постепенно углублялись на юго-запад, к вершинам рр. Иргиза, Каралыка и Камелика... Охотясь за зверями, башкирцы проводили большую часть года в этой стране,... представлявшей все выгоды кочевой и свободной жизни... Башкирцам — звероловам и, вместе с тем, скотоводам, разумеется, такие места полюбились».

Таким образом, не опровергая в своих записях предания о старинном знакомстве башкир с рассматриваемыми местами, Железнов среди старожилов встретил только переселенцев, пришедших на рубеже XVIII—XIX вв., а потому однозначно отнес как раз к этому времени начало складывания здешнего башкирского населения, с чем нельзя не согласиться. Свою роль в побуждении к переселению сыграли среди прочих такие факторы, как изъятие в казну ряда земель, прежде принадлежавших башкирам [7, с. 38, 77, 83], и отмена запрета на продажу их исконных вотчинных земель [15, с. 87], которым воспользовались самые разные социальные и этнические группы [3, с. 472—474].

Башкиры расселились в степи на 400 верст от верховьев Иргиза до Узеней и Камыш-Самарских озер. Основную часть переселенцев составляли башкиры Курпеч-Табынской волости [13, с. 87].

При этом начались конфликты как с другим потоком переселенцев, состоявшим из русских, украинцев и других оседлых земледельческих народов, так и со старинными обитателями края — уральскими казаками. Споры башкир с казаками приняли острые формы, но сравнительно быстро были разрешены, о чем пишет Железнов:

 $^{^1}$ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608 Помяловский. Д. 136. Т. 1. Л. 243—321 об.

«Они вторглись в двадцатых годах нынешнего столетия в земли Уральских казаков около Камыш-Самарских озер, где текут реки Большой и Малый Узени, принадлежащие уральцам. Здесь башкирцы построили было уже землянки и сколотили из досок мечеть. Остались бы они тут навсегда, если бы атаман Уральских казаков, Д. М. Бородин, не понял намерения их,... велел сказать башкирцам, чтобы они убирались восвояси; но когда они не послушались, он прогнал их вооруженной силой».

В конфликте с пришлыми русскими крестьянами и украинскими чумаками до применения оружия дело не дошло, но зато судебная тяжба затянулась не на одно десятилетие. Во время проведения Генерального межевания в 1806 г. башкиры подали землемерам претензии на «Приузенские, Чижинские и Иргизские земли» тогдашней Саратовской губернии. В доказательство своих прав башкиры стали предъявлять вотчинные грамоты разных царей на владение землей, которые все оказались к делу не относящимися, поскольку касались совсем иных территорий.

Дело шло по инстанциям. Сначала Оренбургская межевая контора (1825), затем столичная Межевая канцелярия (1826), наконец, Межевой департамент Правительствующего Сената (1831) отвергли законность башкирских земельных претензий. Однако «в уважении долговременного жительства их на сих землях и неудобности переселения башкир в отдаленные вотчины» власти сочли возможным наделить их частью спорной земли из расчета 206 десятин на душу мужского пола. Для сравнения укажем, что русский крестьянин-переселенец мог получить максимум 15 дес., украинский солевозчик — 30 дес.

Первоначально речь шла о наделении землей 762 душ м. п. К 1840 г. численность башкир в заволжской степи возросла до 1790 душ м. п., включая 11 семей присоединившихся к ним каракалпаков.

Другим предметом спора стало место земельного отвода. Сенат поддержал предложение саратовского губернатора Белякова, выдвинутое еще в 1806 г., чтобы расселить башкир «на вершинах Иргиза и Каралыка». Башкиры же просили произвести отвод при уже существующих местах жительства, в т. ч. при Чижах и Узенях, упирая, прежде всего, на то, что они повсеместно переходят к земледелию и оседлости. Как свидетельствует Железнов, «следуя примеру русских, они и сами начали строить деревни и в них мечети, в той уверенности, что из оседлых мест выгнать их будет трудно, и что земли, таким образом, незаметно останутся и укрепятся за ними».

Расчет поначалу казался верным. На сторону башкир Степного Заволжья склонился оренбургский генерал-губернатор П. П. Сухтелен, при котором в 1832 г. они были перечислены из 9-го кантона войска Башкирского в Уральское казачье войско. По роду и месту новой службы башкиры получили дополнительные основания для закрепления за собой занятых степных земель. В 1834 г. император Николай I утвердил решение Комитета министров о временной передаче во владение каждому существующему башкирскому зимовью по 10 тысяч десятин. Комиссия Черкасова—Бутовского в 1839 г. сочла за лучшее оставить за башкирами земли по Чижам и другим южным степным речкам, считая в тягость переселение всех на Иргиз и Каралык.

Именно в тот момент, когда удовлетворение просьб башкир казалось уже близким, с резкими возражениями выступил новый оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский, потребовавший перевода башкир на север занятой ими территории, т. е. на Камелик и верховья Иргиза. Тогда такой вывод не был осуществлен, но и до-

биться окончательного утверждения за собой земель близ всех своих зимовий-деревень, в том числе на самом юге Заволжья, башкирам не удалось. Оба главных козыря башкир в земельном споре, оседлость и служба, оказались под серьезным сомнением.

Сельскохозяйственные занятия самих башкир, как правило, ограничивались кошением нескольких стогов сена для двух-трех коней и коров. Остальной скот находился круглый год в поле и добывал зимой корм из-под снега, иногда погибая от бескормицы. Посев обычно составляли 1—2 десятины проса. Луга и земли при этом вовсе не лежали втуне, но приносили пользу не башкирам. Многие русские крестьяне разбогатели на аренде башкирских земель, некоторые сделались купцами. Башкиры сдавали земли «за бесценок». Крестьяне их распахивали, заводили скот на правильном содержании, сдавали полученные от башкир участки в субаренду за гораздо большую плату.

В 1841 г. управляющим Башкирским отделением стал войсковой старшина Е. М. Матвеев. С разрешения властей он ввел упорядоченную, основанную на законах отдачу башкирских земель в аренду. За десять лет из сборов за земли, арендованные крестьянами, скопилось в Башкирском отделении до 40 тыс. руб. серебром.

Среди башкир выделялись своим достатком Акировы, одним из источников которого стало серьезное занятие хлебопашеством. У них имелись волы, на которых распахивали землю. Прочие башкиры не умели обращаться с плугом или сохой, а распашку производили наймом крестьян. Вначале плата работникам была самой незначительной. Крестьяне-соседи часто работали даже не за деньги, а за предоставление им в пользование башкирских лошадей во время обмолота. Однако в середине XIX в. работников уже нанимали за довольно высокую плату. Уборка хлеба также делалась через наем, отчего свой хлеб стал обходиться башкирам не дешевле купленного.

На всю башкирскую деревню приходилось 2—3 косы, которыми жители пользовались поочередно. В основном сено заготовляли опять-таки руками крестьян. Первоначально последние соглашались на получение малой доли из накошенного. Однако в 1850-е гг. крестьяне уже нанимались на сенокос исполу, но и то редко, предпочитая арендовать луга за дешевую плату, свозя все сено на свои дворы или на продажу.

Что касается аргумента оседлости, то он тоже выглядел сомнительным. В конце 1830-х гг. отмечалось, что деревни заволжских башкир «состоят из ветхих и в беспорядке разбросанных не столько изб, сколько землянок и иных разного рода хозяйственных обзаведений, которые почти все покрыты сеном, соломою или вовсе без кровель с земляными насыпями, и весьма редкие из них крыты тесом или камышом». Только в 4 из 27 поселков имелись хорошие дворы, купленные готовыми у русских крестьян, причем принадлежали они не простым, «но главным и самым богатым лицам,... а именно большею частию чиновникам Акировым».

Положение в 1850-е гг. изменилось мало. По описанию очевидцев, «больше чем три четверти домов и две мечети построены из дерна и из воздушного кирпича; остальные дома и мечети деревянные. Но вообще все строения в Башкирском отделении отличаются бедностью, безвкусием и неудобством, исключая домов некоторых чиновников». Железнов писал: «Башкирцы Уральского отделения принадлежат к оседлым народам, но настоящая жизнь их чуть ли не кочевая, а ежели и не так, то, положительно можно назвать, полукочевая. Зимой они, правда, живут в избах,

но лишь только настанет весна, как, бросая дома, выбираются в поле, под открытое небо, на чистый воздух... Зиму они проводят в сырых, холодных дерновых или глиняных избах; избы эти большею частию бывают без печей, с одним только горном, на котором они варят пищу и под которым в золе пекут из пресного теста лепешки... Деревни башкирские только славу занимают, что деревни, а на самом деле они, за исключением двух-трех, нисколько не похожи на деревни: это ни больше ни меньше как кучи дерна, разбросанные как попало, в величайшем беспорядке, без улиц, без дворов, без ворот... Даже самые мечети, кроме двух (в деревнях Муратиной и Максютовой), не что иное, как невысокие срубы, покрытые дерном». «Ни торговля, и никакое ремесло им совершенно не знакомы», — добавлял он. Исключением во всем отделении были один печник и один серебряник. Сапожным ремеслом занимались некоторые женщины. Башкиры не владели плотницким делом, в чем им приходилось обращаться за помощью к русским крестьянам.

Оседлое хозяйство степных заволжских башкир не смогло за короткий срок приблизиться к уровню русских и украинских соседей. Обширные угодья, предоставленные башкирам, реально переходили в другие руки. Это видело и правительство, нуждавшееся в пополнении фонда казенных земель в Заволжье для увеличения доходов от аренды и под переселение государственных крестьян.

В отчете комиссии действительного статского советника Райского, направленной в заволжские Николаевский и Новоузенский уезды Саратовской губернии (1843 г.), те территории, на которые претендовали башкиры, именовались уже «так называемыми Башкирскими землями». Они занимали свыше 650 тыс. дес., в том числе 440 тыс. дес. угодий, удобных для сельскохозяйственного освоения. На них, по подсчетам комиссии, можно было водворить более 34 тыс. душ м. п. переселенцев из числа государственных крестьян. Между тем в 1846 г. во всем Башкирском отделении Уральского войска числилось 2382 мужчины, 2507 женщин, а всего 4889 душ обоего пола¹.

В 1850-е гг. численность мужского населения башкир Степного Заволжья превысила 2500 душ. Эта группа башкир проживала по своим деревням Самарского, Николаевского, Новоузенского уездов, заселенным в конце XVIII— начале XIX в., и числилась по-прежнему в Уральском казачьем войске [5, с. 28, 34].

Однако служба башкир все меньше учитывалась властями, поскольку объем ее был не очень велик. Считаясь казаками Уральского войска, башкиры не пользовались его правами, но зато и не несли обязанностей природных уральцев. Единственной их службой были наряды в г. Уральск для городских работ и для усиления иногда местной полиции. Наряд длился с мая по октябрь и выпадал каждому башкиру только раз в 4—5 лет. Кроме того, башкиры содержали в трех-четырех пунктах своего отделения пикеты, где круглый год жили от пяти до десяти человек и отправляли гоньбу подвод и почты.

Судьба значительной части занятых башкирами на рубеже XVIII—XIX вв. земель была предрешена. В 1851 г. в Заволжье была образована новая Самарская губерния, что активизировало общественные процессы и деятельность властей [2, с. 253].

 $^{^1}$ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 26 об.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 381. Оп. 2. Д. 523. Л. 117 об.

В 1863—1865 гг. башкиры перестали считаться военным сословием и «получили статус свободных сельских обывателей, на них были распространены реформы и русское законодательство, в низших административных единицах разрешалось ведение дел на родном языке» [11, с. 168]. В этой ситуации, не опасаясь широкого недовольства из-за ущемления интересов отдельной локальной группы этноса, власти переселили башкир из южного Новоузенского уезда к их одноплеменникам в Николаевский уезд на берега Иргиза, Каралыка и Камелика. Это не означало ни ликвидации, ни заметного стеснения сферы обитания самых западных башкир России. Отведенные им угодья в целом соответствовали хозяйственным потребностям имевшихся налицо жителей. Две волости, населенные башкирами в Николаевском уезде, были составлены в основном по национальному признаку. За исключением небольших крестьянских хуторов, башкирскими были все селения Имилеевской волости на Иргизе, Каралыке и Глушице. Подавляющее большинство селений Кузябаевской волости на Камелике, Таловой и Челыкле также были башкирскими. Именно в башкирских населенных пунктах располагалась волостная администрация. Во всех башкирских деревнях имелись мечети.

Фактически в рамках обычного для России волостного самоуправления башкирам Николаевского уезда предоставлялась определенная национально-культурная автономия. Историческая возможность сохранить культуру и самосознание, развить их наряду с хозяйственной жизнью была реализована иргизско-камеликскими башкирами во второй половине XIX — XX в., но это уже является темой отдельных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Анисимов К. В. «В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев». Л. Н. Толстой инвертирует европейский ориентализм (творчество и жизнетворчество в башкирской степи) / К. В. Анисимов // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 142—165.
- 2. *Артамонова Л. М.* Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II / Л. М. Артамонова // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: мат. III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015. Ч. І. С. 253—261.
- 3. *Артамонова Л. М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750—1760-е гг. / Л. М. Артамонова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. \mathbb{N}° 27. С. 471—475.
- 4. *Артамонова Л. М.* Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (модернизационный проект 1850—60-х гг.) / Л. М. Артамонова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. N° 1 (45). С. 20—27.
- $5.\,Bоронов\,H.\,A.\,$ Описание волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / Н. А. Воронов ; науч. ред. Ю. Н. Смирнов. Санкт-Петербург, 2015. 118 с.
- 6. Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков / И. И. Железнов // Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1888. Т. 1. С. 213—256.

- 7. *Кабытов П. С.* «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI начало XX в.) / П. С. Кабытов, Т. И. Ведерникова, Ю. Н. Смирнов [и др.]. Самара, 2014. Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. 254 с.
- 8. *Кржижевский М. В.* Самарские башкиры: страницы истории, особенности традиционной и современной культуры / М. В. Кржижевский. Москва, 2012. 140 с.
- 9. *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. Москва, 1992. 347 с.
- 10. Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических взаимодействиях башкир с казахами и уральскими казаками в Степном Заволжье / М. М. Маннапов // История и культура народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее : мат. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2010. С. 123—128.
- 11. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург, 2018. Т. 1. 896 с.
 - 12. *Русяев П. Я.* Земля Глушицкая / П. Я. Русяев. Куйбышев, 1989. 159 с.
- 13. Смирнов Ю. Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII первой половине XIX века (основные этапы) / Ю. Н. Смирнов // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 75—92.
- 14. Список населенных мест Самарской губернии, по сведениям 1889 года / сост. П. В. Кругликов. Самара, 1890. XXVII, 243, 17, V с.
- 15. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI начало XX в.). Самара, 2013. 384 с.
- 16. Степанов П. Д. Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. Итоги историко-этнографической экспедиции 1938 г. / П. Д. Степанов // Советская этнография : сб. ст. Москва ; Ленинград, 1940. С. 210—212.

НАДЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН И ДРУГИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗЕМЛЯМИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ВОЙСКА В СЕРЕДИНЕ XIX В.

В статье показан процесс передачи земель крещеных калмыков-кочевников государственным крестьянам, немецким колонистам и другим категориям переселенцев в ходе сельскохозяйственного освоения Самарского Заволжья.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., Среднее Поволжье, колонизация, аграрные отношения, этническая история.

Источниками данного исследования послужили документы из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве, а также Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Использованы также опубликованные материалы статистических описаний.

Главным проводником переселенческой политики, начиная с 1830-х гг., в России было Министерство государственных имуществ и его местные структурные подразделения в виде губернских казенных палат. С его помощью государственные крестьяне стали самыми заметными участниками переселенческого движения, преобладая среди всех сословных категорий в заселении территории Заволжья.

Иным было отношение властей к значительным группам военно-служилого населения, необходимость в которых отпала в связи с утратой Заволжьем значения российского фронтира. Занимаемые ими земли стали источником наделения переселенцев-земледельцев из числа государственных крестьян, иностранных колонистов и других переселенцев. Так, по указу 8 марта 1841 г. начался перевод казаков «внутренних» кантонов Оренбургского войска, названных так в связи с расположением внутри российской территории, на новую пограничную линию².

Вслед за казаками из Самарского Заволжья переселили «на более дальние восточные пограничные рубежи России в 1843—44 гг.» кочевых крещеных калмыков [10, с. 371—372]. История их появления здесь была такова.

В XVIII в. достигла заметных успехов проповедь христианства среди калмыков. Часть знатных и рядовых кочевников приняли православие. Не желая религиозных распрей среди калмыков и исключая для крестившихся возвращение в буддизм,

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара.

² ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.

правительство пошло путем отселения и изоляции православных калмыков от некрещеных.

Управление крещеными калмыками было передано Анне Тайшиной. Императрица Анна Иоанновна стала ее крестной матерью и пожаловала княжеский титул. Под поселение княгини и ее подданных руководитель Оренбургской комиссии В. Н. Татищев подобрал Кунью воложку недалеко от Самары — выше по Волге. Этот выбор был утвержден указом 31 октября 1737 г. Привлекательность данной местности под поселение подкреплялась наличием здесь крестьянских деревень. Неподалеку в 1734 г. поставил сельцо Федоровку Ф. В. Наумов, а годом раньше управителем Усольской вотчины Савво-Сторожевского монастыря М. Богдановым была поселена деревня Красноборская (Борковка). Крепость для калмыцкой княгини была построена в 1738 г. между Федоровкой и Борковкой. Новый город был назван Ставрополем, что в переводе с греческого означает «город святого креста» [1, с. 81].

Вместе с калмыками в ней разместили русский гарнизон. Он состоял из солдат и казаков [12, с. 65].

В конце лета 1738 г. к Ставрополю прибыли переселенцы — крещеные калмыки. 700 кибиток остановились на берегу Волги, в лесу, в нескольких верстах от крепости [13, c. 56].

Татищев и генерал Соймонов, ответственные за переселение калмыков, отвели им земли вверх по Волге до устья Большого Черемшана и по реке Кондурче. Они же решили не наделять поместьями дворян, но позволили селиться государственным, дворцовым и монастырским крестьянам разных национальностей и вероисповеданий. Расселение крестьян среди калмыков рассматривалось как способ приобщить тех к оседлому образу жизни и земледельческим занятиям [7, с. 126—127].

Однако калмыки не спешили переходить к оседлым земледельческим занятиям. Они предпочитали сдавать практически даром доставшиеся угодья в аренду или нанимать крестьян-работников для заготовки кормов на зиму на условиях издольщины. Крестьяне-арендаторы нередко заселяли предоставленные им калмыками земли явочным порядком, оформляя их в свою собственность. Эти потери мало трогали калмыков, которые не могли освоить и оставшиеся у них площади. Например, на земле, которую калмыки на 60 лет сдали дворцовым крестьянам в 1776 г., появилось село Ташолка¹.

Также на калмыцких землях были основаны Предтеченская и Благовещенская слободы, положившие начало селам Красное Поселение и Мордовский Сускан. Жителями Предтеченской слободы стали беглые, которых власти решили не высылать на прежние места жительства во избежание нового побега. Их поселили в Ставропольском уезде как ясачных (zocydapcmbehhhh)). — J. A.) крестьян в 1751 г. 2

К решению о выводе калмыцкого населения с земель Ставропольского и Самарского уездов Симбирской губернии, где оно размещалось, подталкивало постоянное снижение его численности. Количество крещеных калмыков здесь составляло в 1770 г. около 8,5 тыс. чел. Они представляли две этнические группы калмыков,

¹РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2746. Л. 9 об., 46.

²Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3353. Л. 315.

волжских и зюнгорских (джунгар), первых было примерно в 1,5 раза больше, чем джунгар [7, с. 136].

Численность крещеных калмыков резко сократилась после восстания 1773—1775 гг. Сказались боевые потери среди активных участников восстания, а также бегство многих за восточные рубежи России — в Джунгарию, Монголию, Китай.

Кроме того, рождаемость среди крещеных калмыков на протяжении первой половины XIX в. уступала смертности. Если в 1803 г. их здесь насчитывалось 2648 душ м. п., то к 1833 г. осталось 1790 душ м. п. [4, с. 25—26].

В большинстве улусов (рот), по которым распределялось население Ставропольского войска, обеспеченность землей составляла около 100 дес. на одну душу м. п. или немногим более (Ягодинская — 15 268,3 дес. на 153 души м. п., Сусканская — 11 210,3 дес. на 114 душ м. п., Авралинская — 10 202,5 дес. на 105 душ м. п., Предтеченская — 24 383,9 дес. на 233 души м. п., Кобельминская — 26 783,6 дес. на 208 душ м. п., Красноярская — 26 706,4 дес. на 272 души м. п.). В остальных ротах наделение угодьями было гораздо выше этого показателя (Преображенская — 33 541,8 дес. на 173 души м. п., Чекалинская — 30 114,1 дес. на 126 душ м. п., Раковская — 29 269,0 дес. на 160 душ м. п., Тенеевская — 22 877,7 дес. на 142 души м. п.). В Курумочинском улусе, пожалуй, наиболее ценном для оседлого земледельческого населения, поскольку лежал почти при волжском берегу между двумя административными центрами — Самарой и Ставрополем, это соотношение достигало чуть ли не 300 дес. на душу м. п. (24 331,3 дес. на 84 души м. п.) [4, с. 57—58]¹. Ликвидация калмыцкого войска предоставляла под земледельческое освоение угодья площадью почти в 300 тысяч десятин.

Главная причина ликвидации иррегулярных войск в этом крае состояла в поисках территорий для новых переселенцев-крестьян. Еще в 1801 г. землемер В. И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору «о положении калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами» [7, с. 183].

До поры до времени чиновников, которые искали земли для казенных крестьян-переселенцев из малоземельных мест, сдерживало военное министерство, не желавшее терять подчиненный воинский контингент и делиться его землями. В 1824 г., убеждая Александра I в пользе войска крещеных калмыков, начальник Главного штаба генерал Дибич организовал его посещение Ставрополя. Смотр калмыцкого войска, проведенный в его окрестностях, прошел в виде хорошо поставленного представления с национальными костюмами, угощением блюдами калмыцкой кухни и кумысом [8, с. 92]. На время вопрос о существовании Ставропольского войска был снят, но ненадолго.

Ситуация изменилась при Николае I, особенно после создания Министерства государственных имуществ во главе с авторитетным не только в чиновных, но и армейских кругах боевым генералом Киселевым, героем Отечественной войны 1812 года. Тот, как юрист, прекрасно понимал недостатки существующего порядка землевладения и землепользования у ставропольских калмыков, а как военачальник — бесполезность иррегулярного войска на Волге в изменившейся геополитической обстановке.

¹РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 50.

Спрос на аренду калмыцких земель постоянно рос с прибытием новых групп переселенцев. Условия аренды становились все более невыгодными для государственных крестьян. В столичное министерство и в местную администрацию шли жалобы на несправедливость сохранения в руках калмыков огромных плодородных земельных массивов. Яркое высказывание местного мордовского крестьянина сохранилось в дорожной записной книжке А. С. Пушкина, проезжавшего 16 сентября 1833 г. через земли Ставропольского войска: «Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать» [6, с. 118].

24 мая 1842 г. высочайшим указом земли Ставропольского войска передавались из военного ведомства под управление министерства, возглавляемого Киселевым, с одновременным выселением с них всего калмыцкого населения. Эта акция затем была отсрочена на год с крайним сроком окончания весной 1844 года¹. Крещеные калмыки были полностью выдворены из Самарского Заволжья на новые пограничные линии.

Во второй половине 1840-х гг. прежние земли Ставропольского войска стали первостепенным объектом внимания Министерства государственных имуществ, в чье распоряжение они перешли под названием казенных Самаро-Ставропольских земель. Сюда предполагалось осуществить переселение по особым правилам. Новые поселки здесь должны были стать примером для российской казенной деревни.

Заранее планировалось размещение сельских обществ и входящих в них сел и деревень. Предполагалось до прибытия новоселов в каждом обществе поставить по восемь образцовых изб и возвести ряд общественных построек: домов старшины, писаря, сельских управлений и помещений для приезда чиновников, школ, бань, хлебных магазинов, сараев для противопожарных инструментов. Каждое общество наделялось 10 тыс. дес. удобной земли. Ее делили на семейные участки, каждый из которых включал 1 дес. усадьбы, 32 дес. пашни, 3 дес. сенокоса, 2 дес. выгона, 1 дес. леса, то есть всего 39 дес. Предусматривалось создание двенадцати таких сельских обществ. Срок устанавливался в 24 года².

Доклад об учреждении семейных участков на Самаро-Ставропольских землях получил утверждение Николая I в феврале 1844 г. Однако только в конце 1848 г. закончилась подготовка к приему первопоселенцев в Николаевское сельское общество по р. Степной Чесноковке, а первые переселенцы были допущены в 1849 г. [7, с. 184].

Первое из предполагаемых сельских обществ включало село Николаевское (Никольское) и восемь деревень: Александровку, Сосновку, Федоровку, Ниж. и Верх. Константиновку, Павловку, Алексеевку, Владимировку. До 1853 г. здесь разместились 204 семейства. Вторым было подготовлено к переселениям и стало принимать жителей Вязовское сельское общество, куда прибыло к данному времени 80 семей³.

Несмотря на строгий контроль за прибывающими на данные земли, сюда попадали и самовольные переселенцы. В Николаевском обществе в течение самого первого года было обнаружено «11 семейств, самовольно туда зашедших, коих впо-

¹ГАОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6 об.

²РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 791. Л. 8 об., 12—12 об., 14, 17 об.—18 об., 47 об.

³ Там же. Л. 47.

следствии разрешено было принять» официально¹. Власти шли на признание незаконных переходов, чтобы избежать разорения тех крестьян, которые решались так поступить.

Можно согласиться с положительной оценкой проводимого П. Д. Киселевым курса на свободную, хотя и подконтрольную колонизацию восточных районов страны [5, с. 658]. Этот курс сопровождался действиями по оказанию переселенцам реальной помощи материального и правового порядка, образцом которой явились и планируемые мероприятия по заселению бывших земель Ставропольского калмыцкого войска.

Кроме государственных крестьян, на этих землях предусматривалось наделение отставных нижних чинов, взятых на службу рекрутами из мещан и крепостных крестьян. Также, начиная с 1847 г., сюда на выделяемые им государством 60-десятинные участки были переселены более 120 семейств малоимущих дворян, преимущественно из Смоленской губернии [11, с. XXVI].

Отмена крепостного права (1861 г.) и последовавшие за ней реформы государственной деревни, военного ведомства, положения различных сословий в целом не позволили завершить вышеозначенные проекты. Сыграли свою роль в пересмотре первоначальных планов административные изменения в результате образования Самарской губернии (1851 г.) [9, с. 35, 42].

Остававшиеся незаселенными бывшие калмыцкие земли были предоставлены новым группам переселенцев, в том числе колонистам из Германии, Польши, Прибалтики на условиях неотчуждаемой собственности и льготной аренды. В числе новых переселенцев большую группу составили сектанты-меннониты, подвергавшиеся религиозным гонениям в Пруссии в связи с их отказом от военной службы и под нажимом их конкурентов на рынке сельскохозяйственной продукции — крупных землевладельцев-юнкеров. В 1858 г. первые 15 семей основали поселение Александрталь, ставшее центром новой волости, в которую прибыли затем еще 100 семейств. В течение первого года меннониты провели раздел земли, перезимовав в землянках. В 1859 г. к меннонитам присоединилась группа обедневших немецких земледельцев из-под Лемберга (Львова) в Галиции, которая входила в состав Австро-Венгерской империи. Малоземелье, политическая нестабильность, этнические конфликты толкали немецких колонистов на поиски новых мест обитания [2, с. 85].

Следующую партию переселенцев составили более обеспеченные семьи прусских меннонитов, прибывшие сначала морем из Данцига, а затем по Волге до Самары. Эти семьи везли с собой домашний скарб, сельхозинвентарь и даже батраков из поляков и бедняков-немцев. Как отмечали современники, меннониты «отличались зажиточностью, знанием сельского хозяйства и необыкновенным трудолюбием», а также хорошим образованием [11, с. XXVI].

В 1863 г. немцы и онемеченные поляки, прибывшие из Лодзи, а потому уже являвшиеся подданными Российской империи, основали на бывших землях Ставропольского войска Константиновку. Она стала новым волостным центром Самарской губернии. В основном здесь поселились ткачи из бывших земледельцев, ушедшие на

¹РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 943. Л. 7 об.

фабрики Лодзи из-под Плоцка, Варшавы, Кракова в период промышленного подъема, после которого, потеряв работу, они предпочли вернуться к прежним сельскохозяйственным занятиям, но уехав на новые плодородные земли. В начале 1870-х гг. в селениях Константиновской волости проживало 1700 чел., Александртальской — 600 чел. [2, с. 86]. Кроме немцев и поляков, в числе переселенцев на бывшие калмыцкие земли оказались также эстонцы [3, с. 201].

Эти поселения просуществовали как немецкие до 1941 г. Их постигла общая судьба российских немцев — депортация, в чем-то повторившая судьбу ставропольских крещеных калмыков. Однако то были события совсем иной эпохи, происходившие в других исторических реалиях.

В середине же 19-го столетия российское правительство мобилизовало земли, прежде предоставленные им Ставропольскому войску, для поддержки колонизации и земледельческого освоения Заволжья. Они были предоставлены переселенцам различной национальности и социальной принадлежности на разных условиях, но на одинаковом твердом основании наличия государственной собственности на эти земли.

ЛИТЕРАТРА

- 1. *Артамонова Л. М.* Ставрополь Тольятти: эволюция от пограничной крепости на Волге до крупного современного города / Л. М. Артамонова // Романовские чтения: Кострома и судьбы российской государственности: мат. конф. Кострома, 2012. С. 80—83.
- 2. Дубинин С. И. Немецкие поселения на северо-западе Самарской губернии в XIX начале XX века / С. И. Дубинин, Н. А. Курсков // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 80—97.
- 3.~Kaбытов~П.~C.~«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI начало XX в.) / П. С. Кабытов, Т. И. Ведерникова, Ю. Н. Смирнов [и др.]. Самара, 2014. Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. 254 с.
- 4. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения. Санкт-Петербург, 1839. [2], V, 150, [2], 189, 275, 44, [2] с.
- 5. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург, 2018. Т. 3. 992 с.
- 6. Носков А. И. Люди и события культурной жизни старой Самары / А. И. Носков. Самара, 2002. 312 с.
- 7. Поволжье «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI начало XX в.). Самара, 2007. 327 с.
- 8. Смирнов Ю. Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток / Ю. Н. Смирнов // Родина. 2011. N° 7. С. 91—94.
- 9. Смирнов Ю. Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии / Ю. Н. Смирнов // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 35—44.
- 10. Смирнов Ю. Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города / Ю. Н. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 361—377.

- 11. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 36. Самарская губерния: по сведениям 1859 г. Санкт-Петербург, 1864. XLI, 134 с.
- 12. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI начало XX в.). Самара, 2013. 384 с.
- 13. *Якунин В. Н.* Православие и взаимодействие культур в истории дореволюционного Ставрополя—Тольятти / В. Н. Якунин // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 59.

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР РУССКОЙ ДЕРЕВНИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследуется роль крестьянской общины при проведении кампаний по обеспечению продовольственной безопасности в пореформенную эпоху. Доказывается, что любые формы крестьянской несвободы становились препятствием для развития эффективной экономики крестьянского двора. Расшатывание общинного строя вело к подъему производительных сил деревни, но одновременно порождало угрозы существованию монархической государственности.

Ключевые слова: крестьянство, община, продовольственная безопасность, крестьянский цезаризм, кризис социального мира деревни, начало XX в.

Социальный мир русской деревни до недавних пор был определяющим фактором исторического развития нашего Отечества. На протяжении многих веков русская деревня много, хотя и неритмично, трудилась, обеспечивая продовольственную безопасность страны и сырьевые нужды промышленности, имела ограниченные материальные потребности, предпочитала авторитарную власть и при попытках объяснить свою роль в истории полагалась на волю Божью [11, с. 190—214]. На часто повторявшиеся неурожаи, голодовки, эпидемии и пандемии крестьяне смотрели как на кару небесную и противиться ей считали тяжким грехом. Можно уверенно сказать, что неповторимое наследие русской деревни до сих пор живо у большинства населения нашей страны. Раскрестьянивание большей части нашего народа случилось в совсем недалекие по историческим меркам времена.

Примечательно, что общественный строй русской деревни был предметом идеализации и поклонения со стороны различных — и даже противоборствующих — общественных сил. Консерваторы видели в нем надежную опору самодержавия и вообще всей отечественной самобытности, а радикальная интеллигенция — напротив, одно из главных условий для коренного преобразования Отечества. Впрочем, такая парадоксальность легко объяснима. В социальных отношениях русского крестьянства хватало всего. Фатализм и смирение сочетались в них с безудержным бунтарством и безоглядной анархией. А уравнительские тенденции при общинном землепользовании весьма прочно совмещались с кулачеством, о чем еще в 1870-х гг. убедительно писал несомненный знаток крестьянской жизни А. Н. Энгельгардт [18, с. 520].

¹ Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

Известно, что общинные традиции, стихийный коллективизм во многом определяли своеобразие социального облика русского крестьянства. Наряду с этим стоит отметить, что хорошо описанная исследователями община пореформенной деревни в значительной мере продукт творения центральной и местной администрации. Система общинного самоуправления появилась сначала в государственной деревне. Волости и учреждения волостного самоуправления создавались в ней губернскими администрациями еще на исходе XVIII в. Законодательное оформление учреждений самоуправления в среде государственных крестьян было завершено в ходе проведения известной реформы П. Д. Киселева на рубеже 1830—1840-х гг. Именно тогда закон четко прописал организационную структуру и компетенцию волостного и сельского самоуправлений [6, с. 544—568]. В помещичьей же деревне такая система появилась сразу после отмены крепостного права. Дело в том, что у помещичьих крестьян при крепостном праве никакой юридической унификации общинного строя быть не могло. И это вполне понятно: помещичьи крестьяне не являлись субъектами права и реального самоуправления, естественно, не имели. Круговая порука и имущественное уравнительство были прежде всего инструментами помещичьего контроля над крепостной деревней. Вот почему значительная часть законодательной базы крестьянской реформы 1861 г. была посвящена структурам и функциям сельских обществ и волостей.

Создание после отмены крепостного права на базе крестьянской общины учреждений сельского и волостного самоуправления было для верховной власти делом вынужденным. У государства не было ни средств, ни кадров для перехода к полной гражданской свободе на принципах индивидуализации земельной собственности. Можно сказать, что, отменив частное крепостное право, государство до поры до времени вынуждено было ради поддержания управляемости ввести на основе общины так называемое корпоративное крепостничество. А это, в свою очередь, позволило обеспечить на несколько десятилетий относительную хозяйственную и общественно-политическую устойчивость в условиях разворачивающейся модернизации экономики и культуры страны. О том, как создавались учреждения крестьянского самоуправления, весьма колоритно поведал в своих содержательных мемуарах А. Н. Куломзин. Помещик Костромской губернии, а в конце XIX в. видный сановник, он сразу после издания Манифеста 19 февраля 1861 г. занял должность мирового посредника в своем Кинешемском уезде. Собственно, организация системы крестьянского самоуправления, подчеркнул мемуарист, стала первым крупным делом администраторов, призванных провести крестьянскую эмансипацию на местах. Сразу после принятия присяги только что назначенные мировые посредники приступили к созданию волостей. Для этого в определенные дни созывались крестьяне открываемой волости в центральное село. «Тут мы им разъяснили значение дарованной им милости самоуправления, и, разделив крестьян на сельские общества, приглашали их к избранию сельских старост. Тут же крестьяне выбирали от каждых 10 дворов выборных для волостного схода. Сразу же составляли сам волостной сход и производились выборы волостных старшин и судей». После окончания выборов сельские должностные лица торжественно приводились к присяге местным священником [9, с. 170].

Очевидно, что таким конструированием волостей и сельских обществ занимались мировые посредники по всей Европейской России. Словом, крестьянская общи-

на с ее обычным правом была для самодержавного государства жизненной необходимостью. И она до определенного времени оправдывала расчеты властей. А ее резкое ослабление стало одной из важнейших социальных причин крушения российской монархии. Надо учесть, что авторитарный режим в России довольно уверенно функционировал при торжестве коллективистского начала над индивидуальным. В качестве естественного спутника авторитарной государственности община до определенной поры была удобной формой управления крестьянством, в том числе и при решении задач продовольственного обеспечения. Об этом красноречиво свидетельствовал С. Ю. Витте. Наделить землей каждую крестьянскую семью в отдельности, считал он, было тогда невозможно. «Потребовались бы многие годы... Поэтому с точки зрения технического осуществления реформы община была более удобна, нежели отдельный домохозяин... С административно-полицейской точки зрения она также представляла удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности». И, кроме того, едко отмечал сановник, община издавна пользовалась поддержкой среди славянофилов и «иных старьевшиков исторического бытия русского народа» [3, с. 491].

Однако к концу века настойчивая поддержка общины с ее круговой порукой неожиданно для властей обернулась стремительным ростом социальной нестабильности в русской деревне. Крестьянская общинная солидарность все чаще стала проявляться в откровенно противоправных акциях: самовольных захватах частновладельческих земель, коллективных столкновениях с администрацией и помещиками, в грабежах дворянского имущества и т. п. Анализ происходивших перемен в социальном поведении общинников показывал, что сохранение патриархальных институтов народной жизни способствовало обострению крайне болезненной проблемы относительной избыточности аграрного населения. Внешним выражением этой проблемы стал популярный в революционных кругах вопрос о крестьянском малоземелье, единственным способом разрешения которого радикальная интеллигенция считала упразднение частной собственности на землю и ее уравнительный передел. При быстром росте населения и естественном сокращении душевого надела общинное крестьянство неминуемо тяготело к конфискационно-перераспределительным решениям, которые, с точки зрения властей, никак не соответствовали понятиям о законности.

Большим достоинством общины в глазах консерваторов долгое время считалось ее противодействие развитию пролетариата в среде русского крестьянства. Действительно, общинные уравнительные переделы неизменно оставляли абсолютное большинство русских крестьян в положении собственников. Пусть и ограниченных общинными регламентациями, но все же не лишеннных средств производства. Больше того, крестьянская надельная земля после реформ 1860-х гг. была фактически выведена из рыночного оборота и не могла быть продана другим владельцам. Но одновременно общины могли прикупить земли скудевшего дворянства. По этой причине общие размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия заметно увеличились (с примерно 110 до 140 млн десятин), хотя душевое земельное обеспечение сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в два раза (с 4,8 до 2,6 дес.).

И все же община действительно предотвращала массовое обезземеливание крестьянства. Однако защитники традиционных устоев старались не замечать, что урав-

нительные переделы и хозяйственная солидарность прекрасно уживались внутри общинного крестьянства с проявлениями крайнего индивидуализма. При переделах крестьяне чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы земельные участки разного качества и разной удаленности получала каждая «душа» поровну. Поэтому-то крестьянский надел состоял из многих (иногда до 50—60) полос. Такая чересполосица создавала крайние неудобства в работе (одни переезды чего стоили!), однако душу общинника согревала мысль о том, что страдает не он один, что так трудятся все его односельчане. «Тебе хорошо, а мне худо, так пускай же и тебе будет худо. Поровнять...» — так горестно оценивал рутину сельской жизни популярный в свое время герой очерков Г. И. Успенского хозяйственный мужик Иван Ермолаевич [16, с. 62]. Добавим к этому, что при систематических переделах крестьяне не проявляли особого желания заботиться о качестве земли; хорошо удобренные и обработанные участки легко могли перейти к другим хозяевам. При страшной чересполосице вывоз навоза на поля нередко был просто убыточен, и крестьяне черноземных губерний порой вываливали его в овраги или использовали в качестве домашнего топлива. Использование земельных угодий общинным крестьянством нередко характеризовалось специалистами как хищническое.

Об органических недостатках общинного мира русской деревни многие просвещенные администраторы и публицисты знали хорошо. Резким критиком социального мира общинной деревни был, например, министр финансов Н. Х. Бунге [14, с. 54—68]. Однако с последних десятилетий XIX столетия ставка на сохранение общинного строя и традиций самоуправления в русской деревне стала определяться главным образом идеологическими соображениями. Выход на историческую сцену русской демократической интеллигенции, основной политической чертой которой была конфронтация с режимом самодержавия, побуждал верховную власть апеллировать к народному, главным образом крестьянскому стихийному монархизму. Обращение к народным устоям, традиционная прочность которых рассматривалась как залог успешного и органического развития государственной и общественной жизни, всегда являлось важнейшей особенностью консервативных течений общественно-политической мысли. В этом отношении особой заботой идеологов и практиков консерватизма неизменно пользовалось русское крестьянство. В построениях консерваторов оно рассматривалось как естественный носитель национальной самобытности и, следовательно, как главный оплот государственного строя.

Основания для таких построений были. Российское самодержавие на протяжении многих веков действительно опиралось не только на узкий слой привилегированных классов, но в не меньшей степени на монархизм народа, в первую очередь, конечно, крестьянства. Крестьянский монархизм нередко именуют наивным. Однако таким он был только на первый взгляд. В действительности же наивного в нем было мало. За столетия своей нелегкой истории крестьянство прочно усвоило представление о неограниченном самодержавии как о наиболее оптимальной для России форме политического устройства. Понятия о долге перед родиной и о царской воле в массовом крестьянском сознании были неотделимы, что консерваторы вполне закономерно рассматривали как условие морально-политической устойчивости русского общества.

Вот почему в консервативных кругах России долго держалось убеждение в том, что сохранение специфических форм крестьянского самоуправления, включая волостной суд, надежно служит общественному спокойствию и безопасности государства. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община, воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государства с неограниченным правителем во главе. Естественная для консерваторов 1880—1890-х гг. забота о стабильности государственного порядка побуждала верховную власть к сохранению сословной и правовой обособленности многомиллионного российского крестьянства и спустя 30 лет после отмены крепостного права.

Таким образом, стихийный консерватизм крестьянских установлений вполне соответствовал традиционализму самодержавного политического строя; ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавное государство искало залогов стабильности в народных обычаях и надеялось, что с потерей помещичьего административного контроля именно общинные порядки и обычное право не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости.

Но уже в начале XX в. такая идеология стала терпеть политическое и экономическое банкротство. В условиях аграрного перенаселения и сокращения душевого земельного обеспечения крестьянские общины начали выходить из-под контроля администрации и в весьма агрессивных формах повели наступление на частное помещичье землевладение. Круговая порука упрощала уклонение крестьян от административной ответственности. Аграрный вопрос стал ключевым среди причин первой русской революции. Обострение такой ситуации и побудило П. А. Столыпина решительно отказаться от политики крестьянского цезаризма.

Время показало, что крестьянская община плохо справлялась и со своей главной экономической задачей — обеспечением продовольственной безопасности. При натурально-потребительском характере крестьянского хозяйства и при полном доминировании крестьянского населения производство крестьянского двора ограничивалось жизненными потребностями семьи. Действовал, так сказать, закон удовлетворения средних или, другими словами, достаточных потребностей. Не меньше, но и не больше. Например, в Воронежской губернии продовольственная безопасность крестьянства обеспечивалась при условии урожайности зерновых в сам-5, сам-6 и при валовом сборе примерно в 70 млн пудов. При посевной площади в 2 млн дес. на семена для следующего урожая требовалось примерно 20 млн пудов, остатка же в 50 млн пудов хватало для обеспечения продовольственных потребностей всего населения губернии. По дружным подсчетам земских и правительственных статистиков, на душу крестьянского населения в губернии в год на пропитание уходило в среднем 18—20 пудов хлеба. Следовательно, в среднем на двор в Воронежской губернии требовалось на питание около 150 пудов хлеба. И в обычные годы такая потребность довольно уверенно удовлетворялась.

Но такие показатели при благоприятных погодных условиях на воронежских черноземах легко достигались и без усиленного удобрения полей и без применения сложной агротехники. Поскольку крестьянство даже в начале XX в. составляло свыше 90 % населения губернии, постольку очевидно, что при такой социальной ситуации неизбежно должно было господствовать не рыночное, а натурально-потребитель-

ское хозяйство. Хозяйственной целью воронежских крестьян было удовлетворение потребностей своей семьи, а не получение рыночных прибылей. Крестьянина вполне устраивал средний урожай примерно в 9—10 ц, с га и уже поэтому общинники не стремились к новшествам. И не потому, что были консервативны изначально или ленивы, а потому, что они им были не нужны.

Важным фактором понижения уровня продовольственной безопасности в деревне являлась неизменная опека над крестьянством. Многие столетия несвободы отучили крестьян от ответственности за собственное благополучие. Как известно, центральные губернии Европейской России по природным условиям представляли зону рискованного земледелия. В XIX столетии примерно раз в пять лет Воронежская губерния подвергалась риску недоборов урожая. Учитывая это, верховная власть при крепостном праве обязывала помещиков обеспечивать крестьян продуктами в неурожайные годы. По закону помещики-землевладельцы под страхом изъятия имений должны были в неурожайные годы не допускать крестьянского нищенства. В ІХ томе Свода законов в статье 1105 прямо сказано: «Владелец, в случае неурожая, не сбивая крестьян с пашни, а дворовых со двора, обязан доставлять им способы пропитания, воздерживая от нищенства». Такую же заботу о государственных крестьянах должны были проявлять губернские администрации. По этим причинам большинство крестьян самостоятельно не заботилось о создании больших запасов продовольствия. Но при этом все более заметное число землевладельцев не справлялось со своими обязанностями и действительно утрачивало права на крепостных [7, с. 5—6]. Доля помещичьих крестьян в общем составе крестьянского населения России сократилась с начала века до 1861 г. с 55 до 48 %. Естественно, что помещичья несостоятельность оборачивалась тяжкими лишениями крестьян. В Воронежской губернии доля помещичьих крепостных снизилась до 29 %, а доля государственных возросла до 71 %.

Ликвидировав частное крепостное право, самодержавие не сумело предотвратить появления новой и еще более опасной социально-экономической проблемы: быстрого роста аграрного перенаселения. И через полвека после отмены крепостного права свыше 90 % населения Воронежской губернии принадлежало к крестьянскому сословию. Природа и плодородные почвы все еще решающим образом влияли на хозяйственную жизнь этого благодатного угла России. Как ни странно, но именно поэтому черноземные губернии отличались экономической, социальной и культурной отсталостью. В политической публицистике конца XIX в. стала все чаще обсуждаться проблема «оскудения» земледельческого центра, о бедственном положении воронежской деревни заговорили как в административных, так и в общественных кругах. Тягостное впечатление в русском обществе вызвали картины крестьянского голода 1890—1892 гг. Выяснилось, что жившие на тучных черноземах крестьяне не имели и, что еще печальнее, не могли иметь хлебных резервов. Двухлетний недород привел к тяжелому народному бедствию.

Понятно, что продовольственная безопасность прямо зависела от эффективности крестьянского труда. На производительность русских полей решающим образом влияли применявшаяся агротехника, а также порядок пользования землей, культура земледелия. И русские, и зарубежные специалисты дружно писали об отсталости отечественной агротехники. Но сами крестьяне свои приемы и методы земледелия счи-

тали вполне рациональными, позволявшими им в обычные годы производить ровно столько, сколько требовалось. А требовалось не так уж много.

По данным губернаторских отчетов и по сведениям земской статистики, на обеспечение продовольственных потребностей населения губернии требовалось в год около 35 млн пудов. Средние же урожаи зерновых во второй половине XIX в. составляли примерно 70 млн пудов. Впрочем, урожаи сильно колебались. Чрезмерные урожаи иногда оборачивались бедой, как это ни парадоксально звучит на первый взгляд. Например, в 1895 г. только озимого хлеба в губернии было собрано более 6,5 млн четвертей, или почти 54 млн пудов, и яровых более 5,3 млн четвертей, или около 47 млн пудов, а всего, следовательно, за год более 100 млн пудов. Губернатор В. З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса [4, с. 312]. Малому населению городов такого большого количества продукции было не нужно. Вот почему община уверенно себя чувствовала лишь на среднем уровне достаточности. Но при средних урожаях крестьяне не были заинтересованы в высоких ценах на хлеб. Они всегда учитывали, что в весенние месяцы высока вероятность его покупки. И напротив, экономический интерес частного землевладельца был направлен в противоположную сторону. Об этом совершенно точно писал в урожайном 1873 г. А. Н. Энгельгардт: «Во всем нынче благодать Божья — одно только нехорошо, что хлеб (то есть рожь) дешев и никто его не покупает. Вот если бы при таком урожае был нерожай у крестьян... Загреб бы денег». Естественно, что такое нарушение экономического равновесия было чревато порождением острого социального кризиса в деревне [18, c. 147].

Впрочем, систематически такие урожаи и не получались. При среднем же урожае воронежский крестьянин получал необходимое для питания семьи количество хлеба с 3 дес. посева. Между тем средний крестьянский двор имел в губернии примерно 11—12 десятин. При этом хозяйственная жизнь воронежской деревни находилась в жестких экономических тисках: в неурожайный год крестьянскую семью поджидала большая беда из-за дефицита продовольствия и кормов для скота, а при повторении богатых урожаев возникали трудные проблемы избыточности производства. Цена на зерно падала до величин, не оправдывавших затрат тяжелого крестьянского труда. В таких условиях проблема продовольственной безопасности становилась проблемой цивилизационного характера. Как справедливо писал Д. И. Менделеев, решать ее можно было не с помощью классовой борьбы и уничтожения частной земельной собственности, а на путях ускоренного роста промышленности, транспортной сети, городов и решения обострившейся проблемы избыточности аграрного населения [10, с. 15—25]. Но для этого требовалось встать на путь ускоренной модернизации всей страны, раскрепощения, в первую очередь, деревни.

Трудности с обеспечением продовольственной безопасности состояли, следовательно, не в элементарной косности общинников и даже не в пресловутом засилии дворянского землевладения. Корень проблемы состоял в том, что экономика крестьянской общины носила закрытый и самодостаточный характер. На протяжении веков община помогала крестьянам выжить в суровой борьбе с природой и властями. Но, порождая аграрную перенаселенность, община в то же время объективно не

содержала потенциала развивающейся экономики. Процветавшие в ее составе кулаки строили свое благополучие не на производстве, а на ростовщичестве. И община их вполне устраивала.

После отмены крепостного права забота о продовольственной безопасности крестьянского населения была возложена на земства. Но по единодушному мнению исследователей, земства (как и многие помещики до 1861 г.) плохо справлялись с такими задачами. У них не было необходимых административных полномочий, а одними убеждениями наполнить хлебные запасные магазины не удавалось практически нигде. Между тем неурожайные годы стали учащаться. Анализ источников регионального происхождения свидетельствует о совсем не случайной природе неурожаев и связанных с ними крестьянских бедствий. Во всяком случае, в центрально-черноземных губерниях. Здесь недороды были прямым следствием архаичной организации крестьянского мира и быстрого роста избыточности аграрного населения. Всю вторую половину XIX и первые полтора десятилетия XX в. в губерниях российского Черноземья наблюдался исключительно быстрый рост численности крестьянского населения. Если в 1862 г. в Воронежского губернии проживало около 1,8 млн чел., то в 1897-м — уже около 2,5 млн, в 1905-м — около 3,2 млн, а в 1914-м — примерно 3,7 млн. Между тем свободного резерва еще не возделанных земельных площадей к тому времени уже не осталось. Одним из печальных следствий этого процесса стало явное ухудшение земельного баланса. Среди сельскохозяйственных угодий быстро возрастали площади под пашню. За XIX в. доля лугов и выгонов упала с 36,5 до 10,2 %, доля леса уменьшилась с 11,9 до 7,9 %, а вот доля пашни поднялась с 42,9 до 69,3 % [12, с. 31]. Как вспоминал воронежский крестьянин И. Столяров, все это вело к неуклонному истощению почвы [15, с. 321]. Общинный строй деревни все более интенсивно нарушал экологическое равновесие: при господстве экстенсивного земледелия происходили интенсивная распашка лугов и вырубка лесов. В результате в губернии ухудшилась экологическая ситуация, начало сокращаться животноводство. Недостаток органических удобрений приводил к тому, что природная сила черноземов стала быстро истощаться. Словом, на громадный и густонаселенный регион надвигался тяжелый аграрный вопрос. В среде оппозиционной интеллигенции все более настойчивый характер стали приобретать разговоры о крестьянском малоземелье как главной причине материальных затруднений народа.

Олицетворяя социальный облик пореформенной деревни, община, казалось бы, должна была служить надежным подспорьем при оказании продовольственной помощи крестьянам пострадавших от неурожаев губерний. Однако на деле общинные порядки не смягчали тяготы бедствия, а для бедных и средних крестьян только усиливали. Во время голодовок классовое расслоение деревни усиливалось, эксплуатация деревенской бедноты кулачеством была особенно жесткой и даже циничной. Как красноречиво свидетельствовали материалы сельскохозяйственных обзоров Воронежской губернии, внутри общины резко возрастали спекулятивные операции, многие общинники попадали в долговую кабалу к своим же односельчанам. Источники свидетельствовали, что о крестьянской солидарности в условиях общины говорить не приходилось: зажиточные односельчане охотно пользовались народной нуждой и продавали хлеб с условием уплатить за него после будущего урожая. Но при этом

стоимость хлеба обыкновенно повышалась продавцом на 40—50 % против той цены, которая существовала на него в момент совершения сделки¹.

Гибель от голода даже в самые неурожайные годы была в общинах исключительной редкостью. Однако помощь голодавшим внутри общины практически никогда не была бескорыстной. Зажиточные крестьяне, опасаясь круговой поруки, до последней возможности предпочитали отказываться от получения общих для сельского общества продовольственных ссуд. Даже тяжелое народное бедствие не остановило упадок общинной солидарности. В этом быстро убедился В. Г. Короленко, отправившийся в Нижегородскую губернию для организации помощи голодавшей деревне. Беседуя с состоятельным мужиком о порядке выдачи продовольственных ссуд, писатель неожиданно столкнулся с таким суждением: «Ежели б круговую поруку объявили, мы тогда как-никак отбились бы и от пособия!

- То есть как же это?
- Так, не дали бы приговору богатые-те мужики...
- А бедняки?
- А бедняки как знают. Нам разве охота за них платить» [9, с. 114].

Зато на распределение продовольственной помощи приходили все общинники. Получать пособие круговая порука никак не мешала: «Господа предводители и земские начальники наскоро выдавали пособия, и «мир» еще быстрее делил «способие по душам»... Пособие «шло на распыл», доставалось по пяти фунтов на мирскую душу, богатым и бедным одинаково» [9, с. 184].

Милосердие же в общинах проявлялось эпизодически. Общинники, как правило, подавали кусочки впавшим в нищенство односельчанам. Но не более того. Не случайно уже современники заговорили о негативном влиянии общины на проведение политики продовольственной безопасности. А. Н. Куломзин, в частности, отмечал, что предоставление общинам ссуд при круговой поруке усиливало закабаление несостоятельных крестьян кулаками. При этом большая часть ссуд беззаботно пропивалась [9, с. 274].

В пореформенную эпоху шло неуклонное расшатывание общины как опоры монархической государственности. Неожиданно для властей обнаружилось, что община оказалась не столько помощником в борьбе с голодом, сколько довольно каверзным и капризным противником. Особенно ярко это проявилось в голодные 1891 и 1892 гг. Неурожай 1891 г. был просто катастрофическим. Как отмечали местные статистики, в Воронежском уезде рожь «в общем только что вернула одни семена». На посев одной десятины крестьяне расходовали в тот год 7,8 меры (около 9 пудов), а собрали 8,6 меры. У частных землевладельцев на посев уходило в среднем по 7,4 меры, а собрано было по 14,8 меры. Валовой сбор озимых хлебов составил в уезде 713 тыс. четвертей, или примерно 615 тыс. пудов, а на семена для следующего года требовалось 733 тыс. четвертей². При таких условиях для предотвращения массовой гибели крестьянства только в один Воронежский уезд пришлось завезти почти 1,5 млн пудов

¹ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии на 1892 г. Отд. II. Воронеж, 1892.

 $^{^2}$ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1891 г. Воронеж. 1891. С. 22, 28.

хлеба из других районов России и даже из-за границы. Во всей же губернии объем правительственной и общественной помощи крестьянам исчислялся в 11 млн пудов. При неурожаях крестьян выручала не община, а государственная помощь, благотворительность, отчасти общественные работы, отход.

Естественно, что распределение такой помощи потребовало очень больших усилий. При этом вскоре выяснилось, что общины оказались плохими помощниками в этом деле. Воронежское земство, в частности, отмечало, что в 1891—1892 гг. «выдача ссуд безземельным крестьянам сопряжена с большими затруднениями по невозможности установления круговой поруки, требуемой законом». Связанные круговой порукой состоятельные крестьяне-общинники нередко предпочитали вовсе не брать ссуду, чтобы не отвечать материально за бедноту. Учитывая это, Бобровское уездное земское собрание, например, ходатайствовало о замене круговой поруки сельских обществ «круговою порукою домохозяев-заемщиков и о введении обязательных общественных запашек как меры, обеспечивающей возврат продовольственных ссуд»¹.

Голод 1891—1892 гг. убедил правительство изменить порядок обеспечения продовольственной безопасности. С земств была снята ответственность за это трудное дело. Но и попытка по закону 1900 г. переложить обязанность за обеспечение продовольственной безопасности с земских учреждений на местную администрацию существенного улучшения не принесла. Прежде всего из-за фактического саботажа общин. Местные статистические источники свидетельствовали, что установленные нормы хлебных запасов систематически не выполнялись. Даже в самые урожайные годы общины фактически саботировали предписания местных властей о засыпке хлеба в запасные магазины. Вот почему при проведении столыпинской аграрной политики упор стал делаться на индивидуальную ответственность отдельных домохозяев за создание таких запасов. Однако для завершения программ индивидуализации крестьянской собственности и прекращения, по выражению П. А. Столыпина, «политики казенного социализма» требовались десятки лет. Такого шанса история реформаторам не предоставила.

Кампания по преодолению последствий голода 1891—1892 гг. вообще имела крайне негативные для судьбы государства последствия. Масштабы этой кампании были поистине беспрецедентны. В 1892 и в начале 1893 г. нуждавшимся крестьянам выдавалось в месяц по 40 фунтов хлеба на взрослого и по 20 фунтов на детей моложе 7 лет. Формально продовольственная помощь именовалась ссудой, подлежавшей возврату в благополучные годы. Но фактически такие ссуды крестьянами не возвращались и систематически относились администрацией к категории недоимок, совершенно безнадежных ко взысканию. В 1905 г. правительство вынуждено было объявить о их списании.

Падение финансовой дисциплины крестьянства после проведения масштабных мероприятий по оказанию им продовольственной помощи следует признать еще одним существенным показателем кризиса общинного строя. После двухлетнего неурожая платежеспособность крестьянства была, естественно, крайне низкой, недоимки по прямым налогам оказались очень большими, и взыскать их было практически невозможно. Но и в благополучные годы финансовая дисциплина крестьянства оста-

¹Государственный архив Воронежской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1960. Л. 94.

валась низкой. И так продолжалось вплоть до крушения монархической государственности. По данным официальной статистики недоимки по налоговым платежам в губернии в конце XIX в. равнялись почти двум годовым окладам, а с 1897 по 1906 г. увеличились еще на 90 %. Существование общины становилось просто опасным для судьбы государства.

Добавим, что тема крестьянских лишений активно использовалась как революционными, так и либеральными противниками самодержавия. Как едко заметил И. А. Бунин, интеллигенция знала только «народ», «человечество». «Даже знаменитая «помощь голодающим» происходила у нас как-то литературно, только из жажды лишний раз лягнуть правительство, подвести под него лишний подкоп. Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была» [2, с. 62—63]. Впрочем, архаика общинной жизни, обрекавшая крестьян на роль вечно страдавшего от нужды сословия, была важным социальным условием развития политической оппозиционности русской интеллигенции.

Столыпинская аграрная политика, начавшаяся со знаменитого указа 9 ноября 1906 г., была направлена на рационализацию сельской экономики и на оздоровление социальных отношений в деревне. Выход из общины крепкого, энергичного и трезвого крестьянина должен был решительно изменить облик русской деревни. Так, во всяком случае, полагали творцы нового аграрного курса. Надежды реформаторов не были беспочвенными. Переход все более значительной части крестьянства на позиции частного землевладения, а также ускорившийся распад общинного строя вели к устойчивому росту производительных сил деревни. За 7—8 лет реформы около 20 % воронежских крестьян-домохозяев решили расстаться с общиной и закрепили причитавшиеся им наделы в частную собственность. Одновременно производство сельскохозяйственной продукции в Воронежской губернии выросло примерно на 25—30 %, причем этот рост был достигнут главным образом за счет повышения урожайности и применения прогрессивных приемов землепользования на крестьянских полях. Приватизация части общинных земель вела к более рациональному использованию рабочей силы. Избыток ее в Воронежской губернии стал особенно ощутимым в начале XX в. В губернии более успешно пошло развитие промыслов, ускорился рост городской промышленности и торговли.

Курс правительства на «второе раскрепощение» постепенно менял к лучшему и положение с финансовой задолженностью деревни. Губернская статистика свидетельствовала, что доля прямых налогов и сборов в крестьянских хозяйствах Воронежской губернии не превышала 6—7 % их общей доходности. Никак не мог обременять крестьянскую семью государственный земельный налог. Например, сумма окладных сборов по государственному поземельному налогу в Воронежской губернии в 1897 г. составляла 341 502 руб. В губернии насчитывалось тогда примерно 350 тыс. крестьянских дворов, следовательно, по этому налогу на двор приходилось менее 1 руб., а на десятину земельных угодий падало около 10 коп. Гораздо более серьезную нагрузку на крестьянский бюджет давали земские сборы. Их годовой оклад в губернии составлял в начале ХХ в. около 3 млн руб. В среднем на двор приходилось по 8—10 руб., из них губернский сбор составлял примерно 2—3 руб., а уездный —

6—8 руб. Однако и эти сборы нельзя считать слишком тяжелыми. Тем более что собирались они со всех сословий, а расходовались преимущественно на крестьянские нужды. По стоимости они равнялись примерно 15 пудам ржи. Несправедливо считать слишком обременительным и третий вид платежей — мирские сборы. В Воронежской губернии их годовой оклад был примерно вдвое меньше земского. Отметим также, что земские и мирские сборы из своих территорий не уходили и расходовались на местные, главным образом, крестьянские нужды. Примерно такая же ситуация была с обязательными для крестьян страховыми взносами. По своей величине они примерно соответствовали мирским сборам и тратились, в основном, на частичное возмещение материальных потерь при частых в ту пору пожарах.

До первой русской революции наиболее сложной для крестьян, да и для властей, была ситуация с выкупными платежами. Фактически включенные в состав казенных повинностей, выкупные платежи по объему примерно в 15 раз превосходили государственный земельный налог. В Воронежской губернии средний размер выкупных платежей бывших помещичьих крестьян составлял примерно 1 руб. 50 коп. — 1 руб. 70 коп. с десятины надельной земли. Из-за этого доля выкупных платежей в сумме всех денежных повинностей воронежских крестьян составляла примерно 70 %. Стоит напомнить, что в конце XIX в. крестьянское налогообложение существенно изменилось. На выкуп надельной земли были переведены и государственные крестьяне, численность которых в Воронежской губернии была гораздо более высокой, чем бывших помещичьих (71 против 29 % в общей массе крестьянского населения).

В 1886 г. государство пошло на отмену подушной подати. По Воронежской губернии оброчная подать бывших государственных крестьян была рассчитана на 521 230 душ. В их пользовании находилось 3 063 361 дес. удобной земли. С них причиталось 2 425 863 руб. оброчной подати (т. е. около 4 руб. с души, или около 70 коп. с десятины) и 1 416 727 руб. подушной подати (т. е. около 2,5 руб. с души, или 50 коп. с надела) [1, с. 64]. Всего, таким образом, на десятину стало падать около 1 руб. 20 коп. новых выкупных платежей (кроме поземельного государственного налога, земских, мирских и страховых сборов).

Но 1 руб. 20 коп. с десятины — это в ту пору стоимость не более двухх пудов ржи. Даже при очень небольшом урожае в 50 пуд. с десятины такой платеж обременительным назвать трудно. Тем не менее именно по выкупным платежам на рубеже XIX—XX вв. наблюдался самый существенный рост недоимок. Например, к 1 января 1898 г. размер оклада по выкупным платежам для всех категорий крестьян составлял в губернии 4589 119 руб. 28 коп. Впечатляет, однако, не размер оклада, а объем накопившихся недоимок. Они составили к этой же дате 7732 785 руб., т. е. почти в два раза больше годового оклада². В сумме, следовательно, размер долга по выкупным платежам превысил 12,3 млн руб., или примерно по 40 руб. в среднем на хозяйство. Впрочем, и эта солидная сумма сама по себе не могла считаться разорительной. По данным статистики, примерно такую же сумму в конце XIX в. крестьянский двор тратил

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1898 год. Воронеж, 1898. Отд. 2. С. 41—45.

²Там же. С. 45.

в год на спиртные напитки. Но расходы на то и на другое могли действительно сильно обременять средний по доходам двор.

Задолженность по всем видам сборов к началу XX в. стала хронической и даже обыденной. При анализе статистических данных, которые регулярно собирались местными властями, складывается впечатление, что должной финансовой и налоговой исполнительности не было ни в одном уезде и ни в одной волости. И что самое печальное, к такой ситуации привыкали и власти, и население. На всех уровнях государственного управления бытовало довольно спокойное признание того, что ничего поделать тут нельзя, да, видимо, и незачем, ведь основные доходы государственный бюджет получал не от прямых, а от косвенных налогов. Рост же косвенных налогов был невозможен без общего подъема экономики страны, значит, и без роста материального благосостояния народа.

Опыт российской истории показывает, что при любом виде крестьянского закрепощения проблему продовольственной безопасности решить было невозможно. Частная, корпоративная или государственная формы крепостничества неизменно сопровождались появлением хронической проблемы продовольственного дефицита. И напротив, освобождение крестьянства от общинных регламентаций избавляло и его, и страну от этой проблемы. Так было перед мировой войной, так было в годы нэпа, так обстоит дело и в XXI столетии.

Конечно, аграрный курс Столыпина форсировал раскол в деревне. Ставка делалась на деятельные слои крестьянства. Вышедшие из общины трудились с куда большей эффективностью. На этот факт обратил внимание воронежский помещик и видный государственный деятель С. И. Шидловский. «Появилось то, — вспоминал он, — чего я раньше допустить не мог, и что было, в сущности, совершенно нормально. Крестьянские земли оказывались обработанными лучше, чем мои, и урожаи у них отнюдь не ниже, а выше моих». Улучшения распространялись по мере выхода из общины и дальше, «ни в чем только не затронувши надельные земли». Общинники же, сетовал Шидловский, продолжали вести допотопное хозяйство. «Понятно, что, видя вокруг себя подобные явления, я не мог не прийти к заключению, что общинное распоряжение землею является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры, при каком мнении я и остаюсь до сего времени» [17, с. 36—37].

На крестьянские хозяйства большее влияние стал оказывать рынок. Появление в губернии сахарных заводов привело к росту посевов сахарной свеклы, почти целиком отправлявшейся на продажу. В 1915 г. под сахарной свеклой в губернии было занято уже почти 20 тыс. десятин [17, с. 13]. Кроме того, все больше крестьян стали проявлять заинтересованность в выгодных для себя ценах на хлеб, поскольку его производство полностью покрывало потребности большинства семей. Можно, таким образом, констатировать, что сокращение удельного веса общинных хозяйств сопровождалось в губернии постепенным переходом к более эффективным методам хозяйствования. В деревне наметился поворот громадного исторического значения: впервые за многие века развитие земледелия начинало связываться не с экстенсивным его распространением, а с интенсификацией производства и подъемом культуры. У этого поворота были обнадеживавшие приметы: даже начавшаяся мировая война не нарушила поступательного роста крестьянской экономики. Как показывало время, затраты на сельское хозяйство довольно скоро приносили хорошие

плоды. «Трехлетняя агрономическая деятельность, — с удовлетворением отмечал обзор 1914 г., — не осталась без достаточных результатов: среди общей массы крестьян можно найти немало хозяев, которые завели уже улучшенные сельскохозяйственные орудия, породистый скот, разбили сады, применяют культурные способы обработки почвы и приемы по уходу за посевами и пр.; число таких крестьян с каждым годом увеличивается»¹.

О существенных сдвигах в экономических показателях аграрного сектора губернии можно судить, если сопоставить данные статистики за 1907 и 1915 гг., погодные условия которых резко не отличались. Сбор всех хлебов в 1907 г. в губернии составил около 76 млн пудов, при этом около 50,5 млн пудов было собрано на крестьянских наделах. Если учесть, что на посев 1908 г. крестьяне отводили около 11 млн пудов зерна, то на собственные нужды у них оставалось около 39 млн пудов, что давало 13,8 пуда продовольственного зерна на человека. Кроме того, крестьяне располагали в 1907 г. 20,5 млн пудов картофеля (по 7,2 пуда на человека)². Надо учесть, что продовольственная норма на едока в год составляла, по данным земских статистиков, примерно 20 пудов в год (хлеба и картофеля). Таким образом, можно констатировать, что, по сути дела, весь собранный в 1907 г. урожай должен был уйти на собственное потребление крестьян-общинников. Ради этого, собственно, и существовала община. Основную же массу товарного хлеба давали, естественно, частновладельческие хозяйства. Общинное хозяйство, повторяем, никогда не было и не могло быть основой нормального рыночного обмена. Вот почему у современников не вызывал большого удивления тот факт, что буквально по всем культурам урожайность у частных землевладельцев в Воронежской губернии всегда была выше, чем у общинников, на 25—30 %, а нередко и больше. В том же 1907 г. урожайность озимых у владельцев была сам-8,4, у крестьян-общинников — сам-5,4, яровых у владельцев — сам-5,7, у общинников сам-3,6, картофеля у владельцев — сам-7,8, у общинников — сам-5,2 и т. д. 3

Экономическая эффективность столыпинского курса на разрушение общины стала очевидной уже в предвоенные годы. Сборы хлебов как в Центральном Черноземье, так и в целом в России стали быстро возрастать. Причем хорошие темпы развития крестьянских хозяйств сохранились и в первые годы войны. Несмотря на значительное отвлечение рабочей силы из-за мобилизаций (в Воронежской губернии в армию были призваны почти 400 тыс. молодых крестьян), в 1915 г. сельскохозяйственное производство выглядело гораздо перспективней, чем в том же 1907 г. Озимых хлебов было собрано более 63 млн пудов, яровых — 72 млн пудов, а всего, таким образом, 135 млн пудов, почти на 50 млн пудов больше, чем в год начала реформ⁴. Прежде всего, ощутимый рост товарности зернового производства наблюдался в крестьянских хозяйствах. Крестьяне стали заметно расширять посевы озимой пшеницы — культуры более продуктивной, чем рожь, но и требующей более совершенной агротехники. Так, в 1913 г. крестьяне израсходовали на семена пшени-

¹Обзор Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж, 1915. С. 3.

² Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж, 1908. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж, 1916. С. 3.

цы 71,5 тыс. пудов, в 1914-м — 81,7 тыс. пудов, а в 1915-м уже около 140,5 тыс. пудов. Таких подвижек при господстве общины не наблюдалось: для собственного продовольствия общинники сеяли исключительно рожь. О росте аграрной экономики страны в те годы счел нужным сказать на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин. Вот какие данные он привел: лошадей в 1916 г. было 35,1 млн, а в 1933-м стало 16,6 млн, коров тогда же было 58,9 млн голов, стало 38,6 млн, овец и коз было 115,2 млн голов, а стало 50,6 млн, свиней было 20,3 млн голов, стало 12,2 млн [13, с. 321]. Не будем касаться причины таких сопоставлений, свидетельствующих не в пользу советской власти, констатируем лишь признание лидером партии того, что продовольственная безопасность в годы столыпинской реформы обеспечивалась куда эффективней, чем в эпоху сплошной коллективизации деревни.

В заключение следует подчеркнуть, что социальный мир русской деревни после отмены крепостного права переживал системный кризис. Без ликвидации так называемого корпоративного крепостного права он был неспособен справиться даже с проблемой обеспечения продовольственной безопасности. Несостоятельность общины в делах продовольственной безопасности проявилась не только в низкой эффективности общинного землепользования, но и в фактическом игнорировании заданий по пополнению зерновых страховых резервов в хлебных запасных магазинах. Никогда, даже в самые урожайные годы, такие магазины в губернии не заполнялись до нормы. Максимально — половина нормативного запаса, никак не больше. Вот почему надо было отказываться от общинной обезлички и круговой безответственности. «Сбить железный обруч, которым стянуты русские крестьяне, насильственно закабаленные существующими у нас порядками землепользования, — единственно верный способ поднять их благосостояние...» — писал в начале ХХ в. В. И. Гурко, видный вдохновитель крестьянской реформы П. А. Столыпина [5, с. 161—162].

Но наделение крестьян полноценными гражданскими правами, начатое столыпинскими нововведениями, неизбежно вело к радикальному изменению государственного строя России, к появлению рисков распада традиционной государственности. Отнюдь не случайно процесс восстановления мощной государственности в форме советской власти сопровождался ликвидацией гражданских прав крестьянства. В итоге продовольственная безопасность страны на долгие годы вновь оказалась под угрозой.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 / А. М. Анфимов. Москва, 1984.
 - 2. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. Москва, 1991.
 - 3. *Витте.* Москва, 1960. Т. 2.
 - 4. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Воронеж, 1999.
- 5. *Гурко В. И*. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. Москва, 2000.
- 6. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. Москва—Ленинград, 1946. Т. 1.
- 7. Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения / И. И. Игнатович. Москва, 1910.

- 8. *Короленко В. Г.* В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника / В. Г. Короленко // Собр. соч. в 6 т. Москва, 1971. Т. 4.
 - 9. Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания / А. Н. Куломзин. Москва, 2016.
- 10. Менделеев Д. И. К познанию России / Д. И. Менделеев. Санкт-Петербург, 1906.
- 11. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. Москва, 1998.
- 12. Pынdин Φ . K. Наш край. Опыт характеристики Воронежской губернии в историческом, естественно-историческом и экономическом отношениях / Φ . K. Рындин. Воронеж, 1921.
- 13. Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 13.
- 14. *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге: судьба реформатора / В. Л. Степанов. Москва, 1998.
- 15. *Столяров Иван*. Записки русского крестьянина / Иван Столяров // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. Москва, 1990.
- 16. Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд / Г. И. Успенский // Полн. собр. соч. Москва, 1950. Т. 7.
- 17. Шидловский С. И. Воспоминания (1861—1922) / С. И. Шидловский. Берлин, 1923. Ч. 1.
- 18. Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872—1887 / А. Н. Энгельгардт. Москва, 1987.

ВКЛАД КРЕСТЬЯН-ОТХОДНИКОВ В РАЗВИТИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В статье рассматривается деятельность по развитию инфраструктуры пореформенной деревни той категории крестьян, которые достигли успеха в отхожем промысле в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: крестьяне-отходники; Санкт-Петербург; Костромская губерния; деревенская инфраструктура.

Увеличение в пореформенный период масштабов отходничества, сопровождавшееся выделением из среды крестьян лиц со значительными капиталами, либо сохранявшими крестьянский статус, либо становившимися мещанами, купцами, почетными гражданами, способствовало развитию деревенской инфраструктуры. Оговоримся, что наблюдения относятся к северо-западным уездам Костромской губернии: Галичскому, Солигаличскому и Чухломскому. В центре внимания крестьяне, ходившие на заработки в Петербург.

Немаловажное значение имел тот факт, что для отходников, какой бы статус они ни приобретали, именно деревня оставалась «домом». Об этом свидетельствуют жилища, которые они строили в деревне, проживая при этом уже в собственных домах в Санкт-Петербурге. В большей степени эти деревенские дома известны по фотографиям или рассказам местных жителей. Так, к примеру, сохранилась фотография двухэтажного дома с шестью окнами по фасаду в д. Золотово Чухломского района, принадлежавшего крупному рыботорговцу, крестьянину, а с 1876 г. купцу 1-й гильдии Санкт-Петербурга И. И. Капустину (родился в 1831 г.)². Он жил в столице всей семьей, имел несколько доходных домов на набережной реки Фонтанки³. При этом И. И. Капустин построил большой дом на родине, где продолжали жить родственники, где были могилы предков. Это была «тихая пристань», куда можно было приехать доживать свой век. Современник писал: «Даже в преклонном возрасте удачливый отход-

¹ Смурова Ольга Вениаминовна, доктор исторических наук, независимый исследователь, olga-smurova@mail.ru, Россия, г. Кострома.

 $^{^2}$ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1883 по 1 февраля 1884 г. свидетельства и билеты по 1-й и 2-й гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1884 г. СПб., 1884. С. 34.

 $^{^3}$ Сын И. И. Капустина, Николай, стал кандидатом коммерции, а Константин окончил институт гражданских инженеров.

ник, казалось бы, прижившийся на стороне, «завздыхает по родине, поеду ужо домой помирать». Это заветное желание вы услышите здесь почти от любого старика-простолюдина — не петербургского уроженца» [3]. Поэтому в метрических книгах этих местностей часто встречаются упоминания об отпевании санкт-петербургских, царскосельских и проч. купцов, мещан, ремесленников и т. д.

Лишь некоторые из этих построек сохранились благодаря заботам отдельных меценатов. Так, А. И. Павличенковым была профинансирована реставрация уникального дома конца XIX в. Мартьяна Сазонова в д. Асташово Чухломского района Костромской области [5, с. 22—38], взята «опека» над домом Ивана Поляшова в д. Погорелово того же района и области [6, с. 318—324; 7, с. 33—40].

Материальный интерес — это то, что в первую очередь заставляло крестьянина покидать родную деревню, жить в разлуке с родными. В данной статье речь пойдет о той категории крестьян-отходников, которым удалось достичь желаемого, заработать значительные средства. Статистика дореволюционного периода не содержит количественную характеристику данной категории. Однако косвенные данные позволяют высказать и обосновать отдельные выводы.

Была составлена просопографическая база крестьян-отходников Костромской губернии данной категории за 60—90-е гг. XIX в. и до 1917 г. В итоге было выявлено чуть более 200 человек. Стоит заметить, что в ходе предыдущих исследований было установлено, что далеко не все успешно занимавшиеся торговлей и ремесленной деятельностью крестьяне брали необходимые свидетельства. В случае обнаружения нелегального занятия им, по-видимому, проще было оплатить штраф. Все же, учитывая, что в 1869 г. в Санкт-Петербурге находилось 12530, а в 1890 г. — 23 296 костромских крестьян-отходников, приведенная цифра в 200 человек убедительно свидетельствует, что доля крестьян, которым удалось воспользоваться социальным лифтом, была мизерна.

В развитии инфраструктуры деревни принимали участие не только «невозвращенцы», но и зажиточные крестьяне, заработавшие в столице денежные средства, а затем, достигнув определенного возраста, пристроив пришедших им на смену сыновей, возвратившиеся в деревню. Причем развитию инфраструктуры деревни способствовало не только наличие денежных средств, но и деловые связи, установленные в процессе работы в Петербурге. К примеру, к проектированию сельских храмов крестьяне нередко приглашали столичных архитекторов, что влияло на формирование внешнего облика сел. Попутно можно заметить, что это был один из каналов взаимодействия столичной и деревенской культур.

Изучение данного вопроса дает основание говорить как о развитии производственной, так и непроизводственной инфраструктуры при участии отходников. Интересным фактом является то, что возникавшая в деревне производственная инфраструктура порой была тесным образом связана с профилем деятельности крестьян в отходе. Так, в Солигаличском уезде распространен был малярный промысел. Заметим, что слово «маляр» в то время более соответствовало переводу немецкого слова «maler» — «живописец». В малярном промысле необходим был качественный клей. В результате в д. Лобачи Богчинской волости Галичского уезда Костромской губер-

 $^{^1}$ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. СПб., 1872. Вып. І. С. 118; Санкт-Петербург по переписи 1890 г. Ч. І. Вып. 1. С. 84—85.

нии возникло четыре клееваренных завода, а всего в волости их было шесть (еще два в д. Шокша), которые снабжали своей продукцией уходивших на промысел крестьян¹.

Крестьянин д. Погорелова Алешковской волости Чухломского уезда Костромской губернии И. И. Поляшов, ставший почетным гражданином, по завершении занятий, связанных с отходом, возвратился в родную деревню. Располагая значительными средствами, он стал вкладывать их в развитие производства, торговлю, благотворительность и покупку земельных участков. Деревня Погорелова в 1916 г. состояла из 39 хозяйств. Население насчитывало 198 человек², большая часть которого трудилась на мельницах, построенных И. Поляшовым. Оборот мельницы при д. Погорелова в 1902 г. составлял 10 000 руб., прибыль — 700 руб.; в последующих, 1903—1905 гг. — оборот 12 000, прибыль 840 руб. Мельница была водяной, на четыре постава. Трудились на ней четыре работника. Годовой оборот в 1915 г. равнялся 12 000 рублей³. На мельнице при д. Сахинской Бушневской волости Чухломского уезда использовался паровой двигатель. Мельница имела четыре постава. Оборот ее в 1914 г. составил 12 000 руб., а прибыль — 720 руб.

Лесопильный завод, построенный И. Поляшовым, был единственным в Чухломском уезде. Примечательно то, что в этой местности крестьяне изготавливали топорный тес. Начиная с XVIII в. их пытались приучить к пилке теса. Специально доставлялись казенные пилы. Но все попытки насильно приучить крестьян к пилке леса закончились неудачей. В результате по указу 1773 г. изготовление топорного тёса было запрещено. По указу было предписано топорный тёс у крестьян отбирать и передавать в казённое ведомство [1, с. 42—43].

После революции мельницу, лесопильный завод и дом конфисковали. Бывшему владельцу с женой позволили жить на кухне собственного дома, имевшего 12 комнат. Судя по сохранившимся документам, распоряжаться чужим имуществом оказалось непросто. На заседании Введенской партийной ячейки 23 марта 1919 г. слушали заявление товарища Шагина о лесопильщике С. Гусеве, распиливавшем на дрова бревна, предназначенные для распиловки на тес. Постановили: «Поставить на вид уездному совнархозу о бездеятельности заведующего как мельницей, так и лесопильным заводом П. И. Смирнова, что происходит такая ненормальность, так как редко бывает на своем посту...»⁵. 6 апреля того же года этот вопрос поднимается вновь. Слушали заявление товарища Канаева о бывшей мельнице Поляшова: «...царит полный хаос, книги ведутся домашним способом, не выдается ни ордеров, ни квитанций, и необходимы контрольные весы»⁶.

¹Списки населенных мест Костромской губернии 1907—1908 гг. Кострома, 1907. С. 75.

² Сельскохозяйственная перепись 1916 г. в Костромской губернии. Кострома, 1918. Вып. 10: Солигаличский, Чухломский и Юрьевецкий уезды (Краткие сведения по селениям). С. 14—15.

 $^{^3}$ Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 455. Оп. 2. Д. 114. Л. 11—12; Ф. 236. Оп. 1. Д. 183. Л. 22.

⁴Там же. Ф. 455. Оп. 2. Д. 114. Л. 9—10.

 $^{^5}$ Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее — ГАНИКО). Ф. 9. Оп. 1. 1919 г. Д. 17. Л. 25.

⁶Там же. Л. 26.

Спустя три года, в 1922 г., 16 декабря на заседании волостной ячейки принимается решение о выделении одного из членов ячейки для контроля за работами на бывшей Поляшовской мукомольной мельнице. Чуть позже И. И. Поляшев был назначен директором мельницы, собственником которой он некогда был.

Разбогатевшие отходники возводили не только собственные дома, но и помогали односельчанам строить дома в родной деревне. Так, в д. Льгово Галичского уезда существовала целая улица домов, построенных подрядчиком Седовым для семей отходников, отчего она стала называться Седовской. Сам Седов имел в Санкт-Петербурге собственный дом.

Значительным было и влияние отходников на развитие народного образования. Этот своеобразный вид вложения капитала обнаружился при изучении биографии крестьянина Мартьяна Сазонова, награжденного золотой медалью на Станиславской ленте за строительство церковно-приходской школы прихода Ильинской церкви с. Великая пустынь¹.

Костромские епархиальные ведомости 1 декабря 1904 г. сообщили об открытии названной школы, рассказывали о том, чьими трудами и на чьи средства она была построена². Главная персона — Маркиан Созанович Созанов (именно так было напечатано имя благотворителя). В статье сообщалось, что школа была построена на пожертвования «одного крестьянина-прихожанина, жившего все время в Петербурге», который, «умирая, завещал на постройку школы 300 р.» (из других документов мы узнаем, что это был Симеон Макаров). Мартьян был прихожанином церкви Ризположения с. Озерки Алешковской волости, но у него, по всей видимости, был личный мотив участвовать в строительстве церкви в с. Ильинское, поскольку его вторая молодая жена была дочерью дьячка церкви этого села. Сам Мартьян не назвал потраченную сумму, но знающие толк в строительном деле земляки подсчитали, что это не менее 3000 руб. «Во время постройки М. С. Созонов находился на работе неотлучно, являясь на дело первым и уходя последним. Ни одного тяпка плотник, ни одного мазка — маляр, ни одного лепка штукатур не сделали без опытного глаза строителя»³.

По описаниям начала XX в. школа представляла собой одноэтажное здание на каменном фундаменте, крытое железом, оштукатуренное внутри и окрашенное масляной краской, обшитое тесом снаружи и также окрашенное. Внутри была классная комната, квартира для учителей, ночлежная для мальчиков и девочек, кухня. Школьный двор был огорожен «окрашенным палисадом». На территории двора, кроме здания школы, стояли навес для дров, сарай, помещение для коровы и был вырыт пруд. Мартьян Сазонов приобрел для детей школьную форму, прочную классную мебель, часы, лампы, а также портреты Александра II и Николая II⁴.

Поиск, связанный со строительством и открытием церковно-приходской церкви прихода Ильинской церкви с. Великая пустынь, вывел на целый ряд других учебных заведений Чухломского уезда и людей, причастных к их появлению и существова-

¹ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 859.

² Костромские епархиальные ведомости. 1904. 1 дек.

³ Там же.

⁴Там же.

нию. Изучение состава попечителей в сфере народного образования уезда позволило установить, что отходники состояли попечителями в шести училищах и пяти церковно-приходских школах (возможно, что и попечители других учебных заведений тоже были из числа отходников). В Алешковском училище — крестьяне: Д. А. Гущин из д. Пыхина, И. Н. Баев из д. Тимофеевское; в Введенском училище — Г. Захаров, крестьянин д. Головинское; в Коровском училище — И. Е. Бобров, крестьянин д. Степанова; в Михалевском училище — И. И. Пирогов, потомственный почетный гражданин Санкт-Петербурга; в Озерковском училище — А. Л. Логинов, потомственный почетный гражданин Санкт-Петербурга; в Шартановском училище — В. И. Купцов, купеческий сын. Попечителем Дорковской школы был И. И. Поляшов, крестьянин д. Погорелово; Титовской школы — С. Сулоев, московский мещанин.

Как уже было сказано, попечителем Озерковского начального училища с 1878 г. был личный почетный гражданин А. Л. Логинов, владелец столярной мастерской в Санкт-Петербурге¹. На разные нужды училища к 1902 г. он пожертвовал 3200 руб., в том числе на содержание училища — 2000 руб., в 1877 г. — 205 руб. на устройство училищного здания, в 1883 г. — 50 руб. на устройство квартиры для учителя, в 1898 г. на ремонт училищного здания — 100 руб., на приобретение классных принадлежностей — 150 руб., на улучшение библиотеки, покупку волшебного фонаря с картинами — 220 руб., на одежду для детей — 75 руб., на пищу для учеников училища — 100 руб., в 1902 г. на ремонт училищного здания — 200 руб.² Он с большим интересом относился к подбору кадров для училища. В 1903 г. решался вопрос о том, кто будет возглавлять Озерковское училище. Вначале Логинов категорически выступал против того, чтобы училище возглавила женщина. Однако доводы священника, представителей училищного совета уезда изменили его позицию по этому вопросу. 29 августа 1903 г. он написал примирительное письмо, в котором согласился, чтобы училище возглавила потомственная дворянка Л. И. Перфильева.

Особо хотелось бы сказать о санкт-петербургском ремесленнике, крестьянине Сельцы Галичского уезда Костромской губернии А. А. Абрамове, который не только выделил на местную церковно-приходскую школу до 8000 руб., но и подарил школе шатровую мельницу, чтобы школа могла иметь постоянный доход для самообеспечения и развития³.

В статистических материалах конца XIX в. зафиксирован высокий уровень грамотности в тех местностях, где были развиты неземледельческие промыслы. Грамотные среди новобранцев, к числу принятых на военную службу в 1897 г., в Ярославской губернии составили 85,5 %, в Тверской — 73,2 %, во Владимирской — 71,0 %, в Костромской — 63,7 %, в Нижегородской губернии — 50,7 % Высокий уровень грамотности крестьянской молодежи объясняется разными факторами, среди кото-

 $^{^1}$ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1892 по 1 февраля 1893 г. свидетельства и билеты по 1-й и 2-й гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1893 г. СПб., 1893. С. 738.

²ГАКО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 127. 1901 г. Л. 22—24.

³Там же. Ф. 438. Оп. 1. Д. 889. 1905 г. Л. 85, 87.

⁴Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 270, 272.

рых не последнее место занимала материальная и практическая поддержка школьного образования в родных краях крестьянами-отходниками, изменившими свое материальное положение.

Крестьяне-отходники немало сделали и для развития городской инфраструктуры. Так, в Петербурге широкую известность получили костромские крестьяне Тарасовы, прибывшие в столицу еще в Петровские времена и ставшие владельцами паркетной фабрики. В декабре 1837 г. в Зимнем дворце случился пожар. Н. С. Тарасову, к тому времени уже купцу, удалось получить подряд на работы по восстановлению дворца. Паркеты, оконные переплеты, двери и другое убранство изготавливалась по уцелевшим фрагментам [2, с. 190]. Тарасовы активно участвовали и в строительстве Михайловского дворца, который произвел такое глубокое впечатление на английского короля Георга IV, что он заказал его модель. Николай Тарасов изготовил модель Белой гостиной Михайловского дворца размером 2 на 2 м. В Англию подарок доставлен был братом Николая — Иваном. В награду за работу русский мастер получил от английского короля золотую медаль для ношения на ленте. Присутствие Тарасовых в Петербурге нашло отражение в топонимике городских улиц: Тарасовский переулок, Тарасовский проезд. Там находилось несколько домов, которые старожилы именовали «тарасовскими». Тарасовыми была построена Анастасиинская богадельня [2, с. 192].

Из Солигаличского уезда происходили Ершовы, владельцы чугунолитейного завода, располагавшегося по Шмелинговскому переулку, 7¹. Колбасное производство и торговля находились в руках чухломских братьев Парфеновых. Они изучили технологию колбасного дела в Германии, построили колбасный завод, имели множество торговых лавок. Д. Л. Парфенов было широко известен благотворительной деятельностью. На его деньги была построена Предтеченская церковь на Выборгской стороне, Свято-Исидоровская русско-эстонская церковь и Воскресенский храм у Варшавского вокзала. В Чухломе Парфенов построил приют с ремесленными классами, а также участвовал в благоустройстве богадельни [4, с. 31, 75]. В Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга в честь благотворителя названа улица.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Казаринов Л*. Бывший город Судай Архангелогородской губернии / Л. Казаринов // Труды Костромского научного общества. Нерехта, 1921. Вып. XXI.
- 2. *Краско А*. Петербургское купечество: страницы семейных историй / А. Краско. Москва, 2010.
- 3. $\mathit{Muxнeвuч}$ В. О. Петербург весь на ладони / В. О. Михневич. Санкт-Петербург, 1874.
- 4. Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. Вып. VI. Чухлома, Чухломский район. Кострома, 2004.
- 5. *Смурова О. В.* Контекст жизни государственного крестьянина Чухломского уезда Мартьяна Сазонова (наброски к биографии уникального дома в д. Асташево) / О. В. Смурова // Юбилейный сборник музея «Костромская слобода». Кострома, 2015.

 $^{^1}$ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга Ф. 1783. Оп. 1. Д. 444. Л. 385, 388—389.

- 6. Смурова О. В. Хозяйственные аспекты жизни костромского крестьянина Ивана Иванова Поляшева (1850—30-е гг. ХХ в.) / О. В. Смурова // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: мат. Международной научной конференции, 17—19 марта 2016 г., ЛГУ им. Пушкина / Под общ. ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург, 2016.
- 7. Смурова О. В. Превратности судьбы Ивана Ивановича Поляшова / О. В. Смурова // Губернский дом. 2017. \mathbb{N}° 4 (109).

КРЕСТЬЯНСКИЕ ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ И СЕЛЬСКИЙ ПОРЕФОРМЕННЫЙ СОЦИУМ

В работе исследуется влияние отхожих промыслов крестьян на эволюцию социального мира пореформенной деревни. Анализируется влияние крестьянского отхода на семью, органы местного самоуправления и др. Показаны особенности социальной жизни крестьянских женщин в местностях с высокой трудовой миграцией мужского населения.

Ключевые слова: крестьянство; отхожие промыслы; положение женщины; пореформенная деревня.

В пореформенный период в России получили широкое распространение отхожие промыслы крестьян. Если в черноземных губерниях отход носил преимущественно земледельческий характер, в нечерноземных регионах положение было иное. Так, по данным П. А. Вихляева, в конце XIX в. неземледельческий отход составлял в черноземной Воронежской губернии 24,4 %, а в нечерноземной Тверской губернии — 92,1 % [8, с. 10—14].

В начале XX столетия в одном из районов нечерноземной полосы России — Верхнем Поволжье (Владимирская, Костромская и Ярославская губернии) в отход уходил каждый пятый деревенский житель [3, с. 10].

Главной причиной обращения крестьян к отхожим промыслам была малая доходность земледелия и невозможность обеспечить нормальные условия жизни только за счет сельского хозяйства. По мнению земского начальника из Ростовского уезда Ярославской губернии, «отхожими промыслами деревня живет, одевается, учится и оплачивается»². О роли отхожих промыслов в крестьянском бюджете свидетельствует тот факт, что на рубеже XIX—XX столетий отход давал ярославской деревне в два раза больше денег, чем сельское хозяйство (16 и 8 млн руб.) [9, с. 23—24]. Подобная ситуация складывалась и в других нечерноземных районах страны. В Новгородской губернии уже в начале пореформенного периода заработок крестьян в отхожих промыслах более чем в три раза превышал доход от земледелия (8,9 млн руб. и 2,7 млн руб.) [17, с. 38].

Крестьяне-отходники Верхнего Поволжья искали лучшей доли как в ближайшей к постоянному месту жительства округе, так и далеко от родных мест, преимуще-

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

 $^{^2}$ Государственный архив Ярославской области. Ф. 485. Д. 557. Л. 2.

ственно в Петербурге и Москве. Основными занятиями местных крестьян за пределами родного села были строительные работы, торговля, работа на фабриках, заготовка и сплав леса. Отход на сельскохозяйственные работы был малораспространенным явлением. Исключение составляли только жители Ростовского уезда, специализировавшиеся на ведении огородов.

Из-за того, что во время полевых работ, а иногда и круглый год, значительное количество отходников было занято работой вне своего хозяйства, отхожие промыслы оказывали сильное влияние на положение дел как отдельного крестьянского двора, так и деревенского общества в целом.

В связи с ростом численности крестьян, «оторвавшихся» от земледелия, владимирский земский статистик рисовал следующую картину: «Со словом «крестьянин» у нас связано представление о земледельце, в поте лица добывающем хлеб свой. Каково же удивление наблюдателя, когда он в целых округах не увидит ни одного лица мужского пола, умеющего взяться за соху, даже просто запрячь в телегу лошадь. Что ни мужик, то или плотник, или каменщик, или фабричный, приходящий домой только отдохнуть и имеющий самое смутное понятие о своей земле, которую обрабатывают женщины...» [1, с. 26].

Тяжелые сельскохозяйственные работы, такие как вспашка поля, покос луга, обычно выполнявшиеся мужчинами, в районах отхожих промыслов приходилось делать женщинам. Данное явление отмечали не только специалисты, занимавшиеся изучением пореформенной деревни [10, с. 1—2], но и классики русской литературы.

Вот как описывает один из рабочих дней героини своего произведения Н. А. Некрасов, владевший усадьбой в Ярославской губернии и хорошо знавший жизнь крестьян:

Рано я, горькая, встала, Дома не ела, с собой не брала, До ночи пашню пахала, Ночью я косу клепала, Утром косить я пошла... [13, с. 94].

Доктор Д. Н. Жбанков, изучавший жизнь крестьян в северной части Костромской губернии, писал, что из-за нехватки мужских рук женщинам в этом районе нередко приходилось выполнять не только все работы в своем хозяйстве, но и так называемые «общественные работы»: ремонт дорог и пр. [10, с. 2].

В связи с тем, что основная масса отходников — это мужчины трудоспособного возраста, в селе возникала половозрастная диспропорция (соотношение мужчин и женщин в возрасте 20—59 лет в некоторых уездах Верхнего Поволжья к концу XIX века составляло 1 к 2) [5, с. 68—69]. Ряд местностей Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, где широко был распространен отход мужского населения с юных лет на заработки в столицы, получил у современников название «бабьего царства» или «бабьей стороны» [15, с. 110; 10, с. 4]. В таких районах отчетливо наблюдались изменения в семейно-брачных отношениях, ставших нетипичными для сельской местности России: более позднее вступление в брак, значительное количество незамужних женщин, меньшее количество детей в семье, увеличение незакон-

норожденных детей и т. п. [2, с. 337—340]. Отходничество, будучи следствием развивавшейся трудовой миграции населения, стало серьезным испытанием прочности традиционной демографической модели поведения в деревне.

Крестьянин-отходник, особенно «питерщик», пользовался большим уважением на селе. В глазах соседей он был не только богаче односельчан, но и являлся носителем «более высокой» городской культуры, что отражалось в его поведении, манере разговаривать и одеваться. В связи с высоким статусом отходника деревенские девушки считали, что лучше выйти замуж за молодого человека, который занимается отхожим промыслом и появляется в деревне только в период короткого отпуска, чем за «серого» парня, занимающегося сельским хозяйством и постоянно живущего в деревне, даже если он был богаче «питерщика» [10, с. 27, 80].

Многие сельские жители, уходящие в юношеские годы на заработки в столицы, лелеяли мечту сделать карьеру: пройти путь от ученика до подрядчика в строительстве или от «мальчика» до хозяина лавки или магазина в торговле.

Промысловая деятельность крестьян влияла и на общественную жизнь села. В пореформенной России власти повсеместно столкнулись с трудностями комплектования органов крестьянского самоуправления. Так, на посту сельского старосты — одной из ключевых фигур местного самоуправления — власти, как и крестьяне, хотели видеть человека энергичного, с жизненным опытом, уважаемого односельчанами. Однако крестьяне обычно не стремились быть избранными на эту должность. Материальной заинтересованности выполнять многочисленные обязанности старосты у деревенского жителя, как правило, не было. Жалованье не компенсировало время и силы, потраченные на общественную работу в ущерб собственному хозяйству. По-видимому, предвидя это, законодатель и внес в положение о выборах запрет для крестьян без уважительных причин отказываться от должности. Пользуясь этим обстоятельством, группа зажиточных крестьян Тамбовской губернии, конфликтовавших с одним из односельчан, в наказание за его неподчинение добилась избрания его на должность старосты. По их расчетам, исполнение обязанностей старосты мешало бы крестьянину заниматься столярным промыслом, благодаря которому кормилась его семья [6, с. 96].

Наибольший ущерб бюджету семьи занятие выборной должности наносило в районах с развитым неземледельческим отходом. Так, во Владимирской губернии средний годовой заработок фабричного рабочего в 80-х гг. XIX в. равнялся 121 руб. [12, с. 129], а жалованье старосты — всего 29 руб. 71 коп. 1, т. е. в четыре раза меньше.

Вот как описывает ситуацию при избрании старосты в Буйском уезде Костромской губернии корреспондент «Этнографического бюро»: «В сельские старосты избирается грамотный. Так как жалованье старосты ограниченное, не свыше 40 рублей в год, то желающих на эту ответственную должность не находится, и выбор старосты крестьяне производят из «винных», это из таких семей, в которых благодаря счастливому жребию или браковке кто-нибудь миновал рекрутской повинности» [16, с. 28]. В Солигаличском уезде той же губернии зажиточные отходники, особенно «питерщики», чтобы избавиться от выборной должности, вынуждены были откупаться от

¹ Статистические материалы по волостному и сельскому управлению тридцати четырех губерний, в коих введены земские установления. СПб., 1886. Табл. 36. С. 104.

«общества», выставив «угощение», а выбранному вместо себя крестьянину приплачивать сверх установленного жалованья «большую или меньшую сумму, смотря по сговорчивости заместителя» [10, с. 57].

Свидетельством того, что отходники сильно противились избранию в состав сельской администрации, служат случаи возбуждения судебными следователями таких дел, как «отказ от должности старосты». Нежелание богатых крестьян-отходников занимать выборные должности являлось одной из причин их выхода из состава сельского общества и перехода в другие сословия [10, с. 57].

В результате отказа наиболее образованных, энергичных и хозяйственных крестьян избираться в органы крестьянского самоуправления в них часто попадали люди, малоподготовленные для этой работы. В конечном итоге такая ситуация не устраивала ни крестьян, ни власть [4, с. 26—28].

В местах сильного развития отхода мужчин на заработки заметно менялась роль женщины на селе. Она фактически становилась главой двора. От ее силы, знаний и умений во многом зависело благосостояние семьи. Нередко крестьянка, а не ее муж-отходник, являлась по вызову в волостное правление для объяснения причин имевшихся на хозяйстве недоимок [10, с. 3]. Изменение положения женщин в семье способствовало и возрастанию их роли в общественной жизни деревни. Если в ряде местностей черноземной полосы, где на селе не было дефицита мужских рабочих рук, в пореформенный период только обсуждался вопрос о праве крестьянок участвовать в сельском сходе [7, с. 84], то в Верхнем Поволжье женщины уже были полноправными членами схода [2, с. 341]. В районе же «бабьей стороны» они уже не только участвовали в сходах, но и нередко исполняли вместо ушедших на заработки мужей обязанности низших чинов сельской администрации (например, десятских) [10, с. 3, 88]. Все это способствовало росту самосознания крестьянок.

Д. Н. Жбанков дает следующую характеристику типичной представительницы «бабьей стороны»: «Женщина отхожих местностей сильно отличается от других сельских обитательниц... Это — не загнанная и забитая пария черноземной полосы, не смеющая слова сказать при своем повелителе... Она знает цену своей работе и себе. Она не только помощница мужу, а самостоятельная работница и в то же время полная хозяйка. Самостоятельность, независимость и уверенность в своих поступках — отличительная черта солигаличских гражданок» [10, с. 68—69].

Интересные свидетельства влияния отхожих промыслов на самосознание и поведение крестьянок приводит Ф. Покровский, изучавший по заданию Русского географического общества песни и обычаи сельских жителей Костромской губернии. Им были проанализированы книги судов двух волостей за 1861—1896 гг. В одной — Письменской волости Буйского уезда — население было слабо мобильным. Мужик уходил на чужую сторону с топором или пилой «только тогда, когда ему дома нечего делать», и эта «чужая сторона» была не далее 50—70 верст от дома. В другой — Холмовской волости Галичского уезда — «большая часть мужского населения летом, а некоторые и по целым годам» жили в Петербурге, и хозяйством занимались, в основном, женщины.

В Письменской волости за 35 лет работы волостного суда было произведено 1562 разбирательства, причем в 263 из них (17 %) женщины являлись истцом или ответчиком по делу. В Холмовской волости доля таких дел была больше — 25 %

(300 из 1194 дел). Причем в этой волости, где муж, как правило, являлся редким гостем в своем доме и не имел возможности физически наказывать свою жену, было возбуждено девять дел о побоях в семье, в то время как в Письменской волости, где такие случаи происходили, конечно, гораздо чаще, только две женщины решились обратиться в суд с жалобами на своеобразное выражение супружеской ласки и методов обучения жен «уму-разуму» [14, с. 457—462]. Данные факты указывают, что в пореформенный период в районах с сильно развитым мужским отходом женщины быстрее осознавали свои права и более решительно были готовы отстаивать свои интересы.

В то же время отсутствие у крестьянок нормальной семейной жизни из-за ухода мужей на заработки способствовало такому негативному явлению, как женское пьянство. В дни работы сельских базаров в «бабьей стороне» женщины были активными посетителями трактиров. Нередко после «веселого» застолья часть из них оказывалась валяющимися пьяными на площади или дороге [10, с. 2].

Отхожие промыслы оказывали влияние и на распространение грамотности среди крестьян. Еще в XIX столетии исследователи отмечали, что в разных местностях Костромского края имелись существенные различия в занятиях сельского населения. В связи с этим территория губернии ими подразделялась на три части: 1) северо-запад — «отхожие» уезды с сильно развитым отходом населения на заработки, преимущественно в Петербург; 2) юго-запад — «фабричные» уезды со значительным количеством сельского населения, занятого на местных, преимущественно текстильных предприятиях, 3) северо-восток — «лесные» уезды, в них большая часть площади была занята лесами, населенные пункты были своеобразными «оазисами» среди лесных массивов. Главным занятием мужского населения этих уездов было сельское хозяйство, а в зимний период — заготовка леса для дальнейшего его сплава в другие районы страны. Сведения об уровне грамотности населения в разных уездах Костромской губернии приведены в таблице.

Из данных таблицы видно, что в первом пореформенном двадцатилетии грамотность как среди мужчин, так и женщин в «отхожих» уездах была значительно выше грамотности населения «фабричных» и, особенно, «лесных» уездов. В 1867 г. в первой группе уездов грамотой владели 24,5 % мужского населения, в то время как во второй группе — 17,5 %, а в третьей — 9,8 %, т. е. в полтора и два с половиной раза меньше соответственно. В Чухломском уезде, занимавшем лидирующее положение в Костромской губернии по степени занятия крестьян дальним отходом, процент грамотных в семь раз превышал соответствующий показатель в лесном Ветлужском уезде. Интересно отметить, что, по данным за 1883 г., особого отличия в показателях о доле учащихся мальчиков среди мужского населения по разным уездам не было. Однако следует учитывать, что среди отходников было много подростков. Они не учились в школе, а овладевали грамотой с помощью старших, иногда «не отходя от производства». В 1880 г. 55,9 % призванных на военную службу из «отхожих» уездов были грамотными, в то время как в «фабричных» уездах этот показатель составлял 34,9%, а в «лесных» — 25,8%, т. е. соответственно в полтора и два раза меньше. В Чухломском уезде 73,5 % новобранцев владели грамотой, а в Ветлужском — 21,6 %, Макарьевском — 21,2 %, в Варнавинском — 17,3 %, т. е. в три с половиной — четыре раза меньше.

Таблица Грамотность сельского населения Костромской губернии в 1860-х — 1880-х гг.*

		Ι	рамотные	9		Учащиеся в 1883 г.		
Уезды	Мужчины		Женщины					
	По пе- реписи 1867 г.	Из всту- пивших в брак в 1873— 1875 гг.	Из принятых солдат в 1880 г.	По переписи 1867 г.	Из всту- пивших в брак в 1873— 1875 гг.	На 100 мужчин	На 100 женщин	На 100 чел. на- селения
«Отхожие»:								
Чухломской	33,9	63,2	73,5	6,3	16,6	3,1	1,9	1,9
Солигаличский	23,1	46,8	58,8	2,9	8,7	2,1	0,5	1,2
Галический	20,9	43,1	53,0	2,6	6,0	2,2	0,7	1,6
Буйский	19,9	31,7	38,4	2,2	3,0	1,6	0,5	1,1
Итого отхожие:	24,5	46,2	55,9	3,5	8,6	2,3	0,7	1,4
«Фабричные»:								
Костромской	23,0	34,2	41,9	3,3	2,4	3,4	0,7	1,9
Юрьевецкий	16,7	18,9	33,0	1,6	1,4	1,8	0,5	1,1
Нерехтский	16,6	22,1	35,4	1,9	2,4	2,3	0,6	1,4
Кинешемский	13,9	19,4	29,1	1,2	2,1	2,4	0,4	1,3
Итого фабричные:	17,5	23,7	34,9	2,0	2,1	2,5	0,6	1,4
«Лесные»:								
Кологривский	15,2	25,1	42,9	1,5	1,3	2,0	0,3	1,1
Макарьевский	9,9	17,5	21,2	1,0	1,3	2,1	0,4	1,2
Варнавинский	9,2	13,8	17,3	2,3	0,7	1,2	0,2	0,7
Ветлужский	4,8	1,2	21,6	0,3	0,9	2,5	0,3	1,3
Итого лесные:	9,8	16,9	25,8	1,3	1,1	1,9	0,3	1,1
Всего:	16,1	26,4	35,8	2,0	3,1	2,2	0,6	1,3

Примечание: *Таблица составлена по: [11, с. 34—37].

Аналогичная картина наблюдалась и в женском образовании. Несмотря на то, что везде костромские крестьянки сильно уступали по уровню грамотности своим землякам-мужчинам, первое место по этому показателю занимали «отхожие» уезды, а последнее — «лесные». Отличия заключались лишь в том, что разрыв среди женщин между самыми «грамотными» и самыми «неграмотными» уездами был больше, чем среди мужчин. Так, в Чухломском уезде в 1873—1875 гг. уровень грамотных среди женщин, вступавших в брак, составлял 16,6 %, а в Ветлужском и Макарьевском — меньше 1 %. Интересно отметить, что в этом «отхожем» уезде среди «идущих под ве-

нец» женщин доля владевших грамотой была больше, чем среди вступавших в брак мужчин в «лесных» Варнавинском и Ветлужском уездах.

Отсюда следует, что отход способствовал распространению грамотности среди крестьян. В местах с высокой трудовой миграцией сельского населения грамотность среди крестьян, как женщин, так и мужчин, была намного выше, чем в районах со слабой мобильностью крестьянства. Данное обстоятельство вызывали, в основном, две причины: владение даже элементарной грамотой расширяло возможности крестьянина найти нужную работу на стороне, а женщине, остающейся в деревне, облегчало управление хозяйством, в то же время умение читать и писать было главным средством коммуникации отходника со своей семьей.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что отхожие промыслы, особенно связанные с длительным отсутствием крестьян в пределах своего села, оказывали сильное влияние на многие стороны жизни деревенского социума. В пореформенный период они способствовали трансформации привычных отношений и моделей поведения крестьян, модернизации деревни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Александров Л. Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии : Краткий историко-статистический очерк / Л. Я. Александров. Владимир-на-Клязьме, 1903.
- 2. Александров Н. М. Влияние отхожих промыслов на социально-демографическое развитие пореформенной деревни (по материалам Верхнего Поволжья) / Н. М. Александров // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. Москва; Брянск, 2012.
- 3. *Александров Н. М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX начале XX века / Н. М. Александров. Ярославль, 2007.
- 4. *Александров Н. М.* Сельские старосты в пореформенной России (права, обязанности, место в социуме) / Н. М. Александров // Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. 20-е гг. XX в.). Казань, 2019.
- 5. *Александров Н. М.* Сельское население и аграрное развитие России в пореформенный период (по материалам Верхнего Поволжья) / Н. М. Александров. Ярославль, 2008.
- 6. *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н. М. Астырев. Москва, 1896.
- 7. *Безгин В. Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. Москва, 2017.
- 8. Вихляев П. А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности / П. А. Вихляев. Санкт-Петербург, 1902.
- 9. *Воробьев К.* Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии : Статистический очерк / К. Воробьев. Ярославль, 1903.
- 10. Жбанков Д. Н. Бабья сторона / Д. Н. Жбанков // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1891. Вып. 8.
- 11. Жбанков Д. Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866—83 гг. / Д. Н. Жбанков. Кострома, 1887.

- 12. $\mathit{Кирьянов}$ Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX начало XX в.) / Ю. И. Кирьянов. Москва, 1979.
- 13. *Некрасов Н. А.* Мороз, красный нос / Н. А. Некрасов // Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. Ленинград, 1982. Т. 4.
- 14. Покровский Φ . О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда / Φ . Покровский // Живая старина. 1896.
- 15. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Санкт-Петербург, 1899. Т. 1.
- 16. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенищева. Т. 1: Костромская и Тверская губерния. Санкт-Петербург, 2004.
- 17. Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах / Ю. Э. Янсон. Санкт-Петербург, 1881.

ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрена трудовая миграция многонационального крестьянства Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. Прослежено влияние отходничества на экономику деревни, ее быт, нравы и духовные ориентиры.

Ключевые слова: Среднее Поволжье; отходничество; крестьянство; новации; молодежь.

Временные трудовые миграции составляли неотъемлемую часть жизни средневолжской деревни второй половины XIX — начала XX в. В условиях прогрессирующего аграрного перенаселения и растущего малоземелья крестьяне все меньше довольствовались хозяйствованием только на земле. Число отходников в эпоху капиталистической модернизации с каждым новым десятилетием неуклонно росло. Масштаб данного явления в регионе в этот отрезок времени может быть очерчен по материалам так называемой Комиссии центра, высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. По ее данным, количество проданных хлебопашцам билетов и паспортных бланков выросло (в среднегодовом исчислении): в Казанской губернии — с 15,2 тыс. в 1861—1870 гг. до 147,8 тыс. в 1891—1900 гг.; в Симбирской губернии — соответственно с 15,6 тыс. в 1861—1870 гг. до 139,5 тыс. в 1891—1900 гг.² Уход крестьян в отхожие промыслы шел по нарастающей и в начале XX в.

В трудовой миграции принимали участие главным образом крестьяне рабочего возраста. Труд детей и подростков был востребован в пастьбе скота, сборе тряпья, а также в прочих хозяйственных занятиях, где не требовалась сколько-нибудь высокая квалификация. Во временных сезонных работах вне мест постоянного проживания они сплошь и рядом выступали в качестве подручных мужчин более старших возрастов. В с. Моргауши и его округе, входивших в Козьмодемьянский уезд Казанской губернии, к примеру, «мужики преклонных лет» и мальчики-подрост-

¹ Николаев Геннадий Алексеевич, кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, nicga50@rambler.ru, Россия, г. Чебоксары.

² Материалы высочайше учрежденной 15 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1903. Ч. 1. С. 222.

ки уходили в Костромскую губернию наниматься в пастухи, где они в паре за лето зарабатывали от 70 до 100 руб. и более¹. Работоспособные старики чаще всего нанимались в сторожа и дворники. Подростков и стариков можно было встретить и в среде сельскохозяйственных рабочих. В 1880-х гг. в татарских деревнях Степное Озеро и Кривое Озеро Чистопольского уезда Казанской губернии, к примеру, жители, «начиная с ребенка 12—13 лет, и кончая старичками, еле передвигающими ноги», в страду в Самарской и Оренбургской губерниях занимались, как они сами выражались, «бурлачеством»: косили сено, жали зерновые и молотили хлеб [2, с. 12].

На отхожие заработки главным образом уходили мужчины. В 1910 г. в Казанской губернии доля мужчин в составе отходников составляла 88,7 %, женщин — 11,3 %². Перечень хозяйственных занятий, которыми добывали себе хлеб насущный женщины вне мест постоянного проживания, на порядок был короче, чем у мужчин. Обычно девушки, бездетные вдовы и замужние женщины нанимались в кухарки, горничные, няньки, прачки, продавцы и на прочие подобные работы. Некоторые из них, как свидетельствуют современники, оказывались и «в наложницах» у нанимателей³. В начале XX в. в среде выехавших на заработки женщин были и лица, трудоустроившиеся на фабриках и заводах⁴. Практиковался в средневолжской деревне, хотя и нечасто, также уход на заработки целыми семьями. В Симбирской губернии, к примеру, в 1910 г. доля паспортов, выданных мужчинам, составляла 87,2 %, женщинам — 9,9 %, отдельным семьям — 2,9 %⁵. Обычно глава молодой семьи, трудоустроившись на новом месте, приглашал к себе и жену. Имел место выезд семей на заработки и в один прием. В зимнее время, распродав весь имеющийся скот и закрыв на замок избы, некоторые крестьяне Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии «целым семейством» отправлялись в г. Тетюши, с. Абызово Ядринского уезда, а также в населенные места Курмышского уезда Симбирской губернии, где они в особо устроенных помещениях ткали кули⁶.

Отходники были представлены всеми социальными группами деревни. Зажиточные в их среде составляли меньшинство. Так, в 1884 г. в Кармышской волости Казанского уезда одноименной губернии в татарских деревнях земской подворной переписью были зарегистрированы 493 домохозяйства с отхожими заработками. Из их

 $^{^1}$ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее — НА ЧГИГН). Отд. І. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 263. Инв. № 5982. Л. 353.

 $^{^2}$ Подсчитано по: Обзор Казанской губернии за 1910 год. Казань : Тип. губерн. правления, 1912. С. 36.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Казанская губерния. Спасский и Лаишевский уезды. Казань : Центр русского фольклора, 2017. Т. 9. С. 123.

 $^{^4}$ Подворная перепись Симбирской губернии 1910—11 гг. Курмышский уезд. Симбирск : Тип. А. П. Балакирщикова, 1914. Вып. 6. Раздел IV : Промыслы наличного населения. С. 165.

⁵ Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1910 год. Год первый. Симбирск: Тип. «Работник» Ненастьева, 1912. Отдел II (таблицы). Ч. 2. С. 140.

⁶НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 184. Инв. № 5216. Л. 248.

числа только 26 семей, или 5,3 %, имели три и более лошадей¹. Крепких крестьян вполне устраивали доходы, которые они получали в своем сельском обществе и его округе. За пределы своих сельских обществ они выезжали, как правило, преследуя цель организовать собственное дело, в чем нередко преуспевали. Бедноту, являвшую собой основную массу отходников, на заработки гнала нужда. Вырученные ими на стороне средства шли прежде всего на уплату недоимок и податей, покупку хлеба и удержание на плаву пошатнувшихся хозяйств. Экономический строй отсутствующих крестьянских семей Симбирской губернии в материалах земской подворной переписи 1910—1911 гг. характеризуется, в частности, следующими параметрами: 35,2 % семей не имеют земли, 49,0 % — сдают свои наделы и купчие земли в аренду, 48,2 % мужчин и 3,9 % женщин круглый год заняты промыслами [3, с. 294]. У середняков был свой резон искать источники дохода на стороне: поднять на новую качественную ступень свое хозяйство, укрепить его материально-техническую базу.

В географическом плане в отхожие промыслы чаще уходили крестьяне населенных мест, расположенных при больших трактах, вблизи железных дорог и в прибрежной полосе судоходных рек. Жители бассейна Волги и Суры в Казанской и Симбирской губерниях являли собой преимущественно лоцманов, матросов, водоливов, рабочих на судах, кочегаров и масленщиков на пароходах. Крестьяне с. Кушниково и его округи Чебоксарского уезда Казанской губернии на рубеже XIX—XX вв., к примеру, имели следующие посторонние заработки. Ежегодно с марта по октябрь часть молодых мужчин здесь переправлялась за р. Волгу, в пос. Звениговский Затон, где нанималась в пароходное общество «Дружина» в качестве матросов на пароходы и баржи, «заживая» за сезон по 50—60 руб. на человека. С освобождением Волги ото льда основная часть оставшихся мужчин также переправлялась на левобережье, на реки Большая Кокшага и Малая Кокшага, где устраивалась на работу к предпринимателям сплавщиками и грузчиками леса, зарабатывая «в счастливую весну» до 30 руб. на человека. В летние месяцы многие мужчины пополняли семейный бюджет еще сгоном плотов в понизовые города, в частности, в Самару, Хвалынск и Астрахань, промером и расчисткой фарватеров судоходных рек Российской империи².

На отхожие промыслы уходили все этнические группы крестьянского населения — русские, татары, марийцы, мордва, чуваши и удмурты. Чаще промышляли вне сельских обществ жители татарских и русских деревень, в отличие от этнических партнеров, более пролетаризированные и имевшие меньшие наделы земли. Доля семей, отпускавших своих членов в отхожие промыслы, в среде мордвы, чувашей, марийцев и удмуртов была заметно меньше. В «медвежьих углах» выезд «инородцев» на заработки сдерживался незнанием русского языка или плохим его владением. В отличие от крестьян других национальностей, татары и русские чаще устраивались на работу в городах [3, с. 294, 295].

Трудовые миграции оказывали двоякое влияние на экономическую жизнь деревни. Вырученные на отхожих промыслах денежные средства позволяли многим се-

¹ Подсчитано по: Кармышская волость по подворной переписи 1884 года // Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Уезд Казанский. Казань: Тип. Г. М. Вечеслава, 1887. Вып. 3. Приложения. С. 4, 7.

²НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд К. В. Элле. Ед. хр. 636. Инв. № 9096. Л. 91.

мьям сохранять устойчивость своего хозяйства. Части из них удавалось поднять его и на новый качественный уровень. В начале ХХ в. практически все мужское население д. Чирикеево Симбирского уезда одноименной губернии с августа по январь было занято валкой теплой обуви в Оренбургской и Самарской губерниях. На место промысла они отправлялись партиями в 6—7 чел., куда входили: наниматель — члены артели величали его старшим, двое-трое молодых и столько же опытных вальщиков. За сезон подмастерья зарабатывали 15—20 руб., взрослые — 50—60 руб., а старшие — 120—150 руб. Вырученные в отходе деньги ими расходовались исключительно на крестьянское хозяйство: «Производят постройки, арендуют землю»¹. Крестьяне с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии привозили хорошие заработки с каменноугольных копий Екатеринославской губернии и золотых приисков Иркутской губернии, где обычно трудились по 2—3 года. Как отмечает современник, за крестьянином данного села, первым побывавшим в 1890-х гг. на золотых приисках и впоследствии разбогатевшим — «живет теперь очень богато», закрепилось прозвище-фамилия «Золотов»². В 1911 г. в д. Азбаба Свияжского уезда Казанской губернии насчитывалось 47 отходников. Они трудились на нефтяных промыслах г. Баку и г. Грозный, цементном заводе г. Ростов-на-Дону, в порту и на заводах г. Батуми. Вырученные средства, а они были вполне сносными — так, занятые на нефтяных промыслах лица получали не менее 25 руб. в месяц, крестьяне тратили на покупку земли, усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, кровельного железа и на прочие хозяйственные нужды. Неземледельческие отхожие промыслы хлебопашцы успешно сочетали с хозяйствованием на земле: собирали хорошие урожаи зерновых, содержали «много» скота, преуспевали также в огородничестве, а некоторые — и в садоводстве. Весьма примечательная деталь. Сами домохозяева здесь редко покидали деревню. На отхожие промыслы ими отправлялась главным образом молодежь³. В среде жителей с. Большие Савруши Мамадышского уезда Казанской губернии широко практиковался портняжный промысел. Многие из них трудились вдали от родных очагов — в Уфимской, Пермской и других губерниях. В начале XX в. только в городах Омск и Иркутск промышляло по 20 крестьян. Имея по 15—20 учеников, портные-отходники получали приличные доходы: «Нажив себе достаточные средства на всю жизнь... чуть ли не все стали торговцами»⁴.

Выезжая на заработки, крестьяне обогащали свой жизненный опыт, расширяли кругозор, овладевали новыми профессиями, открывали для себя, а опосредованно — и односельчанам, бескрайний внешний мир. В 1899 г. корреспондент «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева Тихон Иванов из с. Три Озера (Рождественское) Спасского уезда Казанской губернии сообщал: «Крестьяне, возвращающиеся из от-

¹НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 272. Инв. № 5994. Л. 243.

²Там же. Ед. хр. 271. Инв. № 5990. Л. 112, 113.

³ Там же. Ед. хр. 208. Инв. № 5695. Л. 96—98.

⁴ Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских курсов (педагогического техникума) (1920—1922 гг.) : сб. мат. и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р. Р. Исхаков, Г. А. Николаев. Казань : Ин-т истории им. III. Марджани АН РТ ; Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. С. 116, 117.

лучки, преимущественно рассказывают подробно, где они были, в каких городах, местностях. Где что видели: какие машины, мельницы, пароходы, гостиницы, жизнь городскую, шумную, веселую, беспокойную. Где какой народ живет, как живет, чем занимается, какой надел имеют, как знают ремесла, занятия, что они дают им, сравнивают жизнь здешнего народа с жизнью того народа, где они были»¹. Выезд на заработки за пределы малой родины для уроженца д. Новопоселенная Асхва Цивильского уезда Казанской губернии Павла Аделеева стал образом жизни. В разное время он трудился в Верхнем, Среднем и Нижнем Поволжье, Зауралье, Прибайкалье, Подонье и Малороссии. За годы отлучки из родных мест чувашский крестьянин сносно овладел русским и украинским языками. Пребывание в инокультурной среде пробудило в хлебопашце интерес к происхождению и этнической истории соплеменников. Так, в письме к историку и этнографу Н. В. Никольскому от 30 марта 1916 г., аргументируя свое мнение о возможной миграции пращуров на Волгу из Восточной Европы, он указывает на схожесть некоторых чувашских обрядов и поверий с таковыми у украинцев и белорусов, отмечает наличие в лексиконе чувашей украинских и немецких слов, допускает, что предки этноса в прошлом могли иметь контакты с чехами и сербами. Из корреспонденции также узнаем, что ее автор знаком с булгарской теорией происхождения чувашского народа².

В повседневный быт деревни крестьяне-отходники вносили немало новаций. Новые агротехнические приемы, ремесла и навыки, освоенные и полученные ими на местах найма, по возвращении на место постоянного проживания использовались на практике. В своем большинстве они и внешне, и по поведенческому стереотипу, и по предпочтениям, и по кругозору отличались от остальных хлебопашцев. Молодые трудовые мигранты возвращались на свою малую родину, как правило, в новом костюме и обуви: «Каждый из них старается приобрести суконный пиджак, тринадцатирублевые сапоги, калоши»³. Жители с. Верхний Услон Свияжского уезда Казанской губернии своих односельчан по роду занятий делили на две группы — «пахарей» и «бобылей». В разряд первых ими включались домохозяева, занимающиеся хлебопашеством, животноводством, садоводством и огородничеством, в разряд вторых — семьи, добывающие средства для жизни преимущественно или исключительно отхожими промыслами. Как отмечает современник, «бобыли», резко отличаясь от соседей-пахарей «своей речью, одеждой, домашней обстановкой, привычками», старались, «по возможности, стать во всех отношениях на один уровень с городскими жителями»⁴.

Трудовые миграции оказывали и негативное влияние на сельский социум. Средства, добываемые на отхожих промыслах, не всегда позволяли хлебопашцам в должной мере поддерживать свое хозяйство. Не каждый выезд на заработки приносил

¹Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. С. 119.

 $^{^2}$ НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 285. Инв. № 6054. Л. 73—76.

 $^{^3}$ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее — ГИА ЧР). Ф. 257. Оп. 1. Д. 62. Л. 38.

⁴Приволжские города и селения в Казанской губернии. С картою р. Волги и рисунками. Казань: Тип. губерн. правления, 1892. С. 101.

ожидаемые доходы. Довольно часто вместо денег на место приписки отлучившихся шли тревожные письма: «Советую вам, женушка, продать последнюю телку, потому как на нас надежда очень плохая; заработков никаких не можем найти, не то, что сами очень шибко поджились, а работ по близости времени никаких не предвидится»¹. Не все отходники оправдывали возлагаемые на них домочадцами надежды. Они, ссылаясь на разные обстоятельства, случалось, прекращали финансовую поддержку членов семьи. Были и такие, кто сорил на месте найма деньгами, пропивал заработанное². Чаще всего бросали деньги на ветер молодые люди. О подобном их поведении на отхожих земледельческих заработках в Самарской и Оренбургской губерниях в 1880-х гг. современник, в частности, пишет: «...молодежь в степи развращается: дома не смеют, а в степи — пьют водку» [2, с. 14]. Часть отходников и после возвращения на малую родину вела праздный образ жизни, пропивая и проедая вырученные средства³. Русская пословица гласит: «На ветер надеяться — без помолу быть» [1, с. 32]. Отходники, возлагая большие надежды на заработки вне земледелия, не всегда обращали должное внимание на ведение своего полевого хозяйства⁴.

Поведенческий стереотип выехавших на заработки крестьян часто менялся в худшую сторону. Многие из них приучались к пьянству, распутному образу жизни. Из чувашского села Балдаево Ядринского уезда Казанской губернии сообщалось: «Излюбленным местом искания работ служит г. Нижний Новгород. Обыкновенно отправляется неженатый член семьи, молодой парень. Трудно сказать — служит ли подспорьем для дома такой отход члена семьи, да еще в страдную пору: во многих случаях, кажется, можно сказать, что он влияет отрицательно. Вред есть. Традиционный кафтан у парня заменяется пиджаком, жилетом при цепочке, без часов, сапогами... Вместе с этим проникает и трактирная цивилизация, так что теперь не редкость в деревне встретить нравственно и физически искалеченных парней-мужиков»⁵.

В начале XX в. отходничество стало питательной базой для пустившего в деревне корни опасного социального недуга — хулиганства. Оно проявлялось прежде всего в нарушении общественной тишины, исполнении непристойных песен, в ночном шатании пьяной молодежи, порче построек непристойными надписями, битье окон, нанесении оскорблений словами, посягательстве на личную неприкосновенность и имущество, неуважении старших, драках и т. д. «Вред от хулиганства очень велик. Кроме уличных безобразий бывает много воровства и озорства: у кого телегу и сани со двора увезли и где-нибудь в тину или воду бросили; у кого скот и птицу со двора согнали; у других в огородах все опустошили; а где и хлеб из житниц утащили да пропили в шинках, которых в каждом селе и деревне очень много» — жаловался со-

¹Симбирская жизнь. 1911. № 73. С. 4.

²Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. С. 123.

³ НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 263. Инв. № 5982. Л. 354.

 $^{^4 \, {\}rm Приволжские}$ города и селения в Казанской губернии. С картою р. Волги и рисунками. С. 71.

⁵НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд К. В. Элле. Ед. хр. 637. Инв. № 9701. Л. 46, 46 об.

⁶Казанская газета. 1912. 9 дек. (№ 50). С. 8.

временник. Подобное непристойное поведение чаще было присуще отлучавшимся на заработки молодым людям. «В среду прихожан склонность к порочной жизни заносится со стороны теми лицами, которые уходят на сторону, на заработки, где они сходятся с людьми разных наций, званий и сословий, ведущими порочную жизнь, и перенимают от них худые поступки. По прибытии на родину они рассказывают своим односельчанам, что видели на стороне, что делается в других местах. Сами они ведут буйную жизнь, пока находятся на родине, выставляя себя знатоками всего, не признают никаких властей, стараются склонить к тому же других», — читаем текст за 1910 г. в летописи Петропавловской церкви с. Старые Шигали Цивильского уезда Казанской губернии¹.

Выезжая на заработки, хлебопашцы оказывались вне социального пространства семей, крестьянского «мира» и приходов. Им, занятым на месте трудоустройства денно и нощно на работе, часто было недосуг молиться, исполнять религиозные обряды и посещать учреждения культа. В подобной ситуации в среде части трудовых мигрантов, прежде всего молодежи, росло охлаждение к исповедуемой вере. Такие лица и после возвращения на малую родину мало посещали храмы и мечети, а случалось, и вовсе сторонились их². В 1911 г. священник с. Кувакино Алатырского уезда Симбирской губернии Иоанн Преображенский, надо полагать, не без досады, внес в приходскую церковную летопись следующую запись: «...молодежь же индифферентна и смеется над "попами", особенно те из них, которые побывали на стороне, особенно в Баку, откуда приходят прямо головорезы, не признающие никакого авторитета»³. Служитель культа, оценивая религиозно-нравственное состояние своих прихожан, не сгущает краски. Отдельные отходники примыкали к антиклерикальному движению. В некоторых местностях неприятие ими веры принимало крайние формы. Так, 12 ноября 1912 г. в с. Ичиксы Алатырского уезда был убит местный священник Петр Ясенский. Смертельные раны батюшке нанес местный житель Иван Нешинькин, 28 лет, высланный с Ленских золотых приисков во время происходивших там беспорядков. В ходе проведенного следствия выяснилось, что он и до совершения преступления не раз изрыгал «площадные слова на Бога, на церковь, на святых угодников, Крест Господен», а однажды им были сняты со стен и разбиты висевшие в доме иконы⁴.

Выезжая на заработки, крестьяне нередко оказывались в ином конфессиональном пространстве. Находясь длительное время в общинах «чужаков» и вступая в тесные контакты с ее членами, некоторые отходники, случалось, меняли свои духовные ориентиры. «Отступники» от веры в среде волжских трудовых мигрантов в основном были представлены крещеными татарами. Проживая на малой родине в соседстве с татарами-мусульманами, данная этноконфессиональная группа испытывала сильное культурное влияние последних. За пределами сельских обществ, чтобы получить работу у башкир и татар-мусульман, они вынуждены были прибегать к этнокультур-

¹ГИА ЧР. Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

²НА ЧГИГН. Отд. І. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 272. Инв. № 5994. Л. 245.

³ГИА ЧР. Ф. 257. Оп. 1. Д. 62. Л. 41 об.

 $^{^4}$ Симбирские епархиальные ведомости. 1913. № 1. Отдел неофициальный. С. 32—34, 36, 38.

ной дипломатии. Промышлявшие портняжничеством у мусульман Уфимской и Оренбургской губерний крещеные татары приезжали в их деревни коротко стриженными, в тюбетейках, посещали на месте найма мечети. В этих условиях многие из них стали тяготиться православием: чтобы не жить постоянно на два конфессиональных дома, они принимали ислам¹.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. Москва : Эксмо ; ННН, 2003.
- 2. *Лаврский К*. Татарская беднота : Статистико-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии / К. Лаврский. Казань : Тип. губерн. правления, 1884. 43 с.
- 3. $Hиколаев \Gamma$. A. Волжское крестьянство во второй половине XIX начале XX века: этюды по истории и этнологии / Γ . A. Николаев. Чебоксары : ЧГИГН, 2016. 312 с.

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 134. Д. 63. Л. 17 об., 19, 20.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НОВГОРОДСКИХ ПОМЕЩИКОВ-ДВОРЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Рассмотрено положение помещичьих хозяйств Новгородской губернии после отмены крепостного права. Выявлены трудности, с которыми столкнулись владельцы имений в условиях развития капиталистических отношений. Показано укрепление связей дворянских имений с рынком и их место в аграрном секторе экономики Российской империи.

Ключевые слова: Северо-Запад, Новгородская губерния, помещики, имение, сельское хозяйство, землевладение, землепользование.

Накануне отмены крепостного права в Новгородской губернии, по данным Редакционных комиссий, находилось 4232 помещика, в собственности которых было 3 190 879 дес. земли². К концу 70-х гг. XIX в. в губернии имелось 2428 помещиков-дворян, общая площадь их имений равнялась 2 455 330 дес. земли³. По данным комиссии Н. С. Абазы, созданной в 1891 г. для обсуждения поднятого помещиками вопроса «о мерах к поддержанию дворянского землевладения», видно, что накануне крестьянской реформы в Новгородской губернии было 4135 помещиков-дворян, владевших 4433 539 дес. земли. В ходе реформы в надел крестьянам отошли 1045 183 дес., а у помещиков осталось 3 388 356 дес. лучшей по качеству земли. Обследование земельной собственности, предпринятое в 1887 г., зафиксировало нахождение в руках дворян-помещиков 1853 605 дес. земли⁴. К 1892 г. в губернии насчитывалось 2687 дворян-помещиков, и в их собственности оставалось 1 767 995 дес. земли. Убыль составила 1 620 361 дес., или 47,8 % земли, бывшей в собственности по-

 $^{^1}$ Никулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

² Военно-статистический сборник. Россия. СПб., 1871. Вып. IV. С. 188.

³ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями МВД. СПб., 1885. Вып. 7. С. 6—7; Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 гг. // Статистический временник Российской империи. Сер. III. СПб., 1886. Вып. 10. С. 30—31.

⁴Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года // Статистика Российской империи. Сер. XXII. СПб., 1896. Вып. 26: Новгородская губерния. С. 7; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. Вып. 1. С. 26—27.

мещиков в год начала крестьянской реформы 1 . В 1900 г. в губернии располагалось 2390 дворянских имений, в собственности помещиков находились различные угодья общей площадью в 1534253 дес. земли 2 . В 1905 г. в Новгородской губернии помещикам-дворянам принадлежало 2230 имений, общая площадь земель которых равнялась 1428064 дес. 3

Наиболее трудными для помещиков стали первые двадцать пореформенных лет [2, с. 187—230]. В 1863 г. «Новгородские губернские ведомости» констатировали, что «...наемные цены работ так высоки, что не оставляют никакой выгоды помещикам, особенно с земель посредственных или плохих. Огромное большинство помещиков решительно не имеет нужных денежных средств, чтобы содержать и кормить работников впредь до продажи хлеба»⁴. Новгородский губернатор Э. В. Лерхе, отчитываясь о состоянии дел в подведомственной ему губернии за 1866 г., отметил, что «...неустановившийся порядок вольнонаемного труда, недостаток рабочих, отсутствие кредита и неразвитие арендаторства заставили дворян уменьшить или вовсе прекратить хозяйство, и, сдав свои земли внаем соседним крестьянам из части урожая или укоса, обратиться преимущественно к служебной деятельности»⁵. Десять лет спустя во всеподданнейшем отчете за 1877 г. Лерхе отметил, что большинство помещичьих хозяйств приходят в упадок «от недостатка средств вести их вольнонаемным трудом, который с каждым годом становится все дороже»⁶.

Значительный интерес для характеристики положения дел в хозяйствах помещиков-дворян в первые пореформенные годы представляют материалы Комиссии П. А. Валуева. Помещик Ф. Н. Савич, выступивший перед членами Комиссии, заявил, что одни помещики «оставили свое хозяйство в том положении, как оно было до реформы», другие покинули свои имения и отправились на поиски службы в столицу. Он же отметил, что землевладельцы встречаются с большими затруднениями при найме работников; «особенно много требуется рабочей силы в сенокос». Причиной этого Савич считал малочисленность крестьянского населения губернии⁷. По мнению помещика Ф. Н. Манкошева, положение дворянских имений «улучшается, но за счет уменьшения их размеров», поскольку часть угодий владельцы продают,

¹РГИА. Ф. 1664. Оп. 1. Д. 126. Л. 220—221.

 $^{^2}$ Логанов Г. Н. Статистика землевладения Европейской России по уездам. СПб., 1906. С. 42—43.

 $^{^3}$ Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 12—13.

⁴Новгородские губернские ведомости. 1863. 6 апр. (№ 14).

⁵РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1867 г.). Д. 25. Л. 2.

⁶Там же. Ф. 1284. Оп. 69 (1878 г.). Д. 136. Л. 3—4.

⁷ Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Приложение VI: Стенографические отчеты лиц, приглашенных в Комиссию. С. 119.

а полученные средства используют для развития хозяйства¹. Аналогичного характера суждение о пореформенном состоянии помещичьих хозяйств было высказано президентом ВЭО, помещиком Боровичского уезда Новгородской губернии А. А. Суворовым, тоже отметившим сдачу большинства мелких поместий в аренду². Председатель Новгородской земской управы Н. Н. Фирсов сообщил, что «не имея оборотного капитала для найма рабочих, помещики средней и большой руки обратились к испольщине»³.

Потеря возможности использовать даровой труд крестьян, получивших свободу, а также отсутствие оборотных средств особенно губительно сказывались на экономическом положении помещичьих хозяйств. Многие помещики, выбитые крестьянской реформой из колеи привычной жизни, в 60—70-х гг. второй половины XIX в. покинули имения, переехали в города, оставив свои хозяйства на управляющих или продав их. Этот процесс продолжался и в последующие годы. В записке от 2 апреля 1897 г. о мерах поддержания поместного дворянства, адресованной императору Николаю II, председатель Комитета министров И. Н. Дурново охарактеризовал положение поместного дворянства после освобождения крепостных крестьян и необходимые меры для его поддержки. Он полагал, что правительству необходимо предпринять решительные меры для предотвращения дальнейшего разорения и обезземеления помещиков-дворян. Он отметил, что «безземельные дворяне покидают уезды и перебираются в город». Поэтому, считал Дурново, «сохранение за дворянством его земельной собственности представляется государственной потребностью первостепенной важности»⁴.

Причины «оскудения» дворянства Дурново разделил на две группы. В первую группу входили факторы, действовавшие в течение первых 20—25 лет после освобождения крестьян. В эту группу он включил: 1) «недостаточные размеры ссуд, выданных за земли, отошедшие в крестьянский надел»; 2) «прекращение операций Сохранной казны по выдаче ссуд под залог земли», что порождало проблемы с оборотным капиталом, необходимым для приобретения инвентаря и ведения хозяйства с использованием наемного труда; 3) «дороговизна кредита у частных лиц, в акционерных и других банках»; 4) «сокращение, а затем и полное прекращение хозяйственного винокурения, под влиянием акцизной политики» правительства, при том, что винокурение служило для помещиков важнейшим источником поступления денежных средств; 5) «необеспеченность исполнения рабочими договоров о найме».

В пореформенные годы дворяне столкнулись с необходимостью поиска новых способов ведения хозяйства. По мнению Дурново, только учреждение Государственного Дворянского земельного банка предотвратило «окончательное разорение многих помещиков». Ко второй группе причин, вызвавших серьезное потрясение, которое ис-

 $^{^1}$ Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Приложение VI : Стенографические отчеты лиц, приглашенных в Комиссию. С. 180.

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 269.

⁴РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. 1897 г. 1-е делопроизводство. Д. 236. Л. 2.

пытали помещичьи имения в 80—90-х гг., Дурново отнес колебания цен на хлеб, неурожаи 1890—1892 гг. и таможенную войну с Германской империей¹. В результате, отметил Дурново, у многих помещиков едва хватало денег, чтобы рассчитаться с рабочими и сделать взнос в банк, чтобы предотвратить продажу имения с торгов². Как известно, итогом записки стал рескрипт Николая II о создании Особого совещания по делам дворянства под руководством И. Н. Дурново, призванного «изыскать средства облегчить современное положение дворянства» [11, с. 275—377]³.

Землевладельцы, не решившиеся расстаться со своими имениями, сокращали запашку, а в некоторых случаях совсем прекращали всякие работы в собственном хозяйстве, прежде всего из-за «дороговизны обработки земли»⁴. Такие помещики договаривались с местными крестьянами об испольной обработке всей пашни и сенокоса с использованием крестьянских лошадей и орудий труда⁵. Целыми селениями или товариществами крестьяне обязывались вспахать пашню, засеять ее и убрать урожай из расчета — одна половина помещику, а другая — земледельцам.

Эта система имела серьезный недостаток с точки зрения помещиков — она вела к быстрому истощению земли. Дворяне-помещики широко практиковали сдачу крестьянам в краткосрочную погодную аренду отрезанных в ходе реформы 1861 г. земель или других угодий — лугов, выгонов и лесных участков, которых более всего не хватало крестьянам. В некоторых случаях крестьяне платили за взятую в аренду землю деньги, но чаще обрабатывали своим инвентарем оставшуюся часть помещичьих угодий.

Позднее во всеподданнейшем отчете за 1878 г. новгородский губернатор Э. В. Лерхе более обстоятельно обрисовал положение, в котором находились в губернии дворянские земельные владения. По его мнению, одна «категория землевладельческих хозяйств» представлена имениями, полностью пришедшими в упадок из-за отсутствия у владельцев средств на наем работников. Такие имения, считал Лерхе, «стоят ниже» даже крестьянских хозяйств, в них «нередки случаи, что часть пахотных полей оставляется впусте, необсемененной» из-за нехватки денег, чтобы нанять работников. Малая доходность таких владений была главным препятствием для их сдачи целиком в аренду. В таких условиях землевладельцы сдавали свои угодья «по частям, в пользование соседних крестьян»⁶, хотя такая практика сопровождалась прогрессирующим истощением и без того малоплодородной почвы.

¹РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. 1897 г. 1-е делопроизводство. Д. 236. Л. 3.

² Там же. Л. 2—3.

 $^{^{3}}$ Там же. Л. 10, 16, 23, 32, 42, 44, 54, 56, 58, 64, 68.

⁴РГИА. Ф. 1284. Оп. 67 (1871 г.). Д. 125. Л. 32—33; Оп. 223 (1884 г.). Д. 119. Л. 4.

⁵ Короленко С. А. Сельское хозяйство и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1892. Вып. 5: Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельско-хозяйственном и промышленном отношении. С. 484—485.

⁶ Обзор Новгородской губернии за 1878 год. Новгород, 1879. С. 1—2.

Преобладающей формой сдачи помещиками земли в аренду крестьянам была мелкая подесятинная краткосрочная аренда. Для крестьян такая форма аренды была наиболее тяжелой; она фактически создавала условия для консервации их полукрепостнической кабалы. В хозяйствах новгородских помещиков среди форм аренды широко была распространена натуральная аренда, а в отдельных крупнейших имениях она преобладала. Так, в новгородских имениях княгини К. М. Святополк-Мирской от 90 до 100 % земли сдавались местным крестьянам на условиях издольщины. Такая же картина была во владениях Балашовых и других крупных землевладельцев¹.

Владельцы имений, хозяйствовавшие с убытками, покрывали их продажей своих лесов, отдельных угодий, в некоторых случаях продажей целиком хозяйства. В этот период во многих, даже крупных, имениях совершается переход от выборочной заготовки спелого леса к его сплошной рубке [7, с. 208—215].

Несмотря на переход части дворянских земельных владений, в основном за счет мелких имений, в руки экономически более сильных помещиков, крестьян, купцов и представителей других сословий, большая часть земли в Новгородской губернии в пореформенные годы осталась в собственности крупных и крупнейших (от 500 и более дес. на одно имение) дворян-помещиков (см. табл. 1)².

Год	1861	1877—78	1887	1900	1905
Число владельцев	4135	2392	2245	2390	2230
Количество земли (дес.)	4433539	2455330	1853605	1534253	1428064
Сред. размер имения (дес.)	1072,1	1026,4	825,7	641,9	640,4

Таблица 1

В пореформенные годы усилился процесс внутрисословного перераспределения дворянской земельной собственности, поскольку земельные угодья средних и мелких землевладельцев нередко переходили в руки крупных и крупнейших помещиков. Известный промышленник и землевладелец В. А. Ратьков-Рожнов в 1890-е гг. специально скупал лесные дачи в Новгородской губернии, а затем с выгодой для себя продавал лес «на корню» [4, с. 80]. В начале XX в. один из членов Новгородского губернского совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности Н. П. Лебедев отметил, что «благосостояние населения Новгородской губернии основывается, главным об-

¹РГИА. Ф. 593. Оп. 13. Д. 539. Л. 26.

 $^{^2}$ Составлено по: Поземельная собственность Европейской России 1877—78 гг. Статистический временник Российской империи. Серия III. СПб., 1886. Вып. 10. С. 30—31; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 12—13; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902. Вып. І. С. 30—31; *Логанов Г.* Статистика землевладения Европейской России по уездам. СПб., 1906. С. 42—43, 52—55, 57—59; Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Статистика Российской империи. Сер. XXII. СПб., 1896. Вып. 26. Новгородская губерния С. 6—7; РГИА. Ф. 1664. Оп. 1. Д. 126. Л. 220—221; Ф. 1283. Оп. 1. Д. 208а. Л. 5—6.

разом, на лесном, а не земледельческом хозяйстве». По его мнению, из помещичьих хозяйств «сравнительно процветают» только те, что имеют лес, «из которого владельцы главным образом и черпают средства для своего существования». Для крестьян же «леса составляют основы экономического благосостояния», поскольку средства для покупки хлеба и уплаты податей они зарабатывают «в отхожих промыслах» и, преимущественно, на лесозаготовках и сплаве леса¹.

Если число помещиков-дворян в Новгородской губернии сократилось в 1,8 раза, а средний размер имения — в 1,6 раза, то площадь дворянской земельной собственности уменьшилась в 3,1 раза. В первое пореформенное двадцатилетие сокращение дворянских владений в Новгородской губернии происходило более умеренными темпами, нежели в соседней Псковской губернии.

На количественные характеристики процесса мобилизации дворянской земельной собственности в Новгородской губернии существенное влияние оказало то обстоятельство, что все три северо-западные губернии входили в зону средних и низких цен на землю. Это обстоятельство, наряду с широким распространением отработочной системы, в значительной мере содействовало сокращению помещичьих земель [10, с. 151, 153]. Следует учитывать также, что дворяне не только продавали, но и покупали землю, в том числе у купцов, мещан и других земельных собственников.

Дворянские имения отличались не только масштабами владений, но и способами ведения хозяйства. Крупные и крупнейшие помещики чаще, чем другие, пытались вести свое хозяйство капиталистическими методами. По уездам то здесь, то там появлялись рационально поставленные имения с развитым зерновым хозяйством и животноводством, с применением многопольной системы земледелия и травосеяния, с крупными садами. Владельцы вкладывали капитал в строительство перерабатывающих предприятий — сыроварен и маслобоен, лесопильных и винокуренных заводов. В таких хозяйствах широко внедрялись новые системы землепользования, использовались преимущественно труд наемных рабочих, более производительные сельскохозяйственные машины зарубежного производства, улучшенные породы скота. По мнению Н. М. Дружинина, исследовавшего выкупную операцию, в пореформенные годы благоприятная обстановка для развития крупных помещичых хозяйств была создана проведением железных дорог, ростом капиталистической промышленности и торговли, возникновением частных кредитных организаций [3, с. 295].

Ярким примером модернизированного хозяйства в Новгородской губернии может служить имение «Выбити» Старорусского уезда, принадлежавшее князю Б. А. Васильчикову и находившееся в 24 верстах от станции Шимск Новгородской железной дороги. Площадь имения равнялась 7059 дес. земли. Часть пашни обрабатывалась исполу крестьянами соседних сел и деревень, остальная часть — наемными работниками. В хозяйстве широкое распространение получило травосеяние, на полях выращивали кормовые травы: вику, тимофеевку, красный клевер, лисохвост, мятлик луговой, ежу сборную и др. Для повышения плодородия пашни использовались органические и минеральные удобрения: навозная жижа, каинит, томасшлак, суперфосфат и гипс. В имении находился конный завод по выращиванию английских скаковых, охотни-

¹РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1014. Л. 36.

чьих и рысистых лошадей. Содержалось стадо коров (110 голов), молочная продукция вывозилась преимущественно в Санкт-Петербург. В имении выращивали и продавали до 150 поросят. В лесу велась правильная рубка ели, сосны, лиственницы. Проводились лесовосстановительные работы, для этого содержался собственный плодопитомник, позволявший высаживать до 10 000 саженцев в год.

В хозяйстве имелся крупный сыроваренный завод, где изготавливались сыры бри, камамбер, невшатель (до 6000 корзин) и бакштейн (до 500 пуд.). Значительный доход имению приносили паровая лесопилка и паровая мельница¹. Примерно так же шло развитие прочих крупных помещичьих хозяйств в губернии: в Белозерском уезде — имение «Ширяевское», принадлежавшее А. В. Панину, в Новгородском уезде — имение «Марьино» князя П. П. Голицына и др. [5, с. 189—196; 7, с. 208—215; 8, с. 136—139]².

Мелкие помещичьи хозяйства характеризовались медленными темпами развития. Капиталистические отношения, все более уверенно проникавшие в северо-западную деревню, не могли, естественно, не сказаться и на этих хозяйствах. Однако связь их с полуфеодальными отношениями была более прочной, что тормозило капиталистическую эволюцию мелких имений. Из-за отсутствия необходимых денежных ресурсов они постоянно балансировали на грани разорения. Их земли переходили либо к более состоятельным соседям-дворянам, либо оказывались в руках купцов, мещан или крестьян. Средние по величине земельной площади помещичьи имения занимали промежуточное положение между крупными (крупнейшими) и мелкими имениями.

Различия в хозяйственном положении между мелкими, средними и крупными помещичьими хозяйствами Новгородской губернии отчетливо выявились уже к 80-м годам XIX столетия. Владельцы крупных имений обладали большими возможностями для приспособления к капиталистическим отношениям. Они были теснее связаны с рынком, располагали значительными средствами, которые использовались для ведения промышленного производства³. Тем не менее все без исключения помещики, в большей или меньшей степени, испытывали на себе воздействие происходивших в стране процессов.

Отмена крепостного права означала для помещиков необходимость коренной перестройки всей хозяйственной жизни поместий. Резко увеличилась потребность в кредите. Получение кредита практиковалось и в предреформенные годы, когда закладывалась не земля, а крепостные крестьяне. Ко времени реформы 1861 г. новгородскими помещиками было заложено 110 017 (55,6 % общего числа) крепостных крестьян⁴.

¹ Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах : В 3-х вып. СПб., 1902. Вып. 3. Новгородская губерния. С. 343—344.

²Там же. С. 333—334, 341.

³ Там же. С. 298—327.

 $^{^4}$ О задолженности землевладения в связи со статистическими данными о притоке капиталов к поместному землевладению со времени освобождения крестьян // Временник ЦСК : Ведомость-приложение. СПб., 1888. № 2.

С 1861 г. для получения ссуды дворянам приходилось прибегать к залогу имений. Заметный вклад в этот процесс внесло Общество взаимного поземельного кредита, основанное в 1866 г. по инициативе графа А. П. Бобринского [12, с. 185—186]. Согласно уставу, утвержденному Александром II 1 июня 1866 г., ОВПК выдавало как долгосрочные (до 56 лет), так и дополнительные краткосрочные (на 1 год) ссуды в размере 2/5 оценочной стоимости имения. Ссуда помещикам выдавалась, как правило, закладными листами и только в некоторых случаях — деньгами. Долгосрочная ссуда выдавалась из 5 %, а краткосрочная — под 8 %. Нижний порог ссуды составляла сумма в 1000 руб. Достаточно редкой была процедура продажи имений неплательщиков с торгов. Как правило, большинство заемщиков справлялось с ипотечными платежами, и массового разорения помещиков не было. Уже в январе 1867 г. была выдана ссуда под залог имения «Бор», находившегося в Новгородском уезде и принадлежавшего князю А. И. Васильчикову. Имение в 3370 дес. земли было оценено в 30 000 руб., и владелец получил ссуду в 11875 руб. В феврале 1867 г. помещик П. А. Веригин, заложив имение «Кемцы» в Валдайском уезде Новгородской губернии площадью в 3241 дес. земли, получил ссуду в 12500 руб., поскольку имение было оценено в 31250 руб. Ссуда была выдана с условием «рубить лес в 50-летнем обороте по 22 дес. в год на площади в 1101 дес.» [6, с. 87].

При выдаче ссуд под залог имений правление ОВПК выдвигало два основных требования: чтобы велась правильная эксплуатация леса и обязательно страховались хозяйственные постройки и промышленные предприятия, находившиеся в имении.

Существенную пользу многим землевладельцам в предотвращении окончательного разорения имений принес Государственный Дворянский земельный банк, созданный в 1885 г. для поддержки хозяйств потомственных дворян. Наряду с Крестьянским поземельным и акционерными земельными банками (Петербургско-Тульский банк и др.), он стал важнейшим звеном системы ипотечного кредита в пореформенной России. Учреждая Дворянский земельный банк правительство Александра II стремилось усилить свое воздействие на развитие поземельных отношений, имея конечной целью консервацию привилегий и структур дворянского сословия.

Ссуды из банка выдавались под залог земельной собственности только потомственным дворянам. Ссуда в 60—75 % от стоимости заложенного имения выдавалась сроком на 36—48 лет, а с 1890 г. — на 48—51 год. Заемщики Государственного Дворянского земельного банка платили по ссудам на 1,5—2 % меньше, чем в акционерных банках. При учреждении банка процент роста по ссудам был установлен в размере 5 % годовых, в 1889 г. он был понижен до 4,5 %, а по Манифесту 14 ноября 1894 г. — до 4 % годовых [9, с. 216]. Чтобы снизить задолженность землевладельцев в условиях высоких недоимок, Дворянский земельный банк приобретал за свой счет отдельные части имений. Что касается имений неисправных должников, то банк выставлял их на торги целиком: со всеми пахотными землями, лугами, выгоном, лесами, хозяйственными строениями, скотом и сельскохозяйственным инвентарем.

Залог имения не всегда был свидетельством его хозяйственной слабости. Очень часто без получения кредита было невозможно сохранение хозяйства, его приспосо-

бление к условиям рынка и последующее развитие в новых экономических условиях. Разумеется, уплата процентов негативно влияла на доходность имений, а погашение ссуды для многих дворян-помещиков, несмотря на правительственные льготы, было возможным только за счет продажи части своей земли. Как правило, владельцы крупных и экономически состоятельных имений продавали по высоким ценам только второстепенную землю. Это позволяло им сохранять в собственности основную часть культурных угодий, не нарушая тем самым хозяйственной целостности имения. В средних и особенно мелких имениях вынужденная мобилизация земли вела нередко к застою в хозяйственных делах, а затем к распаду и ликвидации владения. В пореформенных условиях крупные помещичьи имения оказались более устойчивыми, в то время как рост задолженности среднепоместных дворян губительно сказывался на жизнеспособности их хозяйств.

Низкие проценты платежей по ссуде и большие сроки, на которые она выдавалась, являются свидетельством заметной «льготности» земельного кредита в Дворянском земельном банке по сравнению с частными банками и Крестьянским поземельным банком и особой заботы правительства о дворянах-помещиках.

К 1897 г. почти все имения потомственных дворян-землевладельцев Новгородской губернии были заложены в Государственном Дворянском земельном банке (рис. 1)¹.

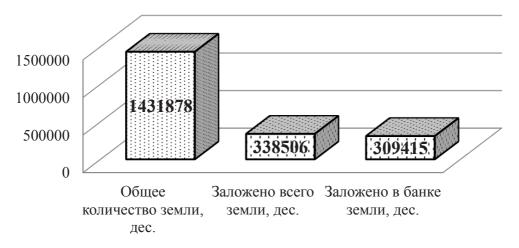
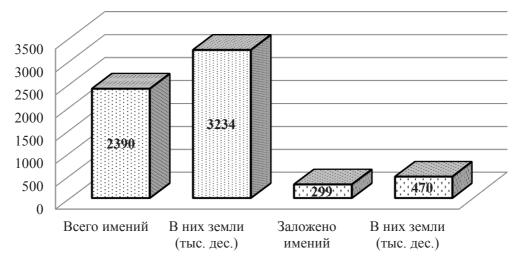

Рис. 1. Площадь заложенной к 1897 г. новгородскими помещиками земли, дес.

Рис. 2 характеризует общую ситуацию с помещичьими имениями Новгородской губернии, заложенными в Государственном Дворянском земельном банке в 1886— $1900 \, \mathrm{rr}$.

¹Составлено по: РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 205а. Л. 7—13, 19—20.

² Составлено по: Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России.

Puc. 2.

Помещики прибегали не только к помощи Государственного Дворянского земельного банка [9, с. 204]. Часть имений новгородских помещиков-дворян была заложена в Крестьянском поземельном банке и акционерных земельных банках. Так, в Крестьянском поземельном банке новгородские помещики заложили свыше 31 тыс. дес., в Обществе взаимного поземельного кредита — свыше 97 тыс., а в Петербургско-Тульском банке — свыше 143 тыс. дес. земли¹.

В Новгородской губернии в залоге находилось около 1/3 земель, принадлежавших помещикам-дворянам². Средний размер задолженностей новгородских помещиков Государственному Дворянскому земельному банку и его Особому отделу на 1 дес. земли в конце XIX столетия равнялся 7 руб. 50 коп. По Новгородской губернии средняя сумма платежа Дворянскому банку и Особому отделу за 1 дес. заложенной земли составляла 30 коп., в то время как петербургским и псковским помещикам приходилось платить по 60—70 коп. за десятину³.

СПб., 1903. Ч. 1. С. 302—303 ; *Логанов Г*. Статистика землевладения Европейской России по уездам. СПб., 1906. С. 42—43, 52—55, 57—59 ; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб, 1885. Вып. 7: Губернии Приозерные и Прибалтийские. С. 6—7, 46—47, 76—77.

¹ Количество земли, заложенной в земельных банках, сумма ссуды и размер платежа процентов с десятины по губерниям // Временник ЦСК. СПб., 1889. № 8. С. 9—13, 15—17.

 $^{^2}$ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. 1897 г. 1-е делопроизводство. Д. 217а. Л. 2—3; Количество земли, заложенной в земельных банках, сумма ссуды и размер платежа процентов на десятину по губерниям // Временник ЦСК. СПб., 1889. № 8. С. 18—19.

 $^{^3}$ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. 1897 г. 1-е делопроизводство. Д. 217а. Л. 4—5; Д. 205а, Л. 7—9, 10—11, 12—13.

Несмотря на серьезные потери помещичьих хозяйств в ходе реформы 1861 г., приток ипотечных капиталов при неразвитости других форм сельскохозяйственного кредита помог большинству из них приспособиться к условиям пореформенной перестройки и спас от «обвального» разорения тысячи помещиков, что имело бы самые пагубные последствия для всей экономической системы Российской империи.

В конце XIX в. по общей площади земли в 10 850 354 дес. Новгородская губерния была самой крупной на Северо-Западе. Она имела холмистую поверхность и служила водоразделом бассейнов Балтийского, Белого и Черного морей. Почва была представлена глиной, супесью и подзолом. Леса в губернии занимали половину всех удобных земель (49,3 %). Из древесных пород преобладали сосна, ель и береза. Наиболее обширные лесные массивы располагались в Белозерском, Кирилловском и Тихвинском уездах.

В 1877—1878 гг. площадь крестьянских надельных земель в губернии равнялась $2\,850\,417$ дес. (31,0 %), а в собственности дворян-помещиков было $2\,455\,330$ дес. земли $(28,4\,\%)^1$.

Поземельная перепись 1877—1878 гг. дает возможность определить средний размер дворянской земельной собственности в Новгородской губернии (рис. 3):

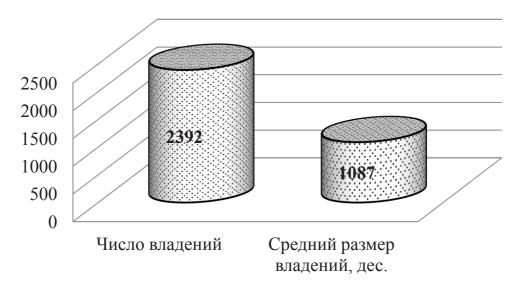

Рис. 3. Средние размеры помещичьих имений (1877 г.)

Средний размер дворянских имений в Новгородской губернии был не только самым крупным на Северо-Западе (Петербургская губерния — 971 дес., Псковская губерния — 556 дес.), он почти в два раза превосходил средний размер владений

¹ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. СПб., 1895.

дворян европейского центра страны, который равнялся 638 дес. земли¹. К 1887 г. средний размер дворянских имений в Новгородской губернии уменьшился до 825,7 дес. земли².

Значительный интерес представляют данные 1877—1878 гг. о распределении земельной собственности (количество десятин) среди новгородских дворян-землевладельцев (табл. 2)³.

Таблица 2 Размеры имений новгородских помещиков в 1877—1878 гг.

Размер владений (дес.)	Hyana paanan yan	Количество земли (дес.)		
	Число владельцев	всей	пахотной	
менее 100	570	27 080	2887	
от 100 до 500	894	229 747	13 393	
от 500 до 1000	411	295 625	10 197	
от 1000 до 10000	490	1315674	23 553	
свыше 10 000	27	587 204	5315	
Bcero	2392	2 455 330	55 345	

В 1887 г. под пашней у помещиков находилось 83 811 дес., сенокосы и пастбища занимали 188721 дес., под лесом было 1216817 дес. земли, остальную площадь занимали неудобья⁴. В 1892 г. в губернии находилось 2687 помещиков-дворян, в руках которых сохранилось 1767995 дес. земли (47,8% земельной собственности 1861 г.)⁵. Соотношение угодий в хозяйствах новгородских помещиков выглядело следующим образом (рис. $4)^6$.

 $^{^1}$ Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 гг. Статистический временник Российской империи. Сер. III. СПб., 1886. Вып. 10. С. 30—31.

 $^{^2}$ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года // Статистика Российской империи. Сер. XXII. СПб., 1896. Вып. 26: Новгородская губерния. С. 6—7.

 $^{^3}$ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями МВД. СПб., 1885. Вып. 7. С. 20. (Подсчет наш. — $B.\ H.$)

⁴Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. С. 6—7.

⁵ РГИА. Ф. 1664. Оп. 1. Д. 126. Л. 220—221.

⁶ Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894. С. 9.

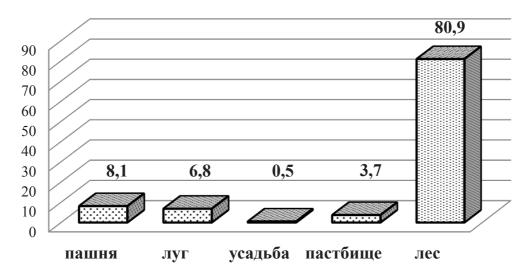

Рис. 4. Соотношение угодий в помещичьих имениях (на 100 дес. удобной земли)

К 1905 г. средний размер дворянской земельной собственности в Новгородской губернии по сравнению с 1877 г. заметно уменьшился (рис. 5)¹.

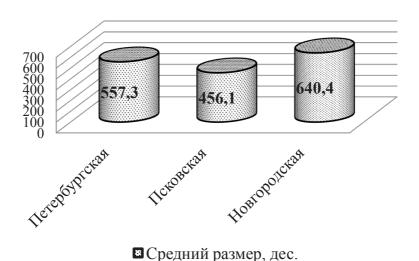

Рис. 5. Средний размер помещичьего имения, дес. (1905 г.)

 $^{^{\}rm 1}$ Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 12—13.

Несмотря на значительное сокращение средних размеров имений новгородских дворян-помещиков, они по-прежнему оставались самыми крупными на Северо-Западе и были больше, чем в среднем в европейской части страны (565,5 дес. земли).

С 1875 по 1900 год новгородские дворяне продали 1735 тыс. дес. земли, петербургские — 564 тыс. дес. и псковские — 559 тыс. десятин. Таким образом, сокращение дворянского землевладения в Новгородской губернии шло более быстрыми темпами, чем в соседних губерниях — Петербургской и Псковской. Произошло значительное сокращение средних размеров одного владения: в Новгородской губернии — на 386,1 дес., в Петербургской — на 414,2 дес. и в Псковской губернии — на 99,9 дес. земли.

Реформа 1861 г. упразднила монополию дворянского сословия на землю, крестьяне вместе с «волей» получили земельные наделы. Дворянское землевладение начало интенсивно сокращаться, поскольку кроме земли, переданной в надел крестьянским обществам, значительная часть дворянских земель была продана и стала собственностью представителей других сословий.

В пореформенные годы в Новгородской губернии происходили заметные изменения в процессе мобилизации дворянских земель. Дворяне-помещики чаще продавали землю, чем покупали. Это видно не только из соотношения числа сделок по купле и продаже земли, но и по полному преобладанию проданной земли над купленными угодьями. За 1868—1897 гг. новгородские помещики заключили 3232 сделки по покупке и 11 187 сделок по продаже земли. За 1868—1877 гг. помещиками было продано 875,8 тыс. дес. земли, в 1878—1887 годах — 779,4 тыс. и в 1888—1897 годах — 467,4 тыс. дес. земли. Динамику процесса купли-продажи дворянской земли в губернии по пятилетиям характеризуют данные таблицы 3^1 .

Таблица 3 Купля и продажа земли помещиками-дворянами Новгородской губернии в 1863—1897 гг.

Годы	Число сделок по продаже	Число сделок по покупке	Уменьшение дворянских земель (– тыс. дес.).
1863—1867	1122	410	-222,1
1868—1872	1246	421	-268,4
1873—1877	2412	606	-607,4
1878—1882	2271	603	-503,1
1883—1887	1991	562	-276,3
1888—1892	1825	489	-300,5
1893—1897	1442	551	-166,9
Всего	12309	3642	-2344,7

¹ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 год благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями России. СПб., 1903. Ч. 1—2. С. 98—99.

Для характеристики дворянского землевладения несомненный интерес представляют данные о размерах земельных владений новгородских помещиков $(табл. 4)^1$.

Таблица 4 Размеры земельной собственности новгородских помещиков-дворян (1877 г.)

Размер владений,	Владе	льцев	Десятин		
дес.	абс.	%	абс.	%	
10 и менее	65	2,7	326	0,0	
11—100	505	21,7	26754	1,1	
101—500	894	37,4	229 747	9,4	
501—1000	411	17,2	298 625	12,0	
1001—5000	433	18,0	909833	37,1	
5001—10000	57	2,4	405 841	16,5	
Свыше 10 000	27	1,2	587204	23,9	
Итого	2392	100	2455330	100	

Следовательно, 928 помещиков (38,8 %), имевшие владения в 500 и более десятин, держали в своих руках 2 201 503 дес. земли (89,5 % дворянской земельной собственности и 70,8 % всей частной личной земельной собственности в губернии). Отсюда следует вывод, что в Новгородской губернии в пореформенный период господствовало крупное и крупнейшее помещичье землевладение. В отчете за 1889 г. новгородский губернатор А. Н. Мосолов констатировал, что «хорошо организованные хозяйства принадлежат преимущественно крупным собственникам, которые имеют необходимые средства для осуществления мероприятий для повышения плодородия земли»².

По уездам губернии земельные владения новгородских дворян распределялись следующим образом (табл. 5)³.

Таким образом, примерно половина помещиков-дворян и более половины всего дворянского землевладения было сосредоточено в трех уездах губернии: Тихвинском, Устюжском и Белозерском.

 $^{^1}$ Составлено по: Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 годов // Статистический временник Российской империи. Сер. III. СПб., 1886. Вып. 10. С. 34—35, 86—89.

²РГИА. Ф. 1284. Оп. 223 (1890 г.). Д. 229. Л. 9.

³ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1885. Вып. 7: Губернии Приозерные и Прибалтийские. С. 6—7.

Таблица 5 Распределение земельной собственности дворян-помещиков по уездам

Уезд	Пусата риа получу	Земли, дес.		
	Число владений	всей	пахотной	
Белозерский	330	436 083	6138	
Боровичский	264	245 444	7595	
Валдайский	175	144517	6735	
Демянский	236	119 201	6749	
Кирилловский	147	83 223	1180	
Крестецкий	144	112395	3845	
Новгородский	144	114207	3594	
Старорусский	71	43 772	2484	
Тихвинский	374	619 585	7374	
Устюжский	388	441 259	6431	

Подводя итоги, можно сказать, что на протяжении всех пореформенных лет и первых лет XX столетия в Новгородской губернии, как, впрочем, и во всей России, неуклонно шел процесс ухода в прошлое эпохи «дворянских гнезд» с их «вишневыми садами».

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Аничкова И. М. Заметки из деревни / И. М. Аничкова. Санкт-Петербург, 1900.
- 2. Дружинин Н. М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (По данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.) / Н. М. Дружинин // Исторические записки. Москва, 1972. Т. 89.
- 3. Дружинин Н. М. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.) / Н. М. Дружинин // Социально-экономическая история России. Избранные труды. Москва, 1987.
- 4. *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX начала XX в. / Л. П. Минарик. Москва, 1971.
- 5. *Никулин В. Н.* Имение «Марьино» Голицыных в пореформенные годы / В. Н. Никулин // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : мат. научной конференции, 18—20 ноября 2003 года. Великий Новгород, 2003.
- 6. *Никулин В. Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX начале XX века / В. Н. Никулин. Калининград, 2005.
- 7. Никулин В. Н. Имение «Никольское» Балашовых в конце XIX начале XX века (из истории предпринимательства помещиков-дворян на Северо-Западе России) / В. Н. Никулин // История предпринимательства в России: XIX начало XX века. Санкт-Петербург, 2008. Вып. 4.
- 8. *Никулин В. Н.* Землевладение новгородских помещиков-дворян во второй половине XIX столетия / В. Н. Никулин // Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные

собственники/землевладельцы и земледельцы : тезисы мат. XXXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — Воронеж, 2020.

- 9. *Проскурякова Н. А.* Государственный Дворянский земельный банк и его заемщики / Н. А. Проскурякова // Россия сельская XIX начала XX века. Москва, 2004.
- 10. Симонова М. С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862—1914 гг.) / М. С. Симонова // Проблемы исторической географии России. Вып. 2: Формирование экономических районов России. Москва, 1982.
- 11. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века / Ю. Б. Соловьев. Ленинград, 1973. С. 275—377.
- 12. Чернуха В. Г. Создание общества взаимного поземельного кредита / В. Г. Чернуха // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX начале XX в. Ленинград, 1987.

ПРОЕКТЫ «НАСАЖДЕНИЯ ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ» В СИБИРИ И ИХ СУДЬБА

В статье проанализированы правительственные проекты насаждения в Сибири частного дворянского землевладения в XIX — начале XX в. Отмечается, что, несмотря на экономические трудности, дворянство фактически уклонилось от применения данных проектов на практике.

Ключевые слова: дворянское землевладение, Сибирь, правительство, законодательство, реформы.

На протяжении XIX — начала XX в. властные структуры неоднократно рассматривали вопрос о «насаждении частного землевладения» в Сибири. По сравнению с центральными губерниями Европейской России территория Сибири была мало заселена, фактически отсутствовало помещичье землевладение и крепостное крестьянство. В. И. Ленин, отмечая отсутствие помещичьего землевладения в Сибири и попытки его насаждения, писал: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен» [5, с. 89].

Условия формирования дворянского сословия в Сибири в значительной степени отличались от европейской части России. Как в структуре населения сибирских губерний, так и в аппарате местного управления численность дворян была немногочисленна. По данным Центрального статистического комитета численность потомственного дворянства в 1867 г. составляла 3977 человек, личных дворян и классных чиновников — 11115. К 1897 г. численность потомственных дворян составила 16426 человек, личных дворян и классных чиновников — 29339 чел. [4, с. 42, 43, 296—297, 302—303].

Центральной властью широко практиковалось назначение на должность без официального предоставления чиновнику соответствующего ранга чина дворянского статуса, что позволяло ограничить приток в потомственное дворянство [2, с. 198]. Сибирские дворяне не имели корпоративных форм управления, были ограничены в политических правах на выборное сословное самоуправление, не могли избирать и быть избранными в местные земства. В Сибири были запрещены продажа и пожалование как населенных, так и порожних казенных земель, поэтому помещичьего землевладения здесь не сложилось [1]. Прямые раздачи казенных крестьян централь-

¹ Баринова Екатерина Петровна, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, rfnz25@yandex.ru, Россия, г. Самара.

ная власть в Сибири не практиковала. Закабалять деклассированных и социально незащищенных крестьян и вольноотпущенников дворянам разрешалось лишь по взаимному согласию сторон.

По данным X ревизии, во всей Сибири числилось всего 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, имевших только дворовых. Всего в Сибири насчитывалось 3700 крепостных мужского пола. В Восточной Сибири было два помещика с имениями, девять беспоместных дворян и 297 крепостных людей, в том числе 146 дворовых [6, с. 130]. Несмотря на запрет помещичьего землевладения в Сибири, некоторые приезжие и местные дворяне тем не менее покупали земли, обзаводились поместьями, привозили из России крепостных крестьян, дворовых людей. Дворянское землевладение сложилось в крае в основном в пореформенный период и стало результатом правительственной политики по созданию административного аппарата в регионе. В представлении Министерства земледелия и государственных имуществ от 19 марта 1901 г. отмечалось, что к концу XIX в. в сибирских губерниях насчитывалось 1827 дворянских владений общей площадью 1111,7 тыс. дес., однако большая их часть оставалась необработанной [4, с. 70].

Изменения в аграрном секторе страны, постепенное формирование буржуазной собственности на землю способствовали появлению многочисленных проектов, предполагающих распространение частного землевладения и переселение как крестьян, так и владельцев земли. В 30—40-х гг. XIX в. не раз поднимался вопрос о необходимости распространения в Сибири частной земельной собственности типа помещичьего землевладения с переселением туда крепостных крестьян, хотя в Положении, принятом Кабинетом министров 12 августа 1830 г. и утвержденном царем, было «решительно воспрещено селить в Сибирь людей крепостного состояния». Проекты были инициированы как министерствами, так и отдельными лицами. В них проводилась мысль, что данная мера будет способствовать хозяйственному освоению Сибири, прежде всего улучшению сельского хозяйства и золотопромышленности. Первоначально они предусматривали переселение крепостных или государственных крестьян и награждение землей чиновников и дворян за службу. В 1839 г. министром внутренних дел было выдвинуто предложение «об отводе участков земли чиновникам в награду за службу в Сибирских губерниях». В том же году министр государственных имуществ испрашивал разрешение на съемку земель для поселения в Сибири владельческих крестьян на условном положении в виде обязанных, а также на отвод земель частным лицам для хозяйственного заведения. На представлении министра Николай I наложил резолюцию: «Ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено быть не может». В 1843 г. в Министерстве финансов рассматривался проект отставного горного чиновника Порецкого «О колонизации обязанных крестьян в Сибирь для улучшения сельского хозяйства и золотопромышленности». Однако правительство и Николай I решительно возражали против подобных мер, в результате все эти проекты были отвергнуты.

Сибирский комитет, подробно обсуждавший вопрос о распространении частного землевладения в Сибири в 1852—1853 гг., также пришел к заключению, что переселение помещичьих крестьян в этот край невозможно. Не осуществился и проект, выдвинутый генерал-адъютантом Анненковым в 1852 г.

Вновь вопрос о предоставлении земли поместному дворянству в Сибири был поднят в рамках обсуждения проблемы о месте и роли дворянства в российском обществе в 80-е годы XIX века и был связан с интенсивными темпами убыли дворянского землевладения, особенно мелкого. Идеолог дворянства А. Д. Пазухин в работе «Современное состояние России и сословный вопрос» (1885 г.) утверждал, что Великие реформы ослабили сословную систему империи, и поэтому государство должно принять неотложные и твердые контрмеры. Он предлагал вернуть дворянам их преимущественные служебные права, предоставить помещикам главенствующую роль в делах местного самоуправления, восстановить принцип сословности, принять меры для сближения интересов дворянства и крестьянства [7, с. 29, 57]. Эти идеи легли в основу новых законодательных актов, направленных на укрепление экономического положения дворянства. Властью были предприняты конкретные шаги, обеспечивающие разочарованному результатами реформ 1860-х годов дворянскому сословию возвращение его господствующего положения в деревне [9].

В центре внимания практически всех дворянских собраний была проблема экономического выживания дворянства. Требования помещиков отражали общую озабоченность быстрыми темпами сокращения дворянского землевладения и увеличения удельного веса буржуазных элементов в экономике. Достаточно часто авторы дворянских ходатайств обвиняли правительство и бюрократию в обезземеливании дворянства. Переселение в Сибирь рассматривалось как мера для поддержки безземельного и малоземельного дворянства.

Безземельные дворяне добирались до Сибири беспрепятственно, выписывая себе бессрочные паспорта в полицейских управлениях или проходные свидетельства в земских управах. Однако никаких льгот, которыми пользовались ходоки и крестьяне-переселенцы, получившие официальное разрешение на поселение в Сибири, они не имели. Главные трудности дворян-земледельцев были связаны с процессом наделения казенной землей. В силу своего социального положения они не могли быть причислены к сельским обществам, а без причисления к сельскому обществу они не могли получить землю в свое пользование.

Показательна в этом отношении история воронежских дворян Корчагиных, которые до переселения в Сибирь проживали в с. Сенном Задонского уезда Воронежской губернии и владели около 45 дес. земли. Лишившись в конце 1830-х гг. в результате семейных интриг земельного участка, они переехали в д. Большие Чирки Ражевской волости Ишимского уезда Тобольской губернии. Для того чтобы получить надельные участки от крестьянской общины этого поселения, Корчагины инициировали ходатайство в Задонское полицейское управление Воронежской губернии о причислении в крестьяне [3]. По мнению чиновника Переселенческого управления МВД, описавшего этот случай, большинство переселяющихся в Сибирь дворян-земледельцев, прибывавших из центрально-черноземных губерний, сталкивались с подобными трудностями. Часть дворян получили участки казенной земли на основе «захватного права» и официально подтвердили право собственности на основании закона 13 июля 1881 г. В ряде случаев малоземельные дворяне имели крайне напряженные отношения с соседями-крестьянами.

10 февраля 1893 г. Комитет Сибирской железной дороги принял решение о необходимости насаждения в Сибири частного землевладения, которое должно было

осуществляться путем привлечения сюда образованных лиц из привилегированных сословий. Через две недели после этого решения было принято Положение Комитета Сибирской железной дороги (Высочайше утвержденное), согласно которому в Сибири намечалось насаждение «образцовых» хозяйств, которые должны были располагаться между крестьянскими селениями вдоль линии Сибирской железной дороги [8, с. 151].

Идеи насаждения частного землевладения в Сибири неоднократно рассматривались Министерством земледелия и государственных имуществ. В подготовительную правительственную комиссию были представлены проекты А. Н. Куломзина и А. С. Ермолова. А. Н. Куломзин связывал будущее крестьянского хозяйства в Сибири с помещичьими латифундиями и полагал, что «класс интеллигентных землевладельцев», составленный преимущественно из дворян, «явится тем консервативным элементом, который повсюду служит для государственной власти надежной опорой». Для дворян предусматривались льготные условия покупки (с рассрочкой на 5 лет), поэтому А. Н. Куломзин предлагал разорившимся помещикам Европейской России переселиться в Сибирь.

Проект А. С. Ермолова носил более прогрессивный характер, так как в нем допускалась возможность приобретения земли в Сибири лицами недворянского сословия. Однако ряд чиновников относились к проекту насаждения в Сибири дворянской земельной собственности скептически [8, с. 153].

Большинство членов подготовительной комиссии поддержало идеи записки А. Н. Куломзина. Законопроект предполагал переселение дворян-землевладельцев за Урал с целью повышения аграрной культуры населения. Эта мера активно обсуждалась как в Особом совещании по делам дворянского сословия, так и на дворянских собраниях центральных губерний России. Помещики полагали, что принятие закона станет дополнительной мерой для поддержки мелкопоместного и безземельного дворянства.

Особое совещание по делам дворянского сословия попыталось обобщить многочисленные дворянские ходатайства. Однако значительную их часть составляли консервативные, а зачастую и реакционные требования, на реализацию которых власть пойти не могла. Издание ряда законов — о дворянских кассах взаимопомощи, о насаждении дворянского землевладения в Сибири, о заповедных имениях, об ограничении доступа в дворянское сословие, об учреждении дворянских пансион-приютов, стипендий, дворянских военных школ — стало скромным итогом почти пятилетней деятельности Особого совещания. Консервативное поместное дворянство осталось недовольно его работой. Так, самарский губернский предводитель дворянства А. А. Чемодуров в январе 1902 г. обвинял Особое совещание в том, что оно не смогло найти действенных мер к спасению дворянства, и предлагал создать для решения этой задачи специальные губернские комитеты по типу учрежденных для проведения крестьянской реформы 1861 г. [10].

22 июня 1900 г. было утверждено Положение Комитета Сибирской железной дороги, в котором устанавливались правила переселения на казенные земли Сибири дворян-землепашцев. Участки для переселения должны были предоставляться дворянам на территории Тобольской и Томской губерний; Степного, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. Разрешение дворянам на переселение в Сибирь

выдавалось МВД по предоставлению сведений «об имущественном и хозяйственном положении, образе жизни и занятиях просителя, а также с заключением местных губернских и уездных предводителей дворянства». Дворяне-переселенцы пользовались правом «удешевленного проезда по железной дороге» на места их переселения.

Закон «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» был утвержден Николаем II 8 июня 1901 г. В «Правилах об отводе частных земель в Сибири», утвержденных 18 июня 1901 г., более подробно определялись конкретные меры для образования частных хозяйств. В частности, определялись льготы для дворянского сословия, давалось разрешение на продажу казенной земли или отвод казенных земель с правом их дальнейшего выкупа, определялся размер отчуждаемых участков, который мог достигать 3000 десятин земли, а с Высочайшего разрешения — и того больше. Дворянам предоставлялось право приобретать казенные земли в долгосрочную аренду на срок до 99 лет.

Хотя принятый закон и обсуждался на дворянских собраниях в числе других мер как панацея от обезземеливания сословия, попытка создания в Сибири помещичье-го землевладения была явно запоздалой. Так, например, Ф. С. Потоцкий в газете «Орловский вестник» предлагал дворянам воспользоваться законом о льготном приобретении земли в Сибири и принимал поручения для розыска участков на отвод земли¹. Однако помещики не спешили воспользоваться этим предложением.

Саратовский помещик Н. А. Павлов в 1903 году дважды ездил в Сибирь во главе 24 уполномоченных крестьян для выяснения возможности переселения туда дворян Саратовской губернии. Эта мера проектировалась саратовским дворянством в связи с «аграрными беспорядками в деревне» и необходимостью поддержать мелкопоместное и безземельное дворянство. Н. А. Павлов, выступая на очередном губернском дворянском собрании (1902 г.), отметил «прогрессирующую убыль дворянского землевладения, нарастание паники среди поместного дворянства, которая была вызвана крестьянскими беспорядками 1902 года»².

Саратовское экстренное дворянское собрание (3 сентября 1903 г.) обсудило отзывы дворян, поступившие на проект Н. А. Павлова о переселении в Сибирь, и избрало комиссию для изыскания участков³. Заявляя о «вековой связи с народом», своей «отзывчивости к народным нуждам», выступавшие на экстренном губернском дворянском собрании помещики предложили ходатайствовать перед правительством об организации группового переселения дворянства и крестьянства в Сибирь, увеличении размера ссуд Дворянского банка с 60 до 80 % для дворян, покупающих сибирские земли. Они полагали, что такая мера позволит дворянству осуществлять «необходимую помощь, руководство и контроль над переселением крестьян», а также позволит отсрочить возможность отделения Сибири от России⁴.

Министерство внутренних дел выработало проект правил об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Однако ни принятый 8 июня 1901 г. закон об отводе

¹Орловский вестник. 1902. 9 янв.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО.) Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 2 об.

³ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2253. Л. 2—9.

 $^{^4}$ Российский государственный исторический архив. Ф. 1283. Оп. 1. 2-е дел-во. Д. 76. Л. 1—6.

частным лицам казенных земель в Сибири, ни закон 14 апреля 1904 г. успеха не имели. 6 июня 1904 г. были приняты новые правила о добровольном переселении «сельских обывателей и мещан-землевладельцев» в места, «заселение коих вызывается видами правительства».

Вновь вопрос о расширении действия этих законов на территорию Степных областей и Кавказа был поднят саратовским помещиком Н. А. Павловым с трибуны II съезда уполномоченных дворянских обществ 18 ноября 1906 г. в рамках обсуждения аграрного вопроса. Однако это предложение не было поддержано участниками съезда.

В дальнейшем формы землевладения регулировались в Сибири и Приамурском крае общероссийским законодательством, определяемым столыпинской аграрной реформой, но с учетом ранее принятых законоположений. В частности, это относилось к размерам земли, выделяемой крестьянам-новоселам. При обилии свободных, но требующих приложения огромных усилий со стороны крестьян-переселенцев земель, и отсутствии средств для проведения землеустроительных работ первоначальной формой стал захват. Прибывшие сюда переселенцы в первую очередь приступали к освоению земель, наиболее плодородных и доступных к обработке. По указу 10 марта 1906 года право переселения крестьян в Сибирь было предоставлено всем желающим без ограничений. Правительство ассигновало немалые средства на расходы по устройству переселенцев на новых местах, организацию медицинского обслуживания, дорожное строительство, общественные нужды, однако масштабы данного мероприятия обусловили и трудности его осуществления.

Время от времени дворянство вспоминало о возможности переселения в Сибирь в ходе обсуждения аграрного вопроса на съездах уполномоченных дворянских обществ и губернских дворянских собраниях. В январе 1911 г. Курское дворянское собрание обсуждало ходатайство Я. В. Кривцова о предоставлении льгот дворянам при переселении их в Сибирь. Поддержавший ходатайство Н. Е. Марков обвинял правительство в намерении создать в Сибири «особую страну» без дворянского элемента, что может привести к возможному отделению Сибири от России. Возмущенное «политикой бюрократии» собрание обратилось в Постоянный совет объединенного дворянства за поддержкой ходатайства¹. Прикрывая свои сословные интересы заботой о будущем России, дворяне вновь требовали льготных условий при покупке земельных участков.

Сибирь была еще мало- и редконаселенным краем по сравнению с центральными губерниями Европейской России. Перевод на сибирские земли крестьян, устройство здесь новых поместий, освоение владельческих земель требовали крупных материальных затрат, не выгодных как для помещиков, так и для казны. Помещики стремились к прибыльной продаже хлеба и другой продукции сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках. Между тем транспортная удаленность Сибири, ограниченность ее внутреннего рынка, финансовая несостоятельность мелкого и среднего поместного дворянства, его гипертрофированные надежды на правительственную помощь при решении экономических задач затрудняли переселение дворянства в Сибирь.

¹Государственный архив Российской Федерации. Ф. 434. Оп. 1. Д. 40. Л. 4—4 об.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Быконя Γ . Φ . Формирование и особенности сословно-социального статуса военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири в XVIII начале XIX в. : дисс. . . . д-ра ист. наук / Γ . Φ . Быконя. Москва, 2002. 101 с.
- 2. *Горбунова И. В.* Правовое положение сословий в Сибири во второй половине XIX начале XX в. / И. В. Горбунова // Lex Russica. 2017. № 3 (124). С. 195—205.
- 3. *Кирх А. А.* Переселение однодворцев в Сибирь: 1840-е и 1890-е 1910-е гг. [Электронный ресурс] / А. А. Кирх. URL: https://сибиряки.онлайн/documents/correction/krih-a-a-pereselenie-odnodvorcev-v-sibir-1840-e-i-1890-e-1910-e-gg/ (дата обращения: 30.10. 2020).
- 4. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России: 1861—1904 гг. / А. П. Корелин. Москва: Наука, 1979.
- 5. *Ленин В. И*. Крепостники за работой / В. И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 5. С. 88—92.
- 6. *Михайлов К. П.* Крепостничество в Сибири (Страницы из истории инородческой и крестьянской неволи) / К. П. Михайлов // Сибирский сборник. Москва, 1886. Кн. 1.
- 7. *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный вопрос / А. Д. Пазухин. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1886. 66 с.
- 8. Сафронов С. А. Разработка закона о частном дворянском землевладении в Сибири от 8 июня 1901 года / С. А. Сафронов // Наука и современность. 2010. \mathbb{N}^2 6—1. С. 150—155.
- 9. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века / Ю. Б. Соловьев. Ленинград : Наука, 1973.
- 10. Чемодуров А. А. Краткая записка о деятельности самарского дворянства за 50-летний период существования Самарской губернии, 1851—1901 гг. / А. А. Чемодуров. Москва, 1901.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС РУССКОЙ ДЕРЕВНИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ В ВОСПРИЯТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА

В статье показано, что социальный кризис российской деревни конца XIX — начала XX в. имел несколько измерений. Нарастал кризис «крестьянского правопорядка» и системы обычно-правового регулирования; обострились взаимоотношения между крестьянами и частными землевладельцами; нарастало отчуждение между крестьянской массой и властными структурами и т. д.

Ключевые слова: социальный кризис; конец XIX — начало XX века; реформы; дворянство; крестьянство.

На рубеже XIX—XX столетий российская деревня переживала масштабный трансформационный кризис. Он предстает достаточно сложным для осмысления феноменом во многом потому, что, в сущности, налицо было сочетание, наложение друг на друга нескольких кризисов. При этом аграрный кризис в «строго экономическом» понимании этого термина (существенное падение цен на сельскохозяйственную продукцию вследствие ее перепроизводства, влекущее за собой целый ряд проблем для сельхозпроизводителей, вплоть до разорения значительной их части) являлся лишь одной из составляющих этого комплекса проблем. С этим кризисом Россия, безусловно, столкнулась с конца 1870-х гг., вслед за другими европейскими странами. По словам Т. М. Китаниной, мировой кризис перепроизводства сельскохозяйственной продукции, охвативший в 1875 г. страны Западной Европы и ряд штатов Северной Америки, сопровождался принципиальными изменениями в сфере сельскохозяйственного производства, в состоянии внутреннего рынка, уровне цен. Россия ощутила его влияние позднее западноевропейских стран, в конце 1870-х гг., но именно в российских условиях кризис приобрел тяжелый, затяжной характер — «результат крайне непоследовательного и мучительного процесса приспособления земледелия к новой экономической конъюнктуре, медленного перехода аграрной экономики в целом на более высокую ступень капиталистического развития» [4, с. 238—239]. Однако, несмотря на то, что именно в России аграрный кризис затянулся, а самая острая его фаза пришлась на рубеж 1880-х — 1890-х гг., к началу XX века российское сельское хозяйство уже в значительной степени начинало его преодолевать.

В то же время наряду с аграрным кризисом в узко-экономическом понимании, говоря о кризисе российской деревни, следует иметь в виду еще и кризис правитель-

¹ Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

ственной аграрной политики, негативное (по крайней мере, в краткосрочном плане) воздействие правительственной политики промышленного протекционизма на положение сельского хозяйства, а также обострение социальной напряженности в деревне, принявшее к началу XX века характер масштабного социального кризиса. Этот социальный кризис, в свою очередь, имел несколько измерений:

- кризис «крестьянского правопорядка», под которым прежде всего понимается несоответствие новым реалиям законодательства, регулировавшего крестьянское землевладение и землепользование;
 - кризис системы обычно-правового регулирования;
- углубление противоречий внутри крестьянского мира, вызванных усиливающимся имущественным расслоением крестьянства;
- обострение взаимоотношений между крестьянами и частными землевладельцами;
- неэффективность системы управления и самоуправления в российской деревне и в связи с этим рост отчуждения между крестьянской массой и властными структурами и т. д.

Именно на различные проявления социального кризиса на рубеже XIX—XX столетий все чаще обращали внимание как представители поместного дворянства, так и наиболее трезвомыслящие представители властных структур.

Широкий резонанс в российском обществе получил опубликованный в 1898 году «Доклад о некоторых мерах к улучшению благосостояния населения Казанской губернии» Казанскому губернскому земскому собранию князя П. Л. Ухтомского, в котором внимание акцентировалось на негативных сторонах сельской общины. Оговаривая, что «законодательному пересмотру в данном случае может подлежать лишь то, что самим законом и создано», Ухтомский утверждал тем не менее, что таких закрепленных законом проявлений власти общины над личностью крестьянина (притом бросающихся в глаза даже при самом поверхностном знакомстве с проблемой) более чем достаточно. Общине принадлежали колоссальные имущественные права, и прежде всего — полная власть над всеми находящимися в пользовании крестьян землями (кроме усадебных), и она «может переделять эту землю по своему произволу и усмотрению». Миру принадлежало право на часть доходов (в том числе и заработков) каждого общинника, а также «право принудительного труда через отдачу недоимщика в заработки» — то есть значительные налоговые права. Принадлежали общине и «права семейные, как личные, так и имущественные»: например, община имела право вместо главы семьи назначить хозяином любого другого ее члена по собственному усмотрению; правда, такая мера могла применяться лишь в отношении неплательщиков, однако, по словам Ухтомского, «при круговой поруке и при желании быть исправным легко попасть в неисправные»; община имела право производить семейные разделы вопреки согласию родителей и т. д. [5, с. 43—44].

Кроме того, утверждал Ухтомский, миру принадлежала и полицейская власть, осуществлявшаяся «путем приговоров по различным предметам полицейского ведения», а также через выборность должностных полицейских чинов; и обширная судебная власть, «или, лучше сказать, без суда — карательная» (право старосты штрафовать и заключать под арест, а также, по словам Ухтомского, право общины «ссылать в Сибирь тех членов, которые "миру" неугодны»; и, наконец, даже законодательная власть, посколь-

ку, действуя на основании норм обычного права, никем не кодифицированных и не проверенных, мир руководствовался, в сущности, тем, что сам же и устанавливал. Таким образом, делает вывод П. Л. Ухтомский, община не просто обладает колоссальной властью над личностью крестьянина, не оставляя простора для какой-либо инициативы, большинство крестьян не просто живет вне сферы действия норм гражданского права, но, более того, «"миру" принадлежат такие атрибуты власти, которые по государственному праву считаются атрибутами государственного верховенства, державными правами государственной власти» [5, с. 44—45]. Справедливости ради следует отметить, что многие из перечисленных прав община практически никогда не использовала.

Поэтому, по убеждению Ухтомского, не отвергая того, что было создано и поддерживается самой жизнью, но лишь устранив это всевластие общины, власть тем самым не допустит «никакого колебания устоев народной жизни, ибо естественные союзы не нуждаются и не должны искать искусственных поддержек извне». И первым шагом на этом пути должна была стать отмена круговой поруки, в результате чего «община будет введена в общую систему гражданского быта». После этого крестьяне, «оставаясь по добровольному согласию общинниками, станут не по имени только, но и по существу дела, — гражданами земли русской»; самой же общине будет расчищен путь для дальнейшего нормального развития [5, с. 42—43]. Конечно, одной лишь отмены круговой поруки для осуществления всех этих благих целей было явно недостаточно, однако рассчитывать на большее в 1898 году было нереально.

Предельно драматичной представлялась ситуация гласному полтавского губернского земства В. И. Мезенцеву. В поступившей в 1904 г. в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности его записке говорилось о том, что «всероссийское пожарище... не за горами», и для предотвращения его «необходимо безотлагательно разрешить все стороны крестьянского вопроса». При этом отправным пунктом должно стать «полное освобождение личности крестьянина от давления массы, освобождение: юридическое, экономическое и моральное, и образование среди крестьян независимой, самодеятельной и прогрессивной силы». Под влиянием сначала крепостного права, а после его отмены — той правовой среды, в которой оказалось крестьянство (общинный гнет, неправосудность волостных судов, продажность местной администрации и т. д.), по словам Мезенцева, «у крестьян вообще наблюдается отсутствие чувства законности». Такое «состояние народа представляет собою угрозу для всякого общественного порядка»¹.

Примерно о том же писал и известный дворянский деятель С. С. Бехтеев: если до 1861 года руководителем всей крестьянской жизни был помещик, который в своих же интересах должен был заботиться об обеспечении интересов крестьян (например, помогая им в неурожайные годы), то «после реформы все это отпало, вершителем хозяйственных судеб стал мир, в котором руководящую роль... играли мироеды, горланы и всякие кулаки, для коих обеднение сочлена приносило прямую пользу облегчением возможности его закабаления. Значение и роль этих хищников всего лучше определяется самым словом "мироед"» [2, с. 171].

Гайсинский уездный предводитель дворянства Подольской губернии Завойко также видел в качестве основной причины неблагополучия крестьянского землеполь-

¹РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 261. Л. 5 об.—6.

зования зависимое положение крестьянства, стесненного как властью общины, так и излишней правительственной опекой и потому не способного успешно развиваться. Соответственно, по мнению Завойко, причина упадка благосостояния российских крестьян кроется прежде всего в «общей неустойчивости их правового положения». Завойко настаивал на предоставлении крестьянам права распоряжения их землями, обеспечения для них основополагающих личных и имущественных прав¹.

К. А. Вейдлих был убежден в том, что только кардинальное преобразование общинного строя обеспечит в долгосрочной перспективе социальную стабильность в деревне и в стране в целом, поскольку «крестьяне будут тогда заняты всякий на своем участке, отдельно от других, усвоят себе прекрасно понятие о собственности и будут ею дорожить, прекратят свои насильственные стадные противозаконные действия, сделаются сильными экономически и будут служить самым непоколебимым оплотом общественного и государственного строя» [3, с. 89—90].

В условиях обострения кризиса русской деревни о необходимости пересмотра прежней политики в области крестьянского землепользования все более активно начали говорить не только представители центральной администрации (Н. Х. Бунге, затем С. Ю. Витте и его единомышленники), но и руководители губерний, стремившиеся привлечь к этой проблеме внимание монарха. По справедливому замечанию А. Н. Куломзина, «несмотря на приниженность губернаторов, привыкших осматриваться во все стороны прежде, чем поместить в свой годовой отчет какое-либо суждение по вопросам внутренней политики, они в один голос жаловались в отчетах за 1896—98 года на недостаточную деятельность Крестьянского банка»² и предлагали ее существенно активизировать. Такие призывы содержались, в частности, в отчетах руководителей поволжских губерний (Самарской, Саратовской, Симбирской), серьезно страдавших вследствие периодических неурожаев. При этом некоторые губернаторы не ограничивались подобными рекомендациями и указывали на необходимость использовать средства Крестьянского поземельного банка как инструмент коренного преобразования самого характера крестьянского землепользования. Так, волынский губернатор Трепов не побоялся обратить внимание Николая II на то, что, по его мнению, правительство заботится главным образом о поддержке дворянского землевладения, в то время как давно пора было бы прийти на помощь крестьянам «в видах их расселения внутри их наделов при помощи Крестьянского банка», а также поддержать крестьянское землевладение иными «широкими общими мерами экономического характера»³. Еще более определенно высказался в отчете за 1897 г. тульский губернатор Шлиппе, утверждавший, что «упразднение прав общины и круговой поруки послужило бы к подъему благосостояния деревни»⁴. О необходимости окончательного разверстания земель между помещиками и крестьянами заявлял подольский губернатор⁵.

¹РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 985. Л. 231—231 об.

² Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 213. Л. 63.

³ Там же. Л. 64.

⁴Там же.

⁵ Там же. Л. 65.

Самарский губернатор Брянчанинов, отмечая, что с каждым годом увеличивается необходимость выдачи нуждающимся крестьянам разного рода ссуд и пособий за счет казны, указывал, что наряду с зависимостью благосостояния населения губернии от урожайности и, следовательно, от природных условий, такая ситуация во многом обусловлена отсутствием «у значительной части крестьянского населения всякой заботы по обеспечению себя не только семенами, необходимыми для ведения крестьянского хозяйства, но даже продовольствием». При этом Брянчанинов обращал особое внимание на то, что, наряду с «действительно находящимися в безвыходном положении, огромное большинство, имея и достаток, и возможность добыть необходимые средства работой, всеми способами стремятся ввести в заблуждение местные власти, чтобы получить даровой хлеб на пропитание и обсеменение полей»; при проявлении же хотя бы «незначительной самодеятельности со стороны самого населения» размер выданной ссуды легко мог бы быть сокращен по крайней мере вдвое¹.

В своем Всеподданнейшем отчете за 1897 год Брянчанинов, отмечая тяжелое материальное положение значительной части населения Самарской губернии, усугубленное неурожаем, вновь обращал внимание на то, что, наряду «с заявлениями о крайней нужде... со всех сторон приходится слышать, что народ уклоняется от работ. Землевладельцы и арендаторы жалуются на затруднения в приискании рабочих, несмотря на весьма незначительный спрос в сельских хозяйствах на рабочие руки... Такое печальное явление, подмеченное мною и в предыдущие года недородов, объясняется совокупностью причин, таящихся в самом складе крестьянской жизни... причем... большое значение имеют повторяющиеся из года в год недороды хлебов и связанное с ними принятие широких мер помощи со стороны правительства и благотворительных учреждений. Меры эти, при существующем положении хотя и неизбежные, в значительной степени парализуют самодеятельность населения, поощряя лень и тунеядство»².

Возможно, наиболее яркая характеристика сложившейся ситуации была дана в отчете за 1898 г. генерал-губернатора Северо-Западного края В. Н. Троцкого — «человека глубоко честного и порядочного», по словам Куломзина. Троцкий писал: «Поколение крестьян, современное прекращению вотчинной власти помещиков, жило еще под впечатлением прежних порядков, не допускавших своевластия; второе поколение, нынешнее, не сдерживаемое местною сильною властью, уже не чувствует никаких стеснений для дурных инстинктов; оно проявляет пренебрежение к законной власти и склонность к захвату чужой собственности». И весьма показательно то, что Николай II согласился с этим утверждением Троцкого, высказавшись относительно процитированного суждения генерал-губернатора абсолютно однозначно: «И это везде так»³.

Эти слова царя заставляют задуматься: действительно ли, как принято считать, лишь многочисленные выступления крестьян в годы первой российской революции,

¹ГАСамО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1541. Л. 2, 2 об., 7, 7 об., 8.

²Там же. Л. 14—15.

³РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 213. Л. 65.

а также результаты выборов в Первую Государственную думу заставили политическую элиту Российской империи и лично Николая II расстаться с иллюзорными представлениями о том, что сохранение общинных порядков обеспечивает хотя бы относительную стабильность в деревне, а общинное крестьянство является социальной опорой самодержавия? На наш взгляд, доклады губернаторов о реальной ситуации в деревне в конце XIX в. и реакция на них Николая II, который, по словам Куломзина, «все это читал, клал свои отметки, но на этом все и оканчивалось» (несмотря на последующее, как правило, сугубо формальное рассмотрение этих монарших резолюций в Комитете министров), свидетельствуют об ином. И региональная, и центральная власть была прекрасно осведомлена о положении крестьянства и настроениях в крестьянской среде, но продолжала заниматься самообманом, не решаясь приступить к необходимым, но болезненным преобразованиям и повторяя вновь и вновь заявления о верности крестьянства престолу. Информации у властей было достаточно; не хватало политической воли.

Итак, на рубеже XIX—XX столетий многие представители российского дворянства приходили к осознанию причин социального кризиса русской деревни. Все чаще они говорили о том, что за прошедшие после отмены крепостного права десятилетия произошел распад как формальных, так и неформальных институтов, обеспечивавших стабильность в российской деревне; новые же институты не сложились, причем во многом вследствие ошибочной правительственной политики, в основе которой лежала ставка на сохранение общинного строя. Крайне значимой проблемой, на которую представители дворянства систематически обращали внимание властей, являлось нараставшее озлобление крестьянства как в отношении дворян-землевладельцев, так и в отношении представителей государственной власти. Предпринимавшиеся властями попытки идти навстречу «духовным потребностям народа» посредством открытия школ, постройки дополнительных церквей и т. д., естественно, ничуть не смягчали враждебности крестьян. Очень болезненными для землевладельцев являлись, помимо прочего, растущие с каждым годом сложности в найме работников, которые отказывались работать в дворянских хозяйствах даже за реально высокую плату, и их противодействие принимало порой характер всеобщей забастовки в самую страдную пору (ситуация, немыслимая в период классического аграрного кризиса). Во многом именно в силу указанных обстоятельств, а не только (и не столько) по экономическим причинам, масштабы частного землевладения сокращались еще до революции 1905 г., что в целом ряде случаев негативно влияло и на экономическую ситуацию в деревне, и на эффективность структур местного управления [1].

Со стороны представителей дворянства во властные структуры поступали грозные предупреждения о том, что для предотвращения «всероссийского пожарища» властям необходимо безотлагательно приступить к разрешению всех сторон крестьянского вопроса. В различных обращениях и записках справедливо говорилось о том, что под влиянием той правовой среды, в которой оказалось крестьянство после отмены крепостного права (общинный гнет, неправосудность волостных судов, неэффективность и продажность местной администрации и т. д.), у крестьян наблю-

¹РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 213. Л. 66.

дается отсутствие какого-либо чувства законности; такое состояние представляет собой очевидную угрозу для всякого общественного порядка. Однако вплоть до 1905 г. власть так и не нашла в себе силы приступить ни к трансформации общинного строя, ни к другим давно назревшим институциональным преобразованиям в деревне.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Беспалов С. В.* Представители российского дворянства о причинах аграрного кризиса на рубеже XIX—XX вв. / С. В. Беспалов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4.
- 2. Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему / С. С. Бехтеев. Санкт-Петербург, 1902.
- 3. Вейдлих К. А. О нуждах земледельческого класса / К. А. Вейдлих. Винница, 1903.
- 4. Китанина Т. М. «Высочайше учрежденная в 1888 г. Комиссия по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883—1887 гг.)» важный источник по аграрной истории России последней трети XIX века / Т. М. Китанина // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Вологда, 2009. Кн. 1.
- 5. Ухтомский П. Л. Доклад о некоторых мерах к улучшению благосостояния населения Казанской губернии, составленный губернским гласным кн. П. Л. Ухтомским по поручению Губернского экономического совета в исполнение постановления чрезвычайного Казанского губернского земского собрания от 26 сентября 1898 г. / П. Л. Ухтомский. Казань, 1898.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РОССИЙСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ²

Автор обращает внимание на отсутствие сходства между содержанием понятия «аграрная революция» и ее традиционным толкованием.

Ключевые слова: аграрная революция; общинная революция; крестьянская революция.

Понятие «аграрная революция» многопланово и многовариантно. Существует понимание таковой как революции техногенной, стоящей в общем ряду с индустриальной, информационной, научно-технической. Чаще всего говорят о четырех аграрных революциях, каждой со своими определенными чертами, соответствующими данной эпохе: неолитическая, исламская, британская, «зеленая» революция. Термин «неолитическая революция» ввел английский археолог Гордон Чайлд, определяя хронологическими рамками X—III тысячелетия до н. э. переход от культуры охотников и собирателей к земледельческому обществу [17]. Арабская аграрная революция (она же исламская и средневековая зеленая) — термин предложен историком Эндрю Уотсоном в 1974 г. [21]. Речь идет о крупных преобразованиях в сельском хозяйстве Арабского халифата с VIII по XIII в. н. э. О британской (английской) аграрной революции в 2002 г. писал Марк Овертон, включая в нее институционные и технические сдвиги, которые имели место в сельском хозяйстве Англии в период 1500—1850 гг., он же использовал и термин «сельскохозяйственная революция» [20]. И, наконец, термин «зеленая революция» в 1968 г. был введен бывшим директором Агентства США по международному развитию Вильямом Гаудом, пытавшимся охарактеризовать прорыв, достигнутый в производстве продовольствия на планете за счет широкого распространения новых высокопродуктивных научных технологий [19]. Идеолог «зеленой революции» Норман Э. Борлоуг, лауреат Нобелевской премии мира 1970 г., полагал, что «она ознаменовала собой начало новой эры развития сельского хозяйства на планете» [2]. Что бросается в глаза при рассмотрении всех названных революций? Длительный срок их осуществления — от 6—7 тысячелетий в неолитической до 3—5 веков в арабской и британской; даже «зеленой» революции отводится порядка 30 лет. И второй момент: среди последствий этих революций обязательно наличествуют се-

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный университет, d safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00149) «Феномен "красного" повстанчества в Гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

рьезные перемены в самых различных сферах, даже не связанных напрямую с аграрной, и наблюдается общий прогресс.

Применительно к России подобная многовариантность исчезает; аграрная революция в России — явление, однозначно связанное с революцией 1917 г. и Гражданской войной. Сам термин возник в 1920-х гг., когда слово «революция» было исключительно знаковым и применялось к месту и не к месту. Об аграрной революции говорили многие. В самом-самом общем виде подразумевалось, что она разрешила аграрный вопрос, который, в свою очередь, заключался в ликвидации помещичьего землевладения. Если этот вопрос и был в итоге разрешен, то очевидно революционным путем, поскольку ни эволюция, ни реформы сюда не подходили. Подобное достаточно простое толкование термина утвердилось достаточно надолго — ограничиваясь, по понятным причинам, 1918 г. Ликвидация помещичьего землевладения не могла тянуться годами.

Достаточно скоро оформился тезис о неоднозначном характере революции: в городе — пролетарская, антибуржуазная, в деревне — крестьянская, антипомещичья, она отличалась простотой и доступностью. Первоначально об аграрной революции говорили политики (В. И. Ленин и др.), и самозваные «историки-марксисты» (М. Н. Покровский), легко приносившие в жертву своим рассуждениям с претензией на теоретический уровень историческую точность. Так, например, М. Н. Покровский на ІІ Всероссийском съезде пролеткультов 18 ноября 1921 г. заявил, что крестьянская революция тянется с конца XVIII в., с пугачевщины, и что в течение 150 лет крестьянин боролся за право свободно распоряжаться прибавочным продуктом своего труда; если пролетарская революция брала свое начало от Маркса, то крестьянская — с Пугачева [13]. Подобный подход породил бы массу вопросов — а стояла ли такая проблема перед крестьянами в «допугачевскую» эпоху? А в период военного коммунизма? Вот только задавать их в ту пору было некому, а после разгрома так называемой школы Покровского — и незачем.

Показательно, что историки с научной репутацией к обсуждению проблемы аграрной революции привлечены не были: возможно — не допущены, а возможно — не желали заниматься надуманной проблемой. Достаточно скоро думающим людям, поддерживающим советскую власть, стало ясно, что утвердившаяся было версия толкования аграрной революции более чем проста и более чем уязвима. Неудивительно, что в дальнейшем на протяжении десятилетий происходило создание новых и новых вариантов с тенденцией к усложнению общей картины.

Процесс был не непрерывно поступательным; в период доминирования «Краткого курса» с его тезисом о единой и единственной революции в России — социалистической — вопрос аграрной революции потерял актуальность и как бы оказался вне круга проводимых исследований. В итоге аграрная революция стала частью революции октябрьской — что означало помимо прочих моментов: те же хронологические рамки, те же цели, задачи, способы решения. Отсюда содержанием аграрной революции стали те мероприятия коммунистической власти рассматриваемого периода, которые можно было отнести к аграрной сфере: ликвидация остатков помещичьего землевладения, попытки создания «социалистического» уклада в сельском хозяйстве (коммун, совхозов), деятельность комбедов и т. д. Соединяя социалистическую революцию и революцию аграрную, авторы, естественно, исходили из презумпщии того, что

социальная революция была необходима, а это автоматически делало необходимой и аграрную. При таком взгляде положительные результаты предполагаются априори.

В дальнейшем исследователи неоднократно возвращались к проблеме, предлагая свое понимание революции в деревне, акцентируя внимание на необходимости углубления содержания этого понятия. Так, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. концепцию о двух этапах Октябрьской революции в деревне сформулировал В. П. Данилов [5, с. 453]. В 1970 г. Л. М. Горюшкин обратил внимание на то, что понимать под аграрной революцией преобразования только в области землевладения и землепользования явно недостаточно; он предлагал включить также перемены «в системе налогов, крестьянского управления, распределения орудий производства и сельхозпродукции между различными группами крестьян» [4]. Еще более решительный шаг сделал в 1971 г. Ю. В. Журов, предложивший понимать под аграрной революцией все изменения на селе, происшедшие после установления советской власти (его вариант названия — «аграрно-крестьянская революция») [7]. В 1977 г. о содержании, времени действия и результатах аграрной революции высказался В. В. Кабанов. Он предлагал сосредоточить внимание на «заземельных» вопросах [8]. Позднее, в 1989 г., исследователь назвал свое предложенное тогда определение «неудачным», но основная идея была верной — «обогатить» содержание понятия «аграрная революция».

При этом все варианты по понятным причинам оставались в рамках концепции единой социалистической революции, ее хронологических рамках. Социалистическая революция определялась исключительно в понятиях марксистской формационной теории — точнее, в том толковании ее, какое было принято в советский период. Отсюда: революция есть радикальное качественное изменение, скачок в развитии общества, открытый разрыв с прежним, ускоренная реализация того, что могло бы получиться эволюционным путем. Задачи, которые решает аграрная революция, и их решения не полностью сочетались со всем вышеперечисленным, но сомнениям места не было.

Безусловно сохранялось влияние классиков. Цитаты В. И. Ленина использовались как ultima ratio в научных спорах. Даже в 1986 г. Э. М. Щагин высказывал мнение, что аграрная революция — это ломка всех крепостнических пережитков в деревне [18, с. 34—35], ссылаясь при этом на В. И. Ленина [11, с. 170]. Позднее, в 1993 г., В. В. Кабанов специально отмечал некоторую вариативность цитат В. И. Ленина, приводя среди прочих и такую: «Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы» [12, с. 182].

Постепенно, как всем известно, историки ушли от абсолютизации цитат. Но фактически сохранилась абсолютизация логических построений — серьезные перемены в условиях революции, в нашем случае — общероссийской, не могут быть ничем иным, как революционными переменами, аграрная революция — упирается в разрешение аграрного вопроса и т. п. Проблема казалась настолько убедительно разработанной, что, казалось, не нуждалась в дальнейшем углубленном изучении.

В определенном смысле разрыв с традицией продемонстрировали В. П. Данилов и Т. Шанин, объявив о крестьянской революции в России в 1902—1922 гг., а также ее определяющей роли для всех других политических и социальных революций

[10, с. 6]. Но, как уже отмечали современные исследователи (напр., В. А. Саблин [14; 15]), аналогия с другими революциями, прежде всего с буржуазной — в части тезиса об активности наиболее заинтересованного в переменах класса, — оставляет вопрос в канве формационного подхода. Приходится констатировать, что полностью за рамки формационного подхода исследователи так и не вышли. Причины этого мы определять не беремся; выскажем предположение, что поначалу в перестроечный период на кардинальный отказ не хватало решимости, отчего все ограничивалось уточнениями. А последующая новая генерация историков воспринимает существующую историографическую картину как некую данность.

Предпринимаемые в настоящее время определенные попытки углубления и уточнения понятий, в частности, теперь уже «крестьянской революции», на наш взгляд, ситуацию никак не улучшают. Так, используемое в литературе новое понятие «общинной революции» трактуется и как «самостоятельный феномен» периода 1902—1922 гг. (О. А. Сухова) [16], и как начальная фаза «крестьянской революции» — периода войны крестьянства против всех — государства, помещиков, хуторян, города (В. М. Бухараев, Д. И. Люкшин) [3, с. 156]. Смешение понятий — так В. В. Кабанов писал о наступающей с конца 1918 г. стадии аграрной (собственно крестьянской), или земельной, революции [9, с. 39] — также не содействует ясности.

Из виду упускается сам смысл происходивших революционных перемен — больше внимания уделяется тому, что делалось, нежели тому, что стало потом. Если во главу угла ставить ликвидацию помещичьего землевладения, то на деле никаких революционных деяний здесь нет — это просто переход земли из рук в руки. Нет революционности и в последствиях — уже ряд исследователей обращает внимание на то, что реальное следствие отъема земли в пользу крестьян — масштабная архаизация деревни и возврат государства к традиционному (аграрному) обществу. Получается, что важнейшим итогом революции явилось реверсивное движение, что входит в конфликт с полагающимися для революции прорывами вперед. Стоит указать на утверждение М. А. Безнина и Т. М. Димони, которые в 2015 г. предложили для периода 1930—1950-х гг. определение «сталинской колхозно-совхозной аграрной революции» [1]. Не разделяя их взглядов о государственном капитализме, протобуржуазии, рабочей аристократии и проч. в советской деревне 1930—1950-х гг., мы, тем не менее, вынуждены признать, что если и говорить об аграрной революции, то это действительно уместнее делать к периоду 1930—1950-х гг.: к оценке этого времени наиболее применим термин «революция», так как в пертурбациях сталинского времени в России явно возник новый тип общества. Еще один авторский аргумент: сталинская аграрная революция, как и любая революция, сопровождалась бедствиями и катастрофами. Возможно, прозвучит несколько странно, но, вероятно, самое любопытное здесь то, что определение в равной степени подходит и для формационного подхода, и для общемирового взгляда на аграрные, или «зеленые», революции.

Тезис, что аграрная революция разрешила аграрный вопрос, по сути, безвариантен. Но недостаточно ясна дефиниция понятия «аграрный вопрос». Сводить ли все к ликвидации помещичьего землевладения? Связывать ли это напрямую с «Декретом о земле»? На наш взгляд, помещичье землевладение было ликвидировано в 1917—1918 гг. фактически явочным порядком, а не потому, как высказываются некоторые авторы, что «Декрет» легитимировал крестьянскую активность.

Единого понимания содержания понятия «аграрный вопрос», которое активно используется, тем не менее — нет; но толкования его различны — достаточно обратиться к интернету, где сразу бросается в глаза вариативность («в широком смысле», «в узком смысле» и т. п.). Еще вопрос: можно ли полагать «аграрную революцию» и «крестьянскую революцию» синонимами (а также «общинную», «земельную»)? В. П. Данилов однозначно связывал крестьянскую революцию с разрешением аграрного вопроса, определяя итоговую дату 1922 г. — годом принятия Земельного кодекса РСФСР, закрепившего «итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции». В 1996 г. В. П. Данилов сформулировал красивое итоговое положение, что «крестьянская революция победила, однако эта победа оказалась равносильной поражению» [6]. И действительно, достаточно скоро на смену победившей аграрной революции пришла, используя аналогию, — аграрная контрреволюция, когда власть, по сути, пересмотрела многое в аграрной сфере.

Не призывая к радикальному пересмотру содержания понятия «аграрная революция», ее хронологических рамок, последствий, цены и т. п., хотелось бы призвать исследователей более ответственно относиться к использованию данного термина, как и других, связанных с ним.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Безнин М. А. Сталинская колхозно-совхозная аграрная революция [Электронный ресурс] / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 3, ч. 3. URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/03/50166 (дата обращения: 25.03.2019).
- 2. *Борлоуг Норман Э*. «Зеленая революция»: вчера, сегодня и завтра / Норман Э. Борлоуг URL: http://www.ecolife.ru/jornal/econ/2001-4-1.shtml. (дата обращения 25.03.2020).
- 3. *Бухараев В. М.* Российская смута начала XX века как общинная революция / В. М. Бухараев, Д. И. Люкшин // Историческая наука в изменяющемся мире. Казань, 1994. Вып. 2.— С. 154—157.
- 4. *Горюшкин Л. М.* Проблемы истории крестьянства Сибири в период Октября и Гражданской войны / Л. М. Горюшкин // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1970. Вып. 2, № 6. С. 22—24.
- 5. Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства / В. П. Данилов // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. Москва, 1962. С. 452—453.
- 6. Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг. [Электронный ресурс] / В. П. Данилов. URL: http://www.patriotica.ru/history/danilov_rev.html (дата обращения: 01.06.2020).
- 7. Журов Ю. В. Проблемы аграрной революции в Сибири / Ю. В. Журов // Проблемы истории советского общества Сибири (материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири). Новосибирск, 1970. Вып. 3: История крестьянства советской Сибири. С. 116—123.
- 8. *Кабанов В. В.* Аграрная революция в России / В. В. Кабанов // Вопросы истории. 1989. \mathbb{N}° 11. С. 28—44.
- 9. *Кабанов В. В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке / В. В. Кабанов // Отечественная история. 1993. № 2. С. 34—46.

- 10. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы. Тамбов, 1994.
- 11. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции : автореферат / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва, 1968. Т. 17. С. 148—173.
- 12. Ленин В. И. I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Речь по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 года / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва, 1969. Т. 32. С. 168—189.
- 13. Покровский М. Н. Доклад на II съезде пролеткультов / М. Н. Покровский // Бюллетень II Всероссийского съезда пролеткультов. 1921. —
- 14. *Саблин В. А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921 (Социальные и экономические результаты) / В. А. Саблин. Вологда, 2002.
- 15. Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России 1917—1921 годов / В. А. Саблин // Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX начала XXI века: мат. междунар. науч. конф., Витебск Псков, 27 февраля 3 марта 2017 г. Витебск, 2017. С. 159—163.
- 16. Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902—1922 гг.: по материалам Среднего Поволжья: дисс. ... д-ра ист. наук / О. А. Сухова. Пенза, 2007.
- 17. Чайлд Гордон. У истоков европейской цивилизации / Гордон Чайлд. Москва, 1952.
- 18. Щагин Э. М. Вопросы теории и истории аграрной революции в России в современной советской историографии / Э. М. Щагин // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Москва, 1986. С. 34—35.
- 19. *Gaud William S*. The Green Revolution: Accomplishments and Apprehensions / William S. Gaud URL: www.agbioworld.org (8 March 1968) (date of access: 25.03.2020).
- 20. *Overton Mark*. Agricultural Revolution in England 1500—1850 / Mark Overton. Cambridge, 2002.
- 21. *Watson Andrew M*. The Arab Agricultural Revolution and Its Diffusion, 700—1100 / Andrew M. Watson // The Journal of Economic History. 1974. No. 34 (1). P. 8—35.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РОССИИ В АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917—1921 ГОДОВ²

Развитие процессов модернизации аграрной сферы Европейского Севера России в начале XX столетия наталкивалось на прямое противодействие крестьянского «мира», имевшего свое видение путей справедливого разрешения аграрного вопроса, сводившегося в основе своей к ликвидации поземельной собственности и уравнительному землепользованию. Совершившаяся аграрная революция 1917—1921 гг. привела к торжеству архаики и победе аграрного строя, базирующегося на основе мелкого парцеллярного производства.

Ключевые слова: аграрная революция; крестьянский двор; передел земли; поземельные отношения; землеустройство.

В начале XX века процесс модернизации аграрной сферы региона, основу которой составляло парцеллярное хозяйство, находился на стадии превращения натурального производства в товарное [12, с. 211]. В условиях катастрофического малоземелья интересы мелкой парцеллы приходили во все большее противоречие с интересами государства — главного земельного собственника на Европейском Севере и немногочисленного слоя частных владельцев земли (помещиков, хуторян и отрубников). Размер надельной земли путем покупки земли у помещиков непосредственно или через Крестьянский банк, а также за счет казенной земли, поступившей к крестьянам в виде дополнительных наделов в ходе дореволюционного землеустройства, постепенно увеличивался. Так, из каждых 100 дес. земли 71 % в 1887 г. приходился на крестьянские земли, а на владельческие — 29 %. В 1905 г. эта пропорция составляла 86 и 14 %, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. — 94 и 6 % [1, с. 13]³.

Достаточно емко специфику поземельных отношений на Европейском Севере иллюстрировали ответы крестьян на вопросы анкетирования, проводимого в июле-августе 1917 г. Вологодским губернским земельным комитетом с целью конкретизации «Общего плана деятельности комитетов по подготовке земельной реформы», состав-

¹ Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, sablin@inbox.ru, Россия, г. Вологда.

 $^{^2}$ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00238) «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920—1930-е годы».

 $^{^3}$ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. М., 1923. Вып. 2. С. 2—5, 14—19, 30—32; Статистический сборник за 1913—1917 гг. Труды ЦСУ. Т. VII. М., 1921. Вып. 1. С. 208—223.

ленного по инициативе Временного правительства Главным земельным комитетом. В глазах крестьянского сообщества требование окончательного упразднения частной собственности на землю во всех ее видах представлялось абсолютным. Наиболее радикально предлагалось решить судьбу частных земель, сдававшихся в аренду (в условиях региона это, как правило, помещичьи земли). Бесспорным выглядело требование передачи заведования казенными и удельными лесами в руки народа или крестьянских организаций. Предпочтительной формой землепользования признавалось общинное пользование (деревня была единодушна в неприятии артельного земледелия). При этом в большинстве ответов содержалось предложение о бессрочном переделе земли по трудовой или, реже, потребительской норме. Своеобразный общинный эгоизм проявлялся в отказе о наделении землей живущего на стороне населения [17, с. 564—584].

В соседнем с Вологодской губернией Шенкурском уезде Архангельской губернии сводный анализ ответов на аналогичную анкету «О желательности направления земельной реформы» был опубликован уже в 1918 г. Мнение здешних крестьян практически не расходилось с позицией вологжан. Отличием являлось то, что уезд был единодушен в признании прав на землю только за приписным населением, и то, что шенкурская деревня категорически высказалась за недопустимость отвода земли под хутора и отруба. 254 хуторских двора, существовавших в уезде, предлагалось немедленно свести в общинный пай. Не случайно, что уже в июне 1917 г. первый уездный крестьянский съезд вынес резолюцию «за скорейшее уничтожение злейшего врага крестьянина — столыпинского землеустройства» [11, с. 30].

Все вышеотмеченное объясняет тот факт, что уже весной 1917 г. на Европейском Севере отмечались выступления крестьян, направленные на разгром помещичьих усадеб, раздел хуторов и удельных земель. В первые же дни марта 1917 г. крестьяне разгромили усадьбу Антоново и сожгли усадьбу в Троицком имении Тотемского уезда Вологодской губернии. Из Спасской волости того же уезда сообщалось, что в деревнях появляются люди, агитирующие за немедленный раздел отрубов и примыкающих к их наделам удельных земель. В апреле-мае 1917 г. правительственные комиссары Тотемского, Вельского, Великоустюгского, Грязовецкого и других уездов доносили в Министерство внутренних дел об аграрных беспорядках, захватах земель хуторян, отказе от уплаты за аренду удельных и государственных земель [7, с. 288—289]. Массовый характер приняли самовольные порубки в казенных лесах. К осени 1917 г. стихия «черного передела» затронула даже самые глухие селения северных губерний. Формы и методы его проведения мало чем отличались от поведения крестьянства других регионов страны [7, с. 272—312]. Правда, степень напряжения крестьянской борьбы была здесь гораздо ниже (в течение мая-октября 1917 г. в Архангельской и Вологодской губерниях было зафиксировано всего 14 антипомещичьих выступлений [8, с. 41]).

Главная причина определенной сдержанности северного крестьянства состояла в том, что от аграрной реформы северная деревня ждала не только ликвидации земельной собственности, но, в первую очередь, упорядоченного землепользования и возможной прирезки наделов за счет казенных лесов. С осени 1917 г. крестьянские выступления стали отличаться большим радикализмом. Связано это было с ростом

¹Вестник земельно-лесного дела. 1918. № 10. С. 22—28.

нетерпения, общей усталостью от неопределенности обстановки и ухудшения экономической ситуации. Инициатива в земельных делах переходила в руки возвращавшихся фронтовиков (только в сентябре 1917 — начале 1918 г. в северные деревни вернулось свыше 150 тыс. солдат), желавших немедленно получить землю.

Основополагающие аграрные законы большевиков — «Декрет о земле» и «Основной закон о социализации земли», несмотря на декларативный тон первого и эсеровское облачение второго, не затушевывали главного в их содержании — запрещения права частной земельной собственности и национализации земли. Устоявшимся положением современной историографии этой проблемы стало то, что за дефиницией «обращение земли в общенациональную собственность» скрывалось простое огосударствление земли и превращение крестьян в ее пользователей. Если «Декрет о земле» и «Основной закон о социализации земли» определяли землю как общенародное достояние, то после установления однопартийного политического строя на основании принятого ВЦИК Положения «О социалистическом землеустройстве» от 13 февраля 1919 г. вся земля считалась единым государственным фондом, находящимся в непосредственном заведовании и распоряжении соответственных народных комиссаров и подведомственных им местных органов власти. Взяв в пользование помещичьи земли, крестьянство утратило право собственности на свои, выкупленные им потом и кровью после реформы 1861 г. [21, с. 72—94].

С принятием СНК РСФСР 14 мая 1918 г. «Основного закона о лесах» в стране была проведена фактическая национализация лесов [13, с. 67—68]. Хотя, в принципе, уже «Декрет о земле» и «Основной закон о социализации земли» предусматривали передачу лесов в общенациональное достояние и заведование ими местными земельными органами. На Европейском Севере этот процесс отличался рядом особенностей. Если в Архангельской губернии леса перешли в заведование земельных комитетов еще в январе 1918 г. в Вологодской — передача лесов под контроль земельных органов была осуществлена весной 1918 г. то губернский земельный комитет Олонецкой губернии настаивал на разделении лесов между волостями, селами и отдельными крестьянами. До мая 1918 г. комитет выступал против национализации лесов, затем, после издания «Основного закона о лесах», принял в свое ведение все леса губернии, с тем расчетом, чтобы в дальнейшем выделить из них так называемые «леса местного пользования» с правом распоряжения ими сельскими и волостными органами. Состоявшийся в начале июня 1918 г. І губернский съезд земельных органов вынес решение об оставлении «лесов местного пользования в ведении сельских обществ»³.

Причина такой политики крылась в следующем: в ходе дореволюционного землеустройства крестьян для определения размера душевого надела было взято за основу существующее в губернии подсечное полеводство. С 1900 г. крестьянам разрешалась продажа леса, негодного для сжигания на подсеках (главным образом строевого). С 1902 по 1914 г. крестьяне продали своего леса на 7,5 млн руб. Защищая такой поря-

 $^{^{1}}$ IV сессия Архангельского губернского земельного комитета (протоколы и доклады). Архангельск, 1918. С. 241.

²Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 79; Д. 137. Л. 79.

³ Олонецкий кооператор. 1919. № 2—3. С. 19; № 8—9. С. 16.

док и после 1918 г., власти рассчитывали оставить мужику стабильный источник дохода. Принятые решения были отменены Всероссийским съездом земельных отделов в декабре 1918 г. Впрочем, в годы нэпа центральная власть пошла на такую меру, как разграничение лесов государственного и местного значения, признав тем самым разумность ранее отвергаемых требований.

Вряд ли деревня тогда и после задумывалась о политико-правовой стороне национализации земли. Для нее гораздо важнее было осознание того, что власть не препятствует ее стремлению к разрешению вековой проблемы в своих интересах.

Характер протекания аграрной революции на Европейском Севере в 1917—1921 гг. нашел отражение в работах, опубликованных автором [16], поэтому остановимся лишь на наиболее значимых моментах, имеющих непосредственное отношение к анализируемой теме. Противостояние общинников и частных владельцев земли завершилось полной победой идей уравнительности. Подчеркнем еще раз, что община на Севере не проводила резкой разницы между собственниками земли. Ее в одинаковой степени раздражали как помещичья, церковная и монастырская земельная собственность, так и земля собрата-крестьянина, выделившегося из общины и укрепившего в собственность свой надел. Именно эти земли в начальной стадии «черного передела» подверглись распределению [20, с. 263—265].

На Севере завершение процесса ликвидации и распределения «владельческих земель», отличавшееся наибольшей интенсивностью в 1918 г., связано с 1919 г., а в ряде отдаленных районов — и с началом 1920 г. В конце 1918 — начале 1919 г. была осуществлена конфискация «нетрудовых владений» в Олонецкой губернии. К ноябрю 1918 г. частновладельческое землевладение в основном было ликвидировано в Северо-Двинской губернии. В Архангельской губернии до свержения советской власти в начале августа 1918 г. конфискации проводились лишь в Архангельском, Холмогорском, Онежском, Пинежском, Шенкурском уездах¹. В остальных уездах советские аграрные преобразования возобновились с весны 1920 г. после падения в крае белой власти [5, с. 28; 6, с. 30; 10, с. 176; 14, с. 10; 15, с. 53].

Таким образом, в ходе уравнительного передела 1917—1920 гг. полностью исчезло помещичье, церковное и монастырское землевладение. 31 % крестьянских хуторов и отрубов Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний также пошли в общий раздел [20, с. 266]. К разряду «владельческих» были повсеместно отнесены крестьянские купчие земли. Как правило, эти земли уравнивали с надельной землей и передавали в распоряжение общества, в которое входил покупщик. Причем эта тенденция преобладала там, где наблюдалась наибольшая земельная теснота. По данным Я. Бляхера, в 62 % селений единоличные купчие земли поступали в общий раздел. Соответственно в 36 % — оставались за прежними владельцами в том случае, если они наряду с надельной землей не превышали принятой здесь нормы наделения. В 2 % селений была проведена частичная отрезка земли свыше нормы. Товарищеские купчие земли переделялись в 53 % деревень [1, с. 14].

 $^{^{1}}$ Вестник областного комиссариата земледелия. 1919. № 6. С. 805; № 7. С. 210, 218; № 18. С. 523; 4 месяца советской власти в Архангельской губернии (Материалы 4-го губернского съезда Советов). Архангельск, 1920. С. 130—138; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 8. Д. 5. Л. 8, 9 об., 13—16, 18, 30; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 817. Л. 26.

Подходя к вопросу о том, какая площадь бывших «нетрудовых» земель перешла в руки северного крестьянства в ходе аграрных преобразований 1917—1920 гг., следует учитывать факт реального завершения конфискации частновладельческих хозяйств. В 1937 г. ЦУНХУ Госплана СССР опубликовало сведения, согласно которым за 20 лет, прошедших с октября 1917 г., прирост крестьянского землепользования в стране составил 156,1 млн га, из которых 150 млн га приходилось на бывшие помещичьи, удельные и монастырские земли. Сегодня эта цифра воспроизводится на страницах различных публикаций со значительной долей скепсиса. Еще в 1979 г. В. П. Данилов [4, с. 264—287] пришел к выводу, что большинство итоговых сводок Наркомзема 1918—1921 гг. весьма противоречивы и неполны и лишь позволяют судить о последовательности перераспределения земли. В первую очередь это касается сводной поуездной ведомости использования земель «нетрудового фонда» на 1 ноября 1918 г. С некоторой доработкой она была опубликована в 1954 г. и стала наиболее цитируемой в исследованиях на эту тему¹. Сопоставление архивных материалов о распределении частновладельческих земель за 1919—1921 гг. позволяет хотя бы приблизительно определить изменение размеров крестьянского землепользования в северных губерниях. Его прирост был крайне незначителен [4, с. 284, 285, 291]: 2,1 % — по предварительным сведениям 1919 г., 3,8 % — по сведениям 1920 г., 3,8 % — по сведениям 1921—1922 гг.²

Ликвидация частного землевладения сопровождалось, как правило, изъятием значительного количества скота, инвентаря и сельскохозяйственных построек. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям из Вологодской и Северо-Двинской губерний, представленным к 15 сентября 1918 г., земельные отделы приняли на учет 779 «имений» общей площадью в 108 593 дес. Было конфисковано или взято на учет 2577 хозяйственных построек, 2132 головы крупного и 2514 голов мелкого скота, 1676 сельскохозяйственных орудий и 460 машин, 6627 единиц мелкого инвентаря и 63 единицы заводской техники³. Нет сомнений в том, что со временем большая часть конфискованного попала в руки крестьян или была распылена, часть перешла во владение совхозов, продана с торгов или передана на прокатные пункты (Олонецкая губерния)⁴.

Земли, находившиеся ранее в распоряжении государственной власти (казны и удела) и сдававшиеся крестьянам в качестве оброчных статей, по общему правилу поступали в распределение наравне с другими землями и передавались в бесплатное пользование крестьян. Общая их площадь на Севере составляла в 1917 г. 135 583 дес. с арендной платой 151 233,5 руб. в год⁵. Сбор оброков с этих земель прекращался с 1 января 1918 г. [19, с. 159—162].

 $^{^{1}}$ Аграрная политика советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы. Москва, 1954. С. 498—506.

²РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 2008. Л. 7—8, 54 об., 200—200 об.; Д. 2009. Л. 138—140 об.

³ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 76. Л. 63.

⁴ Отчуждение и использование сельскохозяйственного инвентаря. Материалы по земельной реформе 1918 года. Москва, 1918. Вып. VI. C. 6.

 $^{^5}$ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 737. Л. 2, 9, 12 об., 13; ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 137. Л. 79; РГАЭ. Ф 478. Оп. 6. Д. 2008. Л. 28 об.

Известная гибкость и учет своеобразия местных условий требовались от земельных органов при определении судьбы земельных участков, возделанных из-под леса, так называемых росчистей-новинок, полянок, подсек и перелогов. Расчистки практиковались крестьянами абсолютно всех северных губерний, но потому, что они имели разный правовой статус, определить их общую площадь было фактически невозможно — выделялись расчистки в казенных лесах, владение которыми регламентировалось законами 1826 и 1835 гг., определившими, в частности, 40-летний срок пользования ими, и законами 1873 и 1884 гг. для Архангельской губернии, оставлявшими расчистки за прежними владельцами на срок свыше 40 лет¹, а также расчистки на надельных землях, основанных на местных обычаях, мирских приговорах, на захватном праве со сроком пользования в 6, 12—20, 40 и более лет, «до следующего передела» и т. п.²

Подсеки и перелоги практиковались в Великоустюгском и Сольвычегодском уездах Северо-Двинской и, особенно, в Олонецкой губернии. В последней подсечно-переложное земледелие сохраняло свое значение как система хозяйствования. Наибольшее число «казенных» расчисток находилось в Архангельской губернии. В 1917—1919 гг. их площадь составляла 107704 дес.³

По отношению ко всей надельной земле расчистки составляли 27 %. К производству расчисток прибегали 33 % всех хозяйств губернии. При этом средняя площадь расчистки, как правило, превышала средний размер душевого надела. «Разодрать» расчистку было под силу прежде всего состоятельным крестьянам, но к такому способу расширения землевладения прибегали также середняцкие и бедняцкие хозяйства. Интересно, что сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала в губернии 200 хозяйств, существовавших исключительно на расчистках [9, с. 24].

На первых порах изъятию подлежали расчистки, которые превышали местную норму надела, либо были куплены, либо запущены владельцами [6, с. 30]. Иногда расчистки и распашки оставались за старыми владельцами «до окончания срока пользования» (Великоустюгский, Вытегорский, Усть-Сысольский уезды)⁴, если при обработке не применялся наемный труд (Пудожский уезд)⁵, «до оправдания расходов по обработке» (Мезенский, Сольвычегодский уезд)⁶ и т. п. В случае изъятия таких земель назначалась особая оценочная комиссия «из добросовестных людей», которая

 $^{^1}$ Великоустюгский центральный архив (ВЦА). Ф. 54. Оп. 1. Д. 7. Л. 36, 103; ГААО. Ф. 105. Оп. 12. Д. 2. Л. 102 об.; ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 25. Л. 53; Д. 137. Л. 79; Д. 332. Л. 271—272; Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р-410. Оп. 1. Л. 214. Д. 3; Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 4—7; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 589. Л. 10 об., 12; Д. 643. Л. 26; Д. 732. Л. 38 об.; Положения, принятые IV сессией Архангельского губернского земельного комитета. Архангельск, 1918. С. 2.

² Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 15 дек.

³ Статистический сборник за 1913—1917 гг. С. 166.

 $^{^4}$ ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 15. Л. 15 об.; НАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7/66. Л. 3; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1016. Л. 21.

⁵ РГАЭ. Оп. 6. Ф. 478. Д. 813. Л. 191—192 об.

⁶ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 111 об.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 743. Л. 164.

определяла размер вознаграждения хозяину расчистки (Каргопольский, Лодейнопольский, Сольвычегодский и др. уезды) 1 .

Со временем все расчистки были пущены в общий раздел. Решение об общем переделе расчисток и распашек в Архангельской губернии было принято в июне 1918 г. (при белой власти была предпринята попытка создать на основе расчисток систему трудового землепользования на правах бессрочной аренды, но ее постигла неудача [9, c. 9—24] главным образом из-за противодействия крестьянства), в Северо-Двинской — в ноябре $1920 \, \mathrm{г.}^2$

Разработка подсек противоречила Основному закону о лесах 1918 г., но, как отмечалось в докладе лесного подотдела Яренского уездного земельного отдела в сентябре 1919 г., «население пошло самостийно по своему пути, обходя существующие правила и планы правительства»³.

Кардинальная ломка поземельных отношений касалась на Севере, в первую очередь, крестьянских надельных земель. Власть санкционировала их перераспределение. Именно «поравнение» крестьянских наделов довело до логического завершения механику «черного передела». По закону землей наделялись все желающие ее обрабатывать. Решения об этом, как правило, принимались соответствующими земельными органами зимой и ранней весной 1918 г., и уже тогда в ряде мест стали осуществляться переделы [22, с. 248—266].

Выполнение основного объема работ брали на себя земельные общины, которые относились к вопросу наделения землей довольно избирательно. Учитывались местные особенности земледелия, способности и желание населения работать на земле. Например, в Великоустюгском уезде Северо-Двинской губернии по разным причинам 419 крестьянских хозяйств не получили земли. 55 хозяйствам Палемской волости было отказано в наделении землей «вследствие подачи заявления после раздела земли в 1918 г. и частью по нежеланию обрабатывать землю», 30 дворам Богоявленской волости — «по нежеланию заниматься крестьянством и землепашеством», 150 дворам Пятницкой волости — «по различным причинам согласно "Основному закону о социализации земли"», 50 хозяйствам Забелинской волости — по причине отсутствия хозяев при разделе, но в основном «потому, что долго не обрабатывали» свои наделы, 12 хозяйствам Новогеоргиевской волости — «ввиду незаявления и необработки наличным трудом», 7 дворам Удимской волости — «по личному отказу от надела», 10 дворам Грибошинской волости — по причине личного отказа от земли, в том числе четырем из них «как слабосильным», 16 дворам Вострой волости — «по личному нежеланию обрабатывать землю», 74 дворам Трегубовской волости — по причине собственного отказа от надела, 15 дворам Шемогодской волости — «за проживанием в других волостях»⁴.

С мая месяца одновременно с распределением частновладельческих земель повсеместно приступили к «уверстке» крестьянской земли и делили пашню под яровой

¹ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 64. Л. 201 об.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 811. Л. 4 об.; Д. 813. Л. 16.

² Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 170. Л. 76.

³ НАРК. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 74. Л. 19 об.

⁴ВЦА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 115. Л. 44.

посев. Летом разделу подверглись сенокосы и пары, под осень решали судьбу озимых посевов. В тех районах, где земельная теснота считалась невыносимой, это делалось путем сплошных, «повальных» переделов, где земельный вопрос не был столь обострен — посредством «скидок-накидок», т. е. отрезки или прирезки земли нуждающимся. «Черный передел» преобладал в Вологодской (до 2/3 крестьянских хозяйств¹) и Северо-Двинской губерниях².

В Архангельской и Олонецкой губерниях, исходя из характера землевладения, склонялись к мысли о дополнительном наделе за счет земель, которые по «Основному закону о социализации земли» должны были перейти в земельный фонд³. Поэтому общие переделы производились лишь в Мезенском и Холмогорском уездах Архангельской губернии, Повенецком и Пудожском уездах Олонецкой губернии. Так, в 40 из 104 волостей Архангельской губернии прошли переделы, что составляло 38,6 % от всех волостей. Причем переделы охватили лишь 153 земельные общины из 666 — 23 %⁴.

Разверстание земли в 1918 г. не означало прекращения переделов и в последующие годы вплоть до начала коллективизации в конце 1920-х гг. «Основной закон о социализации земли» и соответствующие подзаконные акты предусматривали единый принцип наделения землей на основе «потребительно-трудовой нормы». В законе даже содержалась инструкция о порядке выработки таковой. По причине весьма громоздкого принципа ее исчисления на местах она не применялась. Как правило, в этом вопросе инициатива оставалась за общинами, волостными и уездными структурами. Нет необходимости говорить о том, какой размах приняло в стране земельное нормотворчество. На Севере преобладал упрощенный вариант рекомендованной нормы — по едокам.

В процессе переделов постепенно сглаживалась земельная дифференциация, но в то же время они вносили заметную путаницу в хозяйственный строй деревни, усугубляя неустойчивость землепользования, и снижали общий уровень сельскохозяйственного производства. Не случайно поэтому мероприятия по упорядочению землепользования становятся доминирующими в земельной политике советских органов, исходивших из необходимости регулирования и ограничения переделов. Осуществление переделов при этом было поставлено в зависимость от проведения так называемого социалистического землеустройства⁵. Распоряжения Наркомзема по ограничению сплошных переделов были закреплены Декретом СНК РСФСР «О переделах земли» от 30 апреля 1920 г., согласно которому полные переделы запрещались в тех

¹ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 352. Л. 36.

 $^{^2}$ Там же. Ф. 20. Оп. 2. Д. 3388. Л. 4—18; Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 19; Д. 55. Л. 18—23; Д 332. Л. 270; ВЦА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 98, 51 об.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 643. Л. 10 об.; Д. 732. Л. 37; Д. 757. Л. 12 об., 22; Ф. 1943. Оп. 1. Д. 3007. Л. 93 об.

³ГААО. Ф. 1868. Оп. 1. Д. 219. Л. 127.

⁴ Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись по Архангельской губернии. Архангельск, 1920. Вып. 2. С. 176—255.

⁵ Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству Вологодского губернского подотдела землеустройства 1918—1920 гг. Грязовец, 1921. С. 79.

общинах, где произошло временное распределение земли в 1918—1919 гг. на срок «до завершения землеустроительных работ в порядке Положения о социалистическом землеустройстве». Переделы пахотных земель в целях уравнения землепользования ограничивались тремя севооборотами, т. е. не менее чем девятью годами¹. Частичное «поравнение» земли существенно не регламентировалось.

Население отнеслось к запретительным постановлениям весьма сдержанно. Причина сдержанности крестьян скрывалась, очевидно, в том, что декрет мало влиял на передельную практику, т. к. допускал возможность общих переделов в тех сельских обществах, где они не были осуществлены в 1918—1919 гг., кроме того, предусматривал возможность досрочных переделов. С другой стороны, декрет не разрешал самой важной для северного крестьянина проблемы — ликвидации острейшего малоземелья.

Основное значение законодательства о переделах заключалось в разработке целой системы мер, направленных на упорядочение землепользования. Принятые на местах инструкции по его применению исходили именно из этих принципиальных положений. Полные переделы пахотной земли запрещались повсеместно «впредь до проведения в жизнь социалистического землеустройства». Срок всех состоявшихся переделов ограничивался в Архангельской губернии — 9, в Вологодской — 12—16, Олонецкой — 15 годами. Досрочные переделы допускались только в порядке землеустройства при непременном условии перехода сельского общества к многопольному севообороту, ликвидации чересполосицы и мелкополосицы. Частичные «поравнения» разрешались в том случае, когда выяснялось, что землепользователи оставляют участки необработанными или запускают их под сенокос, отказываются от «унавоживания» и т. п. Существенной стороной принятых постановлений являлось требование создания в каждой волости запасного земельного фонда для наделения землей вновь прибывших².

Среди аграрных мероприятий важное место занимали работы по упорядочению пользования сенокосными участками. Известно, что в 1918—1919 гг. перераспределение сенокосов происходило наряду с пашней на уравнительных принципах по едокам. Такой же порядок сохранился в ряде уездов, в частности, в Никольском Северо-Двинской губернии, и в 1920 г. Жизнь показала: в результате частых переделов уже в 1919 г. большое количество лугов оказалось заброшенным, что отрицательно сказалось на общем состоянии сельского хозяйства. Меры по ограничению переделов сенокосов в 1919—1920-х гг. не дали значительных результатов.

В конце 1920 г. земельные органы северных губерний выработали принципиально новый подход к этому вопросу. В каждой волости особые комиссии проводили учет всех душевых угодий, на основе которого в 1921 г. планировалось произвести коренной передел всех сенокосов, исходя из количества скота и пашни

¹Декреты советской власти. Москва, 1976. Т. VIII. С. 128.

²НАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 33/502. Л. 142 об.; Временные правила Вологодского губземотдела о землепользовании в губернии. Вологда, 1921. С. 3, 4; Справочник о землепользовании в Архангельской губернии (Деревенская конституция). Архангельск, 1921. С. 17—19.

³ ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 519. Л. 250 об.; Плуг и молот. 1920. 16 мая.

в каждом хозяйстве. Излишки поступали в государственный фонд «для удовлетворения общегосударственных нужд», из запасного фонда наделялись участками все нуждающиеся¹.

Наметившиеся сдвиги в упорядочении землепользования получали дальнейшее развитие в проведении государственных землеустроительных работ. Более того, успех многих мероприятий прямо зависел от завершенности или незавершенности землеустройства. По плану 1919 г. в северных губерниях землеустроительные работы должны были проводиться на площади свыше 2 млн дес. Практика показала непосильность поставленных задач. Невозможным оказалось провести земельные работы без широких земельно-оценочных изысканий, которые отвлекали основные силы землеустроителей². С другой стороны, активизация военных действий весной и летом 1919 г. свела на нет уже проведенные мероприятия. В итоге работы были закончены в одной Вологодской губернии на площади в 14 996 дес. Разверстание волостных землеотводов составило 53 % всех выполненных дел, отводы совхозам — 9 %, коммунам и артелям — 33 % и т. д.³

В 1920 г. землеустройством было охвачено 433 496 дес. и землеустроено к 1 ноября 1920 г. 176 937 дес. земли 4 . Ведущее место в работах по землеустройству занимало межволостное и межселенное устройство. Отводы волостям и их разверстание составили почти 84 % всех выполненных работ (148 587 дес.). Во внутриселенном землеустройстве преобладали внеочередные отводы земли артелям и коммунам — 10 % от всех работ (17 783 дес.), а также совхозам — 4,5 % (8001 дес.). До землеустройства единоличных хозяйств, на что больше всего надеялись крестьяне, по сути дела, ни в 1919 г., ни в 1920 г. руки не доходили. Поэтому государственное землеустройство не смогло существенно повлиять на общинные переделы земли и в целом на внутриобщинное землепользование, что явилось одной из основных причин продолжавших ся переделов.

В конечном итоге революция привела к исчезновению частных форм владения землей. На вопрос о том, что собой представляла система землепользования на Европейском Севере к концу Гражданской войны, позволяют ответить материалы частичного земельного обследования, проведенного ЦСУ в 1922 г. Оно было привязано к гнездовой сельскохозяйственной переписи и охватило в каждом исследованном регионе примерно 10 % крестьянских хозяйств и 1/10 часть земельной площади. Разумеется, материалы данного исследования не поддаются никакой экстраполяции и могут лишь служить базой для определения процентного соотношения между раз-

 $^{^{1}}$ Временные правила Вологодского губземотдела о землепользовании в губернии. Вологда, 1921. С. 4, 7; ВЦА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 198. Л. 28; Д. 454. Л. 14.

 $^{^2}$ ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 303. Л. 94; НАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 15/191. Л. 131 об.; Д. 28/437. Л. 2; Д. 22/326. Л. 32; и др.

 $^{^3}$ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1697. Л. 201. 209; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917—1924 годы. С приложением схематической карты губернии. Вологда, 1926. С. 402.

 $^{^4}$ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 2008. Л. 200 об.; Труды ЦСУ. Т. VIII. Статистический ежегодник 1918—1920 гг. С присоединением сведений за 1921 г. по промышленности и внешней торговле. Москва, 1922. Вып. 2. С. 108—109.

личными категориями землепользователей, для определения средних размеров их землепользования, а также для установления соотношения между земельными угодьями каждой категории землепользователей.

В северном регионе было зарегистрировано 2067 юридических землепользователей, в том числе 1483 общины (71,7 %), 394 отруба (19 %), 161 хутор (7,8 %), 14 совхозов (0,7 %), 15 артелей и коммун (0,8 %) [17, с. 4—5]. Средний размер землепользования на один совхоз составлял 51 дес., на отруб — 10, на хутор — 16, артель — 70, коммуну — 107, земельное общество — 271 дес. В распоряжении крестьян к 1922 г. сосредоточилось 99,8 % всех земель [1, с. 9], до революционного 1917 г., напомним, — 94 % (см. выше).

Таким образом, укреплявшаяся в ходе революции новая система поземельных отношений основывалась на индивидуальном хозяйстве крестьян-общинников. Незначительный прирост крестьянского землепользования — на 3,2 % — при возрастающих темпах увеличения числа дворов в условиях уравнительного землепользования неизбежно приводил к нивелировке крестьянских хозяйств, натурализации производства и преодолению в значительной мере социально-экономического расслоения деревни. В известном смысле можно согласиться со взглядами некоторых экономистов 1920-х гг. об «экономически реакционных» результатах аграрной революции в России или современных историков об «архаизации» послереволюционной деревни. «Аграрная революция в России (событие драматическое и имеющее серьезные последствия) оказалась бесплодной, если не вообще напрасной, по крайней мере, с точки зрения плодотворности ее непосредственных результатов», — писал американский исследователь М. Левин [2, с. 87]. Однако при этом нельзя забывать о том, что крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не отсталыми и архаичными, всякому землевладельцу, по выражению А. В. Гордона, «в черном переделе» противостоял крестьянин-собственник, а не люмпен-пролетарий» [3, с. 18], тем более, что итоги революции в деревне не исчерпывались одной лишь архаизацией, но так или иначе она привела к смене аграрного строя страны и вектора развития сельского социума.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бляхер Я.* Современное землепользование / Я. Бляхер // Народное хозяйство СССР за 1923—24 год. IV статистико-экономический ежегодник. Москва, 1924. С. 6—14.
- 2. Голдин В. И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х 90-е гг.) / В. И. Голдин. Архангельск, 2000.
- 3. *Гордон А. В.* Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е гг. XIX в. 90-е гг. XX в.) / А. В. Гордон // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Москва, 1999. Вып. 3. С. 5—25.
- 4. Данилов В. П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции / В. П. Данилов // Ленинский «Декрет о земле» в действии. Москва, 1979. С. 261—310.
- 5. Дьячков А. Земли Ведомства православного исповедания / А. Дьячков // Журнал отдела земледелия Временного правительства Северной области. 1919. \mathbb{N}^2 2. С. 10—30.

- 6. *Иванов Н. Д.* Первые шаги к социализму: революционные преобразования в экономике Коми края в 1918—1920 гг. / Н. Д. Иванов. Сыктывкар, 1967.
- 7. История северного крестьянства. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985.
- 8. *Кострикин В. И.* Крестьянское движение накануне Октября / В. И. Кострикин // Октябрь и советское крестьянство 1917—1927 гг. Москва, 1977. С. 26—50.
- 9. Мартынов М. Расчистки в Архангельской губернии / М. Мартынов // Журнал Отдела земледелия Временного правительства Северной области. 1919. № І. С. 13—29.
 - 10. Мымрин Г. Е. Октябрь на Севере / Г. Е. Мымрин. Архангельск, 1967.
 - 11. Овсянкин Е. И. Огненная межа / Е. И. Овсянкин. Архангельск, 1997.
- 12. *Островский А. В.* Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861—1914 гг. / А. В. Островский. Санкт-Петербург, 1998.
- 13. *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование: в 2 т. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.) / П. Н. Першин. Москва, 1966.
 - 14. Прошев В. И. За власть Советов / В. И. Прошев. Сыктывкар, 1980.
- 15. *Рапопорт Ю. М.* Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917—1925 / Ю. М. Рапопорт. Ленинград, 1984.
- 16. *Саблин В. А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921 (Социальные и экономические результаты) / В. А. Саблин. Вологда, 2002.
- 17. Саблин В. А. Земледельческое производство на Европейском Севере в первой половине 1920-х гг. (характер восстановительных процессов в северной деревне) / В. А. Саблин // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 3—22.
- 18. Саблин В. А. Крестьянство Севера России в революции и Гражданской войне (1917—1920 годы) / В. А. Саблин // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. Москва, 2002. Т. 2. С. 564—584.
- 19. Саблин В. А. Налоги и повинности в северной деревне в 1917—1920 гг. / В. А. Саблин // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 159—162.
- 20. *Саблин В. А.* Хуторские хозяйства на Европейском Севере в годы Гражданской войны / В. А. Саблин // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе : мат. XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 262—276.
- 21. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке / Г. И. Шмелев. Москва, 2000.
- $22.\ Шумилов\ M.\ И.\ Октябрьская революция на Севере России / М. И. Шумилов. Петрозаводск, 1973.$

СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНОК В УРАЛЬСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ КОММУНАХ (1918—1924 ГГ.)

В статье рассмотрены основные мотивы вступления женщин в состав сельскохозяйственных трудовых коммун в 1918—1924 гг. Определены категории женщин-коммунарок и их разные жизненные пути внутри коллектива. Установлено, что в изучаемый период превалировали экономические причины их членства; дальнейшее присутствие женщин в коммуне зависело не только от внешних факторов, но и от их субъективных самостоятельных решений.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, женщина-крестьянка в 1920-е гг., коммунистический проект в деревне, раннесоветское общество.

Сельскохозяйственные трудовые коммуны — коллективы «нового» типа в российской деревне раннесоветского периода, где изначально был задекларирован принцип равенства, в том числе гендерного. В официальных документах 1918 г. утверждалось, что коммуна, являясь «образцом истинного равенства всех трудящихся, должна стремиться к уничтожению в своей среде неравенства между мужчиной и женщиной» [1, с. 435]². Последнее, по мнению идеологов большевистского проекта, возникло по причине того, что женщина «помимо труда наряду с мужчиной и в производстве несет на себе еще и обязанности по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Эти домашние обязанности целиком отнимают у нее время отдыха от труда по производству» [1, с. 435]. Таким образом, предлагалось изменить традиционное положение женщин-крестьянок в сельском социуме, предоставить им большие возможности по повышению их образовательного и культурного уровня. Для этого предполагалось, что «в целях уничтожения этого трудового неравенства между мужчиной и женщиной коммуна, наряду с организацией общих столовых, швейных мастерских и прачечных, должна организовать и общественное воспитание детей — детские сады и ясли для грудных детей, подчиняясь в этом деле указаниям отделов образования и здравоохранения местных уездных и губернских исполнительных комитетов» [1, с. 435].

Цель нашего исследования — проследить на основе архивных источников, как реализовывались заявленные новые правила жизни женщин-крестьянок на практике, какие естественные границы в их осуществлении существовали. Особое внимание

¹ Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет, olgasemerikova8@yandex.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун, утвержденный Наркомземом 19 февраля 1919 г.

на основе конкретных примеров уделяется учету половозрастных и социальных отличий разных категорий женщин-коммунарок и их влиянию на жизнь внутри коллектива. Отметим, что специального исследования по этому вопросу, в том числе на уральском материале, на данный момент не проводилось. Исключением является книга Д. Дюран, где гендерная тема освещена в главе «Женщины, семья и дети в коммуне» [2], что актуализирует данную работу.

Начнем с того, что по количественным показателям в «крестьянских» коммунах, которые представляли из себя коллективы с преобладанием традиционного состава деревенского населения, женщины составляли существенную часть (около половины и более членов). Так, в коллективах Четкаринского района Шадринского округа в 1924 г. было примерно одинаковое количество трудоспособных мужчин и женщин: в коммуне «Красный Герой» их было 10 и 11, в коммуне «Муравейник» — 9 и 11 соответственно¹. Это свидетельствовало о том, что последние играли важную роль в трудовом аграрном цикле коллектива, и многие задачи тяжелого крестьянского труда (вспашка, бороньба, засев, уборка урожая) выполнялись в одной связке с мужчинами. Так, из коммуны «Чупровский пахарь» Багарякской волости Екатеринбургского уезда в 1921 г. сообщали, что «члены коммуны почти нагие и босые, и полуголодные, работали не покладая рук, и все женщины-коммунарки работали как лошади, то есть заменяя лошадей во время обработки огородов. Обработано огородов руками коммунарок в количестве 8 ½ десятин»². Как следствие, коллектив напрямую зависел от позиции женщин при решении производственных или иных вопросов, что в итоге часто определяло морально-психологический климат в коммуне и ее будущее. Так, при обследовании уже упоминаемой ранее коммуны «Красный Герой» в 1924 г. было установлено: «В коммуне наблюдаются склоки и ссоры между членами, особенно среди женщин, но они, по-видимому, постепенно изживаются. Возникают они на почве материальной необеспеченности и распределения труда»³.

Для того чтобы лучше понять, в каких условиях оказывались женщины в сельско-хозяйственных коммунах, как их личная жизнь влияла на дальнейшее членство, определим доминирующие цели их вступления в коммуну и категории участниц. Архивные материалы демонстрируют нам ситуацию, в которой большинство женщин оказались вынужденно или сознательно в сельскохозяйственных коммунах по прагматическим мотивам, основанным на возможности использовать ресурсы коллектива и сохранить собственные (последнее реже встречалось в «крестьянских» коммунах Уральского региона изучаемого периода). Приведем следующий пример. В коммуне «Равенство» Каменского уезда Екатеринбургской губернии в 1920 г. из девяти домохозяйств, вошедших при ее организации, два — возглавлялись женщинами. В состав семьи крестьянки Подкорытовой Любови Алексеевны, 42 лет, входило пять иждивенцев (отец — 75 лет, сестра — 27 лет, трое детей — 17, 14 и 10 лет соответственно),

 $^{^1}$ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 113, 115.

 $^{^2}$ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 113. (Здесь и далее орфография источника сохранена — O.~C.)

³ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 114.

она внесла в коллектив, помимо избы, три лошади, две коровы, одну свинью, семь овец и десять голов птицы. В составе другой семьи, возглавляемой крестьянкой Исаевой Наталией Ермолаевной, 38 лет, было также пять иждивенцев (дети 18, 14, 12, 7 и 5 лет). Оба домохозяйства можно отнести к «устойчивым» (в последнем имелось две лошади, одна корова, одна свинья, две овцы, пять птиц), хотя и не имевшим пахотной земли (на каждое чуть меньше 1 десятины сенокоса), что, видимо, и обусловило вхождение в коллектив в сложном 1920 г. 1

О присутствии идеологической составляющей в решениях женщин о вступлении в сельскохозяйственные коммуны мы можем с большей долей уверенности говорить только на завершающем этапе существования данных коллективов (1926 — начало 1930-х гг.), когда в их состав сознательно входило первое поколение советской молодежи, коммунистически подготовленное в рамках работы пионерской и комсомольской организаций.

Рассмотрим основные варианты, в рамках которых женщины становились полноправными членами коммуны. Отметим, что преобладающая часть из них в изучаемый период входила в коллектив вынужденно вместе с мужем. Эти замужние женщины могли быть как бездетными, так и иметь детей. В последнем случае, как правило, число иждивенцев составляло от трех и более человек. Например, член коммуны «Восток» Федосья Полякова в августе 1921 г. сообщила в своем заявлении: «Входила в коммуну против своего желания, не желая делиться со своим покойным мужем»².

В состав коллективов входили и женщины, потерявшие мужей до вступления в коммуну или в период жизни в ней, а также имеющие иждивенцев (детей, родителей и других близких родственников). К этой же категории нужно отнести и замужних женщин, которые оказались в сложной жизненной ситуации и, не имея сведений о муже, самостоятельно принимали решение о вступлении в коммуну. В частности, данную ситуацию можно наблюдать в справке Парасковьи Ершовой, члена коммуны «ДЕМ» Мехонской волости Шадринского уезда, датированной 4 августа 1920 г.: «По прибытии моего мужа домой из рядов Красной Армии, который не получал от меня писем, я без него вступила в коммуну»³. Этот шаг позволял выжить наиболее уязвимым членам их семей (детям и старикам) в рамках использования принципа равенства при распределении имеющихся ресурсов согласно уставу. Последнее происходило в 1920—1921 гг., в условиях не закончившейся Гражданской войны и неблагоприятных природно-климатических факторов, приводивших к неурожаям и голоду.

Следующая категория — незамужние девушки, самостоятельно (как сирота) или с семьями вошедшие в коллектив. Так, при регистрации коммуны «Маяк» Оханского уезда в сентябре 1920 г. в приложенном списке будущего коллектива, помимо пяти семейств, присутствуют сведения о шестом домохозяйстве, состоящем из одной де-

¹ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 11 об., 12, 13.

² Государственный архив в г. Шадринске (ГА в г. Шадринске). Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 125. Л. 194.

³Там же. Д. 124. Л. 72.

вушки 18 лет (сфера труда — домоводство), Рудометовой Марфы Васильевны¹. Еще свидетельства: в 1920 г. в коммуну «Студеные ключи» Осинского уезда вошла 18-летняя незамужняя Кирьянова Ефимья Фирстовна «с матерью и сестрой малой»; а также 18-летняя Фоминых Евдокия Кирилловна без семьи². Еще большее количество заявлений от данной наименее защищенной части деревенского сообщества пришлось на неурожайные 1921—1922 гг. При принятии их в коммуну использовался не только заявленый в теории принцип равенства (тем более что они уже вошли в трудоспособный возраст), но и традиционное понятие о взаимопомощи, существовавшей в крестьянской среде, что позволило многим сохранить жизнь. Малолетние девочки-сироты также принимались в коллектив через организацию детских приютов, которые содержались за счет коммуны и государства.

Но стоит признать и то, что не все сельскохозяйственные коммуны (и прежде всего их активное меньшинство) готовы были делиться имеющимися материальными ресурсами, в частности, присутствовали такие свидетельства: «Коммунисты протестуют против привлечения и принятия в коммуну бедноты со стороны соседних сел» (из отчета по коммуне «Красный Герой», датированного январем 1925 г.)³. Тем не менее, согласно закону, коммуна могла существовать и быть поддержана государством только при наличии строго обозначенного количества участников (не менее пяти домохозяйств и 15 членов). Таким образом, коллективы вынуждены были принимать в свой состав новых членов, в том числе и под давлением власти.

Одновременно с этим внутри коллектива, особенно в период ограниченности продовольственных ресурсов, принципы равенства и справедливости часто нарушались. В результате в условиях искусственно созданного внутреннего психологического и зачастую физического давления из него были вынуждены выходить наименее защищенные категории: прежде всего одинокие женщины с детьми. Особенно неприглядные случаи присутствовали в больших по численности коллективах (около 100 и более членов) и тех, которые создавались на смешанной основе (городские рабочие и традиционное крестьянство), так как в этом случае переставали работать в полной мере правила социальной справедливости деревенского социума, а новые теоретические конструкты («Каждый по способностям, каждому по потребностям») были непонятны.

В качестве примера приведем ситуацию, которая произошла в июле 1921 г. в коммуне «ДЕМ» с Пелагеей Бекреевой. В своей письменной жалобе в Шадринский уездный земельный отдел она сообщила, что вступив вместе с мужем (по профессии слесарь) в сельскохозяйственный коллектив, на данный момент не только осталась одна с пятью детьми (так как ее муж был убит «на мельнице при бандитском восстании»), но и «через несколько времени оказалась выкинута из коммуны». Она подробно и эмоционально описала развитие конфликта с активом коммуны. При этом то безвыходное положение, в котором она оказалась (лишилась всего имущества, в том числе коровы и ярового посева пшеницы), позволяет сделать вывод, что ее версия близка к правде. Она указала, что вначале один из руководителей коммуны Иван Ер-

 $^{^1}$ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 211. Л. 376.

² Там же. Р-367. Оп. 1. Д. 103. Л. 5, 11 об.

³ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 114.

шов «часто угнетал моего мужа, вообще не любил», а после его смерти «начал меня все время обижать. Однажды утром рано приходит ко мне на квартиру Иван Ершов и закричал на меня: вон из квартиры! И начал выкидывать мои сундуки. Я выкидывать не дала, он взял меня за горло и начал давить». В следующую встречу, когда ее сын «захворал и не мог сходить себе за пайкой», она отправилась «на мельницу Ершову» и «начала просить хотя маленький кульчик хлеба. Он мне хлеба не дал и сказал мне: уходи гадина вон!»¹. Как видим, в данном случае коммунарские принципы были отброшены в сторону с демонстрацией авторитарного стиля управления.

Нужно отметить еще одну важную причину (не только личную неприязнь), следствием которой явилось создание невыносимой обстановки для одиноких женщин с детьми в коммунах, — это неблагоприятное для производства соотношение трудоспособных и нетрудоспособных членов. В некоторых коммунах принималось решение «не выходившим на работу выдавать только 1/2 ф. хлеба»², но это не всегда решало ситуацию. В заявлении Агафьи Черновой в коммуну «Энергия» Шадринского уезда, датированного сентябрем 1921 г., читаем: «Семья моя осталась пять человек детей. После смерти мужа на меня стали все поносить, пошла большая неприязненность, потому я и вышла из коммуны»³.

Для сельскохозяйственных коммун с преобладанием в составе «традиционного» крестьянства в категорию «неудобных» членов, которые либо вовсе не принимались, или быстро исключались из состава, попадали беженцы с непролетарской биографией, асоциальные личности, деревенские изгои.

Это происходило потому, что в коллектив, созданный преимущественно из местного крестьянского населения окрестных деревень, проникали традиционные представления о совместном проживании и нормах морали. Как следствие, заложенные в большевистский проект принципы жизнедеятельности сельскохозяйственных коммун на практике претерпевали существенные изменения. Крестьяне обозначали равным только того, кто признает местный уклад в рамках патриархальных традиций. Как следствие, некоторые заявления женщин о вступлении в сельскохозяйственную коммуну отклонялись [3, с. 419—420].

Внутри коллектива не все женщины оказались готовы к жизни зачастую в абсолютно новых для себя условиях (многоквартирные дома, регулярные собрания коллектива, необходимость сдавать детей в дошкольные учреждения, общие столовые и обязанность по приготовлению пищи на большое число коммунаров, сотрудничество в хозяйственной сфере при иной иерархической системе (традиционный возрастной принцип при распределении трудовых обязанностей отсутствовал) и др.). Личная жизнь отдельной семьи в сельскохозяйственной коммуне была более открытой, что не всем нравилось. А если к этому добавлялась семейная трагедия, связанная со смертью близкого человека, то женщина чаще всего принимала решение о выходе из коммуны.

¹ГА в г. Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 124. Л. 203.

²ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 118 об.

³ ГА в г. Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 17.

Уходила из коммуны со временем и значительная часть молодых незамужних девушек. Яркой демонстрацией этой действительности служит заявление Анны Пузановой в коммуну «Красный луч» Камышловского уезда в апреле 1921 г.: «Я вошла, не разобралась в деле ввиду крутой организации, а не подумала то, что могу ли я, нет жить в общежитии. Прожив в количестве более 3 месяцев и подвергаясь разными тревогами во время бандитских восстаний, я, как женщина слаба, жить в коллективе не могу, вдобавок у меня мужа нет, а потому прошу исключить»¹.

Также девушки выходили из коммуны по причине выхода замуж. Выбор падал в основном на парней из соседних деревень. Тому было логическое объяснение: становиться женой близкому родственнику считалось противоестественным. Ведь в крестьянской среде сельскохозяйственная коммуна рассматривалась в качестве большой семьи (нередко в коллектив входили родственники, проживавшие рядом), где каждый выполнял свои функции в общем деле.

Для молодого и подрастающего поколения жизнь в коммуне оказалась перспективной. Например, декларируемый принцип равенства и новые правила хозяйственной и общественной жизни позволяли девушкам получить образование и профессию. Помимо посещения коммунарской школы для ликвидации безграмотности, некоторых из них отправляли на различные курсы. Например, коммуна «Студеные ключи» Осинского уезда в феврале 1921 г. приняла решение «командировать на курсы по образованию детских садов, уход за детьми дошкольного возраста, знание детских яслей, воспитание детей коммунаров и достижение образования грамоты» Кирьянову Ефимью Фирстовну (незамужняя, 18 лет)².

Женщины были вовлечены и в организационную деятельность коммун: они осуществляли управленческие функции в животноводстве, организации дошкольного и школьного воспитания. Например, на должность «зав. домом ребенка при коммуне и приютом» в упоминаемой уже коммуне «Чупровский пахарь» была единогласно избрана молодая коммунарка Павлова Устинья³.

При этом традиционный гендерный принцип разделения сфер труда сохранялся, что явилось фактором, адаптировавшим утопическое представление о равенстве и позволившим попытаться его реализовать на практике. Общим руководством коллектива занимались мужчины, известно лишь несколько коммун, которые изначально возглавлялись женщинами. Только со второй половины 1920-х гг. доля женщин в составе высшего управленческого звена была увеличена (1926/27 г. — 6,3 % женщин, в 1927/28 г. — 9,9 %) [2, с. 163].

Таким образом, сельскохозяйственные коммуны являлись коллективами с примерно равным количеством трудоспособных мужчин и женщин в своем составе. Участие в общем собрании коммуны и принятии управленческих решений расширило права женщин и их возможности по самореализации в различных сферах. В рамках коллектива они избирались на руководящие должности, хотя и при сохранении традиционного гендерного принципа разделения труда в хозяйстве. Новые производ-

¹ГА в г. Шадринске. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 147. Л. 47.

²ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 103. Л. 11 об.

³ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 118 об.

ственные, социальные и бытовые практики сельскохозяйственных коммун требовали привыкания и выработки общих и личных алгоритмов действий, что естественным образом влияло на решение женщин оставаться в коммуне.

Хотя в рассматриваемый период для многих женщин-крестьянок коммуна стала важным этапом в жизни, следует указать, что на уральских территориях сельско-козяйственная коммуна оказалась пространством прежде всего для самореализации мужчин, поскольку жизнь в коллективе была связана с тяжелым трудом в зоне рискованного земледелия, требовалось строительство большинства жилых и хозяйственных построек при минимальном количестве бывших помещичьих усадеб и ресурсов (материальных и человеческих) и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Аграрная политика советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы. Москва, 1954.
- 2. Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России / Д. Дюран. Санкт-Петербург, 2010.
- 3. Семерикова О. М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах в Советской России (РСФСР) в 1917 начале 1930-х гг. / О. М. Семерикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 412—430.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР СЕЛА В ПЕРИОД НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ)

Анализируются состояние и динамика социальных структур сельского населения Северо-Кавказского края в 1920-е годы. Отмечается влияние идеологически мотивированных аграрных преобразований на сферу социальных отношений в сельской местности региона.

Ключевые слова: сельское хозяйство; социальная структура; Северо-Кавказский край; крестьянство; казачество.

В отечественной и зарубежной литературе обстоятельно изучена история сельского хозяйства и крестьянства СССР периода 1920-х гг., однако существует широкий спектр мнений по таким вопросам, как масштабы и темпы восстановления сельского хозяйства страны и ее регионов в годы нэпа, предпосылки и причины перехода к коллективизации и свертывания новой экономической политики. При этом одни авторы обращают внимание на позитивные тенденции в восстановлении крестьянских хозяйств и возрождении сельского хозяйства, другие акцентируют внимание на трудностях и незавершенности восстановительных процессов в аграрном секторе, противоречиях нэпа, его ограниченности, недостаточной эффективности и неизбежной обреченности. Остается дискуссионным и ряд вопросов эволюции социальных отношений на селе в 1920-е гг., в числе которых противоречия в развитии социальной структуры сельского социума, характер и направленность изменений социальной структуры крестьянства в регионах [1—5].

Аграрные преобразования, проходившие при самом активном, политически и идеологически мотивированном участии партийно-государственных структур, оказывали возрастающее влияние на сферу социальных отношений на селе Северо-Кавказского региона. Причем если сами по себе социальные изменения, сдвиги в социальной, имущественной, хозяйственно-организационной структурах села не были масштабными, количественно существенными, то потенциально они создавали основу для глубоких качественных изменений в социально-классовой структуре села, в соотношении различных социальных (имущественных) групп внутри сельского населения, изменении статуса социальных слоев.

Кроме того, эти изменения сопровождались появлением и укреплением социально-профессиональных групп (страт) сельского населения, связанных с развити-

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), naoukhatskiy@rambler.ru, Россия, г. Ростов-на-Дону.

ем новых организационных форм хозяйственной деятельности (колхозы, совхозы), а также форм политического и административного управления на местах (советы различных уровней, парторганизации). На этой основе создавались социальные предпосылки для определенного сглаживания / стирания социальных (в том числе имущественных и в отношении участия в управленческой деятельности) различий между группами казачьего и неказачьего населения региона.

Рассмотрим эти вопросы с использованием архивного эмпирического и статистического материала. Прежде всего подчеркнем, что советская власть активно содействовала процессу кооперирования и коллективизации крестьянства, оказала серьезное влияние на ускорение их темпов. В результате росли объемы хозяйственной деятельности кооперативов и число членов кооперации. Так, в 1926/27—1927/28 гг. число сельскохозяйственных кредитных товариществ в регионе увеличилось с 686 до 721, а число специальных товариществ возросло с 370 до 603, количество колхозов выросло с 4040 до 8430. Сельскохозяйственные кредитные товарищества дали прирост членов с 278,8 до 451,8 тыс., специальные товарищества — с 41,3 до 74,1 тыс., а коллективы — с 39,9 до 50,6 тыс. при общем приросте с 382,9 до 607,9 тыс. (+58,7 %). Процент кооперирования по краю по состоянию на 1 октября 1928 г. — 44 % по отношению ко всему числу крестьянских хозяйств, против 29,4 % на 1 октября 1927 г. и 28 % на 1 октября 1926 г.

Удельный вес бедноты среди общего числа кооперированных хозяйств увеличился с 40 % на 1 октября 1926 г. до 43 % на 1 октября 1927 г. Удельный вес середняка снизился при росте абсолютных показателей. Представительство зажиточных слоев среди членов кооперативов сократилось абсолютно и относительно². Развитие колхозного строительства отражено в таблице 1.

Таблица 1 Динамика колхозного строительства в Северо-Кавказском крае в 1926—1928 гг.

	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Количество семей в колхозах	34 854	39 921	94 435
В % к общему числу семей	2,6	3,1	7,0
Площадь земли в колхозах в % к общей посевной площади края	2,7	3,7	7,4

Источник: Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 106.

По своему социальному составу колхозы являются бедняцко-середняцкими, но с преобладанием в них бедняцких и маломощных хозяйств. В процессе развития

 $^{^1}$ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 97.

² Там же. Л. 98.

колхозного строительства соотношение это меняется в сторону усиления роли середняцких хозяйств 1 .

Классовая структура деревни Северо-Кавказского региона в 1927 г. характеризуется следующими данными. По методологии Центрального статистического управления (степень обеспеченности средствами производства в сочетании с признаками социального порядка, т. е. с учетом зависимости и отношения к предпринимательству), выделяется шесть социальных групп: пролетариат — 7,9 %; полупролетариат — 14,5 %; простые товаропроизводители: бедные (со средним производством до 200 руб.) — 15,4 %, средние (со средним производством 201—800 руб.) — 38,8 %, зажиточные (со средним производством свыше 800 руб.) — 17,5 %; мелкие капиталистические хозяйства — 5,9 %2.

Сравнение расчетов ЦСУ и Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) представлено в таблице 2.

Таблица 2 Классовая структура деревни Северо-Кавказского края в 1927 г., %

Исчисления ЦС	Исчисления ЦСУ Исчисления крайкома		сома
Батрацко-бедняцкая группа	37,8	Батрацко-бедняцкая группа 40,2	
Середняцкая	56,3	Середняцкая	52,3
Кулацкая	5,9	Кулацкая	7,5

Источник: ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 126.

Приведенные в таблице цифры достаточно близки — несмотря на различия методологии в подходе к изучению вопроса и огромную разницу в количестве объектов изучения (по схемам ЦСУ было обследовано 35,6 тыс. хозяйств, по схеме крайкома партии — 9,2 тыс. хозяйств), что дает основания утверждать, что классовый состав северокавказской деревни отражается в официальных партийно-государственных материалах весьма точно.

Существенные перемены происходили в общественно-политической структуре регионального сообщества. Так, общее число партийных ячеек в сельских местностях Северо-Кавказского края на 1 июля 1928 г. составляло 1351, в том числе в национальных областях — 230, т. е. на одну ячейку в среднем приходилось 11 сельских населенных пунктов. Партийная прослойка составляет 0,37 % от общей численности сельского населения. Число членов партии в деревенских ячейках Северо-Кавказского края на 1 июля 1928 г. составляло 20,7 тыс. (за исключением Донецкого, Таганрогского округов и Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Черкесской областей). Из них членов партии — 13 тыс., кандидатов — 7,7 тыс. Социальное положение членов партии отражено в таблице 3.

 $^{^1}$ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 106.

²Там же. Л. 124.

Таблица 3 Социальное положение членов ВКП(б) в сельской местности в Северо-Кавказском крае в 1927—1928гг., %

	На 1 июня 1927 г.	На 1 июня 1928 г.
Рабочих	30,7	35,0
Крестьян	53,7	50,3
Служащих	11,5	
Прочих	4,1	3,0

Источник: ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 112.

Партийная прослойка в колхозах весьма слабая: в 1926 г. в среднем по колхозам члены ВКП(б) составляли 1,9 %, члены ВЛКСМ — 2,5 %; в 1927 г. соответственно 1,7 и $2.9\,\%^1$.

В сельской местности региона росла численность комсомольцев. Всего комсомольских ячеек в деревне (без национальных областей) — 1887 с 51,8 тыс. комсомольцев. Состав комсомольских ячеек на 1 июня 1928 г.: рабочих — 14,2 %, батраков — 21,8 %, крестьян — 53,9 %, прочих — 10,1 $\%^2$. Характерно движение социальных групп в батрацкой и крестьянской части комсомольской организации (см. табл. 4).

Таблица 4 Социальные группы в батрацко-крестьянской группе комсомольской организации Северо-Кавказского края в 1926—1928 гг.

Годы	Батраков	Бедняков	Середняков		
тыс. чел.					
1926	14,3	31,0	4,9		
1927	12,9	27,4	5,7		
1928	16,9	28,3	6,5		
%					
1926	28,4	61,8	9,8		
1927	28,1	59,4	12,4		
1928	32,7	54,6	12,6		

Источник: ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 114.

 $^{^1}$ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 107. Сведения рассчитаны по 325 колхозам в 1926 г. и 280 — в 1927 г.

²Там же. Л. 114.

Приведенные данные отражают слабое присутствие комсомола среди батрацкой и середняцкой групп сельского населения. Вместе с тем о растущей роли комсомола в сельской местности свидетельствуют итоги выборов сельских советов: если в 1926 г. комсомольцев в советах было 4,8 %, то в 1928 г. — 6,5 %. Выросло число комсомольцев и в составе кооперации¹.

Как известно, в 1920-е — начале 1930-х гг. важным средством идеологического воспитания женщин, вовлечения их в общественно-политическую и хозяйственную деятельность, формирования определенного числа женщин-активисток и преодоления традиционных гендерных стереотипов стали делегатские собрания.

Число крестьянок, участвовавших в перевыборах делегатских собраний в 1927 г., составило 213 тыс., что составляло 24,4 % от общего числа избирательниц. Количество оставшихся к концу года делегатских собраний — 1163 (87,0 %). Число делегаток к началу работы — 45,7 тыс., к концу работы — 35,6 тыс. $(77,9 \%)^2$. Социальный состав делегаток отражают следующие данные: беднячек — 21,5 тыс. (49,4 %) от общего числа), батрачек — 5,1 тыс. (11,7 %), середнячек — 9,8 тыс. (29,4 %), крестьянок, самостоятельно ведущих сельское хозяйство — 8,9 тыс. (20 %). За 1927 г. вступило в ВКП(б) 2,4 % делегаток, в ВЛКСМ — 2,2 %.

Из общего числа делегаток 55,1 % было привлечено на практическую работу советов, их секций и других организаций. На Кубани из 11,7 тыс. деревенских делегаток выдвинуто за весь год по всему округу только 19³. В ряде местностей на общих собраниях и конференциях бедноты, совещаниях актива беднячки присутствовали в большем количестве, чем мужчины, и имели решающую роль в проведении хозяйственных кампаний (самообложение, заем, хлебозаготовки).

В ходе кампании по перевыборам советов 1928 г. по Северо-Кавказскому краю было избрано в сельсоветы около 8 тыс. женщин, из них более тысячи — в президиумы сельсоветов, райисполкомов и окружных исполкомов. Председателями сельсоветов были избраны восемь женщин.

Активное участие принимали женщины в кооперативном движении. Так, на 1 октября 1927 г. было кооперировано сельской потребкооперацией 112,1 тыс. женщин (17,5 %), на 1 января 1928 г. — 179 тыс. (19,4 %). В 1927 г. в правлениях кооперативов было 57 женщин (1,9 %), в 1928 г. — 194 (3,3 %). В 1927 г. в ревизионных комиссиях была 141 женщина (5,9 %), в 1928 г. — 242 (8,8 %).

Помимо сельскохозяйственной кооперации число кооперированных хозяйств, возглавляемых женщинами, составило 5,5 % от общего числа хозяйств. Из 477 тыс. человек, организованных в колхозы, женщин было 240 тыс. Специальных женских колхозов по краю насчитывалось 13⁴. Несмотря на положительную динамику в процессах возрастания роли женщин в жизни села, в деятельности органов власти

 $^{^1}$ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 115.

²Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 117—118.

⁴Там же. Л. 119.

и управления, в хозяйственных организациях, пересмотр гендерных ролей в сельском социуме был достаточно сложным и противоречивым.

По данным 12 округов за 1927 г., зафиксирован следующий социальный состав сельских советов (см. табл. 5).

Таблица 5 Социальный состав сельских советов Северо-Кавказского края

Социальная группа	Сельсоветы	Президиумы с/советов
Крестьяне	79,2	75,6
С/х рабочие, батраки и домашние работники	4,0	2,6
Прочие работники	3,3	3,0
Кустари и ремесленники	1,2	0,7
Учителя, врачи и агрономы	3,3	2,3
Прочие служащие	8,5	15,6
Красноармейцы	0,4	0,3
Прочие	0,1	

Источник: ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 120.

Следует особо отметить, что в северокавказской деревне сохранялись остатки старой сословной розни (казачество и иногородние). Эта сословная рознь, особенно резкая в прошлом, хотя и потеряла остроту вследствие проведения различных политических и экономических мероприятий (землеустройство, работа с беднотой), но к концу 1920-х гг. не была окончательно преодолена.

Причем обострение сословной розни происходило, как правило, в период массовых кампаний, в особенности при перевыборах Советов и проведении землеустройства. Например, в 1925 г., судя по письму Кубанского окружного комитета ВКП(б), во время перевыборов советов кулакам-казакам, выдвигавшим узкие сословные лозунги, удалось в значительной степени повести за собой середняков-казаков.

Как отмечалось в письме Кубанского окружного комитета ВКП(б) 1925 г., «в период землеустройства сословная рознь в ряде станиц на почве земельных отношений доходила до того, что выносились постановления о полном выселении из станиц всего иногороднего населения (ст. Полтавская и Тимашевская)». Такая же неприязнь проявлялась со стороны иногородних, заявлявших, что казаки теперь побежденное сословие и их можно поприжать за старое¹.

Партийная прослойка в среде казачества была незначительной. Так, в парторганизации края казаки на 1 января 1928 г. составляли 3,5 %, или 2,6 тыс. человек, на 1 июня 1928 г. — 3,7 %, или 3 тыс. человек 2 .

 $^{^1}$ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 126—127.

² Там же. Л. 128.

Отношение власти к казачеству было противоречивым. Как отмечается в современной научной литературе, существовали две различные стратегические позиции в отношении к казачеству. Условно говоря: «социально-дифференцированная» и «этнографически-унитарная». Первая — официально признанная, основанная на классовых принципах позиция высшего партийно-государственного руководства, в рамках которой относительно небольшая часть казачества рассматривалась как враждебная советской власти, а «трудовое казачество» признавалось более-менее надежными союзниками.

Вторая линия официально не была признана, но существовала фактически и оказывала на жизнедеятельность казачьих сообществ нередко более существенное влияние. Приверженцами данной позиции являлись в основном представители низовых властных структур, пролетариат и беднейшее крестьянство. Сторонниками данной позиции в основном выступали иногородние крестьяне, из числа которых преимущественно формировались местные органы власти.

Противоречивость взаимоотношений между советской властью и казачеством определялась рядом факторов. Особый сословный статус казаков зачастую нивелировал классовые принципы, так как многие казаки вне зависимости от уровня их материального благосостояния противопоставляли себя иногороднему населению. Например, в станице Старощербиновской в 1926 г. инструктор, оценив материальное положение казаков-бедняков, назвал их бедняками, но услышал в ответ: «Мы не бедняки. Мы казаки». С другой стороны, иногородние нередко отчужденно относились к казакам вообще, а не только к кулацко-зажиточной верхушке [3, с. 190—191].

Таким образом, предпосылками для изменений в системе социальных отношений на селе являлись: появление качественно новых организационно-производственных структур (колхозы, совхозы); активизация кооперативных организаций, которые по ряду параметров отличались от кооперативных организаций, типичных для дореволюционных (буржуазных) социально-экономических отношений; постепенная утрата индивидуальными крестьянскими и казачьими хозяйствами прежнего статуса главного актора хозяйственной жизни села/станицы и превращение их в не самостоятельные и не главные в хозяйственной жизни села/станицы; формирование на базе комсомола и пионерской организации политически активной группы молодежи; вовлечение в социальную, общественную жизнь женщин — вопреки многовековым традициям сельских социумов; постепенная утрата приоритетного значения казачьих структур в регулировании различных сторон жизни станиц и хуторов.

Отмеченные изменения свидетельствовали о складывании предпосылок для постепенного формирования принципиально новой социальной структуры сельского колхозно-совхозного социума, основанной на становлении потенциально солидарных, нерыночных по своей сути, коллективистско-уравнительных, государственно-организованных отношений (а не на латентном восстановлении буржуазных или протобуржуазных отношений).

Таким образом, партийно-государственная аграрная политика представляла собой не только механизм решения экономических проблем, но и формирования (конструирования) новой социальной реальности, социальной структуры нового социалистического типа. Результаты этого видны не только в изменении традиционной

социальной дифференциации (соотношения бедноты, середнячества и кулачества), но и в следующем.

Во-первых, в развитии в годы нэпа новых слоев, связанных со становлением колхозной системы (точнее, еще не системы, а лишь ее ячеек, кирпичиков в виде относительно небольших и малочисленных колхозов). Возник и укреплялся новый социальный слой, связанный с колхозно-коллективным хозяйством, а не частным предпринимательством, частным хозяйством.

Во-вторых, в появлении новых профессиональных страт (трактористы, колхозные счетоводы, профессиональные агрономы и ветеринары, библиотекари, хозяйственные и политические руководители колхозов, руководители органов советской власти на селе). Причем хозяйственные и партийные работники на уровне сельского социума были не освобожденными в своем большинстве работниками, а выполняли партийно-хозяйственно-политические функции при сохранении определенное время прежнего основного социального статуса (бедняк, середняк и др.).

В-третьих, в появлении принципиально нового административно-управленческого аппарата, политически мотивированного слоя советских управленцев в формирующейся колхозно-совхозной системе.

В-четвертых, в существенном снижении роли или исчезновении ряда прежних элементов сельского социума, таких, как бывшие помещики, священнослужители, казачество и казачье управление и самоуправление в качестве регуляторов всех сторон жизни сельского социума региона.

В-пятых, в изменении роли гендера в сельском социуме: изменении (и возрастании) роли женщины, роли молодежи и даже подростков при одновременном снижении значимости социальной роли «стариков». Для последующего развития села, где прежде социальные роли между мужчиной и женщиной, казаком и казачкой были давно и четко распределены, для развития сельского социума данный сдвиг имел историческое значение, ибо речь идет о покушении на вековые устои в отношениях между полами, о месте женщины в традиционном обществе, о характере отношений между поколениями.

В-шестых, в появлении небольших по численности групп сельского населения, сочетавших в своем социальном облике черты старого и нового: кулак (зажиточный крестьянин или казак) и одновременно депутат сельского совета; кулак и одновременно член колхоза, в том числе входящий в состав правления колхоза. Причем речь идет не об изменении статуса в связи с утратой прежнего, а при сохранении прежнего статуса (кулак) и получении нового (член правления колхоза, например). В этой связи обратим внимание на существование такого феномена в период новой экономической политики, как лжеколхозы и лжеколхозники.

В результате формировалась социальная структура, в которой причудливо соединялись, во-первых, традиционное сословное деление общества (оно уходило в прошлое, но в регионе сохранялось казачество, в определенной мере духовенство и даже в небольшой степени до середины 1920-х гг. — бывшие помещики); во-вторых, традиционная социально-классовая структура (бедняк — середняк — кулак), внутри которой изменялись удельный вес каждой страты и их социальные роли; в-третьих, новая социальная структура колхозного социума, появлением нового социального типа — колхозника и началом складывания профессиональных страт внутри кол-

хозного слоя, формированием слоя партийно-советско-хозяйственных управленцев, а также появлением новых сельских групп (комсомол и пионерия) и укреплением новых гендерных ролей женщины — казачки и крестьянки.

Таким образом, подготовка модернизации общества (в том числе коллективизации сельского хозяйства) сопровождалась процессами реорганизации всей системы социальных отношений. Иначе говоря, экономической модернизации в определенном смысле предшествовало создание элементов новой социальной структуры. Новые акторы формирующейся системы социальных отношений стали создателями и представителями новой — колхозно-совхозной — системы. С другой стороны, становление новой социально-экономической системы сопровождалось дальнейшей реорганизацией сословной, классовой, внутрикрестьянской, гендерной структур сельского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Баранов А. В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики / А. В. Баранов. Краснодар, 1999.
- 2. *Кожанов А. П.* Донское казачество в 20-х годах XX века / А. П. Кожанов. Ростов-на-Дону, 2007.
- 3. *Скорик А. П.* Казаки Юга России и советская власть в 1917—1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома» / А. П. Скорик // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону, 2010. \mathbb{N}^{2} 3. С. 190—201.
- 4. *Скорик А. П.* Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности / А. П. Скорик. Ростов-на-Дону, 2009.
- 5. Чернопицкий П. Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920—1929 гг. / П. Г. Чернопицкий. Ростов-на-Дону, 1987.

УЧЕНЫЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ В 1920-Е ГГ. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Проведен анализ взглядов ученых русской эмиграции в 1920-е гг. на экономическое поведение крестьянства. Основанные на данных земской статистики исследования позволили им переосмыслить причины устойчивости аграрного уклада.

Ключевые слова: ученые-эмигранты; земля; сельскохозяйственная кооперация; крестьяне; сельское хозяйство.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. положил начало массовой эмиграции российской элиты, в состав которой входили не только бывшая аристократия, духовенство, крупные землевладельцы, промышленники и предприниматели, но и представители творческой интеллигенции, в том числе ученые различных школ аграрной науки. Независимо от политических взглядов, идеологической ориентации, они продолжали научную деятельность в новых странах проживания, главным образом в Европе. Многие из них стремились переосмыслить опыт аграрных реформ в России, непоследовательность и незавершенность которых стала одной из основных причин обострения социально-политического кризиса в стране. Поиск верных путей решения аграрного вопроса актуализировал в научных эмигрантских кругах старые споры об экономической эффективности частного крестьянского двора и хозяйственном поведении крестьянства в условиях капиталистического рынка.

Представляя различные направления русской аграрной мысли в Европе, ученыеэмигранты были едины в отрицании советской власти и ее методов решения крестьянского вопроса. Жесткая критика тотального огосударствления земельных фондов
и ликвидации частной инициативы в деревне объединяла непримиримых противников — ученых либеральной школы (А. Д. Билимовича, Б. Д. Бруцкуса, Н. Н. Зворыкина и др.) и неонароднического направления (С. Н. Прокоповича, А. Н. Анцыферова,
А. Н. Челинцева и др.). Представления ученых русской эмиграции об организации
производства и улучшения труда в сельском хозяйстве формировались в условиях открытой полемики с марксистским учением о производстве и распределении в аграрной экономике.

О нерациональности землепользования в небольших крестьянских хозяйствах писал В. И. Ленин, указывая на постоянный недостаток инвентаря, тяглового скота, денежных средств и необходимость отвлечения рабочих сил на сторонние заработ-

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@mail.ru, Россия, г. Москва.

ки¹. Действительно, в условиях жесткой конкуренции и низких цен на сельхозпродукцию индивидуальным крестьянским хозяйствам было трудно достичь высокой доходности. Однако вопреки логике марксизма с его экономическим детерминизмом, эффективность сельскохозяйственного труда представители аграрной мысли русской эмиграции оценивали не с рыночных, а с онтологических позиций, учитывая личное отношение крестьянина к земле и специфику образа жизни в деревне. Ученые делали акцент на некапиталистическом характере семейного крестьянского хозяйства, в котором отсутствуют понятия коммерческого расчета, прибыли, заработной платы, эксплуатации и т. п.

По мнению видного теоретика русской аграрной мысли Александра Васильевича Чаянова, главной целью крестьянского труда является не извлечение прибыли от продажи произведенной продукции, как в промышленности, а удовлетворение потребностей семьи, обеспечение достатка и стабильности [15, с. 56]. Семейно-трудовое хозяйство отличает отсутствие найма рабочей силы на постоянной основе, половозрастное разделение труда, равномерное распределение работ в течение года, значительная устойчивость и гибкость, готовность к постоянному напряженному труду даже на скудных почвах и в состоянии неблагоприятной рыночной конъюнктуры. В отличие от фермерского хозяйства с его прагматичной ориентацией на рынок, крестьянский двор стремится к достижению баланса между затратой трудовых усилий и степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи. Его отличает индивидуальный темпоритм полевых работ, способность функционировать в неблагоприятных климатических и рыночных условиях, выдерживая давление внешней среды, часто за счет интенсификации труда.

Нерыночный характер экономической организации частного семейного хозяйства акцентировали представители либерального направления русской аграрной мысли в эмиграции, в целом позитивно оценивавшие внедрение капиталистических начал в сельскохозяйственное производство. Так, Б. Д. Бруцкус отмечал нерациональную склонность крестьян переплачивать аренду за пользование дополнительными земельными наделами, не приносящими дохода, но позволяющими полнее задействовать трудовые ресурсы семьи [4, с. 56].

Считая рыночное хозяйство единственно возможной альтернативой социалистическому эксперименту в деревне, Н. Н. Зворыкин, тем не менее, подчеркивал специфику консервативной крестьянской психологии, особое отношение к земле и труду на ней, которые тормозили проникновение капитализма в деревню [5, с. 34; 6, с. 27]. Если коммерческое предприятие стремится к максимизации прибыли относительно вложенных средств и задействованных трудовых ресурсов, то крестьянское семейно-трудовое хозяйство не готово к предельной самоэксплуатации ради получения пороговых показателей по выпуску продукции. Трудовая мотивация крестьянина основана, скорее, на логике самозанятого или рабочего на сдельщине, который сам рассчитывает время и степень затраченных усилий ради получения желаемого результата. Такой подход, по мнению либеральных экономистов русской эмиграции, гарантировал, с одной стороны, исключительную стабильность семейно-трудового

¹*Ленин В. И.* Полн. собр.соч. 5-е изд. Москва, 1967. Т. 4. С. 130.

крестьянского хозяйства, а с другой стороны, его техническую отсталость и производственную инертность.

Ученые-экономисты либерального направления признавали, что организация производства в рамках семейно-трудового хозяйства затрудняет динамичную концентрацию капитала и имущественное расслоение крестьян, т. е. базовые основания развития капитализма в деревне, однако все равно отдавали ему предпочтение, главным образом, из-за большей свободы хозяйственной деятельности. Б. Д. Бруцкус подчеркивал, что в силу специфики полевых и животноводческих работ их эффективность обеспечивается не массовостью участников, а полезной комбинацией взрослого работника с «полуработниками» (женщинами, подростками), что оптимально соответствует составу классической крестьянской семьи [3, с. 94]. По подсчетам, проведенным Бруцкусом, продуктивность семейно-трудового хозяйства в области производства зерна, молока, свинины, яиц гораздо выше частного фермерского, и они способны извлекать с 4—5 га земли на 70 % больше дохода с единицы площади, чем крупные капиталистические хозяйства площадью 35—75 га [3, с. 97].

Симпатии экономистов либеральных взглядов к частному крестьянскому хозяйству поразительным образом сочетаются с признанием его общей технической отсталости и консерватизма организации трудовой деятельности. Например, отказ от приобретения молотилок и иной трудосберегающей техники ученые объясняли нежеланием крестьян тратить на покупку часть семейного бюджета, если можно полнее задействовать бесплатные, с их точки зрения, рабочие руки членов семьи [2, с. 139].

Русское семейно-трудовое хозяйство не укладывалось в либеральную логику развития классического аграрного капитализма, при котором человек расценивается как прагматически мыслящий субъект, стремящийся к извлечению максимума выгоды от эксплуатации земельных и трудовых ресурсов. Ученые русской эмиграции справедливо считали крестьянина не предприимчивым эксплуататором-стяжателем, а хозяином-семьянином, который не склонен бесконечно наращивать объемы производства, если это требует дополнительного напряжения трудовых усилий членов его семьи. По справедливому замечанию А. Н. Челинцева, «если все нужное для существования семьи было бы возможно добыть ее работникам в течение, например, 150—180 дней в году, то от дальнейшей собственной работы наше трудовое хозяйство воздержится»¹.

Концепция некапиталистической природы крестьянского хозяйства детально разработана группой русских ученых, объединившихся в Праге в 1920-е гг. вокруг Русского института сельскохозяйственной кооперации. Исследователей интересовала зависимость экономического поведения крестьянства от размеров семьи, отдаленности рынка, географии расположения хозяйства, общей культуры и образования. В курсе лекций по политической экономии, изданном в 1922 г. в Праге, профессор В. А. Коссинский утверждал, что крестьянин, в отличие от капиталиста, покупает землю не ради выгоды, а чтобы избежать своей пролетаризации². Ученый впервые всерьез ставит вопрос о психологии и поведении аграрных капиталистов и крестьян на

¹РГАЭ. Ф. 771. Оп. 1. Д. 3. Л. 2—3.

² ГАРФ. Ф. 5790. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.

земельном рынке, где первые чаще выступают в роли расчетливых продавцов, а вторые — покупателей, стремящихся упрочить свое хозяйственное положение [8, с. 74].

Отмечая гибкость и эффективность землепользования частного двора, разнообразие производимой продукции — от льна в северных до винограда в южных регионах, ученые русской эмиграции подчеркивали факторы, препятствующие росту производства в крестьянских хозяйствах, в числе которых малые размеры земли, чересполосица, низкий уровень технической вооруженности, отсутствие найма квалифицированной рабочей силы. Так, С. Н. Прокопович, хорошо знакомый с опытом работы аграрного сектора Германии, писал о скудной капитализации русских крестьянских хозяйств, которые не могли в необходимом объеме закупать инвентарь, удобрения и посевной материал [11, с. 245]. Анализируя данные бюджетных исследований, собранные «Экономическим кабинетом» в Берлине, он пришел к выводу о том, что решающее влияние на производственные показатели оказывают капиталоемкость хозяйств и степень их включенности в рыночные механизмы. Позиция Прокоповича противоречила мнению многих ученых-эмигрантов, в частности А. Н. Челинцева, утверждавшего, что именно малоземельные хозяйства в силу своей гибкости способствуют интенсификации аграрного производства [16, с. 253].

Оказавшись в вынужденной эмиграции, русские экономисты получили возможность на большом статистическом материале сопоставить модели производственной деятельности крестьянского двора стран западной и восточной Европы и российского семейно-трудового хозяйства. Учитывая объективные различия в климате, размерах земли, доступности кредита и др., они справедливо отмечали тенденцию к сокращению частных крестьянских дворов в Европе, вытесняемых крупными аграрными предпринимателями, и укрепление позиций русских крестьянских хозяйств, выживавших за счет интенсивного труда и широкой кооперации (производственной, потребительской, сбытовой). Отмеченное В. А. Коссинским расширение крестьянских владений позволило ему сделать неожиданный вывод о возможности преодоления капиталистических тенденций в аграрной сфере, которую автор называет «декапитализацией» сельского хозяйства [8, с. 49].

Уникальная по своей организации модель русского трудового крестьянского двора, включенного в систему местных кооперативных связей, могла, по мнению ученого, стать успешной естественной экономической альтернативой западному аграрно-капиталистическому предприятию и советскому коллективному хозяйству. Теория В. А. Коссинского подверглась снисходительной критике его коллег, в частности профессора Д. Н. Иванцова, который полагал, что рыночная среда постепенно изменит традиционный крестьянский мир с его иррациональной привязанностью к земле и хозяйству [7, с. 162]. Дальнейшая история аграрного производства и в Европе, и в России подтвердила правоту этих предположений.

Исследование организации трудовой деятельности, размеров земельных наделов, средств производства, количества скота, численности и половозрастного состава семьи позволило ученым русской эмиграции обоснованно ответить на вопрос, почему крестьянские хозяйства способны успешно выдерживать конкуренцию с фермерскими предприятиями, основанными на использовании наемного труда и банковских кредитов. По мнению А. В. Чаянова, эффективность хозяйства определяется, главным образом, соотношением числа едоков и работников [15, с. 18]. Молодая крестьянская

семья с малолетними детьми не имеет возможности задействовать в хозяйстве достаточное количество рабочих рук, что определяет низкую производительность труда. Но по мере включения в трудовую деятельность одного за другим подрастающих детей и подростков появляется возможность организовать сельскохозяйственные работы по принципу сложной кооперации, что способствует росту объемов производства и благосостояния семьи. Когда выросшие дети создают свои отдельные семьи, из крепкого зажиточного двора выделяется несколько мелких хозяйств, маломощных в экономическом отношении. Таким образом, имущественное расслоение русского крестьянства ученые связывали не столько с развитием аграрного капитализма, сколько с естественной цикличностью укрупнения и разделения крестьянской семьи.

Вывод о цикличности и относительности неравенства крестьянства, вызванной спецификой социально-демографических процессов в деревне, противоречил известному марксистскому тезису о последовательной и неизбежной социально-экономической дифференциации общества под влиянием капиталистических отношений. Концепция ученых русской эмиграции в самой основе опровергала большевистскую теорию готовности к революции российской деревни, будто бы разделенной на противоборствующие классы кулачества и сельского пролетариата. Не случайно утверждение С. Н. Прокоповича о том, что «неоднородность крестьянских хозяйств не является свидетельством расслоения общества» [12, с. 18], подверглось жесткой критике со стороны В. И. Ленина, называвшего ученого «ревизионистом», «оппортунистом» и «буржуазным интеллигентом»¹.

Мыслители русской эмиграции, особенно неонароднических взглядов, были убеждены в том, что хозяйственная деятельность крестьянина не укладывается в рамки прагматического поведения «экономического человека» А. Смита. Помимо исторической и экономической инерции, на нее оказывают влияние силы социальной организации, норм культуры и природной среды. Экономическое поведение крестьянства противоречит логике законов классической политэкономии, подчеркивал теоретик партии эсеров В. М. Чернов, возглавлявший в Праге социально-политический отдел Института изучения России. По его мнению, в деревне невозможна высокая степень концентрации капитала, монополизация производства и пролетаризация сельского населения [17, с. 49]. Даже классики марксизма в свое время были вынуждены признать, что на крестьянских парцеллах хозяйство ведется «ради непосредственных средств существования», с преобладанием ручного труда над механизацией, вследствие чего цена производства выше рыночной цены².

Наблюдая за развитием социально-экономических отношений в европейской деревне, ученые русской эмиграции не могли не видеть, что по мере укрепления аграрного капитализма урожайность на полях крупных фермерских хозяйств становится выше, чем на землях, принадлежащих частным крестьянским дворам [9, с. 14]. Более того, работая по найму у аграрного предпринимателя, крестьянин с десятины обрабатываемой им земли получал значительно больший чистый доход, чем с десятины собственной земли. Но при этом крестьяне пытались увеличить соб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 299—304.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Москва, 1967. Т. 25. Ч. II. С. 367.

ственные земельные наделы, стремясь обособить и укрепить свое низкорентабельное хозяйство.

Расчеты Д. Н. Иванцова показали, что крепкие крестьянские дворы соглашались брать в аренду дополнительные земли, даже если землевладельцу приходилось отдавать вместе с земельной рентой и прибылью еще и часть заработной платы¹. Устойчивость и жизнеспособность крестьянского двора экономисты русской эмиграции связывали с большей свободой маневрирования, способностью развивать отрасли производства и возделывать культуры, от которых отказываются крупные хозяйства по причине их низкой доходности [10, с. 41].

В соответствии с концепцией русских ученых, относительная автономность крестьянского двора и изолированность хозяйственной деятельности не препятствовали развитию общественных производительных сил труда и концентрации сельскохозяйственного капитала. Широкая кооперация, охватившая аграрный мир России и многих стран Европы, вывела крестьянские хозяйства «из состояния изолированного существования индивидуально-обособленных действий» [1, с. 5—24]. Выступая в Софии с докладом «О законе земельной ренты» на V съезде русских академических организаций в эмиграции, А. Н. Анцыферов доказывал, что под воздействием сельскохозяйственной кооперации «происходит непрерывный процесс оздоровления общественной среды», создается «коллективный дух, порожденный совместной деятельностью» [13, с. 201]. Во многом идеализируя общественные отношения на селе, русские ученые опирались на известный тезис М. И. Туган-Барановского о том, что кооперативные предприятия создаются не для обогащения, а для «увеличения трудовых доходов своих членов или уменьшения их расходов на потребительские нужды» [14, с. 54]. В трудах А. Н. Анцыферова, С. С. Маслова, С. Н. Прокоповича, В. А. Коссинского и др. поставлен необычный для аграрной науки того времени вопрос о нравственном измерении экономической деятельности, формировании человека, живущего собственным трудом и включенного в социальные кооперативные связи. Принцип отказа от эксплуатации и добровольного сложения хозяйственных усилий крестьян был положен в основу экономической модели, которую русские ученые противопоставляли развивавшемуся на Западе капитализму и практике победившего в России марксизма.

Анализ жизни русского села и экономического поведения крестьянства, основанный на данных земской статистики, дал возможность ученым переосмыслить причины устойчивости аграрного уклада и неповторимости социальных отношений в деревне. При всем различии взглядов на аграрное производство ученые русской эмиграции сформировали целостное представление о развитии семейно-трудового хозяйства, которое выходит за рамки догматических установок марксистской и неоклассической теорий. Проживавшие, в основном, в крупных европейских центрах, русские экономисты смогли преодолеть инертность мышления, свойственную сторонникам внедрения капиталистических начал в аграрное производство или тотального обобществления земли и труда.

 $^{^1}$ Иванцов Д. Н. Блокноты с черновыми записями. 5-я тетрадь. Прага. 1927 г. (ГАРФ. Ф. Р-5790. Оп. 1, Д. 50, Л. 20).

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Анцыферов А. Н. О природе и сущности кооперации / А. Н. Анцыферов // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1926. Кн. IV. С. 5—24.
 - 2. Билимович А. Д. Труды / А. Д. Билимович. Санкт-Петербург; Росток, 2007.
- 3. *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика / Б. Д. Бруцкус. Пг., 1922.
- 4. *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта / Б. Д. Бруцкус. Берлин, 1923.
- 5. *Зворыкин Н. Н.* Русские крестьяне: предстоящее их благоустройство / Н. Н. Зворыкин. Париж, 1929.
 - 6. Зворыкин Н. Н. К возрождению России / Н. Н. Зворыкин. Париж, 1929.
- 7. Иванцов Д. Учение проф. В. А. Коссинского о земельной мобилизации / Д. Иванцов // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1926. Кн. IV.
- 8. *Коссинский В. А.* Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Мобилизация земельной собственности / В. А. Коссинский. Прага, 1925.
- 9. *Маслов С. С.* Возрождение России и крестьянство / С. С. Маслов // Крестьянская Россия. Прага, 1923. № 2.
- 10. *Маслов С. С.* Восходящая сила / С. С. Маслов // Крестьянская Россия. 1922. № 1.
- 11. *Прокопович С. Н.* Динамика крестьянского хозяйства / С. Н. Прокопович // Экономический вестник Берлин, 1923. № 2.
- 12. Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей / С. Н. Прокопович. Берлин, 1924.
- 13. Труды V съезда русских академических организаций за границей в Софии, 14—21 сентября 1930 г. София, 1932.
- 14. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации / М. И. Туган-Барановский. Москва, 1916.
 - 15. Чаянов А. В. Учение о крестьянском хозяйстве / А. В. Чаянов. Берлин, 1923.
- 16. Челинцев А. Н. Отзыв о книге С. Н. Прокоповича «Крестьянское хозяйство» / А. Н. Челинцев // Крестьянская Россия. 1924. № VIII—IX.
- 17. *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера / В. М. Чернов. Берлин, 1922.

ИТОГИ ОБЩИННОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СССР В КОНЦЕ 1920-Х ГГ.: СТАДИЯ ТЕРМИДОРА ИЛИ РЕБРЕНДИНГ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ?²

Анализируя общие тенденции социокультурного развития советской деревни в конце 1920-х гг., автор приходит к выводу об укреплении позиций традиционной культуры и формировании узкого слоя сторонников модернизации. При этом курс на коллективизацию был реализован без учета социальных устремлений, что привело к тотальному раскрестьяниванию и уничтожению как защитников общины, так и носителей рыночного сознания.

Ключевые слова: советское крестьянство; социальная история; социальные последствия коллективизации.

Аграрная революция в России, завершившаяся к началу 1920-х гг. официальным признанием результатов «черного передела» со стороны государства, обозначила две тенденции развития советской деревни. С одной стороны, восстановление общин в своей основе продемонстрировало защитную реакцию крестьянского мира на модернизационные процессы, а следовательно, носило глубоко архаичный характер, и в дополнение к реквизициям, разрухе и голоду стало фактором, сдерживавшим развитие аграрного сектора экономики. В этих условиях естественным и общим трендом социальной мобильности российского крестьянства был рост бедности. Однако ситуация мало изменилась и к концу 1920-х гг., несмотря на частичную реабилитацию рыночных отношений. Деревня по-прежнему балансировала на грани крайне скудного существования. Треть общего числа крестьянских дворов в стране не имела рабочего скота, а половина — владела одной рабочей лошадью или волом [3, с. 130, 132]. В Пензенской губернии к 1926 г. на 100 хозяйств приходилось лишь 16,35 плуга, а 32,1 % хозяйств вообще не имели пропашного инвентаря [5, с. 29—31].

С другой стороны, прямым следствием архаизации общественного сознания в период крушения имперской формы государственности становится укрепление традиционных регуляторов социальной жизни, покоившихся на нормах обычного права. Воплощение крестьянского идеала Правды предполагало воплощение идеи «всеоб-

 $^{^1}$ Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет, savtemp@yandex.ru, Россия, г. Пенза.

 $^{^2}$ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00125) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.».

щего поравнения». На мировоззренческом уровне это обернулось усилением массового стремления вернуться к «локальным формам жизни», основанным на натуральных отношениях, вернуться к «миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность» [1, с. 293].

Информаторы ОГПУ с тревогой отмечали сохранение и даже тиражирование антигородских настроений: «За последнее время со стороны крестьянства замечается враждебное отношение к служащим и лицам, состоящим в профсоюзах. Выносятся постановления о лишении земельных наделов лиц, состоящих где-либо на службе, всех ушедших на подсобные заработки и даже временно работающих на железной дороге». Так, в 1926 г. ряд сел Саранского уезда в нарушение постановления волисполкома самовольно приняли решение об отчуждении земельных наделов, мотивируя свои действия следующим образом: «Не двумя кусками пользуйся, а одним». В этом отношении перспективу развития социальных отношений крестьяне связывали с сохранением принципа общинного мироустройства: «...рабочие и служащие живут лучше крестьян, но между ними нет равенства. Поэтому нужно уравнять ставки всем, тогда бы мы скорей пришли к равенству (с. Шишкеево Рузаевской волости)»¹.

Выявление подобных устремлений в крестьянском сознании задает особую направленность исследовательским поискам: в первую очередь ставит под сомнение революционность происходивших изменений. Ведь революция есть не что иное, как насильственная форма устранения препятствий для модернизационных процессов, сопряженная с распадом государственности. Понятие «общинная революция» при всем радикализме действий и результатов никоим образом не коррелирует с задачами модернизации и может употребляться лишь в значении антитезы.

На фоне такой реверсивной динамики перспектива завершения перехода советской деревни на новый технологический уровень выглядела весьма туманной. Оценивая же практику и исторический опыт выбора стратегий государственного управления, можно предположить, что рано или поздно из арсенала стимулирующих средств будет извлечен очередной мобилизационный проект. Апробация методов грядущего перелома началась параллельно с отказом от политики военного коммунизма. Уже в ноябре 1921 г. по декрету СНК РСФСР мерилом эффективности советской мобилизационной экономики становится трудодень. Все трудоспособное население советской деревни (мужчины в возрасте 18—50 лет и женщины 18—40 лет) было обложено трудгужналогом, составлявшим по всей территории РСФСР четыре трудодня (пеших и конных по нормам урочного положения)².

И все же, несмотря на «всеобщее поравнение» и реквизиционные кампании, в советской деревне сохранились сторонники рыночных отношений, носители установок общества модерна. В силу определенной подмены понятий в постреволюционную эпоху в СССР эта социальная категория была представлена как движение крестьян-культурников. Стоит заметить, что культурническое движение к концу 1920-х гг. стано-

 $^{^{1}}$ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 120.

 $^{^2}$ Об осуществлении периодических трудгужевых повинностей на началах трудгужевого налога: декрет СНК РСФСР от 22 ноября 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17350#06052334092999598 (дата обращения: 15.08.2019).

вится настолько заметным явлением, что вызывает появление определенных форм отчетности губернских земельных управлений.

В Пензенском госархиве сохранилось несколько уникальных по своему значению обращений крестьян «новой формации» во власть, позволяющих реконструировать спектр социокультурных предпочтений крестьянства во второй половине 1920-х гг. Так, в письме крестьянина д. Куракино Царевщинской волости Пензенского уезда М. С. Сашенкова от 12 марта 1928 г., адресованном заведующему ГЗУ Хабарову, характеризуется прошлое, настоящее и будущее русской деревни в представлениях «хуторянина средней руки». Показательно, что Сашенков не скрывает дореволюционный статус своего хозяйства («я хуторянин с 1914 г.»). Более того, он призывает к дальнейшей хуторизации деревни: «Допустить обязательно трудовые хутора, но не менее 8—10 десятин на хозяйство... с разделением на поселки и хутора (призванные стать "светильниками огромным народным массам"), делать всевозможные поощрения: по лесоразведению, защитной полевой посадке и садоводству и т. д.». Вместе с тем автор крайне критично относится к сохранению общины и насаждению коллективных форм землепользования¹.

Как известно, масштабнейший мобилизационный проект, призванный обеспечить завершение перехода к индустриальному обществу, полностью разрушил социальный мир российской деревни и на длительную перспективу заблокировал процесс формирования установок крестьянского сознания, соответствовавших новому технологическому укладу.

Вероломное вторжение государства и прочтение коллективизации как смертельной угрозы самому существованию крестьянского мира сформировали основу для социальной интеракции: административный произвол, государственный терроризм неминуемо вызвали столь же масштабную ответную реакцию, многократно усиленную коллективными формами сознания и поведения, характерными для традиционных сообществ.

В связи с этим концептуальное значение приобретает анализ практик социального взаимодействия, представленных через категорию «сопротивление». Сегодня данное понятие прочно вписано в культуру повседневности и служит надежным индикатором для интерпретации различных проявлений социального поведения. И это не только и не столько объяснение крестьянского бунта — в эту категорию прекрасно вписываются обыденные (повседневные) формы крестьянского протеста [11]. По мнению Дж. Скотта, в основе большинства конкретных проявлений аграрной организации лежит принцип «главное — выжить» (safety — first), выражающий стремление крестьянского социума обеспечить всем своим членам минимальный прожиточный минимум в тех размерах, в которых это позволяют сделать имеющиеся ресурсы [6, с. 6]. Защита этого императива обеспечивается всем арсеналом доступных действий. Обыденные (пассивные) формы сопротивления также направлены против несправедливых (по мнению крестьян) претензий и домогательств, но из-за боязни репрессий не переходят в открытый конфликт [7, с. 46—49].

Классификация стратегий сопротивления советского крестьянства в период коллективизации дана в исследовании Ш. Фицпатрик. Автор предлагает выделить по-

¹ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 3683. Л. 244.

вседневные формы; принципы ведения коллективного хозяйства; стратегии активного приспособления и манипулирования [10, с. 12—27, 147, 293]. Л. Виола в числе элементов крестьянского сопротивления в эпоху Сталина называет дискурс, стратегию поведения и действие, что, в свою очередь, проявляется в слухах, фольклоре, культуре, символической инверсии, пассивном сопротивлении, насилии и бунте [2, с. 13]. Представляется важным уточнить терминологию исследования, включив категорию сопротивления в структуру социальной интеракции (взаимодействия), так как в противном случае вне внимания исследователя неизбежно оказываются изменения, вызванные действиями участников процесса (изменения обоюдного порядка кратковременного характера и на длительную перспективу). Следовательно, помимо реакций сопротивления, следует учесть роль социального прогнозирования и проанализировать возможности социальной адаптации и не только приспособления самого крестьянства к новой жизни, но и адаптации внешней системы под себя для удовлетворения собственных интересов, в том числе и манипулирования действиями представителей государства. Спектр повседневных практик, направленных на вживание в новую среду, примирение с экстремальными реалиями социальной трансформации, чрезвычайно широк и включает в себя как привычные для крестьянского сознания и психологии стереотипы, так и новые, рожденные в условиях индустриального штурма. Предписанные официальной политической практикой формы поведения советских активистов соседствовали с молчаливым саботажем (вредительством, разбазариванием, низким уровнем трудовой активности и т. п.), традиционными способами коммуникации (слухи, обращения во власть), актами индивидуального террора и массовыми формами социального протеста. При этом чрезвычайно сложно определить интенсивность использования каждой из форм в тот или иной период: пространство социальной интеракции формировалось всей совокупностью действий крестьянства. Общую динамику позволяют проследить материалы информационных сводок административных отделов местных исполкомов и данные статистики внесудебной деятельности ГПУ—ОГПУ—НКВД.

Первой непосредственной реакцией на мобилизационные практики, имевшие своей целью разрушение крестьянской повседневности, становится мощный всплеск социальной агрессии, вплоть до формирования вооруженных банд уже в 1929 г. [10, с. 55].

К числу наиболее массовых форм пассивного сопротивления, иррациональных по сути повседневных поведенческих реакций, сопряженных с угрозой саморазрушения хозяйства и голодной смерти, следует отнести забой скота в крестьянских хозяйствах. Первые признаки появления панических настроений исследователи относят к 1928 г., но по-настоящему массовым явлением сброска скота становится в 1930 и 1931 гг. Так, по данным Л. Виолы, поголовье крупного рогатого скота в СССР в 1928—1935 гг. сократилось с 70,5 до 49,3 млн голов [2, с. 91]. В конце 1931 г. инструкторы Колхозцентра зафиксировали сокращение поголовья скота на Урале: по коровам — на 270 тыс., лошадям — 300 тыс., овцам и козам — 900 тыс. В расчете к общему поголовью 1930 г. этот показатель составил 8,1 %. Наиболее массовый характер сброска скота приняла на территории Средней Азии, Казахстана, Нижней и Средней Волги, Московской области, Башкирии и др. [8, с. 17—18]. В числе основных причин уничтожения скота в документации ОГПУ называлась «самоликвидация хозяйств

и отказ от земли, сопровождающаяся разбазариванием скота хозяйств», что, в свою очередь, объяснялось «тягой к отходничеству и оседанию в промышленных центрах» и перегибами при проведении скотозаготовок (особенно при доведении до колхозников твердых заданий по плану скотозаготовок на 1932 г.) и обобществлении скота в колхозах [8, с. 18—19].

Очевидно, что повсеместно фиксировавшиеся вербальные и поведенческие реакции свидетельствовали не только и не столько о консерватизме массового сознания, чуждого инновациям, сколько о естественной реакции на насильственные методы и экстраординарные темпы коллективизации, на угрозу витальности локального мира, разрыва и мучительной непоследовательной перестройки хозяйственных связей в преддверии посевной кампании (стремительный административный нажим и столь же поспешное отступление пришлись на январь-март 1930 г.), а следовательно, угрозу голода.

Голодовки, самая массовая из которых пришлась на 1932—1933 гг., стали постоянными спутниками крестьянства, закрепив такие повседневные практики, как недоедание, питание суррогатами, распродажа скота, остатков домашнего имущества, нищенство и бегство из деревни. Повседневностью стали и голодные смерти [9, с. 107—108, 387]. Так, в спецсообщении СПО ГУГБ НКВД СССР от 5 марта 1937 г. были отмечены факты употребления в пищу мяса павших животных, различных суррогатов, опухания и смерти колхозников, рост детской беспризорности, нищенства в ряде районов Мордовской АССР, Татарской АССР, АССР немцев Поволжья, Воронежской и Челябинской областей [9, с. 428—429]. В некоторых районах наблюдаются выходы из колхозов, массовое отходничество, распродажа и убой скота, ликвидация скотоводческих ферм. Так, в Мордовской АССР из Инсарского района за декабрь 1936 г. и январь-февраль 1937 г. «в неорганизованном порядке выехали 2900 чел.». В Воронежской области из Волочковского района с июля 1936 г. выехали 6440 человек, в том числе 1200 выбыли в декабре 1936 г. Скопление на вокзалах железных дорог населения, ехавшего «за хлебом в городские пункты», носило массовый характер и способствовало распространению эпидемических заболеваний [9, с. 414, 428—429].

Сокращение, а в некоторых случаях и полное прекращение продажи печеного хлеба в сельских местностях стимулировало не только массовые походы крестьян в города — за хлебом, но дискредитировало саму идею коллективизации (в официальных документах — вело к резкому падению трудовой дисциплины). Так, в Воронежской области в декабре 1936 г. было зафиксировано более 20 случаев коллективных отказов от работы по причине необеспеченности хлебом [9, с. 387]. Выборочной проверкой УНКВД было установлено, что в 87 колхозах 16 районов области в общественных работах участвовало не более 10—16 % общего количества трудоспособных колхозников. В этих условиях массовыми стали случаи найма единоличников для выполнения колхозных работ: «В ряде мест нанимаются целые бригады» [9, с. 387].

Еще более масштабным явлением стало неорганизованное отходничество колхозников: только в декабре 1936 г. из 18 районов области самовольно покинуло колхозы в поисках заработков около 8000 колхозников. Из коллективных хозяйств, расположенных в северной части региона, выбыло почти все трудоспособное мужское население. Крестьяне устремлялись в города и промышленные центры, заполняя людской

массой железнодорожные станции и города. Аналогичная ситуация сложилась в ряде районов Ставрополья [9, с. 378—379].

На переломе индустриальной эпохи советское крестьянство являло собой сложный конгломерат идей и предпочтений, весьма далекий от романтического идеала народнической эпохи. В свое время Ш. Фицпатрик весьма удачно выделила три типа крестьянских устремлений в довоенной истории советских колхозов: «традиционалисты», уповавшие на сохранение архаичного хозяйственного уклада и общинного мироустройства без заметного присутствия государства в жизни земледельца; «предприниматели», ориентированные на развитие сегмента рыночных отношений, товарного производства и получение прибыли, и «госиждевенцы», абсолютизировавшие идеи патернализма и полностью уповавшие на помощь государства. По ее мнению, на протяжении 1930-х гг. при сохранении восприятия колхозной системы как второго пришествия крепостного права и равнодушного отношения к общественным работам как к принудительному труду позиции первого из типов ослабли, а второго и третьего — усилились [10, с. 350].

Сложно принять тезис об укреплении положения крестьян, ратовавших за развитие частнохозяйственной деятельности, но вот патерналистские ожидания постепенно воплощаются в самые распространенные практики «выживания» в эпоху коллективизации. Это наглядно демонстрирует ситуация в так называемых красноармейских колхозах. В декабре 1935 г. органами НКВД были выборочно обследованы 23 колхоза в ряде районов Ленинградской области. В ходе проверки выяснилось, что большинство подобных объединений состоит из крестьянских хозяйств местного населения, вступивших в красноармейский колхоз исключительно «с расчетом на получение льгот и помощи от государства в виде ссуд, кредитов и т. п.» (в том числе 50 %-ной скидки по госпоставкам, получение бесплатного леса) [9, с. 182—183]. Эффективность таких хозяйств оценивалась как крайне низкая: «Труддисциплина в колхозе отсутствует. Многие колхозники по несколько дней подряд не выходят на работы. Отдельные колхозники не выходят на работу по целому месяцу. В колхозе 74 хозяйства, большинство из них никакого отношения к семьям красноармейцев не имеют» [9, с. 183]. Очевидно, что крестьяне, выживая и адаптируясь к новой социальной реальности, принимали правила игры и пытались извлечь определенную выгоду для себя.

С другой стороны, представители колхозной администрации, пользуясь своим служебным положением, тоже пытались использовать колхоз для личного обогащения. Так, в сообщении УНКВД по Саратовскому краю от 1 декабря 1936 г. отмечались факты перерасхода установленных норм на содержание административно-управленческого аппарата (до 10—12 против 2 %, предусмотренных уставом с/х артели) [9, с. 367]. Анализируя причины, тормозившие коллективизацию в Горьковском крае в августе 1935 г., сотрудники УНКВД особое внимание уделили вопросу о засоренности колхозов классово чуждыми элементами, особенно подчеркнув коррупционную составляющую в действиях сельской администрации: «Руководство колхозом пьянствует и самоснабжается» [9, с. 141].

Тем самым применение категорий, почерпнутых из арсенала социологии повседневности, существенно меняет горизонты исследований советского крестьянства, создает надежное основание для последующих интерпретаций. За аутентичными

терминами официальных документов («кулацкие мятежи», «антисоветские выступления», «вредительство», «саботаж» и т. п.) скрываются практики сопротивления. Совершенно очевидна необоснованность использования понятий «кулак», «подкулачник» и т. д. — все это акторы «советской модернизации» со своими предпочтениями и устремлениями.

В середине 1930-х гг., в период так называемого Сталинского неонэпа, колхозники получили возможность публично выразить свое отношение к аграрному курсу советского правительства: в 1935 г. в связи с разработкой нового устава сельскохозяйственной артели (утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г.) и летом 1936 г. в ходе обсуждения проекта Конституции СССР.

По сути, новый устав расширял возможности адаптации крестьянства к колхозной системе, уравняв сельскую администрацию и колхозников в оплате труда трудоднями, сняв наиболее одиозные ограничения с личного подсобного хозяйства, а фактически предоставил перспективу спасения утопающих самим утопающим, тем самым реализовав минимум крестьянских устремлений. Но при этом многие представители сельской администрации и рядовые колхозники не доверяли властям и сомневались в возможности перемен к лучшему. В частности, согласно спецсводке УНКВД по Челябинской области, наряду с положительными настроениями основной массы колхозников были зафиксированы далеко не единичные случаи «неправильного истолкования отдельных параграфов устава», настроения отрицательного порядка: «Одну корову держать — и то замучили налогами, все молоко стаскиваем в государство, а сами не видим его. Сейчас по новому уставу разрешают держать до трех коров и до 15 овец, все равно колхозникам толку от этого мало будет, так как и из-под трех коров будем таскать все молоко и шерсть в государство. Тут выгодно государству, а колхознику мученье» (колхозница колхоза «Труд» Кизильского района Сафонова И., 48 лет, б/п, беднячка); «Поздно хватились держать народ в колхозах. Уставом его не удержишь, ему нужен хлеб. Самые лучшие колхозники уже ушли из колхоза. Я знаю много таких колхозов, где только остаются батраки и беднота, а середняков мало осталось — удрали. Теперь только отыгрываются на нас и говорят, что мы не умеем руководить беднотой и батрачеством» (пред. колхоза «Заря» Талицкого района Буснаев); «Ну и додумалось у нас правительство о том, чтобы снова делать кулаков. По новому уставу с/х артели так и сделано, чтобы колхозники развели опять скот, а потом их снова будут раскулачивать, но этот номер не пройдет. Колхозники не дураки» (колхозник колхоза «Красный казак» Кизильского района Букатников; «Видите, до какой низости скатились наши руководители, сами не знают, что делать, прямо запутались. Кричали "бей за коммуну", теперь кричат "долой коммуну". Сначала кричали "гони коров в одно стадо", теперь "бери корову и овечку, заводи кур и гусей". Они видят, что масса не хочет выполнять их приказов, так они ухитряются» (колхозник, «ударник-сталинец» Свалов Дмитрий) [9, с. 61—62]. Сотрудники УНКВД выявили многочисленные факты «извращения колхозами установок по выработке нового колхозного устава», что, по сути, указывает на готовность крестьянства к диалогу с государством и демонстрацию крестьянского видения перспектив трансформации мобилизационных практик (увеличение защищенного сегмента социального благополучия). Озабоченность властей вызывала «тенденция к росту необобществленной части хозяйства колхозника за счет расширения приусадебных участков и увеличения количества скота в индивидуальном пользовании свыше установленных норм по району, приобретения в индивидуальное пользование тягла, выделения из колхозных земель сенокосных участков» [9, с. 127].

Так, в ходе проверки колхозов Режевского района Свердловской области инструктором облисполкома были обнаружены следующие нарушения устава с/х артели: превышение норм по содержанию крупного рогатого скота — выявлено в 226 колхозных дворах; излишняя площадь приусадебных участков — выявлено в 19 из 24 проверенных колхозах. При этом проверяющим были установлены и факты попустительства со стороны сельской и районной администрации, не предпринимавших действенных мер к ликвидации нарушений [4, с. 187].

В числе основных требований, выдвинутых сельским населением в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции, читается стремление к обретению равноправного социального статуса по отношению к рабочим и служащим: включение колхозников в систему социального страхования, обеспечение их наравне с рабочими медицинской помощью, курортным обслуживанием; введение выходного дня в сельской местности, права на отдых колхозников наравне с рабочими в городах и промышленности, предоставление колхозникам ежегодного отпуска с сохранением зарплаты; введение социальных пенсий для колхозников по инвалидности и по старости. В частности, в МАССР в ходе обсуждения проекта Конституции на общем собрании Ивановского с/совета Теньгушевского района гражданин Новиков заявил: «Нужно сравнить рабочего с крестьянином в правах, дав семичасовой рабочий день и для колхозников»; гр-н Андреев на том же собрании предложил «рабочего и служащего перевести на трудодни»¹.

Таким образом, на рубеже 1920-х — 1930-х гг. шаткое равновесие социального мира советской деревни обеспечивалось стабильностью воспроизводства традиционных хозяйственных практик. Одновременно на фоне реализации курса на технологическую революцию формируется пусть и незначительный, но весьма перспективный отряд акторов модернизации. Принудительная трансформация традиционного общества, осуществленная в формате ребрендинга имперской мобилизационной стратегии, в экстремально короткие сроки и не имевшая социальной опоры, остановила наметившуюся социальную динамику и вызвала неизбежную деградацию крестьянской культуры, попутно уничтожив и слой носителей ценностей общества модерна.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. Новосибирск, 1997.
- 2. Виола Π . Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Π . Виола. Москва, 2010.
- 3. Ильиных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы / В. А. Ильиных // Уральский исторический вестник. 2018. \mathbb{N}° 4 (61). С. 128—134.
- 4. Колхозная жизнь на Урале. 1935—1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. Москва, 2006.

¹ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 41. Д. 154. Л. 13—33.

- 5. *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены / Л. В. Лебедева. Москва, 2009.
- 6. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии: реферат. Нью-Хэвн; Лондон, 1976 / Дж. Скотт // Отечественная история. 1992. № 5. С. 5—17.
- 7. Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян Дж. Скотт // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : Ежегодник. 1996. Москва, 1996. С. 26—60.
- 8. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : сб. док. в 10 т. Т. 10 (1932—1934 гг.) : в 3 ч. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. Москва, 2017. Ч. 2.
- 9. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918—1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 4. 1935—1939 гг. / Под ред. А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова [и др.]. Москва, 2012.
- 10. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня / Ш. Фицпатрик. Москва, 2008.
- 11. *Scott J. C.* Everyday Forms of Resistance / J. C. Scott // Everyday Forms of Peasant Resistance / Ed. Forrest D. Colburn, Armonk (N. Y.); London: Sharpe, Cop. 1989. P. 3—31.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА И НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УСПЕХА В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ СТАЛИНСКОЙ «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ»

Характеризуются положение крестьянской общины в период нэпа, накануне сплошной коллективизации, ее взаимоотношения с советской властью. Обосновывается тезис о ликвидации общины как института защиты общекрестьянских интересов в результате коллективизации.

Ключевые слова: советская деревня; крестьянская община; сельские советы; нэп, коллективизация.

Одной из самых важных тем аграрной историографии является феномен общины как исторически сложившейся формы общежития и хозяйствования сельского населения России и других стран на протяжении тысячелетий [1]. Причем обращение к данной теме в недалеком прошлом вызывало бурные дискуссии специалистов, как это было, например, в рамках сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1972 г. на специальной общинной секции, инициированной В. П. Даниловым [10, с. 8].

Не менее важной в современной историографии является и тема сталинской насильственной коллективизации, ставшей своего рода рубиконом, перейдя который, Россия переставала быть аграрной и крестьянской и превращалась в городскую, индустриальную [24, с. 3—13]. При этом следует помнить, что антикрестьянская «революция сверху» была проведена сталинским руководством в крестьянской стране. По переписи 1926 г. из 147 млн зарегистрированных жителей СССР 120,7 млн (82,1 %) проживало в сельской местности². И тем не менее антикрестьянская коллективизация в крестьянской стране удалась. Почему?

Объяснение феномена сталинской коллективизации невозможно без обращения к теме крестьянской общины накануне и в период коллективизации. И, как показывает анализ современной историографии, данная тема еще не получила должного внимания исследователей в указанном контексте [23]. В последние десятилетия они сосредоточили свое внимание прежде всего на изучении репрессивного механизма коллективизации, роли сталинского руководства и административно-репрессивного аппарата советского государства в осуществлении в советской деревне «рево-

¹ Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Москва.

²Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 17. С. 2—3, 46—49.

люции сверху» [20; 22]. В этом направлении достигнуты, без сомнения, выдающиеся результаты. В первую очередь — это серии документальных изданий международных проектов, организованных в Институте российской истории РАН В. П. Даниловым: «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД» [21; 35; 39], а также признанные специалистами монографические исследования на эту тему Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина, В. А. Ильиных, зарубежных коллег М. Левина, Ш. Фицпатрик, Ю. Таниучи, Х. Окуды и др. [12; 14—16; 27; 32; 38; 43]. Из названных авторов наиболее близкими к теме настоящей работы являются публикации японского исследователя Хироси Окуды [30].

Обращаясь к теме общины накануне и в период сталинской коллективизации, нельзя не отметить важнейшее значение работ российских и зарубежных исследователей в области изучения самого института общины в истории России и других стран, без знания которых невозможен глубокий и всесторонний анализ положения общины в указанный период. Это труды Л. В. Даниловой, В. П. Данилова, П. Н. Зырянова, Т. Шанина, А. В. Гордона, В. Я. Осокиной [4—7; 10; 13; 33; 45; 46], «Констанцской исследовательской группы» [8, с. 10] и других исследователей.

В современной отечественной историографии имеется ряд работ, посвященных общине в советской деревне в годы нэпа, выполненных на региональном уровне [2; 42]. Но в них не дается ответа на главный вопрос: община и ее феномен способствовали успеху коллективизации или были ее препятствием и тормозом? Что же произошло с общиной в результате коллективизации?

Дискуссия на эту тему продолжается. Например, известный историк-аграрник П. П. Марченя задается вопросом: «Коллективизация <...> — это что, какой-то абсолютно внешний по отношению к русскому крестьянству проект? Или это реализация того, что уже было потенциально заложено в самом крестьянстве? Разве это не — пусть не самый лучший, но все-таки — вариант развития крестьянской общины? И разве у процесса явного "раскрестьянивания" сталинской России не было неявной, изнаночной стороны — "окрестьянивания", при котором вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна превращалась в одну гипертрофированную крестьянскую "коммуну", "социалистическая экономика" которой резонировала с общинной "моральной экономикой", а все базовые идеологически "новые" ценности корреспондировали с устоями сельского "мира"?» [28].

Нетрудно заметить, что данный автор здесь не оригинален и идет «по следам» всем известного советского «генерала от аграрной науки» С. П. Трапезникова (заведующего отделом науки ЦК КПСС), который рассматривал созданные в ходе коллективизации колхозы в качестве своего рода новой колхозной общины [40]. В настоящее время к точке зрения по данной теме Трапезникова — Марчени склоняется и авторитетный крестьяновед В. В. Бабашкин [3, с. 185].

Автор настоящей статьи не разделяет данную позицию и так же, как и В. П. Данилов, М. Левин и ряд других исследователей, считает, что крестьянская община и насильственная коллективизация — это антиподы. Более того, коллективизация удалась во многом лишь потому, что во второй половине 1920-х гг., накануне ее осуществления, и в период сплошной коллективизации начала 1930-х гг. община была фактически уничтожена Советским государством как институт. В это время был раз-

рушен этот механизм крестьянского сопротивления, из рук крестьянства было вырвано его главное оружие — община.

Это главный тезис автора статьи, который, не претендуя на бесспорность и категоричность суждений, а тем более завершенность исследования темы аргументирует его, акцентируя внимание на судьбы общины прежде всего в Европейской России, хотя отмеченные в статье факты имели место и в остальных регионах страны в рассматриваемый период.

Фактически речь идет о взаимоотношениях крестьянского мира и советской власти в период нэпа и коллективизации, поскольку тогда практически все крестьянское население страны было объединено в общины. В 1920-х гг. общее число земельных обществ превышало 300 тыс. В 1927 г. на территории РСФСР общинными оставались 95,5 % земель крестьянского пользования [9, с. 62].

В начальный период нэпа крестьянская община, именовавшаяся согласно Земельному кодексу 1922 г. земельным обществом, была, как точно отметил В. П. Данилов, «свободным союзом равноправных пользователей национализированной землей, главным органом крестьянского самоуправления» [9, с. 63]. В стране существовали односеленные и многоселенные земельные общины, которые через механизмы сельского схода и избранных уполномоченных решали все вопросы землепользования и взаимоотношений с советской властью по земельным вопросам.

Институт общины окреп за годы революции и Гражданской войны, результатом которых был уравнительный передел земли. В этот период община проявила себя как инструмент защиты крестьянских интересов от посягательств государства, выступив организующей силой «черного передела» и крестьянского движения против политики «военного коммунизма» советской власти [9, с. 211—228].

Укреплению общины способствовало осереднячивание деревни в годы Гражданской войны и в начальный период нэпа, когда основной фигурой в советской деревне стал середняк [18, с. 43]. Кулаки составляли лишь 3,3 % всех крестьянских хозяйств¹. Причем это были «новые, советские кулаки», лично работавшие в своих хозяйствах, в отличие от дореволюционных «мироедов», «маклаков» и т. п. [11].

В нэповской советской деревне община не была единственной крестьянской властью. Наряду с ней, существовали советы. По переписи 1926 г., насчитывалось 73 584 сельских и 5701 волостных советов [9, с. 62], которые осуществляли контроль за исполнением земельных законов, занимались сбором налогов и содействием развитию коллективных форм пользования землей.

Формально в деревне существовало «двоевластие». Но в первой половине 1920-х гг. советы в большинстве случаев находились под контролем земельных общин, которые направляли туда своих представителей и пытались действовать через них в общекрестьянских интересах.

Ситуация менялась по мере активизации вмешательства Советского государства в деревенские дела в связи со взятым курсом на индустриализацию страны, потребовавшей значительные ресурсы на эти цели, которые могли быть получены от крестьянства за счет усиления налогового пресса, государственных заготовок сель-

 $^{^1}$ Тяжесть обложения в СССР: Соц. состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. М., 1929. С. 74.

хозпродукции, коллективизации крестьянских хозяйств. В это время община намеренно раскалывалась изнутри, а ее основные функции передавались советам [26]. Это была политика ликвидации «двоевластия» в советской деревне, а вместе с ним и самой общины как общекрестьянской организации, способной организовать коллективную «крестьянскую оборону» против антикрестьянской политики власти. Именно по этому пути шла подготовка насильственной коллективизации. Чтобы ее провести, необходимо было сначала разрушить общину, лишить крестьян их главного «оружия сопротивления», которое, как известно, успешно срабатывало в период Столыпинской аграрной реформы, революции 1917 г., Гражданской войны [25].

Задача подчинить работу земельных обществ руководству сельских советов была поставлена на XV съезде $BK\Pi(6)^1$. Для этого советская власть последовательно «укрепляла» сельские советы, передавая им основные функции общины и формируя советы из числа своих сторонников. На это были направлены последовательно проводившиеся с конца 1924 г. перевыборные кампании в сельские советы с целью их «оживления», т. е. формирования депутатского корпуса из коммунистов, комсомольцев («безбородых коммунистов»), за счет лишения избирательных прав кулаков и им сочувствующих. Но эти кампании не сразу дали должный результат.

В частности, по итогам перевыборных кампаний 1925—1927 гг. советы сохранили свой «крестьянский характер», несмотря на использование властью всевозможных административных рычагов (составление согласованных списков, лишение избирательных прав почти 600 тыс. «кулаков» и т. п.) [17, с. 385]². Например, по результатам прошедших в январе-марте 1927 г. выборов в 73 584 сельских советах из 89,1 % крестьян, избранных депутатами, почти 50 % оказались маломощные крестьяне-середняки, остальные — деревенская беднота и зажиточные крестьяне³. Причем в новом сельсоветском депутатском корпусе насчитывалось лишь 12,9 % членов и кандидатов в члены партии и комсомольцев [17, с. 387—388]. ОГПУ констатировало факт «засорения низового аппарата советских и общественных организаций антисоветскими элементами»⁴.

Подобный результат был обусловлен активным участием в перевыборной кампании кулаков и зажиточных крестьян, которые, имея наибольший хозяйственный вес в общине, стремились сохранить ее влияние на советы как вторую структуру деревенской власти. Поэтому на протяжении всего периода избирательной кампании «кулаки-лишенцы» и зажиточные крестьяне-середняки использовали все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы заставить остальную часть деревни, в том числе зависимую от них бедноту («подкулачников»), голосовать за выдвинутых ими депутатов. Их активность подпитывалась антикрестьянскими действиями власти в сфере налоговой политики и хлебозаготовок, а также по расколу деревни на враждеб-

 $^{^1\,\}rm KПСС$ в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). М., 1984. С. 309—310.

 $^{^2}$ C3 СССР. 1926. Nº 66. Ст. 500; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. М., 2000. Т. 2. С. 518—528.

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 543, 553—554.

⁴Там же. С. 640.

ные социальные группы с помощью предоставления налоговых и иных льгот бедноте и колхозам. Формы борьбы за советы и общинные интересы у зажиточно-середняцкого большинства советской деревни были самыми разнообразными: от агитации на собраниях, в общественных местах и частных беседах до насильственных действий и прямого террора против сельских коммунистов, комсомольцев и прокоммунистически настроенных крестьян (селькоров и т. п.)¹. Активный и организованный характер действий указанной группы крестьян в ходе перевыборов советов и основных налоговых и хлебозаготовительных кампаний 1926—1927 гг. отмечен в информационных материалах ОГПУ как деятельность «кулацких группировок». Например, только за период с 1 ноября 1925 по 1 января 1928 г. ОГПУ выявило в советской деревне 2161 «кулацкую группировку»².

Во второй половине 1920-х гг., по мере усиления кризиса хлебозаготовок, советской властью законодательно и административно насаждался механизм удобного для нее принятия решений сельскими советами и сходами по вопросам заготовок, налогов, колхозного строительства. С этой целью постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. допускалось проведение повторных голосований при любом количестве собравшихся делегатов и крестьян3. И чтобы продавить нужное решение, собрания проводились по 3-4 раза, пока не получался нужный результат. В результате к началу коллективизации был уничтожен существовавший веками в русской общине демократический принцип принятия решений сельским обществом по наиболее важным для него вопросам. Теперь от имени общины, прикрываясь ее решениями, принятыми на заседании сельсовета провластным меньшинством, можно было творить любой произвол. К началу коллективизации, несмотря на неудачи избирательных кампаний 1924—1927 гг., советы теряли свой «крестьянский характер», выходили из-под контроля общины. Состоя в большинстве своем из сторонников коллективизации, опираясь на поддержку присланных из города различных уполномоченных и силовые структуры, советы превращались в инструмент создания колхозов и осуществления политики раскулачивания.

В первой половине 1920-х гг. большинство сельских советов не имело своего бюджета, тогда как земельные общества располагали постоянными и довольно значительными источниками доходов: самообложение, сдача земли в аренду и т. д. В 1926/27 г. на территории РСФСР самостоятельный бюджет имели всего 1815 сельсоветов (3,2 %). Общая сумма их бюджетов составляла 15,6 млн руб. Бюджет же земельных обществ исчислялся в 70 млн руб. (по другим данным, в 80—100 млн руб. и более) [9, с. 71]. Все это позволяло земельному обществу противопоставлять себя сельскому совету, а подчас и фактически подчинять его.

Во второй половине 1920-х гг. ситуация изменилась. В 1927 г. рядом законодательных актов было усилено участие сельских советов «в рассмотрении земельных споров отдельных граждан», расширены их прерогативы в области контроля за деятельностью земельных обществ (регистрация распределения усадеб, организация

¹Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 486—488, 549—553.

²Там же. С. 636.

³СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73.

общественной обработки земли; оформление продажи построек «с оставлением на месте» — одна из форм контроля за соблюдением национализации земли). То есть община постепенно ограничивалась в своих правах на землепользование.

Тогда же община теряла материальную основу своего функционирования, которая обеспечивалась за счет механизма самообложения — сбора средств на первоочередные крестьянские нужды. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. сбор и расходование средств самообложения могли производиться теперь только сельским советом¹. Тем самым для сельсоветов была открыта возможность вмешиваться в дела земельных обществ и сделан шаг к превращению сельсовета в настоящего хозяина деревни. С 1928 г. самообложение как материальная основа общинного самоуправления стало частью государственной фискальной системы, превратившись практически в вид местной государственной повинности или местного налога для пополнения местных бюджетов. Введенный в 1927 г. принцип всеобщности и обязательности местного самообложения был умело использован советской властью в чрезвычайных обстоятельствах хлебозаготовительного кризиса и начавшейся коллективизации, когда собранные с общинников средства шли на стимулирование хлебозаготовок, заработную плату двадцатипятитысячников, содержание всевозможных уполномоченных и т. п.

Но с завершением сплошной коллективизации сельские советы, как ранее земельные общества, также потеряли свою самостоятельность в бюджетной сфере, войдя в прямое подчинение районным финансовым органам исполкомов советов, которые, нередко «без всякого участия сельсоветов», формировали сельские бюджеты и контролировали их расходы. Таким образом, колхозная деревня была лишена возможности иметь свою независимую материальную базу для удовлетворения первоочередных крестьянских нужд. Эта функция переходила к государству. Такая практика не имела ничего общего с традиционной общиной, в том числе существовавшей в дореволюционный период.

В годы нэпа имел место постоянный конфликт между государством и крестьянской общиной на почве взятого сталинским режимом курса на ускоренную индустриализацию, который предусматривал принятие крестьянством роли «данника» государства, главного источника индустриализации. В этом направлении строилась вся аграрная политика советской власти, «тянувшая жилы с мужика» [41], причем все сильнее с каждым годом, вызывая естественное недовольство основной массы крестьян.

Накануне коллективизации община сопротивлялась антикрестьянской политике Советского государства всеми имеющимися у нее средствами, в том числе используя «оружие слабых» [34, с. 26—59]. Например, оно проявлялось в отказах выполнять задания по государственным хлебозаготовкам в 1927 г. [15]. Кулаки и зажиточная часть деревни отказывались сдавать хлеб государству по низким закупочным ценам, придерживая его или продавая частнику по рыночным ценам. Именно кризис хлебозаготовок 1927 г. стал поворотным моментом в форсировании курса на сплошную коллективизацию и разрушение общины как препятствия на этом пути.

¹C3 CCCP. 1927. Nº 51. Ct. 509.

Причины подобной ситуации — отдельная и очень большая тема, связанная с анализом политической борьбы вокруг проблемы темпов индустриализации и ее источников, феномена «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, достоверности урожайной статистики и хлебных балансов ЦСУ, обусловивших антикрестьянский настрой И. В. Сталина и его сторонников и бескомпромиссность их борьбы с «правой оппозицией» и т. д. Все эти вопросы активно обсуждались и обсуждаются в историографии [8, с. 82—130; 18]. Но применительно к теме статьи можно утверждать, что в 1927 г. для сталинской группировки стал очевиден факт нежелания крестьян, общины подчиниться проводимой Советским государством аграрной политике. И это был момент истины и в то же время закономерный и неизбежный результат взаимоотношений государства и крестьянства в годы нэпа.

В условиях дефицита промышленных товаров, непаритетных цен на них и продукты крестьянского труда, постоянного роста налогового бремени крестьяне не могли вести себя иначе, чем это было в 1927 г. и позднее. Для них был очевиден несправедливый характер государственной политики в деревне, которая, как уже отмечалось, буквально тянула из них жилы. «При Николае крестьянина били одним концом палки, а теперь соввласть бьет обоими концами, причем налоги берет такие, что крестьянин скоро подохнет», — говорили в деревнях¹. В то же время в городских ресторанах коммунисты с барышнями за раз пропивали десятки рублей, в то время как корова стоила 15 руб., а сапоги — 12—14 рублей². При этом в 1927 г. был еще установлен 7-часовой рабочий день для городских рабочих³, а крестьяне должны были за «гроши вкалывать от зари и до зари». Поэтому ОГПУ в 1927 г. фиксирует небывалый ранее антигородской и антирабочий настрой основной массы крестьян. В этом же ряду находятся неожиданные для сталинского руководства «пораженческие настроения» значительной массы крестьян, когда ОГПУ повсеместно зафиксировало факты (7269 случаев) нежелания крестьян (особенно в казачьих районах), в том числе бывших «красных партизан», защищать советскую власть⁴.

Попыткой заявить о своих правах и законным образом отстоять их в условиях набиравшей темпы антикрестьянской политики государства было крестьянское движение за Крестьянский союз, резко активизировавшееся в 1926—1927 гг., особенно в условиях кризиса хлебозаготовок. Организационной структурой движения выступала община, точнее — ее актив в лице зажиточной части деревни. В 1927 г. ОГПУ зафиксировало 2312 выступлений крестьян за Крестьянский союз, в 16,6 раза больше, чем в 1924 г. А всего за этот период их численность составила 4670 выступлений, имевших место почти во всех регионах СССР, но больше всего — в бывших районах крестьянской революции и крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны⁵. По

¹Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 489.

 $^{^2}$ Там же. С. 77, 90, 95, 152, 164—169, 475; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 62, 68.

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 602, 612.

⁴Там же. С. 628.

⁵ Там же. С. 631.

замыслам активистов движения, Крестьянский союз был необходим крестьянам в качестве профсоюза (по аналогии с рабочими профсоюзами) для защиты их экономических интересов, а также крестьянской партии, которая бы защищала их интересы, как ВКП(б) защищала интересы рабочих.

Данная тема заслуживает дальнейшего исследования, особенно в контексте взаимоотношений общины и власти накануне и в годы коллективизации. В настоящее время она разрабатывается сотрудником Института российской истории РАН О. Б. Мозохиным в рамках проекта РФФИ о «Трудовой крестьянской партии», как известно, сфальсифицированной ОГПУ по указке сверху для ликвидации оппозиции сталинскому курсу насильственной коллективизации [29, с. 25—44].

Но и на данный момент можно сделать вывод, что движение за Крестьянский союз, несмотря на его размах, было обречено на неудачу, поскольку оно не имело поддержки в руководстве ВКП(б) и было достаточно оперативно ликвидировано ОГПУ.

Накануне коллективизации в условиях блокировки законных средств (участие в выборах в советы, создание Крестьянского союза, лишение общины ее статуса) наиболее активная часть крестьянства в лице кулаков и зажиточных крестьян, традиционно составлявшая актив общины, пыталась защищать свои интересы и противодействовать административному нажиму и произволу власти различными средствами. Среди них, например, создание диких кооперативов и лжеколхозов как реакция на выдавливание из кооперации зажиточных крестьян и принудительные хлебозаготовки 1928—1929 гг.

Вынужденными мерами защиты от антикрестьянской политики стали так называемый «кулацкий террор», а также, как уже отмечалось, создание в деревне «кулацких группировок» во время выборов советов и проведения хлебозаготовительных кампаний 1 .

Возникшей во второй половине 1920-х гг. социальной напряженности внутри общины не было ни в период столыпинской реформы, ни в 1917 г., ни в годы Гражданской войны. И она еще больше возросла в 1929 г. в связи с фактическим началом сталинской насильственной коллективизации.

О резком усилении социальной напряженности в деревне в результате продолжения очередных принудительных хлебозаготовок и усиления налогового пресса на крестьянство в целом указывалось в докладной записке Секретно-оперативного отдела ОГПУ «Предварительные итоги борьбы с контрреволюцией на селе в 1929 г.» от 15 января 1930 г. В ней отмечалось, что в 1929 г. за участие в «контрреволюционной деятельности» (терроре против активистов, выступлениях против хлебозаготовок, злостной контрреволюционной агитации, вредительстве в отношении колхозов и т. д.) было арестовано 95 208 чел. При этом число учтенных ОГПУ фактов «кулацкого» (крестьянского) террора в 1929 г. (8278 случаев) превысило уровень 1928 г. в 8 раз, 1927 г. — в 9,2 раза, 1926 г. — в 11,6 раза. В докладной записке говорилось, что в 1929 г. в деревне произошел резкий подъем числа массовых выступлений про-

 $^{^1}$ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 389. Л. 109; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 639.

 $^{^{2}}$ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 1017.

тив политики государства. В частности, было зарегистрировано 1190 случаев, по сравнению с 709 в 1928 г. и 63 — в 1926—1927 гг. Рост массовых выступлений произошел «за счет возрастания числа выступлений на почве хлебозаготовок» Пик крестьянского движения против коллективизации и хлебозаготовок, как известно, пришелся на 1930 г. Тем не менее коллективизация произошла, община была разрушена. Юридически данный факт был закреплен 20 октября 1931 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, согласно которому земельные общества прекращали свое существование в связи с завершением «в основном» сплошной коллективизации².

Почему так случилось? Ответ на этот вопрос связан с дальнейшим изучением истории общины в рассматриваемый период, в том числе в историко-сравнительном контексте. Так, например, в условиях нарастания крестьянского недовольства и в связи «с террористическими акциями кулачества» ОГПУ все 1920-е гг. и особенно в 1929 г. проводило мероприятия по изъятию оружия из деревни³. Были изъяты тысячи винтовок, револьверов, десятки пулеметов, гранаты и т. п. Незаконно хранящие оружие и скупающие его «в уголовных и иных целях» лица подвергались большим штрафам и привлекались к судебной ответственности. В результате к началу сплошной коллективизации советская деревня была обезоружена и в отличие от 1917 г. и Гражданской войны не имела сил для вооруженного сопротивления политике власти. Новые «антоновщины» и «махновщины» были технически невозможны. К тому же, в отличие от ситуации 1917 г. и Гражданской войны, в деревне не сохранилось потенциального ядра крестьянских вожаков, которое было почти полностью зачищено кратированием, раскулачиванием общинного актива в 1927—1930 гг. Кроме того, часть актива просто разбежалась, покинув деревню, чтобы избежать репрессий. В этой ситуации основная масса крестьян в результате изъятия из деревни в годы нэпа оружия, активистов крестьянского протеста, отсутствия политически оформленных структур (партии), поражения «правой оппозиции» [19; 44] была уже не способна переломить ситуацию, несмотря на активные массовые стихийные выступления на рубеже 1920-х — 1930-х гг.

Другой причиной неспособности общины организовать крестьянское сопротивление власти в указанный период был произошедший в ней раскол, выделение из рядов общинников ее непримиримых врагов, сторонников коллективизации и антикрестьянской политики государства. В количественном отношении их было незначительное меньшинство, но оно компенсировалось активной поддержкой власти. Кроме того, поведение этой части общинников обуславливалось особенностями крестьянских внутриобщинных взаимоотношений в годы нэпа.

Значительную роль в формировании сельского актива коллективизации сыграл голод 1924—1925 гг., недостаточно изученный в историографии. Во время этого голода новые, уже советские кулаки повели себя совершенно иначе, чем их предше-

 $^{^1}$ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 389. Л. 109; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 1018.

 $^{^2}$ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954. М., 1954. С. 504—505.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 196. Л. 73; Д. 197. Л. 148.

ственники в дореволюционные голодные годы. Они буквально обдирали до нитки бедноту, пользуясь их безвыходным положением¹. На эту тему показательны письма в Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского, датированные июнем-июлем 1924 г. В них приводились следующие характерные факты поведения кулачества во время голода: «За два пуда ржи бедняк отрабатывал по 5 шестнадцатичасовых дней»; чтобы пережить голод, беднота и часть середняков передавали свои земли кулаку, и т. д.²

Неприязнь к кулакам и зажиточным односельчанам со стороны части бедноты обуславливалась позицией зажиточной части деревни при распределении общинной земли, полученной в 1917 г. и в годы Гражданской войны. Кулаки и зажиточные крестьяне подкупали землемеров, захватывали лучшие участки земли, скрывали их от учета, не платили за них налоги и т. д., т. е. богатели за счет более слабых односельчан.

Поддержка коллективизации и всей антикрестьянской политики советской власти в деревне в годы нэпа и в последующий период частью общинников, включая середняков, обуславливалась и демографическим состоянием советской деревни. По уже упомянутой переписи 1926 г., 67 % сельских жителей были моложе 30 лет, то есть деревня была молодой. Мировая и Гражданская войны, голод 1921—1922 гг. выбили старшие поколения, представлявшие наиболее консервативную часть общины. Уже упомянутый японский исследователь Хироси Окуда очень аргументированно обосновал тезис о том, что накануне коллективизации в советской деревне многие представители деревенской молодежи, особенно из бедняцких семей, связали свою жизненную карьеру с сельским комсомолом, советом, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради «портфеля». Им оказались ближе идеи культурной революции, индустриализации и коллективизации, чем беспросветный труд на клочке земли своего индивидуального хозяйства. Сельские девушки предпочитали активиста трудолюбивым парням из зажиточных крестьянских хозяйств. Сталинская же коллективизация создавала в деревне очень много новых должностей (в колхозах, советах, партии и т. д.). Она освобождала от тяжкого крестьянского труда десятки тысяч сельских активистов. Поэтому они и поддерживали ее и становились социальной базой и инструментом сталинизма в деревне [31, с. 495—527].

Но все же решающим фактором успеха незначительной в количественном отношении части сельского актива в проведении политики коллективизации и хлебозаготовок была поддержка государства. Активистов продвигали в сельские органы власти, предоставляли льготы при организации колхозов, поощряли их действия по выявлению фактов укрытия односельчанами посевов, различных видов заработков для обложения налогами. При этом их деятельность в указанном направлении материально стимулировалась. Например, в ходе хлебозаготовок им полагалось 25 % хлеба от выявленного у его укрывателей [36, с. 5]. В период коллективизации сельский актив, осуществлявший раскулачивание, соблюдая ряд формальностей, фактически получил возможность присваивать себе имущество раскулаченных. Ему в помощь направлялись уполномоченные из вышестоящих структур власти. Активисты, в отли-

¹Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 264, 303—315.

²Там же. С. 197—206, 223—227.

чие от остальных крестьян, как правило, были вооружены, а при проведении коллективизации, раскулачивания и хлебозаготовок получали вооруженную поддержку милиции, ОГПУ и других силовых структур.

Их решительные и нередко противозаконные действия в большинстве случаев не осуждались вышестоящими органами. Хотя наиболее вопиющие из «перегибов» наказывались. Характерно в этом плане выступление секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова на совещании в ЦК партии 24 апреля 1928 г. при обсуждении «перегибов» в применении 107 статьи, в котором он отметил, что не помнит случая, «чтобы ЦК привлек хотя бы один местный орган за нарушение этой статьи» [39, т. 1, с. 259]. Подобная позиция власти была закономерна, поскольку только решительные действия на местах активистов могли обеспечить успешное проведение избранной ею аграрной политики на рубеже 1920-х — 1930-х гг.

Таким образом, противостояние крестьянства и государства в годы нэпа увенчалось успехом последнего не только благодаря административно-репрессивным мерам, но и существованию в советской деревне «социальной базы» «революции сверху» в лице многочисленных активистов из бедноты и деревенской молодежи, поддержавших антикрестьянскую политику, поскольку она открывала им многочисленные «социальные лифты». Созданию этой базы способствовали изменившиеся в годы нэпа по сравнению с дореволюционным периодом отношения между беднотой и кулацко-зажиточной частью общины, которые характеризовались фактом усиления социальной розни между ними. Особенно этому способствовал голод 1924—1925 гг. В большинстве случаев во время этого голода советский кулак, в отличие от дореволюционного, вместо помощи голодающим односельчанам усиливал их закабаление, толкая многих из них в ряды сторонников будущей «революции сверху».

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что крестьянская община, расколотая и ослабленная властью накануне коллективизации, в отличие от периода Столыпинской аграрной реформы, Великой российской революции и Гражданской войны, уже не могла защитить коренные интересы советского крестьянства, в результате чего и случилась трагедия советской деревни.

Возвращаясь к дискуссии о судьбе общины в результате коллективизации, выскажем точку зрению по данной проблеме, опять же не претендующую на категоричность и бесспорность. Для ее обоснования процитируем известного японского исследователя Такэо Судзуки, обратившегося к истории русской сельской общины в период модернизации России, начавшейся реформами Петра І. Он пишет: «Ради укрепления военной мощи и осуществления модернизации были введены воинская повинность и подушная подать, в дополнение к повинностям в отношении помещиков (оброк и барщина). Это укрепление крепостничества означало и укрепление общинного порядка» [37, с. 38]. В данном контексте рассуждения сторонников «сохранения общинных порядков» в колхозах и стране в целом в советский период следует рассматривать в духе широко распространенной народной оценки сталинской насильственной коллективизации как «второго крепостного права большевиков» [24, с. 3—13]. В действительности община была уничтожена в период коллективизации, как препятствие на пути ее осуществления.

¹Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 2. С. 303—315.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе / Л. Б. Алаев. Москва, 2016.
- 2. *Алиева Л. В.* Крестьянская поземельная община Северо-Запада России: 1906—1930-е гг. : дисс. ... канд. ист. наук / Л. В. Алиева. Псков, 2004.
- 3. *Бабашкин В. В.* Коммуне не быть покоренной / В. В. Бабашкин // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 3. С. 178—186.
- 4. *Гордон А. В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность / А. В. Гордон. Москва, 1989.
- 5. Данилов В. П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России / В. П. Данилов // Проблемы социально-экономической истории России : сб. ст. Москва, 1971. С. 341—359.
- 6. Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской поземельной общины / В. П. Данилов // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 102—134.
 - 7. Данилов В. П. Община и коллективизация в России / В. П. Данилов. Токио, 1977.
- 8. Данилов В. П. «Бухаринская альтернатива» / В. П. Данилов // Бухарин: человек, политик, ученый : сб. ст. Москва, 1990. С. 82—130.
- 9. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. / В. П. Данилов. Москва, 2011. Ч. 2.
- 10. Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси / Л. В. Данилова. Москва, 1994.
- 11. Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе // XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений. Москва, 2000. С. 97—100, 147—148.
- 12. *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939: политика, осуществление, результаты / И. Е. Зеленин. Москва, 2006.
- 13. 3ырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 гг. / П. Н. Зырянов. Москва, 1992.
- 14. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. Москва, 1994.
- 15. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) : учеб. пособие для вузов и школ / Н. А. Ивницкий. Изд. 2-е. Москва, 1996.
- 16. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири) / В. А. Ильиных. Москва, 2010.
- 17. История советского крестьянства. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917—1927. Москва, 1986.
- 18. *Кабанов В. В.* Аграрная революция в России / В. В. Кабанов // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28—45.
- 19. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928—1929 гг. : в 5 т. М.Д, 2000. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6—11 апреля 1928 г.; Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4—12 июля 1928 г.; Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16—24 ноября 1928 г.; Т. 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16—23 апреля 1929 г.; Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10—17 ноября 1929 г.

- 20. Кондрашин В. В. Сталинская коллективизация и голод 1932—1933 гг. в СССР: причины и региональные особенности / В. В. Кондрашин // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типологии и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы. Москва; Брянск, 2012. С. 457—468.
- 21. Кондрашин В. В. В. П. Данилов публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX в. / В. В. Кондрашин // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37—43.
- 22. Кондрашин В. В. Дискуссионные проблемы истории коллективизации и ее последствия в современной отечественной историографии / В. В. Кондрашин // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х 1930-х гг. : сб. науч. ст. Саранск, 2013. С. 4—14.
- 23. *Кондрашин В. В.* Историки-аграрники России XX начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество / В. В. Кондрашин. Прага, 2014. Вып. 1.
- 24. *Кондрашин В. В.* Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. / В. В. Кондрашин // Российская история. Москва, 2018. \mathbb{N}° 4. С. 3—13.
- 25. *Кондрашин В. В.* Крестьянство в Гражданской войне: учеб. пособие для магистрантов вузов / В. В. Кондрашин. Москва; Берлин, 2019.
- 26. *Кукушкин Ю. С.* Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.) / Ю. С. Кукушкин. Москва, 1968.
- 27. *Lewin M.* Russian peasants and Soviet power: A Study of Collectivization / M. Lewin. N. Y., 1975.
- 28. Марченя П. П. Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» / П. П. Марченя // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и мат. круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Москва, 2014. С. 601.
- 29. *Мозохин О. Б.* История фальсификации следствия дела ЦК «Трудовой крестьянской партии» / О. Б. Мозохин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 25—44.
- 30. Окуда X. Самообложение сельского населения в 1928—1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины / X. Окуда // Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 153—191.
- 31. Окуда X. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е начало 1930-х гг.) / Х. Окуда // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: мат. Междунар. науч. конф., Москва, 5—7 декабря 2008 г. Москва, 2011. С. 495—527.
- 32. Окуда X. К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа / X. Окуда // Российская история. 2018. N° 4. C. 14—16.
- 33. *Осокина В. Я.* Социалистическое строительство в деревне и община. 1920—1933. Москва, 1978.
- 34. *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян / Дж. Скотт // Крестьяноведение. 1996. С. 26—59.

- 35. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. 1918—1922 гг. Москва, 1998; Т. 2. 1923—1929 гг. Москва, 2001; Т. 3. Кн. 1. 1930—1931 гг. Москва, 2003; Т. 3. Кн. 2. 1932—1934 гг. Москва, 2005; Т. 4. 1935—1939 гг. Москва, 2012.
 - 36. *Сталин И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. Москва, 1949. Т. 11. С. 5.
- 37. *Судзуки Т*. Модернизирующаяся Россия и сельская община: реформы и традиция / Т. Судзуки // Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 38.
- 38. *Taniuchi Yuzuru*. The village Gathering in Russia in the Mid. 1920's / Yuzuru Taniuchi. Birmingham, 1968.
- 39. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: документы и материалы: в 5 тт. Т. 1. Май 1927—ноябрь 1929. Москва, 1999; Т. 2. Ноябрь 1929—декабрь 1930. Москва, 2000; Т. 3. Конец 1930—1933. Москва, 2001; Т. 4. 1934—1936. Москва, 2002; Т. 5. 1937—1939. Кн. 1. 1937. Москва, 2004; Кн. 2. 1938—1939. Москва, 2006.
- 40. *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2 т. / С. П. Трапезников. 3-е доп. изд. Москва, 1983. Т. І : Ленинские аграрные программы в трех русских революциях.
- 41. «Тянут с мужика последние жилы...»: налоговая политика в деревне (1928—1937 гг.) : сб. документов и мат. Москва, 2007.
- 42. *Федотов А. В.* Крестьянская община в Тульской губернии в период НЭПа: 1921—1928 гг. : дисс. ... канд. ист. наук / А. В. Федотов. Тула, 2011.
- 43. *Фицпатрик Ш*. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. Москва, 2008.
- 44. *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. Москва, 2010.
 - 45. Shanin T. Peasants and Peasant Societies / T. Shanin. Penguin, 1971.
- 46. *Shanin T.* The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925 / T. Shanin. Oxford, 1972.

К ВОПРОСУ О «ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ»²

В статье рассматривается репрессивная политика ВКП(б) и ее осуществление ОГПУ СССР на примере так называемой «Трудовой крестьянской партии» (ТКП). Показано, как органы безопасности с помощью самих подследственных сфальсифицировали эту организацию.

Ключевые слова: «Трудовая крестьянская партия», ЦК ВКП(б), ОГПУ, сельское хозяйство, репрессии.

Процесс Центрального комитета «Трудовой крестьянской партии» (ТКП), инициированный И. В. Сталиным, преследовал цель нейтрализовать критически настроенную к планам коллективизации интеллигенцию для стабилизации обстановки на селе. Это было своего рода и предупреждением для «правых» о последствиях, которые будут их ждать в случае противостояния линии ВКП(б).

В середине 1930 г. ОГПУ в Москве арестовало членов так называемого ЦК «ТКП». До конца не понятно, кто придумал название этой организации. По одной из версий, это было сделано следователями ОГПУ, с перспективой связать создаваемую ими организацию с масловской (пражской) «Крестьянской Россией — Трудовой Крестьянской партией». Другую, более правдоподобную версию высказали составители сборника «Суздальских писем». По их мнению, название это было взято следователями из вышедшей в начале 1920-х гг. фантастической повести А. В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»³.

Согласно показаниям Н. Д. Кондратьева, данным им 27 июля 1930 г. начальнику Секретного отдела ОГПУ Я. С. Агранову, определенного наименования у партии не было. «Говорилось о желательности названия этой партии "Трудовой Крестьянской партией" или "Демократической крестьянской партией"»⁴. Отсутствие какого-либо названия у «кружка» собиравшихся время от времени лиц подтверждается показаниями и других подследственных.

 $^{^1}$ *Мозохин Олег Борисович*, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, 7077707@bk.ru, Россия, г. Москва.

 $^{^2}$ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00276 «Трудовая крестьянская партия»).

 $^{^3}$ Н. Д. Кондратьев. Суздальские письма. Сост. : П. Н. Клюкин, Е. А. Тюрина [и др.]. Москва, 2004. С. 126—127.

⁴АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 393. Л. 28.

Руководил этой организацией, естественно, тот, кто в узких кругах своих единомышленников возмущался проводимыми реформами в сельском хозяйстве. В начале следствия, судя по всему, на эту роль были два претендента — А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев.

Гонения на них начались раньше. В 1928 г. А. В. Чаянов был освобожден от должности директора Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии, а кафедра организации сельского хозяйства, которой он руководил, была ликвидирована. Н. Д. Кондратьев в свою очередь вынужден был покинуть Наркомат земледелия, а затем оставить пост заведующего Конъюнктурным институтом при Наркомате финансов. В дальнейшем под жестким прессингом они публично отреклись от своих прежних концепций и встали на путь «социалистической реконструкции сельского хозяйства».

Из этих двух претендентов А. В. Чаянов оказался менее сговорчивым. Первый оформленный протокол его допроса датируется 5 августа 1930 г. Таким образом, можно предположить, что в течение полутора месяцев после ареста он отрицал свое участие в этой «вредительской» организации, в связи с чем выбор и пал на Н. Д. Кондратьева. Его первого удалось «уговорить» дать следствию необходимые показания. Возможно, на это решение повлияли его прежние контакты с ОГПУ. Кондратьев некоторое время был осведомителем этого ведомства и даже перед поездкой за границу в 1924 г. получил аудиенцию у заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды.

Далее в состав ЦК «ТКП» ввели авторитетных ученых и руководителей государственных учреждений, которые определяли государственную политику в области сельского хозяйства. Это, кроме А. В. Чаянова: А. Г. Дояренко, Л. Н. Юровский, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, П. А. Садырин и другие. Именно между ними ОГПУ распределило «министерские портфели» якобы создаваемого ими правительства. Все они после давления и угроз со стороны работников ОГПУ выразили готовность сотрудничать со следствием.

Выбор на этих лиц пал в силу того, что они поддерживали интересы «крепких» слоев деревни или видели в кооперации основной путь развития сельского хозяйства страны, поддерживали идеи правого крыла ВКП(б) по реформированию крестьянских хозяйств.

Идеи правых в ВКП(б), несомненно, были им ближе. Правые во главе с Н. И. Бухариным считались проводниками ленинских взглядов на кооперацию, в соответствии с которыми, мелкие частные хозяйства, в том числе и зажиточные, должны были «врастать в социализм». Это движение противопоставило себя сталинским планам на так называемую «революцию сверху». Естественно, для И. В. Сталина и его окружения это представляло определенную опасность в борьбе за лидерство в партии.

Противоборство в партии и направления реформирования сельского хозяйства обсуждались в средствах массовой информации и обществе. То, что арестованные по делу ЦК «ТКП» стояли на позициях правых и проповедовали схожие идеи, не составляло никакого секрета.

Так, Н. Д. Кондратьев в своих теоретических работах не видел различия между капиталистическими и крестьянскими хозяйствами, считая, что они строятся по одним и тем же принципам. В них он делал упор на поддержку интересов крепких кулацких

крестьянских хозяйств, которые, как локомотив, должны были поднять всю сельско-хозяйственную экономику.

А. В. Чаянов успехи кооперирования крестьянства связывал с демократическим режимом, который должен был прийти на смену большевистским порядкам. Такая «кооперативная коллективизация» мыслилась им и его коллегами А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым, А. А. Рыбниковым и другими как осуществляемая исключительно на добровольной и сугубо хозяйственной основе. Реализация этого плана означала безболезненную, эволюционную перестройку аграрного сектора страны.

Однако при существующем политическом режиме это было невыполнимо. В связи с этим действия «спецов» должны были быть направлены на то, чтобы попытаться осуществить тактику «обволакивания». Этой теории придерживался и теоретик сменовеховства Н. В. Устрялов, считавший, что это гораздо эффективнее открытой конфронтации.

«Существо своих политических раздумий» Чаянов изложил в письме родственнице по второй жене — эмигрантке и видной деятельнице российского политического масонства Е. Д. Кусковой, написанном в период службы ученого в системе Наркомзема РСФСР и других советских учреждениях. От концессий Запада для их получателей автор письма советовал добиваться политических гарантий, которые могут заключаться в том, что «один за одним в состав советской власти будут входить <...> несоветские люди, но работающие с советами». «Как все это практически осуществить? спрашивал он и отвечал: — Надо договориться самим, т. е. всем, кто понимает, что делается в России, кто способен принять новую Россию. Надо частное воздействие на западно-европейских политических деятелей — необходим с ними сговор и некий общий фронт». Тактику «обволакивания» он связывал с интервенцией, но не военной, а экономической. «Мне представляется неизбежным, — разъяснял он адресату, и в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция <...> идет и теперь в наиболее разорительных для России формах. Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный банк может получить концессию — стоит пригрозить и напугать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов!» [5, с. 491].

И. В. Сталин не мог знать содержания этого письма, но совершенно очевидно, что он понимал опасность этих воззрений для режима. Его не могло не беспокоить возможное блокирование данных лиц, которых «собрали в ТКП», с правым крылом ВКП(б).

Необходимо отметить, что конец 1920-х — начало 1930-х гг. — время острейшего политического противоборства не только внутри большевистской партии. В нем в той или иной мере принимали участие самые различные силы, группировавшиеся как вокруг остававшихся полулегальных и нелегальных общественно-политических организаций в СССР, так и вокруг эмигрантских центров и союзов.

То, что в СССР существовали кружки интеллигенции антисоветской направленности, на которых обсуждались вопросы политического устройства страны, развития ее экономики, знали сотрудники ОГПУ. С помощью агентуры они располагали подробной информацией о ведущихся в этой среде разговорах. Это подтвердил член одной из таких групп («Лиги наблюдателей») Н. В. Валентинов (Вольский), работавший

в то время редактором периодического органа ВСНХ СССР — «Торгово-промышленной газеты». Об этой группе стало известно гораздо позже — после того, как Н. В. Валентинов выехал за границу и подробно рассказал о ее существовании в своих книгах, где отразил даже основные положения манифеста этой «организации».

Он писал, что по процессу «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» были осуждены члены кружка с антисоветской направленностью под названием «Лига наблюдателей», о котором не было известно органам ОГПУ. В этот кружок кроме Н. В. Валентинова входили: член президиума ВСНХ СССР В. Г. Громан, начальник отдела того же учреждения Л. Б. Кафенгауз, министр последнего состава Временного правительства, адвокат П. Н. Малянтович. Большинство участников кружка сохраняли свои меньшевистские убеждения. В то же время они, по утверждению Н. В. Валентинова, занимали важное место в советской системе хозяйства, и с ними «считалось советское правительство» [2, с. 207].

Н. В. Валентинов вспоминал, что «В. Г. Громан был главным обвиняемым в меньшевистском процессе 1931 г., приговорен к 10 годам тюрьмы. Мне — его старому другу — абсолютно непонятно, как мог он дойти до унизительного и лживого покаяния на этом процессе. Все-таки он на суде ни слова не произнес о "Лиге наблюдателей"» [2, с. 207].

После судебного процесса над бывшими меньшевиками Н. В. Валентинов рассказал своей знакомой Е. Д. Кусковой: «То, что произошло с Громаном и другими, до сих пор не дает мне покоя. Во время этого процесса я абсолютно спать не мог — дошел до такой точки, что прямо хоть отправляйте в психиатрическую больницу. Ведь до моего отъезда за границу — в самом начале декабря 1928 г. — все эти "заседания" происходили у меня! Ведь всех этих людей я постоянно видел, знал, что они думают, и вдруг... Покаяние с таким унижением... Ужас в том, что очень большое количество лиц вело себя на допросах более чем скверно, но ужаснее то, что вся среда будущих арестованных уже с начала 1927 г. кишела тайными сотрудниками ГПУ. Только здесь, например, я узнал, что один очень милый профессор, который часто приходил ко мне в редакцию и с которым я, не стесняясь, болтал, как и другие, просто "сексот" — секретный сотрудник. Среди моих знакомых абсолютно нет ни одного, кто не был бы арестован: от Букшпана до Кафенгауза — все» [5, с. 497].

Бывший видный член исполкома Коминтерна Виктор Серж, характеризуя состояние умов идеологов небольшевистской оппозиции сталинскому курсу, вспоминал: «Н. Н. Суханов <...> как и осужденные вместе с ним Громан, Гинзбург, Рубин, держал что-то вроде салона, где среди своих говорили очень свободно и где в 1930 году положение в стране оценивали как совершенно катастрофическое. <...> Для выхода из кризиса там предлагали создать новое советское правительство с участием лучших умов правого крыла партии (Рыкова, Томского, Бухарина), ветеранов российского революционного движения и легендарного командарма Блюхера» [1, с. 168].

Вышеизложенное подтверждает, что антибольшевистские подпольные кружки, или «салоны», в Советской России действительно были и имели между собой точки соприкосновения. Естественно, в условиях прессинга со стороны органов государственной безопасности они могли существовать только небольшими группами. Причем никаких активных действий они не предпринимали, в связи с чем их было трудно выявить. Сам факт существования подобных групп отрицать трудно. Открытыми

остаются лишь вопросы об уровне их организованности, степени враждебности к советской власти, способах и методах реализации своих политических планов и, конечно, связях с заграничными центрами борьбы с большевиками [3, с. 74].

Не вызывает сомнений то, что и привлеченные по делу ЦК «ТКП» обсуждали вопросы политики и экономики Советской России в узком кругу единомышленников, только не в том, который очертили органы ОГПУ, создавая дело «Трудовой Крестьянской партии». Однако какого-либо оформленного членства в партии не было, не было также выборов Центрального комитета. «ТКП» якобы существовала де-факто, как организация лиц, стоявших на более или менее «договоренной платформе» Обвинения по делу ЦК «ТКП» опирались только на материалы допросов обвиняемых.

Под влиянием И. В. Сталина эти показания корректировались. Вначале обвиняемым приписывалась поддержка правой оппозиции в ВКП(б), защита интересов экономически сильных слоев деревни, вредительство, затем содействие в подготовке интервенции капиталистических держав против СССР, в организации и проведении массовых крестьянских восстаний и др.

Касаясь вопроса степени прессинга со стороны работников ОГПУ при ведении следствия, можно констатировать, что почти по всем процессным делам, в том числе и конца 1920 — начала 1930-х гг., он присутствовал. Однако показания допрашиваемых, наряду с линией следствия, передают также оттенки мнений подследственных, их позиции по вопросам следствия.

Все протоколы допросов не могли быть полностью подготовлены следователями ОГПУ. Отдельные протоколы готовились следователями самостоятельно, но это делалось с целью сломить человека и в дальнейшем шантажировать его этими признаниями. По делу ЦК «ТПК» сами подследственные самостоятельно писали признания по указанию следователей ОГПУ, но с увязкой к событиям, в которых они сами принимали участие.

То, как фабриковалось дело, подробно описали Л. Н. Юровский и Н. Д. Кондратьев.

После вынесения приговора, 4 июля 1932 г., Л. Н. Юровский в своем прошении на имя Коллегии ОГПУ (в копии И. В. Сталину и В. М. Молотову) писал, что «вопреки данным мною показаниям, я никогда не принадлежал ни к какой контрреволюционной партии, группе или группировке и не имел иных сведений о таких группировках, кроме тех, которые я мог получить из советских газет. Из членов ЦК ТКП, в состав которого я якобы входил вместе с семью другими лицами, как сказано в моих же собственных показаниях, я одного (а именно А. Г. Дояренко) вообще никогда не видел до 11 февраля 1932 г., когда я был отправлен вместе с ним в суздальский политизолятор, а ряд других (А. В. Чаянова, А. А. Рыбникова, Н. П. Макарова и П. А. Садырина) встречал в течение последних пяти лет до ареста два-три раза. До ареста не слышал фамилий Чарновского, Куприянова, Ризенкампфа, упоминаемых в своих показаниях. С Рамзиным познакомился только в камере внутренней тюрьмы ОГПУ в сентябре 1930 г.» [4, с. 40—41].

17 ноября 1932 г. Н. Д. Кондратьев направил председателю Коллегии ОГПУ В. Р. Менжинскому (в копии И. В. Сталину, В. М. Молотову и М. И. Калинину)

 $^{^{1}}$ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 393. Л. 28.

свое заявление. В нем он писал, что все его показания, которые он дал во время следствия, от начала и до конца не соответствуют действительности. «О том, что существует "Трудовая крестьянская партия", и я являюсь ее руководителем, впервые узнал от следователя по моему делу Я. С. Агранова»¹. Всех лиц, которые помимо него числились в составе так называемого ЦК «ТКП», он знал исключительно на «личной почве», с большинством из них совместно преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и работал в различных советских учреждениях. Далее он писал: «Никогда не было у меня на квартире заседаний какой-либо к[онтр]-р[еволюционной] организации. Ни с кем и никогда не намечал состава будущего антисоветского правительства, никому не давал согласия возглавлять таковое или участвовать в нем»². Исходя из изложенного, Н. Д. Кондратьев ходатайствовал о назначении нового следствия по его делу.

Нового следствия назначено не было, однако подлинник и копия его письма, как того хотел Н. Д. Кондратьев, попали к И. В. Сталину. После ознакомления с этим документом на сопроводительной записке ОГПУ он написал резолюцию: «В архив».

Осужденный по этому делу Н. П. Макаров впоследствии писал, что он обвинялся в том, что состоял членом контрреволюционной организации, которая была выдумана в процессе следствия. Первоначально следствие велось в направлении экономического вредительства в Экономическом управлении ОГПУ, затем его передали в отдел, где расследовались дела «Промпартии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)». По его мнению, для полноты схемы «потребовалась и крестьянская контрреволюционная организация. Обвинение в принадлежности к таким организациям было предъявлено большому количеству сельскохозяйственных экономистов, а также агрономам и кооперативным работникам»³.

На периферии филиалы «Трудовой Крестьянской партии» создавались территориальными органами безопасности строго по лекалам, полученным из центра, только в региональном масштабе. Во всех отчетах указана дата зарождения организации, обозначались ее контрреволюционные идеи, вырисовывался потенциальный круглиц, оказывающих сопротивление коллективизации или осуществляющих акты «вредительства» в сельском хозяйстве. Как правило, таких лиц выявляли из числа «старых специалистов» — бывших земских агрономов, землеустроителей, ветеринарных врачей, ученых-аграрников, преподавателей высших учебных заведений и др. Чаще всего это были люди, состоявшие ранее в различных «социалистических партиях» или являвшиеся «сторонниками монархии». Затем «выявляли» связи «руководителя» местной организации с кем-либо из ЦК «ТКП»: Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чаяновым, А. Г. Дояренко и др. После этого или полностью фальсифицировали материалы следствия, либо, при наличии каких-либо преступлений в сфере сельского хозяйства, подгоняли протоколы допросов под якобы действующий филиал «ТКП».

Все следствие по делу «Трудовой Крестьянской партии» на периферии было фальсифицировано под диктовку центрального аппарата ОГПУ. Территориальные органы

¹Н. Д. Кондратьев. Суздальские письма. С. 100.

² Там же. С. 101.

³РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 236. Л. 5.

ОГПУ были поставлены в такие условия, что вынуждены были репрессировать многих специалистов крупных сельскохозяйственных и экономических организаций, научно-исследовательские и педагогические кадры и лиц, непосредственно связанных с крестьянством, вскрывать «ячейки» заговорщиков либо «вредителей», искусственно привязывая их к «ТКП».

На наш взгляд, совершенно очевидно, что Центрального комитета «Трудовой Крестьянской партии» не существовало, естественно, не было и его «филиалов» на территории СССР. Это дело, так же, как и процессы «Промпартии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», было полностью срежиссировано ВКП(б). Органы государственной безопасности строго выполняли поставленные перед ними задачи.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бакулин В. И.* Нижегородская краевая организация ТКП: история возникновения и гибели / В. И. Бакулин // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сб. науч. ст. Киров, 2006. С. 159—178.
- 2. Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Н. Валентинов (Н. Вольский). Москва, 1991.
- 3. Куренышев А. А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма / А. А. Куренышев. Москва, 2017.
- 4. *Мозохин О. Б.* История фальсификации следствия дела ЦК «Трудовой Крестьянской партии» (по письмам Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского) / О. Б. Мозохин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 25—44.
- 5. Новейшая отечественная история. XX начало XX века : в 2 кн. 2-е изд., испр. и доп. Кн. 1. Москва, 2008.

РАЙОННЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 1930-Х ГГ.²

В статье рассматриваются отношения между районными властями и руководством Западно-Сибирского края при проведении хлебозаготовительных кампаний. Районное руководство оказывало определенное воздействие на ход заготовок, а также влияло на позицию региональных властей, ведущих переговоры с центром.

Ключевые слова: хлебозаготовки; аграрная политика государства; деревня; Сибирь.

Хлебозаготовки стали одной из наиболее значимых хозяйственно-политических кампаний в советской деревне 1930-х гг. Их ход, успешность завершения и последствия во многом зависели от местных партийно-хозяйственных организаций. В статье рассматриваются практики работы районных властей: их роль при проведении хлебозаготовительных кампаний, взаимодействие с руководством Западно-Сибирского края.

Можно выделить несколько моделей поведения районных властей, наиболее ярко проявлявшихся во время заготовительных кампаний. Позитивно оценивая хозяйственные возможности своих районов, они могли принять план и выдвинуть встречный, а также сократить сроки его выполнения (как правило, к очередной годовщине Октябрьской революции). Удивляет самоуверенность некоторых районных руководителей. В 1931 г. секретарь Мамонтовского райкома уверял Западно-Сибирский крайком ВКП(б) в возможности выполнения заготовительного задания к октябрьским торжествам, даже несмотря на то, что к 14 октября было заготовлено только 18 % плана³. Его не останавливали сведения о сильнейшем сопротивлении со стороны крестьянства и отказах некоторых колхозных председателей сдавать хлеб. Подобного рода заверения, повторявшиеся из года в год, вызывали негативную реакцию со стороны регионального руководства. В 1935 г. первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе, выступая на июльском пленуме в Новосибирске, негативно отзывался о подобном «рекордсменстве»: «Я узнал, напр[имер], что один из наших

 $^{^1}$ Лапердин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, laperdin2011@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

 $^{^{2}}$ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы»).

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 35.

районов наметил кончить план хлебосдачи 5 августа (*Смех*). Другой район наметил закончить 25 августа. Третий район наметил срок 15 августа <...> Видите, товарищи, я за краткие сроки, но я должен здесь сказать, что эти сроки, по-моему, являются вредными, рекордсменскими сроками, которые подрывают колхоз, которые не дадут ему возможности правильно вести уборку, правильно провести работу для подготовки к будущему году»¹.

В зависимости от размеров разверстанного задания и состояния сельского хозяйства районов план мог быть выполнен за счет изъятия не только товарных излишков, но и необходимого семенного и продовольственного зерна. В этом случае районным властям приходилось менять модель поведения и отстаивать местные интересы, прося снижения задания, увеличения сроков окончания кампании и предоставления натуральных ссуд. Они могли бить тревогу, сообщая об экономическом развале колхозов и бедственном материальном положении населения. Встречались и более мягкие просьбы, отражавшие лояльное отношение местных чиновников к позиции вышестоящих инстанций. В октябре 1931 г. секретарь Черепановского райкома писал Р. И. Эйхе: «Если мы выполним план хлебозаготовок на 100 %, то останемся без семян и встанем перед фактом развала большинства колхозов из-за отсутствия семян и продовольствия.

Остановиться на выполнении 70 % мы не имеем права без разрешения крайкома партии, и если его не будет, будем выполнять»².

Не только в ходе кампании, но еще на стадии принятия заготовительных планов райкомы могли отстаивать местные интересы: сообщали краевым организациям о «напряженности» данных им заданий, на практике нередко означавшей их невыполнимость. За этим нередко следовала просьба уменьшить объемы планируемых заготовок. Зачастую ее обосновывали данными о производственных возможностях районов, а также ссылками на неурожай или в отдельных случаях на недостоверность краевых статистических данных. В августе 1931 г. Калачинский райком, докладывая о катастрофической засухе и недороде крайкому, недоумевал по поводу спущенного им задания: «В вашей телеграмме, где вы даете району план хлебозаготовок 5500 тонн, указываете, что наши материалы, необходимые для определения размера хлебозаготовок по району, вами учтены. Какие материалы вы принимали при определении плана хлебозаготовок, непонятно. По тем материалам, которые были представлены районом на Омское совещание по хлебофуражному балансу в конце июля месяца, на этом совещании был принят по району дефицит по балансу зерновых культур 17 700 тонн»³.

С некоторыми претензиями краевому руководству приходилось соглашаться. В августе 1931 г. на совещании председателей райисполкомов бывшего Ачинского округа было принято следующее решение: «Не приостанавливая работу по немедленному доведению плана до села и колхоза, просим крайком и крайисполком учесть выявившуюся разницу в сторону снижения посевных площадей района против данных Сибстата по фактическим учетным данным райисполкома и в зависимости от этого

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 669. Л. 66.

² Там же. Д. 158. Л. 76.

³ Там же. Д. 247. Л. 143.

внести поправку в планы тех риков, где расхождение имеет существенное значение в сторону снижения их плана»¹. На этом же документе имеется рукописная помета секретаря Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе: «Очевидно, наш план несколько преувеличен». Таким образом, расхождение данных районов и краевых организаций признавалось руководством края, хотя за этим признанием не следовало автоматическое снижение задания.

Не решаясь выступить против спущенного им плана, райкомы обращались к краевым организациям с просьбой прислать уполномоченных. Последние помогали в организации работы или, понимая нереальность требований, могли встать на сторону райкомов, отстаивая их интересы перед крайкомом. В таком случае местные власти ссылались на мнение представителя региональных органов власти.

Впрочем, не всегда прибывшие уполномоченные заступались за районных работников. В 1931 г. уполномоченный по Каратузскому району сообщал: «Не мешало бы в крайкоме заслушать доклад РК о ходе хлебозаготовок и на примере Каратузского района показать, как нельзя организо[вы]вать хлебозаготовки»². По причине несогласия с позицией командированных краевыми организациями работников возникали конфликты. В 1935 г. секретарь Бийского райкома жаловался Р. И. Эйхе на недостоверную информацию, предоставленную региональному руководству, в результате чего райком «пропесочили», обвинив в «самотеке хлебосдачи»: «Тов. Эйхе, может быть, я и не прав, но я считаю преступлением, когда приезжают такие уполномоченные крайкома, как тов. Токарев. Пробыв два или три дня в районе, не оказал никакой помощи райкому, даже советом, пролетел галопом по 15—16 колхозам, пособрал сведения из наших же материалов, в которых мы со всей большевистской решительностью вскрывали безобразия и преступления в отдельных колхозах, информирует вас, не указывая, что же сделал район в устранение этих безобразий, а в результате оплевали ни за что, проработали на весь край. От такой помощи прямо руки опускаются, работаешь как черт день и ночь, вкладываешь в работу все свои силы и способности, а тут тебя как обухом по голове»³.

Если районные руководители практически не участвовали в установлении хлебозаготовительных планов, имея лишь возможность просить об их снижении, то при распределении по секторам, между отдельными селами и колхозами, было заметно влияние районных властей. В начале 1930-х гг. Западно-Сибирский крайисполком рассылал на места заготовительные задания, ориентировочно намечая их для колхозов и единоличников. Распределение плана в посекторальном разрезе (между колхозами и единоличными хозяйствами) осуществлялось бюро райкомов, общий же план по району оставался неизменным. После распределения он окончательно утверждался крайисполкомом. Местные власти зачастую старались уменьшить план колхозам за счет единоличных хозяйств, включив значительную их часть в число зажиточных или «кулацких» с целью обложения твердыми заданиями. Отмечались и противоположные случаи, когда завышенные планы налагались на колхозы.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 79.

² Там же. Л. 12 об.

³ Там же. Оп. 9. Д. 941. Л. 2.

В 1931 г. на районном уровне по колхозно-крестьянскому сектору было разверстано заготовительное задание в 70,5 млн пуд. Совокупная внутрирайонная разверстка по колхозам была меньше, а по единоличным хозяйствам — больше краевого плана¹. Таким образом, часть податной нагрузки на районном уровне была перенесена на единоличников.

В октябре 1931 г. выяснилось, что Западно-Сибирский край имел в посекторальном разрезе три заготовительных плана: установленный Наркоматом снабжения, крайисполкомом и утвержденный на местах районными властями. По данным Наркомснаба, совхозы Западной Сибири должны были сдать государству 142,7 тыс. т, по плану крайисполкома — 134,4 тыс. т, а план самих совхозных трестов составлял только 70 тыс. т. Наркомснаб запроектировал по колхозам 655 тыс. т, крайисполком — 840 тыс. т, в то время как райкомами было распределено 762,8 тыс. т (при этом они старались обложить в первую очередь колхозы, обслуживаемые МТС, видимо, с расчетом на их большую товарность). Наркомснаб определил собрать в единоличном секторе 454 тыс. т, крайисполком — 323 тыс. т, а на местах разверстали 392,2 тыс. т². Подобные действия районных организаций создавали статистическую путаницу и препятствовали сбору информации; вместе с тем они оказывали влияние на ход заготовительной кампании.

Задача краевых организаций состояла в том, чтобы фактически выполнявшийся райкомами план сильно не отличался от требуемого Наркомснабом. Производить в середине кампании новое перераспределение плана было чревато дезорганизацией всей работы. Решение пришло само собой. После снижения хлебозаготовительного плана Западно-Сибирскому краю с 85 до 65 млн пуд., произведенного 15 ноября 1931 г., многие районы получили скидку, которую они должны были использовать при исправлении допущенных ошибок в посекторальном распределении плана.

В следующем году действия райкомов вновь привели к статистической путанице. Проведенная в сентябре 1932 г. проверка Западно-Сибирского крайкома выявила, что 18 райкомов установили собственную «страховую надбавку» с целью переложить часть задания с недородных хозяйств на урожайные. Кроме того, 35 районов завысили планы единоличников, а 30 установили невыполнимые размеры «твердых» заданий, в то время как восемь районов, наоборот, их уменьшили³. Подобного рода действия пресекались региональными властями. Тем не менее показательна сама попытка местных властей «переписать» заготовительные планы, подстроив их под экономические возможности конкретных районов.

Вышеописанные модели поведения районных властей не выходили за установленные Западно-Сибирским крайкомом рамки. Региональному руководству приходилось мириться с многочисленными просьбами о снижении заданий со стороны райкомов, которых не останавливали обвинения в «оппортунизме» и «демобилизационных настроениях». Но помощь со стороны вышестоящих инстанций далеко не всегда оказывалась, и тогда районные власти могли избрать линию поведения, нару-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 150. Л. 87.

² Там же. Д. 247. Л. 87.

³ Там же. Оп. 1. Д. 353. Л. 104—106.

шающую не только спущенные сверху директивы, но и существующее законодательство в области заготовок.

В отдельных случаях райкомы самовольно снижали планы, а также разрешали бронировать колхозные фонды до выполнения заданий, предоставляли отсрочки при обмолоте и сдаче зерна. В 1931 г. в связи с уменьшением заготовительного плана их доведение до колхозов затянулось и сопровождалось попытками ряда районных руководителей убавить заготовительные задания. Так, бюро Сузунского райкома в течение сентября 1931 г. пыталось отстоять самостоятельно уменьшенный план в 2 тыс. т, распределив его по району, но после приезда члена крайкома ВКП(б) были утверждены ранее установленные 3 тыс. т. Руководители Седельниковского района самостоятельно снизили задание с 4,5 тыс. до 1,2 тыс. т¹. Подобные действия были не единичны, но быстро пресекались, а виновные в срыве хозяйственно-политической кампании наказывались.

В 1932 г. руководство Абаканского района распределило среди колхозов и единоличников на 4793 ц меньше установленного краевыми организациями плана, не доложив об этом крайисполкому. Основной причиной стала запутанность процесса определения урожайности, в результате чего были сделаны приписки, повлиявшие на установление завышенного задания². Об этом краевому руководству доложили органы госбезопасности, следившие за ходом кампании.

Районное руководство, столкнувшись с продовольственными проблемами, могло пойти по пути бронирования местных фондов. Подобные действия разрешались только после выполнения плана. Создание собственных фондов угрожало ходу заготовок и снижало темпы поступления хлеба государству. Вышеперечисленные действия пресекались, а виновные в срыве хлебозаготовок наказывались.

Подобный случай произошел в 1932 г. Ачинский райком ВКП(б) принял решение о самозаготовках зерна на местные нужды до выполнения государственного заготовительного задания. Итогом самозаготовок стало образование при городском потребительском обществе фонда в размере 7380 ц хлеба. Бюро Западно-Сибирского крайкома на заседании 21 ноября 1932 г. квалифицировало подобные действия как «прямое преступление перед партией и государством»³. Весь хлеб из фонда передали Заготзерну в счет выполнения государственного плана. Бюро райкома «за проявленное местничество, срывающее государственное задание», был объявлен выговор, а его членов ждало наказание.

В 1932 г. при ликвидации Битковского района и передаче хранившегося на складах зерна Лушниковскому району местное руководство утаило 2300 ц хлеба. Впоследствии зерно использовалось для снабжения служащих или в качестве ссуды колхозам. Часть пошла на продажу с целью улучшения финансового положения райисполкома⁴.

 $^{^1}$ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Д. 197. Л. 19; Оп. 2. Д. 150. Л. 62.

² Там же. Оп. 2. Д. 357. Л. 10—11.

³ Там же. Оп. 1. Д. 364. Л. 49.

⁴Там же. Оп. 2. Д. 205. Л. 264—265.

Нижне-Колосовский райком, распределяя в августе 1932 г. задания по колхозам и сельсоветам, самостоятельно увеличил его на 100 т, использовав произведенную надбавку для снабжения населения¹. «Самозаготовками» во время кампании занимались и другие районы. Точно определить их количество не представляется возможным. Имеются сведения только о действиях, попадавших в поле зрения вышестоящих инстанций. Безусловно, многие факты сокрытия от государства хлеба оставались незамеченными или же становились известны через какое-то время.

Далеко не всегда районные власти своевременно сообщали о возникающих у них проблемах в ходе выполнения заготовительных кампаний. В 1935 г. сложилась парадоксальная ситуация — краевое руководство оказалось в неведении относительно масштабов поразившей южные районы края засухи и ее последствий. Конечно же, крайком знал о неурожае. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф. П. Грядинский еще 25 июля 1935 г. телеграфировали в Москву: «Лето стояло жаркое, особенно июль, в течение всего месяца до 20-го числа не было дождей при температуре, доходящей до 50 и свыше градусов. Июльские суховеи [в] ряде районов, особенно южных [и] западных, несколько ухудшили виды [на] урожай <...>»². Однако административный нажим на районные власти при выполнении госпоставок в августе и сентябре со стороны регионального руководства привел к тому, что на местах предпочли не доводить в полной мере информацию о неурожае. Так, Завьяловский районный комитет партии совместно с райисполкомом 7 сентября приняли постановление, в котором просили снизить объемы заготовок, ссылаясь на низкий урожай и ошибки при его расчете. В противном случае в колхозах не оставалось зерна для создания фондов и распределения колхозникам на трудодни³. Крайком отреагировал на эту просьбу весьма жестко. Руководство района получило строгий выговор «за хвостизм и попустительство отсталым иждивенческим настроениям в колхозах и подмену борьбы за выполнение хлебосдачи и натуроплаты составлением хлебофуражного баланса» и было предупреждено о необходимости завершения хлебопоставок в срок⁴.

Только отправившись с инспекцией по южным районам, Р. И. Эйхе смог увидеть последствия засухи в полной мере. На совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов юго-западных районов Эйхе поставил в укор присутствовавшим замалчивание реального положения дел: «Надо сказать, что районы, которые вызваны сюда, районы юго-западной части края, отличаются от другой части края тем, что урожай в них по ряду колхозов хуже, чем в других частях края, а по ряду колхозов очень незначителен. Во-первых, надо было, чтобы эти районы своевременно сигнализировали бы об этом крайкому. Я должен сказать, что все здесь присутствовавшие секретари совершили перед крайкомом величайшее преступление: никто из них никакой информации об изменениях с видами на урожай крайкому не дал. Как воды

 $^{^{1}}$ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Д. 525. Л. 35.

² Там же. Д. 690а. Л. 7.

³ Там же. Оп. 1. Д. 649. Л. 83.

⁴Там же. Л. 9.

в рот набрали, сидели по районам и молчали»¹. По всей видимости, первый секретарь крайкома не лукавил в своем выступлении, действительно не представляя всей картины в целом. Во время инспекции, 26 сентября 1935 г., Р. И. Эйхе, переговариваясь с Ф. П. Грядинским по телеграфу из Барнаула, сообщил ему: «<...> наша информация [в] Москву слишком оптимистическая и наша просьба о льготе слишком недостаточная[.] Полагаю послать из Барнаула Кагановичу [и] Молотову короткую информацию, [в] которой сообщить[,] что мы ошиблись [в] сторону преуменьшения нужной нам помощи[,] а также просить разрешить выехать мне немедленно [в] Москву для доклада лично о создавшемся положении <...> Прошу тов. Колотилова срочно готовить материал для ЦК в разрезе моей информации вам»².

В данном случае районные органы власти, утаивая информацию от краевого руководства из-за опасений административного взыскания, оказали себе медвежью услугу. Крайком предоставил им помощь, но только после того, как сельское хозяйство районов оказалось подорвано непомерными заготовками. Первому секретарю крайкома пришлось спешно выезжать в Москву, чтобы просить снижения заготовительного плана и предоставления семенных и продовольственных ссуд. Центр пошел на уступки, но экономическое состояние многих колхозов Западно-Сибирского края уже было в упадке.

Таким образом, будет ошибочно ограничивать поведение районных властей ролью послушных исполнителей. Избираемые ими модели поведения могли выходить за рамки роли простых проводников государственной политики в деревне. Они занимали различные позиции в отношении краевого руководства, определявшиеся в первую очередь хозяйственным состоянием колхозов и продовольственным положением населения. Точность исполнения директив вышестоящих инстанций также зависела от местных властей. Придерживаясь различных моделей поведения, районная администрация оказывала воздействие на ход заготовок. Райкомы могли принимать заготовительные планы, прилагая все необходимые усилия для их выполнения, сигнализировать о непомерности заданий, просили их снижения или оказания помощи через уполномоченных. Существовала возможность перераспределить задания между секторами, сделав их более реальными. Районные власти могли пойти на сокрытие от регионального руководства информации или даже нарушение заготовительного законодательства. В последнем случае их ждало наказание вплоть до исключения из партии, административного взыскания или тюремного заключения. Региональному руководству удавалось сохранять контроль над районной администрацией, что определяло успешность хлебозаготовительных кампаний 1930-х годов.

 $^{^1}$ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 703. Л. 1.

² Там же. Оп. 1. Д. 653. Л. 29—30; 41.

«ПСЕВДОСОБСТВЕННИКИ» КАК ЯВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1990-Х ГГ.

Рассматривается процесс реструктуризации сельскохозяйственного социума в ходе аграрной реформы 1990-х гг. В научный оборот вводится понятие «псевдособственники», означающее временное состояние работников сельхозпредприятий, характеризующееся наличием у них формальных прав на земельные доли и имущественные паи и выступившее в роли своеобразного преобразователя социальной структуры сельскохозяйственного населения.

Ключевые слова: аграрная реформа 1990-х гг.; сельскохозяйственный социум; отношения собственности; «псевдособственники»; Центральное Черноземье.

Аграрная реформа 1990-х повлекла за собой глубинную реструктуризацию сельскохозяйственного социума.

В годы реформы сельскохозяйственное население (лица, непосредственно занятые в сельхозпроизводстве и живущие за счет доходов от сельского хозяйства) составляло 20—25 % всего сельского населения России². Несмотря на свою относительную немногочисленность, сельскохозяйственное население являлось наиболее экономически и социально активным и разнородным. Оно включало в себя пять из восьми категорий сельского населения: руководители, специалисты, квалифицированные и неквалифицированные работники сельхозпредприятий, фермеры. Их жизнедеятельность основывалась на комплексе социально-пространственных взаимодействий: дом (местожительство) — место работы (сельхозпредприятие, фермерское хозяйство) — место извлечения ресурсов (территория сельскохозяйственных угодий) — производственное общение — культура, что позволяет говорить о существовании сельскохозяйственного социума.

Будучи вовлеченным в аграрные преобразования, сельскохозяйственное население не могло не отреагировать на такие значимые процессы, как приватизация и перераспределение земель сельскохозяйственного назначения, изменение аграрной

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Рассчитано по: Агропромышленный комплекс Липецкой области в период перехода к рыночным отношениям: стат. сб. за 1992 год. Липецк, 1993. С. 114; Экономика и социальная сфера Липецкой области: стат. ежегодник. Липецк, 1997. С. 24, 31; Экономика и социальная сфера Липецкой области: стат. ежегодник. Липецк, 1998. С. 21, 28; Российский статистический ежегодник. М., 1999. С. 57.

производственной структуры, выразившееся в появлении фермерства и реорганизации колхозов и совхозов.

Процесс трансформации сельскохозяйственного социума в пореформенный период носил двоякий характер. С одной стороны, появились качественно новые категории населения, такие как фермеры. С другой стороны, социальные группы, возникшие еще в колхозно-совхозный период, сохранив свое название и ряд внешних признаков, существенно изменили внутреннее содержание (это касается руководителей, специалистов, работников сельхозпредприятий).

Ключевое место в процессе реструктуризации сельскохозяйственного социума занимали отношения собственности. Они оказывали определяющее влияние на все сферы жизнедеятельности сельскохозяйственного населения и способствовали изменению структуры доходов, формированию правового статуса, изменению психологии и сознания, определяли место в производственных отношениях.

В результате предпринятых государственной властью в 1991—1992 гг. мероприятий по реорганизации колхозов и совхозов стоимость их основных и оборотных средств была признана общей долевой собственностью членов колхозов и работников совхозов¹. В собственность трудовых коллективов передавались земля и имущество сельхозпредприятий (техника, производственные помещения, горюче-смазочные материалы, удобрения). Колхозники и работники совхозов, включая ушедших на пенсию, получили право на бесплатные земельные и имущественные паи в общей долевой собственности своего сельхозпредприятия. Для них предусматривалось два возможных пути приобретения прав собственности на землю: выход из сельхозпредприятия с целью образования фермерского хозяйства и получение прав собственности в результате паевизации имущества сельхозпредприятия при условии продолжения работы в нем.

Выбор первого пути предполагал, что после проведения паевизации земли и имущества в рамках реорганизации колхозов и совхозов работники, пожелавшие выйти из сельхозпредприятия с целью образования фермерского хозяйства, фактически получали свою обналиченную (то есть выделенную в натуре) земельную долю. Предоставленные бесплатно земельные участки фермеры по желанию оформляли в собственность, владение или пользование (то есть — в аренду). При необходимости они могли увеличить размеры хозяйства за счет дополнительной аренды земли, но уже за арендную плату.

Большинство глав фермерских хозяйств являлись сторонниками частной собственности на землю (включая ее куплю-продажу), поэтому предоставляемую им бесплатно землю они предпочитали оформлять в собственность. В Липецкой области на начало 1993 г. 64 % земель, принадлежавших фермерам, было оформлено на праве собственности. Такая форма землепользования, как пожизненно наследуемое владение, напротив, распространения не получила, ей отдали предпочтение лишь 7 % глав фермерских хозяйств².

 $^{^{1}}$ См.: О порядке реорганизации колхозов и совхозов : постановление Правительства РФ. П. 8—9 // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1992. Nº 1—2. Ст. 9.

² Рассчитано по: Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-342. Оп. 67. Д. 5181. Л. 1; Текущий архив (ТА) Липецкстата. Оп. 7. Д. 12. Л. 26—383.

Институт арендных отношений в первой половине 1990-х гг. на селе развит еще не был. Лишь после того, как президентский указ от 7 марта 1996 г. разрешил передавать земельную долю с выделением земли в аренду фермерским хозяйствам¹, размеры земельных участков фермеров стали расти. Появились фермерские хозяйства гигантских размеров: «Победа» Добровского района Липецкой области площадью 1017 га, «Дубрава» Чаплыгинского района площадью 966 га². Несмотря на существование реальной возможности увеличивать свое хозяйство за счет аренды земельных долей работников сельхозпредприятий, среди фермеров на рубеже 1990—2000-х гг. оставались и такие, кто не мог себе это позволить. Наряду с огромными фермерскими хозяйствами функционировали и крайне малые — площадью до 10 га. Например, фермерские хозяйства «Симаненко» Грязинского района Липецкой области (1 га), «Антипова» Елецкого района (2,5 га), «Татьяна» Липецкого района (5 га), «Семиколеново» Грязинского района (6 га)³.

Таким образом, благодаря единоличному ведению хозяйства и натуральному воплощению принадлежавших им земли и имущества фермеры в полной мере ощущали себя собственниками, чего нельзя было сказать о работниках сельхозпредприятий.

Формально все члены сельхозпредприятий считались собственниками земельных долей. Однако на деле в первой половине 1990-х гг. мало кто реально распоряжался ими. Этому мешали, во-первых, отсутствие законодательно закрепленного механизма реализации прав собственников земельных долей, во-вторых, правовая неграмотность и психологическая неготовность работников.

По мере проведения реформы происходило постепенное расширение прав владельцев земельных долей. Изначально правительственным постановлением «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г. было разрешено использовать земельную долю для образования фермерского хозяйства, передавать ее в качестве учредительного взноса в сельхозпредприятие, продавать другим работникам предприятия либо самому предприятию. Спустя год постановление «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» от 4 сентября 1992 г. предусмотрело также право передачи земельной доли по наследству и сдачи ее в аренду другим владельцам земельных долей. Еще через год президентский указ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 г. позволил, кроме прочего, дарить, сдавать в залог и обменивать земельные доли, а также снял ограничения на их продажу и аренду (теперь эти сделки не обязательно было совершать только с работниками определенного сельхозпредприятия). Наконец, указ президента «О реализации конституционных прав граждан на землю» от 7 марта 1996 г. разрешил использование земельных долей для расширения и ведения личных подсобных хозяйств населения.

Несмотря на то, что к 1996 г. законодательно был оформлен весь комплекс прав собственников земельных долей, на практике основная часть земельных долей ис-

 $^{^1}$ См.: О реализации конституционных прав граждан на землю : Указ Президента РФ : от 7 марта 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 11. Ст. 1026.

²ТА Липецкстата. Оп. 7. Д. 12. Л. 148—163; 362—383.

³Там же. Л. 40—63; 172—179; 246—279.

пользовалась в сельхозпредприятиях коллективно. На 1 января 1999 г. в Шебекинском районе Белгородской области в аренду сельхозпредприятиям было передано 94 % всех оформленных земельных долей, в Тамбовской области — 97 % (рассчитано по: [2, с. 85; 4, с. 43]).

Случаи, когда собственник земельной доли распоряжался ей по своему личному усмотрению в целях действительного получения дохода, были исключительными. Большинство владельцев земельных долей, получив свидетельства на право собственности, истинными собственниками так и не стали. Подтверждением этого являются слова комбайнера одного из сельхозпредприятий Курской области, сказанные в самом начале 2000-х гг.: «До сих пор мы никогда никакого права на землю не чувствовали».

Коллективная форма использования земельных долей в сельхозпредприятиях давала их руководителям возможность, действуя от имени трудового коллектива, фактически распоряжаться земельными долями работников, специалистов, руководителей среднего звена. Присваивая их права на земельные ресурсы, а иногда совершая теневые сделки, руководители хозяйств без большого риска использовали часть земельной собственности трудового коллектива в своих интересах.

Предпосылки к этому стали складываться с самого начала реорганизации колхозов и совхозов, первая волна которой в 1991—1992 гг. прошла формально. Земля и имущество сельхозпредприятий, официально переданные их коллективам, фактически оказались в руках руководителей хозяйств, от которых зависело распределение земли и имущества на паи. По сути, руководители управляли сельхозпредприятиями единолично.

В ходе второй волны реорганизации 1996—1998 гг. благодаря изменениям, внесенным в уставы сельхозпредприятий, у руководителей и главных специалистов появилась возможность концентрировать имущественные паи и земельные доли в своих руках (прежде всего, за счет покупки земельных долей пенсионеров). Уставами предусматривались и предельные нормы концентрации земли и имущества у отдельных членов трудового коллектива. Формально такая возможность предоставлялась каждому работнику сельхозпредприятия независимо от занимаемой должности, но на деле воспользоваться ей могли лишь руководители и некоторые специалисты сельхозпредприятий.

Развитию данного процесса способствовали «рыночная» неграмотность и безденежье работников и пенсионеров, поэтому чаще всего земля скупалась у них за бесценок. Вот как описывал комбайнер Курской области отношение работников своего сельхозпредприятия к документам на право собственности: «Бумажки эти нам выдали в 1993 г., и никто не знал, что с ними делать, дали их — и они лежат. Документ на пай называется "Свидетельство о праве собственности на землю", но ни плана к нему, ни чего другого не приложено. Написано, что я имею на таких-то землях такой-то участок, такой-то площадью, без конкретной топографической привязки. Так, бумага без смысла и содержания». Процесс скупки земельных долей в глазах их владельцев выглядел следующим образом: «Когда М. Н. начал брать паи у колхозников, люди их охотно понесли, потому что это было выгодно, хоть и платит он вроде бы мало. Например, сейчас вот, в первый год он платил за пай по 400 рублей наличными. Я тут <...> узнал, что наш пай стоит 156 тысяч рублей... Это государственная

оценка 7,5 гектара <...> Это чернозем, "золотая" земля. А М. Н. по 400 рублей платил и забирал паи» [3, с. 118].

Под «скупкой» следует понимать не настоящую сделку купли-продажи (в 1990-е гг. в силу отсутствия соответствующего законодательства такое было бы невозможно), а фактически возмездное изъятие у владельцев земельных долей их свидетельств на право собственности. После чего эти свидетельства в прямом смысле закрывались в сейфе руководителя сельхозпредприятия. Преимущества таких «сделок» для руководителей и специалистов заключались в том, что, во-первых, формальные собственники земельных долей лишались возможности осуществлять правомочия по владению и распоряжению своими долями. Во-вторых, поскольку фактически сделка не совершалась, официально владельцами земельных долей продолжали считаться работники или пенсионеры, продавшие их своему руководителю (либо специалисту), что давало возможность реальным пользователям долей уклоняться от уплаты налогов. К концу 1990-х гг. в России почти половина (47 %) сельскохозяйственных земель находилась в пользовании в порядке негласного, официально несанкционированного захвата, и 53 % владельцев земельных долей реально распоряжались своими долями.

Пока работники и пенсионеры сельхозпредприятий принадлежали к слою «псевдособственников», у них имелись хоть и формальные, но права собственности на земельные доли и соответствующие документы. В результате продажи своих земельных долей руководителю сельхозпредприятия они лишались этих прав и переходили из группы «псевдособственников» в категорию наемных работников, которыми, по сути, и являлись со времен колхозно-совхозного строя.

Еще одним способом концентрации собственности в руках руководителей и специалистов было убеждение работников сельхозпредприятия передать свои права собственности на земельные доли в неделимые фонды сельхозпредприятия. В этом случае работники в обмен на получение дивидендов лишались своих прав на земельную долю, а сельхозпредприятие, напротив, приобретало полное право владения земельной долей, включая возможность ее отчуждения.

Процесс концентрации земельной собственности в руках руководителей и специалистов сельхозпредприятий, начавшись во второй половине 1990-х гг., дальнейшее развитие получил в 2000-е гг. после принятия Земельного кодекса и закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Существовало два возможных варианта концентрации земельной собственности: единолично у руководителя сельхозпредприятия либо в руках небольшой группы в лице руководителя и специалистов.

Процесс концентрации собственности развивался довольно активно. Уже в 2006 г. из 16 тысяч обследованных сельхозпредприятий около 40 % принадлежали одному учредителю либо группе учредителей менее пяти человек. Однако единства среди руководителей по этому вопросу не существовало. Одних устраивало сложившееся положение дел, когда они фактически не несли никакой ответственности за принятие неэффективных управленческих решений (52 % опрошенных руководителей). Поэтому они не приступали к концентрации собственности в управляемых предприятиях. Другие полагали, что оптимальным решением было бы сосредоточение основной части земельных долей сельхозпредприятия в руках руководителя и специалистов (33 % опрошенных руководителей) [1]. Третьи (их было меньше всего) стремились к единоличному контролю большей части земельных долей сельхозпредприятия.

Распространению процесса концентрации собственности способствовало то, что земельные доли в свое время не были выделены в натуре. Однако существовали и факторы, сдерживавшие развитие процесса концентрации собственности. Среди них наиболее значимыми были: нехватка денежных средств для скупки земельных долей у самих руководителей и специалистов; необходимость учитывать общественное мнение членов трудового коллектива и пенсионеров сельхозпредприятия; отсутствие у руководителей соответствующих правовых знаний.

Итак, получивший распространение в сельском хозяйстве на рубеже 1990-х — 2000-х гг. процесс концентрации собственности свидетельствовал о создании предпосылок для образования социального класса крупных сельскохозяйственных собственников, которые в приобретение собственности вкладывали личные средства (источники происхождения личных капиталов могли быть как легальными, так и теневыми). Другой социальный класс — наемных сельскохозяйственных работников — формировался из числа членов трудового коллектива, продавших либо передавших в уставный фонд сельхозпредприятия свои земельные доли (в этом случае они лишались даже своих формальных прав на землю, следовательно, можно вести речь об их обезземеливании).

Процесс складывания новых социальных классов был осложнен и в то же время смягчен попыткой власти создать видимость наделения правом собственности всех участников производственного процесса (то есть представителей всех категорий сельскохозяйственного населения) путем его декларирования в законах и подзаконных актах и выдачи правоустанавливающих документов всем членам трудовых коллективов сельхозпредприятий. На деле это обернулось появлением огромной группы «псевдособственников», которые, формально являясь владельцами земельных долей и имущественных паев, в действительности распоряжаться ими не могли (по причине несовершенства земельного законодательства, психологической неподготовленности и правовой безграмотности).

Состояние «псевдособственника» выступило в роли своеобразного преобразователя социальной структуры сельскохозяйственного населения. В результате прохождения через него все представители сельскохозяйственного социума по сути разделялись на два социальных класса — класс сельскохозяйственных собственников и класс наемных сельскохозяйственных работников. Данный процесс развивался постепенно, медленными темпами и не был завершен вплоть до 2010-х гг. Причина неспешности крылась в том, что значительная часть сельскохозяйственного населения надолго задерживалась в состоянии «псевдособственников». Дольше других в этом состоянии оставались представители тех социальных групп, которые впоследствии пополняли ряды класса наемных сельскохозяйственных работников. Пути быстрого выхода из него, обеспечивавшие переход в социальный класс сельскохозяйственных собственников, сводились к образованию фермерских хозяйств и участию в процессе концентрации собственности, начавшемся в ходе второй волны реорганизации. Переход из состояния «псевдособственников» в социальный класс наемных сельскохозяйственных работников происходил в случаях, когда владельцы земельных долей продавали их либо передавали в уставные фонды сельхозпредприятий.

В пореформенный период правовой статус каждой социальной группы обуславливался ее местом в отношении собственности. В результате все сельскохозяйствен-

ное население в 1990-е гг. в зависимости от правового статуса разделилось на четыре группы:

- 1) собственник;
- 2) «псевдособственник» с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности;
 - 3) «псевдособственник»;
 - 4) наемный работник (то есть «несобственник»).

Статус «собственник» принадлежал фермерам, руководителям и главным специалистам сельхозпредприятий. Данный статус при благоприятных условиях могли приобрести и те представители специалистов и руководителей среднего звена, которые были наиболее приближены к руководству сельхозпредприятия, поэтому их условно можно называть «"псевдособственниками" с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности». Поскольку для квалифицированных и неквалифицированных работников сельхозпредприятий переход в социальный класс наемных работников был практически неизбежен (это было делом времени), то их правовой статус обозначается как «псевдособственники». Наконец, статусом «наемный работник (то есть «несобственник») были наделены те работники, специалисты, руководители среднего звена сельхозпредприятий, которые перестали быть владельцами земельных долей по причине их продажи либо передачи в уставный фонд сельхозпредприятий. Иными словами, правовые статусы «собственник» и «наемный работник» соответствовали вновь формировавшимся социальным классам, а статусы «"псевдособственник" с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности» и «псевдособственник» носили временный, переходный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Балабанова Е. С. Концентрация собственности в сельском хозяйстве путь становления эффективного предприятия [Электронный ресурс] / Е. С. Балабанова, А. Б. Бедный, А. О. Грудзинский. URL: http://ecsocman.hse.ru (дата обращения: 15.09.2020).
- 2. *Кондрашова О. Н.* Движение земельных долей в сельскохозяйственных предприятиях / О. Н. Кондрашова // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. Москва, 2000. С. 84—86.
- 3. *Тимофеев Л. М.* Коррупционные схемы и перераспределение земли в сельском хозяйстве / Л. М. Тимофеев. Москва, 2002.
- 4. *Шаляпина И. П.* Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве / И. П. Шаляпина, В. Н. Карев // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. Москва, 2000. С. 42—44.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1990-Х ГГ.: НАСТРОЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ

Анализируется отношение сельских жителей к радикальной экономической реформе 1990-х гг. Сделан вывод об их общей неготовности к рыночному преобразованию колхозов и совхозов, введению частной собственности и созданию крестьянских (фермерских) хозяйств.

Ключевые слова: социологическое изучение села; рыночные реформы; реорганизация колхозно-совхозной системы; раздача земельных паев; фермеры.

Первым вестником грядущих перемен для российского села стал указ Президента РФ Б. Н. Ельцина «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря 1991 г.² Этот документ включал в себя перечень первостепенных задач реформы, к решению которых надлежало приступать незамедлительно — для всего устанавливался срок в 2 месяца (до 1 марта 1992 г.). Важнейшим событием аграрной реформы должно было стать разгосударствление сельского хозяйства и, прежде всего, земли как его основного средства производства. Параллельно с этим предстояло осуществить реорганизацию колхозов и совхозов, а также провести их приватизацию. Под приватизацией подразумевалась бесплатная передача земель и коллективного имущества хозяйств не только их настоящим, но и бывшим работникам. В это число входили и те аграрии, которые на базе полученного земельного пая и имущественной доли принимали решение организовать собственное фермерское хозяйство, или же, объединившись группой, — частное сельскохозяйственное предприятие или акционерное общество.

Рыночные реформы, о необходимости которых так много говорилось еще в годы перестройки, были начаты уже в январе 1992 г. Их исходным моментом стала политика «шоковой терапии», а также ее важнейший элемент — либерализация торговли, цен на товары и услуги. И практически мгновенно население ощутило результаты «вступления в рынок»: на прилавках магазинов вдруг возникли уже забытые советскими людьми продукты — мясо, колбасы, сыры и т. д. Но было обстоятельство, которое всех огорчало, — невероятно высокие цены. Столь «эффектное» начало рыночных преобразований сильно пугало и отрезвляло, так как люди поняли, что за обещанное изобилие придется очень дорого платить, и не только деньгами.

¹ Вербицкая Ольга Михайловна, доктор исторических наук, Институт российской истории PAH; verb-olga@yandex.ru, Россия, г. Москва.

 $^{^2}$ Аграрное законодательство Российской Федерации : сб. нормативных правовых актов и документов. М., 1999. С. 203—205.

В 1990-е гг. постоянно проводились социологические изучения села, опросы, мониторинги и т. п., которые отражали реальную обстановку буквально «по горячим следам» событий. Большое место в них уделялось исследованию настроений сельских жителей, их восприятию аграрной реформы.

Уже первые исследования отмечали претензии крестьян, что им вообще никто так и не разъяснил суть предстоящей аграрной реформы. Действительно, оказалось, что они практически были не в курсе уже начинавшихся преобразований. В 1992 г. Аграрный институт РАСХН (г. Москва) проводил социологическое исследование — весьма репрезентативное по своим характеристикам и возможностям для обобщения полученных результатов. Было опрошено около 1000 сельских жителей всех административно-экономических районов Российской Федерации. Несмотря на то, что реформа уже набирала темпы, значительная часть селян не знала многих ее конкретных моментов, а также той выгоды, которую она якобы должна им принести. Почти 85 % респондентов говорили, что им неизвестно, в какую форму собственности будет преобразован их колхоз, еще ½ — не представляли, какой земельный пай им причитается. Но при этом многие заявляли, что реформы не поддерживают, поскольку уже и сейчас видно, что они окончательно уничтожают сельское хозяйство. Общий настрой крестьян свидетельствовал, что они ожидали совсем другое — не такое форсирование событий, а спокойные и постепенные преобразования [8, с. 8, 13].

Общий недостаток информации о рыночных преобразованиях был отчасти восполнен постановлением Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г.¹ Оно внесло гораздо больше ясности, в спокойном тоне разъясняло цель реорганизации колхозов, роль в ней простых крестьян, и что немаловажно — продлевало срок, назначенный для выполнения программы реформы, до конца 1992 г. Этот документ вызвал значительно больше интереса, и сельские жители его многократно перечитывали — в мастерских, клубах, на улице. Много споров у них вызывал вопрос о предстоящей реорганизации колхозов, дележе земли, техники, машин, скота и т. п. Из-за повышенного интереса к предстоящим реформам на второй план отошли остальные хозяйственные дела, включая и обычную для этого времени года подготовку к весенне-полевым работам. В канун нового 1992 г. и в ближайшие недели основной новостью на селе продолжали оставаться предстоящие преобразования [8, с. 8, 13]. Подобная реакция людей говорила о том, что селяне, наконец, осознали не только неизбежность скорых перемен, но и то, что, судя по всему, они сильно осложнят им жизнь.

В принципе крайне жесткие сроки реорганизации и общий тон президентского указа были неоднозначно восприняты жителями российского села. Довольно точно суть настроений аграриев отразил председатель Елецкого районного совета Липецкой области С. Б. Доровский, который отметил неуместное форсирование аграрных преобразований: «Реорганизация колхозов и совхозов необходима, но не так, как это делается у нас, когда вновь устанавливаются сроки и когда обязывают. Идет повторение печально известной коллективизации» (цит. по: [7, с. 119]).

¹ Аграрное законодательство Российской Федерации : сб. нормативных правовых актов и документов. С. 290—292.

Следует отметить, что та модель аграрной реформы, которая стала осуществляться с конца 1991 — начала 1992 г., имела немало недостатков, в частности, абсолютное игнорирование традиций и особенностей крестьянского менталитета. Вместо того, чтобы уделить внимание особой значимости для большинства селян корпоративной солидарности, которую традиционно воплощала в себе крестьянская община, а потом и колхозы, аграрная реформа свой первый и самый сильный удар нанесла именно по колхозам и совхозам.

Особенно не одобряли сельхозработники действий власти по «реорганизации» коллективных хозяйств, поскольку их отношение к этому было другим. Для них колхозы и совхозы оставались теми предприятиями, которые многие десятилетия давали им работу, а в последние годы — весьма неплохую зарплату; кроме того, они осознали их большие преимущества по сравнению с частными хозяйствами. Колхозно-совхозная система имела несопоставимо больше разнообразных ресурсов и, соответственно, гарантий, прочности. Крестьяне еще не забыли, что в коллективных хозяйствах сложилась развитая материально-техническая база и социальная инфраструктура, которые существенно облегчали их труд, и т. д. [5, с. 68].

В то же время крайне жесткие меры рыночной реформы, такие, как либерализация цен, уже сразу вызвали негативные последствия — невероятный диспаритет в стоимости промышленной и аграрной продукции. Довольно скоро стало видно, что при существующей гиперинфляции в стране цены на сельхозтехнику, горючее, минеральные удобрения и др. необходимые в сельском хозяйстве ресурсы многократно обгоняли медленный рост цен на продовольствие. И это ставило аграрную отрасль в зависимое положение, позволяло быстро проводить перекачивание средств из села в пользу промышленности. Очевидный абсурд происходившей «реорганизации» коллективных хозяйств дополнялся и тем, что разрушению подверглись не только обанкротившиеся, но и вполне рентабельные хозяйства.

В конечном итоге, именно по причине недостаточного понимания сути проводившейся такими методами реформы большинство работников весьма формально выполняло то, что им было поручено. По имеющимся данным, формальную реорганизацию — лишь «для галочки» — провело почти 80 % сельхозпредприятий по стране, ухитрившись, по существу, ничего не поменять [1, с. 122]. Естественно, при таком отношении большой пользы от радикальных реформ не могло и быть. О негативных последствиях неосознанных действий рядовых работников, которые лишь выполняли поручения, ни во что не вникая, и к чему такие изменения привели, писали газеты. Заместитель главы администрации Оренбургской области А. Зиленский рассказывал: «А ничего не изменилось, кроме вывески и дополнительных финансовых издержек, связанных с переименованием хозяйств <...>. Не отработав должным образом экономический механизм влияния на вновь созданные формы собственности и хозяйственные субъекты, государство само способствовало резкому спаду производства. Рядовые акционеры, которым никто не потрудился разъяснить их новые права, даже не подозревали, что они теперь тоже хозяева, и продолжали воровать все, что плохо лежит, нередко выпивали, а загуляв, не ходили на работу, видимо, забывая, что работают-то на себя <...>. Реформируя хозяйства, мы большие надежды возлагали на коллективно-долевую собственность, ожидая на месте одного председателя колхоза, директора получить десятки собственников — владельцев земли, своей имущественной доли. Но произошел лишь формальный раздел, который не затронул сердце крестьянина. Так нужно ли было так торопить события?» 1 .

Наблюдая, как быстро реформы разрушают все то, что сельские работники создавали многие годы, как сельхозтехника и лучшие земельные участки, словно по волшебству, переходят к бывшему колхозно-совхозному «начальству», рядовые аграрии окончательно убеждались в том, что их снова обманули. Поэтому и реакция на аграрную реформу, проводимую по нечестным правилам, у них была не той, на которую рассчитывали ее организаторы. Приступая к радикальным преобразованиям, они думали, что крестьянство, когда-то насильно загнанное коллективизацией в колхозы, работавшее там подневольно и вполсилы, в новых условиях свободного рынка поведет себя иначе: тут же покинет колхозы-совхозы и заработает уже во всю мощь. Но этого не происходило.

В 1992 г. Служба изучения общественного мнения профессора Б. А. Грушина провела социологический опрос в сельских районах 17 регионов РФ. Его целью было определить отношение селян к идее частной собственности на землю, включая ее куплю-продажу. В целом идею поддержал 61 % опрошенных, против высказалось 26 %. Но при этом у колхозников расклад голосов оказался другим: за — 50 %, а против — 43 %. При этом 70 % колхозников и 50 % всех респондентов высказали убеждение, что крупное предпринимательство на селе приведет лишь к социальным потрясениям. Результаты этого исследования снова подтвердили, что большинство россиян, в том числе и селяне, были сторонниками не радикальных, а эволюционных преобразований, так как радикальные — чреваты социальными осложнениями. Почти половина всех респондентов высказалась за массовое развитие фермерства при сохранении колхозов и совхозов (46 %), а 37 % — с этим не согласились, 17 % затруднились с ответом. Характерно, что это обследование зафиксировало и наметившуюся склонность к выходу из колхозов, но, правда, только поодиночке или малыми коллективами. К тому же целью такого выхода чаще было стремление закрепить за собой какую-то ферму или телятник, либо технику и оборудование, необходимые им для производства. Но при этом везде фиксировалось и другое явление — повальное растаскивание общественного имущества, которое затем оседало в приусадебных хозяйствах сельских семей [3, с. 143, 153]².

Таким образом, социологические наблюдения, проводившиеся на селе, повсюду отмечали отсутствие у большинства жителей села стремления к фермерству, и что они не покидали в массовом порядке своих предприятий, с которыми их многое связывало. Возникал вопрос, какие же конкретные причины удерживали людей в колхозах, хотя уже давно было официально объявлено, что эти хозяйства себя изживают? Ответ на это дает природный практицизм крестьян: в действительности они были убеждены в превосходстве коллективного труда, гарантирующего заработок, на который можно прокормить семью. В колхозах у работников была и неплохая социальная защита — определенные рабочие часы, обязательный выходной, отпуск, детские сады и ясли для детей и т. д. Поэтому добровольно мало кто хотел отказываться

¹ Российская газета. 1993. 17 июня.

²Комсомольская правда. 1999. 22 окт.

от этого в пользу неизвестного будущего. Особенно такой позиции придерживались крестьяне, работавшие в еще «крепких» колхозах.

И. А. Калганов — руководитель одного из таких хозяйств (колхоз «Елизарьевский» Дивеевского района Нижегородской области) — рассказывал, что недавно у них вновь была введена натуроплата — выдают зерно, сено, другую продукцию, и все это очень укрепляет заинтересованность колхозников. Заработки — высокие и стабильные. «Но когда прошли слухи, что колхозы будут запрещены, мы тоже хотели создать акционерное общество закрытого типа. Хорошо, что вовремя опомнились — зачем искать добра от добра. Правда, колхоз мы все-таки расформировали, внесли существенные изменения в устав, и теперь вся земля и имущество поделены на паи, но при этом все 297 членов бывшего колхоза так и остаются в хозяйстве <...>. И если в других местах шумят, митингуют, меняют руководство в колхозах, то в "Елизарьевском" этого нет, люди нормально работают. По желанию колхозникам прирезают землю, помогают скотом, кормами. Вот и держатся люди за привычный уклад, не торопятся его ломать — да и был бы смысл это делать» [4, с. 181—182].

Выходило так, что все материальные и социальные блага, которые селяне имели в колхозно-совхозном производстве, реформаторы предлагали бросить и перейти «на вольные хлеба». Но люди уже убедились, что все, кто занимался этим делом, вынуждены очень тяжело физически трудиться, причем даже лошадь в хозяйстве стала уже редкостью, а механизированных орудий было крайне мало. И работа у них — от зари до зари, без выходных и праздников. Единственное преимущество — свободный труд на себя, на свое хозяйство. Известный на всю страну бригадир хозяйства «Кубань» (Усть-Лабинский район Краснодарского края) М. И. Клепиков рассказывал: «Ко мне часто приезжают фермеры <...>, делятся со мной, и многие сожалеют, что подались в фермеры. Радости мало, а работы много. Даже поболеть не могут, кто их тогда подменит?» [4, с. 86].

Как важную характеристику общей обстановки в селах вследствие реформ можно оценивать и сложившееся отношение жителей к фермерам. Следует сразу отметить, что общественное мнение села на этот счет было далеко не благожелательным. Тех сельских работников, которые рискнули создать свои фермерские хозяйства, называли частниками, хапугами, эксплуататорами и т. п. Но даже среди самих фермеров находилось немало тех, кто, намучавшись с бесконечным преодолением преград и помех в своем трудном деле, испытывал сильнейшее разочарование в рыночных реформах. Многие селяне отказывались не только от организации фермерского хозяйства, но в большей мере — не желали переезжать «на хутора», т. е. поближе к полученной земле. Они часто боялись стать объектом мести-зависти своих соседей. Исследователи отмечали, что в ряде регионов страны проходила настоящая «война» крестьян с фермерами, которым многие завидовали: ведь фермерам предоставлялись выгодные кредиты, их везде поощряли и нахваливали, в то время как остальных селян обвиняли в консерватизме и несознательности. Даже по оценке правоохранительных органов, подобная неприязнь крестьян к фермерам временами приобретала угрожающие формы: частников поджигали, взрывали, избивали и даже убивали [3, c. 151]¹.

¹ Московская правда. 1993. 16 янв.

Сельское сообщество, болезненно переживая последствия происходившего сокрушительного падения уровня жизни, видело, что все обещания реформаторов ни на чем не основывались, поэтому между ними и реально полученными итогами — огромная разница. Легко было разрушать — ведь уже в начале преобразований множество сельхозпредприятий было насильственно распущено, обанкротилось или разорилось и т. д. То же самое происходило и в учреждениях сельской социальной сферы (школы, детские дошкольные заведения, почта, медицинские, торговые, культурные, коммунально-бытовые и проч.), деятельность которых была свернута еще быстрее. А причина везде одна и та же — государство фактически прекратило финансирование, а других источников для этого не появлялось.

Рыночные преобразования привели к тому, что в целом по России свои рабочие места еще в 1992 г. потеряло свыше миллиона работников села. И это окончательно убедило жителей: раз эта реформа не щадит колхозы, лишает людей работы, то вряд ли она будет способна и в будущем принести что-то хорошее. И что же тогда будет с простыми людьми, «если колхозам и совхозам наступит конец, как они будут жить? Кто будет возить их детей из деревни в школу и обратно, кто доставит по распутице хлеб из магазина и почту, кто вспашет старикам огород, накосит сена, привезет дрова? Ведь все транспортные услуги нынешним и бывшим колхозникам предоставлял колхоз. Смогут ли его заменить фермеры? <...> Кто будет ремонтировать колхозную водонапорную башню, которая время от времени выходит из строя?». Все-таки колхоз действительно выступал гарантом существования села¹.

Многие пожилые колхозники, отдавшие развитию коллективного хозяйства все силы и здоровье, особенно яростно критиковали реформы. Тем более что в их домах теперь зачастую стоял лютый холод, не поступала вода, а котельная, клуб, детсад после распада колхоза превратились в полностью никчемные объекты. С 1993 г. местные органы власти, на чей баланс были переведены учреждения сельской социальной сферы, были лишены средств для их содержания. Ничем не могли помочь и фермеры, тоже придавленные экономическими трудностями и налогами. Значительная часть аграриев, оказавшихся на грани нищеты, переживала, что, скорее всего, из-за рыночных преобразований они могут все потерять. Люди пугались будущего, не знали, как дальше жить. Не случайно на селе в тот период значительно участились случаи девиантного поведения; фиксировалось множество стрессовых расстройств, вплоть до самоубийств [4, с. 77—78; 9, с. 165].

Менялся и сельский социум. Если в самом начале 1990-х гг. главным событием в нем было размежевание по принципу отношения отдельных групп к рыночным новшествам, то постепенно в «тектоническом разломе» обнаружилась еще одна линия — социальная дифференциация. Наблюдая происходившие радикальные преобразования, селяне с болью осознавали, что вокруг рушилось все, чего они с таким трудом добились от советской власти, особенно в социальной области. В то же время новая «сельская элита» — топ-менеджеры сельхозпредприятий нового типа, инженеры и специалисты — ловко прибрали лучшие земельные наделы, самые исправные машины из тракторного парка колхозов и т. д. В итоге рядовые дольщики снова были

¹Завтра. 1996. № 11; ГАРФ. Ф. 10 100. Оп. 16. Д. 443. Л. 59.

обмануты — от приватизации им достался в основном лишь «неликвид»; кроме того, их опять не допускали к руководству и распределению доходов.

В конце 1990-х гг. экономисты ВНИИЭСХ (Минсельхозпрод РФ) впервые провели мониторинг сельской социально-трудовой сферы, который позже стал ежегодным. Материалы уже первых исследований убеждали, что за прошедшие 10 лет отношение селян к аграрной реформе изменилось мало — по-прежнему доминировала негативная оценка. Итоги исследований по всем основным регионам РФ подтверждали общее неверие жителей села в благоприятные перспективы рыночных отношений. О своей поддержке немедленного перехода аграрной экономики на рыночные отношения и перевода земли и других средств производства на частную форму собственности заявляло всего 3 % сельских респондентов. Основная же часть опрошенных (59 %) связывала перестройку в аграрной экономике вообще не с частной собственностью и приватизацией, а с другими факторами: неукоснительным соблюдением законов, наведением порядка, контроля, твердой дисциплины и т. д. Еще 38 % сельских респондентов высказались за переход к рынку, но при условии, что это будет постепенный переход [10, с. 59].

Более того, газета «Российский фермер» попыталась разобраться, почему сельские жители так категорически отказывались от фермерства. В результате был сделан вывод, что «уже одно навязывание государственной властью того, чего у нее не просят, вызывало у людей к данному занятию настороженное отношение». Такой вывод подтверждали и социологические опросы: например, исследование в Курской области, касавшееся причин недоверия селян к аграрной реформе, показало: половина опрошенных считала, что введение частной собственности на землю отвечает лишь интересам городских коммерсантов, а не тружеников села. Еще 20,9 % селян говорило, что это было выгодно еще и сельскому начальству. Следовательно, как минимум 70 % сельских респондентов было уверено, что фермерством заниматься не следует, и почти все они были принципиально против частной собственности на землю. Тем более перед глазами у них была вся нелегкая доля фермеров, к тому же и государство постепенно отнимало у них часть льгот. Так, в 1992 г. фермеров обязали выплачивать натуральный налог, хотя по закону о фермерских хозяйствах (1990 г.) они были от этого освобождены сроком на 5 лет; кроме того, в 1996 г. у фермеров отняли и права юридических лиц и т. д. Значительная часть фермеров порвала с этим многотрудным и ненадежным занятием, предпочла оформиться уже как владельцы подсобных хозяйств. Так что желающих заниматься фермерством на селе становилось все меньше. Это отмечал в 1994 г. и академик РАН А. А. Никонов: «По данным нашего Института (ВИАПИ), еще совсем недавно каждый 10-й сельский житель хотел стать фермером. Теперь на это может отважиться только 1 из 75»¹.

Но ближе к концу 1990-х гг., несмотря на множество негативных результатов аграрной реформы, на длительное время поставившей все российское село в режим физического выживания, исследователи стали отмечать и появление новых тенденций. Выяснилось, что курс реформ при их соответствующей корректировке все же приобрел определенный социальный резерв, т. е. поддержку в сельском социуме. Безусловно, традиционные крестьянские ценности не теряли своего значения, но при

¹Труд. 1994. 22 июня.

этом рыночной реформе как-то удалось вывести на передний план такие человеческие качества, как предприимчивость и чувство нового, которые как раз и послужили ей своеобразной опорой, найдя определенный отклик у аграриев. В итоге социологические опросы фиксировали, что, по крайней мере, опрошенные по данному поводу сельские жители дали практически один и тот же ответ, хоть и выраженный по-разному — «надо заниматься своим делом», «лишь бы не лениться», «нам не до политики, нам работать надо!» [6, с. 171].

Однако это еще не позволяет утверждать, что жители российского села в начале XXI в. уже положительно оценивали аграрные преобразования. Наоборот, данный опрос, как и многие другие, постоянно проводившиеся в сельской местности в 1990-х гг., подтверждал, что большинство крестьян по-прежнему не верило в успех рыночных реформ в сельском хозяйстве. Они все равно были убеждены, что ничего хорошего от них уже не будет. Даже в самом начале, когда еще не проявились главные отрицательные результаты рыночных аграрных преобразований, — в их успех уже и тогда верили очень немногие. Согласно опросам Аграрного института РАСХН (в Орловской, Ростовской, Саратовской и Новосибирской областях), доля тех, кто еще надеялся получить от них хоть что-то хорошее, быстро снижалась. Так, в 1992 г. среди опрошенных тех, кто поддерживал, например, куплю-продажу земли, было 42 %, а в 1993 г. — уже 31 %. Полностью в успех аграрной реформы тогда верило лишь 7 и 5 % соответственно. Иными словами, всего через год после начала рыночных преобразований доля их сторонников на селе уже снизилась. Одновременно другие, «полезные» для села мероприятия некоторые селяне поддерживали: в 1992 г. 20 % из них и 13 % в 1993 г. в целом положительно относились к открытию на селе различных частных предприятий [2, с. 67].

В связи с этим специалисты Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, организовавшие в 1999 г. всероссийский мониторинг социально-трудовой сферы села, задали сельским респондентам прямой вопрос: «Как вы считаете, а надо ли было вообще начинать реформы?». Полученные ответы распределились следующим образом: «не стоило» — ответила 1/3 опрошенных; 28 % — «было целесообразно»; неожиданно высокой (около 30 %) стала доля затруднившихся с ответом. Весьма характерно, что сельская молодежь в возрасте до 30 лет при этом дала четкий и однозначный ответ: «не нужны» (46 %). Но среди молодых людей нашлось и много тех, кто положительно ответил о необходимости и целесообразности реформ (23 %). В распределении по квалификационно-должностным характеристикам наиболее последовательными критиками проводимых реформ оказались неквалифицированные рабочие: среди них отрицательно ответивших оказалось почти вдвое больше, чем тех, кто дал утвердительный ответ — 39 и 23 % соответственно. Предсказуемо, что среди фермеров нашлось больше всего сторонников реформ, и на вопрос, «надо ли было начинать реформы, 59 % из опрошенных фермеров дали утвердительный ответ, и только 14 % — отрицательный¹.

При столь негативном восприятии сельскими жителями рыночных аграрных преобразований стоит ли удивляться, что реформы постоянно сталкивались с инертно-

¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 1999 г. М., 2000. С. 144.

стью и недоброжелательностью с их стороны. Предложенные радикальными преобразованиями новые «рыночные ценности», особенно способ их достижения, сильно контрастировали с той жизнью, которую хотело для себя большинство сельских жителей, и к которой они уже успели привыкнуть в «сытые» 1970—1980-е гг., когда у СССР имелось вполне достаточно средств, в том числе и для капиталовложений в сельское хозяйство. Благодаря этому аграрный сектор весьма существенно дотировался государством, что позволяло его работникам иметь уже вполне достойную зарплату, сопоставимую с ее уровнем у городских рабочих. Но при этом принципиальное значение имело то, что эти деньги аграрии получали от государства, в то время как колхозно-совхозная система продолжала работать нерентабельно.

Кроме того, в середине 1980-х гг. СССР поразил экономический кризис, во многом обусловленный резким падением мировых цен на нефть. Поступление «нефтедолларов» в государственный бюджет катастрофически уменьшилось, и прежних денег у государства уже не было, в том числе и для щедрых «вливаний» в сельское хозяйство. Условия в стране резко ухудшились, и в этом плане осуществление аграрной реформы в 1990-е гг. следует оценивать как в целом неудачную попытку государства по превращению сельского хозяйства в эффективную отрасль, работающую по рыночным законам.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Аграрная экономика и политика: история и современность. Москва, 1996.
- 2. Бондаренко Л. В. Развитие социальных процессов на селе / Л. В. Бондаренко. Москва, 1995.
- 3. *Васильев Ю. А.* Куда движется Россия. Условия жизни сельского социума: что привьется на сельской почве? / Ю. А. Васильев. Москва, 1993.
- 4. *Зырянов А.* Ф. Фермерство: история, противоречия, актуальные проблемы становления / А. Ф. Зырянов. Краснодар, 1994.
- 5. *Ильин И. Е.* Аграрная реформа в России на рубеже XX/XXI вв. / И. Е. Ильин. Чебоксары, 2005.
- 6. *Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства / И. Е. Кознова. Москва, 2000.
- 7. *Логунова И. В.* Деревня Центрального Черноземья в условиях аграрного реформирования 90-х гг. XX столетия / И. В. Логунова. Липецк, 2011.
- 8. *Милосердов В*. Проблемы аграрной политики / В. Милосердов // АПК: экономика, управление. 1992. № 7. С. 15—21.
 - 9. Реформирование России: Мифы и реальность (1989—1994 гг.). Москва, 1994.
- 10. *Трофимов А*. Трудовое поведение работников / А. Трофимов // АПК: экономика, управление. 1993. \mathbb{N}° 3. С. 55—60.

SUMMARY

Gryaznov A. L.

"PRINCE, YOU HAVE A MONASTERY UNDER YOUR HAND". MONASTERIES ON BELOOZERO AND VOLOGDA IN THE XIV—XVI CENTURIES PATRONIZED BY PRINCES

The article examines the tradition of building and patronizing monasteries by various representatives of the Rurik dynasty on the example of the Vologda-Belozersky region during the XIV—XVI centuries.

Key words: monasteries; agiography; the Principality; inheritance; patrimony.

Shveikovskaya E. N.

THE ROLE OF SERVITUDES IN LANDHOLDING AND LAND USE IN RUSSIA IN THE XVI AND XVII CENTURIES

The article addresses the problem of servitudes in the agricultural system of Russia of the XVI—XVII centuries, which is practically unknown in historiography. Its purpose is to attract the attention of scientists working on the problems of different periods of Russian history to the study of various aspects of the operation and regulation of servitudes, and their links with the functioning of land ownership.

Key words: agricultural development; rural settlement; land ownership; land use; servitudes.

Gnevashev D. E.

ARRANGEMENT OF STAGE STATIONS IN THE VOLOGDA DISTRICT IN THE MIDDLE OF THE XVI — EARLY XVII CENTURY

The article analyzes the history of arrangement of stage stations in the Vologda district in the context of the history of Russia in the mid of XVI — early XVII centuries

Key words: *Vologda district, stage station, stagecoach drivers, landownership.*

Ivanov V. I.

LAND OWNERSHIP AND PEASANTRY OF VOLOGDA PRILUTSKY MONASTERY OF OUR SAVIOUR IN THE XVI — FIRST THIRD OF XVII CENTURIES

The article discusses the composition of the monastic land ownership and peasantry in the XVI — XVII centuries of the largest Vologda Prilutsk Monastery of Our Saviour. Speacial attention is paid to the study of the lessees who made up the largest part of monastic population. **Key words:** peasantry; lessees; land ownership; monasteries; Vologda uezd.

Cherkasova M. S.

NORTH-RUSSIAN PEASANT "CONTRACTS" ("PORIADNYE") OF THE XVII — EARLY XVIII CENTURIES: SOCIAL AND LEGAL ASPECTS

The article examines the "poriadnye" from the archives of the city churches of the Great Ustyug XVII — the beginning of the XVIII cent. The study was conducted on a broad comparative-

historical background with the already well-known "poriadnye" of the XVI—XVII centuries from the monastic archives of the Russian North and with the involvement of legislation of the late XIV—XVII centuries. The peculiarities of the social composition of peasantry and rental relations in the church-monastic estates of the Ustyug-Solvychegodsk region are shown.

Key words: peasantry; "polovniki"; "poriady"; peasant mobility; tributary labour obligations.

Timoshenkova Z. A.

AREAS OF INTERACTION BETWEEN COMMUNITY STRUCTURES AND MONASTIC ADMINISTRATION IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN THE SECOND HALF XVII — EARLY XVIII CENTURIES

The article is devoted to the interaction of lay self-government and monastic administration in determining the forms and scope of peasant duties and the degree of implementation of contracts in practice. The documents allow us to trace the policy of the administration in the formation of the dependent population of the patrimony and its social structures, the impact on the character of communities, their structure, the peasants 'ideas about justice, ways to achieve their goals

Key words: community, secular self-government, collective petitions, suim.

Smirnov Y. N.

THE SOLUTION OF THE QUESTION OF THE LANDS OF THE BASHKIRS IN THE STEPPE TRANS-VOLGA REGION IN THE XIX CENTURY

The article is devoted to the participation of the Bashkirs in the development of the Steppe Trans-Volga region, the most western location of the compact settlement of the Bashkirs. The question of the status and ownership of these lands was resolved in various ways and at different levels of government during the first half and middle of the XIX century.

Key words: history of Russia in the late XVIII—XIX centuries, Samara-Saratov Volga region, local history, ethnic history, colonization, land disputes.

Artamonova L. M.

DISTRIBUTION OF THE LANDS OF THE STAVROPOL KALMYK REGIMENT TO PEASANTS AND OTHER MIGRANTS IN THE MID OF XIX CENTURY

The article shows the process of transferring the lands of the baptized nomadic Kalmyks to state peasants, German colonists and other categories of migrants during the agricultural development of the Samara Trans-Volga region.

Key words: Russia in the XVIII century, Middle Volga region, colonization, agrarian relations, ethnic history.

Karpachev M. D.

THE SOCIAL LIFE OF THE RUSSIAN VILLAGE AND THE PROBLEM OF FOOD SECURITY AT THE SECOND PART OF THE XIX AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article analyses the role of the Russian peasant commune at the times of bad harvests after the Great reform of 1861. The campaigns of food assistance convinced that only social

and economic independence of peasantry could help to solve the problem of food security of the Russian village. But at the same time the further liberalization of peasant life became to be dangerous for the political stabil-ity of the Russian Empire.

Key words: peasantry, commune, food security, the social life of the Russian peasantry, the Russian Empire, political stability.

Smurova O. V.

THE CONTRIBUTION OF SEASONAL MIGRANTS IN ST PETERSBURG TO THE DEVELOPMENT OF THE RURAL INFRASTRUCTURE IN THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY (MICRO HISTORICAL APPROACH)

The article discusses the role played by the seasonal workers in St. Petersburg, in the development of rural infrastructure after 1861 reform.

Key words: Seasonal work; St. Petersburg; Kostroma province; village infrastructure.

Aleksandrov N. M.

PEASANT SEASONAL WORKS AND RURAL SOCIETY AFTER THE ABOLITION OF SERFDOM

The work examines the influence of peasants' seasonal works both on individual members of rural society and on its institutions: family, local government, etc. The features of the social development of areas with high labor migration of the male population and the position of women in them are shown. **Key words:** peasantry; seasonal works; position of a woman; post-reform village.

Nikolaev G. A.

LABOR MIGRATION OF THE CENTRAL VOLGA PEASANTRY IN THE SECOND HALF OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY: SOCIO-CULTURAL ASPECT

The article considers the labor migration of the multinational peasantry of the Middle Volga region in the second half of the XIX — beginning XX century. The influence of seasonal work on the economy of the village, its way of life, mores and spiritual landmarks is traced.

Key words: *Middle Volga region; seasonal work; peasantry; novations; youth.*

Nikulin V. N.

LAND TENURE OF NOVGOROD'S LANDOWNING NOBLES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article considers the position of landowners in the Novgorod province after the abolition of serfdom and outlines the difficulties encountered by estate owners during the development of capitalist relations. It concludes that in the post-reform decades, most estates used both corvée and capitalist systems. The paper also indicates the changes in the system of land use, a significant increase in the employment of hired labour during agricultural production, and widespread use of agricultural instruments and machinery in large landowners' farms. It shows the strengthening of relations between nobles' estates and the market, as well as their place in the agricultural sector of the Russian Empire's economy.

Key words: North-west, Novgorod province, landowners, estate, agriculture, land tenure, land use.

Barinova E. P.

THE PROJECTS OF "DEVELOPING PRIVATE LAND OWNERSHIP" IN SIBERIA

The article analyzes the government projects for the development of private noble landowning in Siberia in the XIX — early of the XX century, focusing on the history of the adoption of the law on June 8, 1901, which suggested, in order to increase the agrarian culture of the population, the resettlement of landowners for the Urals. It is noted that, despite the mobilization of noble land ownership and the economic problems of the local nobility, government authorities, noble assemblies and the nobility in general were reluctant to apply this law in practice.

Key words: noble land ownership, Siberia, government, legislation, reforms.

Bespalov S. V.

SOCIAL CRISIS OF THE RUSSIAN COUNTRYSIDE AT THE TURN OF THE XIX—XX CENTURIES IN THE PERCEPTION OF REPRESENTATIVES OF THE NOBILITY

The social crisis of the Russian countryside of the late XIX — early XX centuries had several dimensions: the crisis of "peasant law" and the system of customary regulation; the deepening of contradictions within the peasant world; a worsening of relations between peasants and private landowners; the ineffectiveness of government and self-government in the Russian village; the growing alienation between the peasant masses and the power structures, etc.

Key words: social crisis; late XIX — early XX century; reforms; nobility; peasantry.

Safonov D. A.

THE AGRARIAN REVOLUTION: THE RUSSIAN VERSION

The author draws attention to the lack of similarity between the content of the concept of "agrarian revolution", accepted in world practice and in domestic historiography. The opinion is expressed that in Russian historiography in the Soviet era, the interpretation of the concept was based on a formational approach, at present it is most of all a tribute to tradition.

Key words: agrarian revolution, communal revolution, peasant revolution.

Sablin V. A.

THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE AGRARIAN REVOLUTION OF 1917—1921

The development of modernization processes in the agrarian sphere of the European North of Russia at the beginning of the XX century ran into direct opposition from the peasant "world", which had its own vision of ways of just resolving the agrarian question, which was basically reduced to the elimination of land ownership and equalizing conditions for agricultural production. The agrarian revolution of 1917—1921 led to the triumph of the archaic and the victory of the agrarian system based on small-scale parcel production.

Key words: agrarian revolution; peasant yard; redistribution of land; land relations; land management.

Semerikova O. M.

THE FATE OF PEASANT WOMEN IN THE URAL AGRICULTURAL COMMUNES (1918—1924)

The article discusses the main motives for the presence of women in the agricultural communes in 1918—1924. The categories of women-communes and their different life paths

within the collective are discussed. It was found that during the study period, the economic reasons for their membership prevailed; the further presence of women in the commune depended not only on external factors, but also on their subjective independent decisions.

Key words: agricultural commune, peasant woman in the 1920s, early Soviet society.

Naukhatskiy V. V.

EVOLUTION OF SOCIAL STRUCTURES OF THE RURAL AREAS DURING THE NEP PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM THE NORTH CAUCASUS TERRITORY)

The state and dynamics of social structures of the rural population of the North Caucasus region in the 1920s are analyzed. The influence of ideologically motivated agrarian reforms in the sphere of social relations in rural areas of the region is stressed.

Key words: Agriculture; social structure; North Caucasian Territory; the peasantry; the cossacks.

Berlov A. V.

SCIENTISTS OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN EUROPE IN THE 1920S ON THE ECONOMIC ASPECTS OF THE BEHAVIOR OF THE PEASANTRY

Based on the data of the zemstvo statistics, the work analyzes the economic behavior of the peasantry, which allowed the scientists of the Russian emigration in Europe in the 1920s to rethink the reasons for the stability of the agrarian structure in the countryside.

Key words: scientists-emigrants, land, agricultural cooperation, peasants, agriculture.

Sukhova O. A.

THE RESULTS OF THE COMMUNAL REVOLUTION AND THE PROSPECTS FOR AGRARIAN MODERNIZATION IN THE USSR AT THE END OF THE 1920S: THE THERMIDOR STAGE OR THE REBRANDING OF MOBILIZATION PROJECTS?

Analyzing the general trends in the socio-cultural development of the Soviet countryside at the end of the 1920s, the author comes to the conclusion that the positions of traditional culture have been strengthened and a narrow layer of supporters of modernization has been formed. At the same time, the course of collectivization was implemented without taking into account social aspirations, which led to a total destruction of both defenders of Russian community and carriers of market consciousness.

Key words: Soviet peasantry, social history, social consequences of collectivization.

Kondrashin V. V.

PEASANT COMMUNITY AND FORCED COLLECTIVIZATION: TO THE QUESTION OF THE REASONS FOR THE SUCCESS IN THE SOVIET VILLAGE OF THE STALINIST "REVOLUTION FROM ABOVE"

The article describes the position of the peasant community during the NEP period, on the eve of complete collectivization, and its relationship with the Soviet regime. The thesis of the liquidation of the community as an institution for the protection of common peasant interests as a result of collectivization is grounded.

Key words: soviet village; peasant community; village councils; NEP; forced collectivization.

Mozokhin O. B.

ON THE QUESTION OF THE "LABOR PEASANT PARTY"

The article examines the repressive policy of the communist party and the OGPU of the USSR on the example of the so-called "Labor peasant party". At present, it is quite obvious that the security authorities, with the help of the persons under investigation themselves, falsified this organization.

Key words: Labour Peasant party, agriculture, repressions.

Laperdin V. B.

REGIONAL AUTHORITIES OF WEST SIBERIAN TERRITORY IN THE GRAIN PROCUREMENT CAMPAIGNS OF 1930S

The author analyses the relationship between regional authorities and political leaders of West Siberian Territory during the grain procurement campaigns. Regional authorities had a certain impact on the progress of procurement, and also influenced on negotiations of West Siberian authorities with the Center.

Key words: grain procurement; agrarian policy of the state; rural; Siberia.

Logunova I. V.

"PSEUDO-OWNERS" AS A PHENOMENON OF AGRARIAN REFORM IN THE 1990S

The article considers the process of restructuring the agricultural society in the course of the agrarian reform of the 1990s. The concept of "pseudo-owners" is introduced into scientific circulation, meaning the temporary state of agricultural workers, characterized by their formal rights to land shares and property shares and which impacted the changes of the social structure of the agricultural population.

Key words: agrarian reform of the 1990s, agricultural society, property relations, "pseudo-owners", Central Chernozem region.

Verbitskaya O. M.

AGRARIAN REFORMS OF THE 1990S IN THE OPINIONS OF THE RURAL SOCIETY

The article discusses the attitude of rural residents to the radical economic reform of the 1990s. The author suggests that they were generally unready for the market transformation of the collective and state farms, the introduction of private property and creation of peasant farms.

Key words: sociological study of rural areas; assessments and opinions of farmers; market reforms; reorganization of the collective-farm system; privatization, distribution of land shares; farmers.

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 2019 год

Проблемы аграрного развития России XIV—XX вв.

Подписано в печать 28.12.2020. Формат $70\times100/16$. Усл. печ. л. 20,48. Тираж 100 экз. 3аказ 286.

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308 Тел. +7 (473) 200-81-02, 200-81-04 http://www.n-kniga.ru. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга». 394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5 Тел. +7 (473) 220-57-15 http://www.n-kniga.ru. E-mail: typ@n-kniga.ru